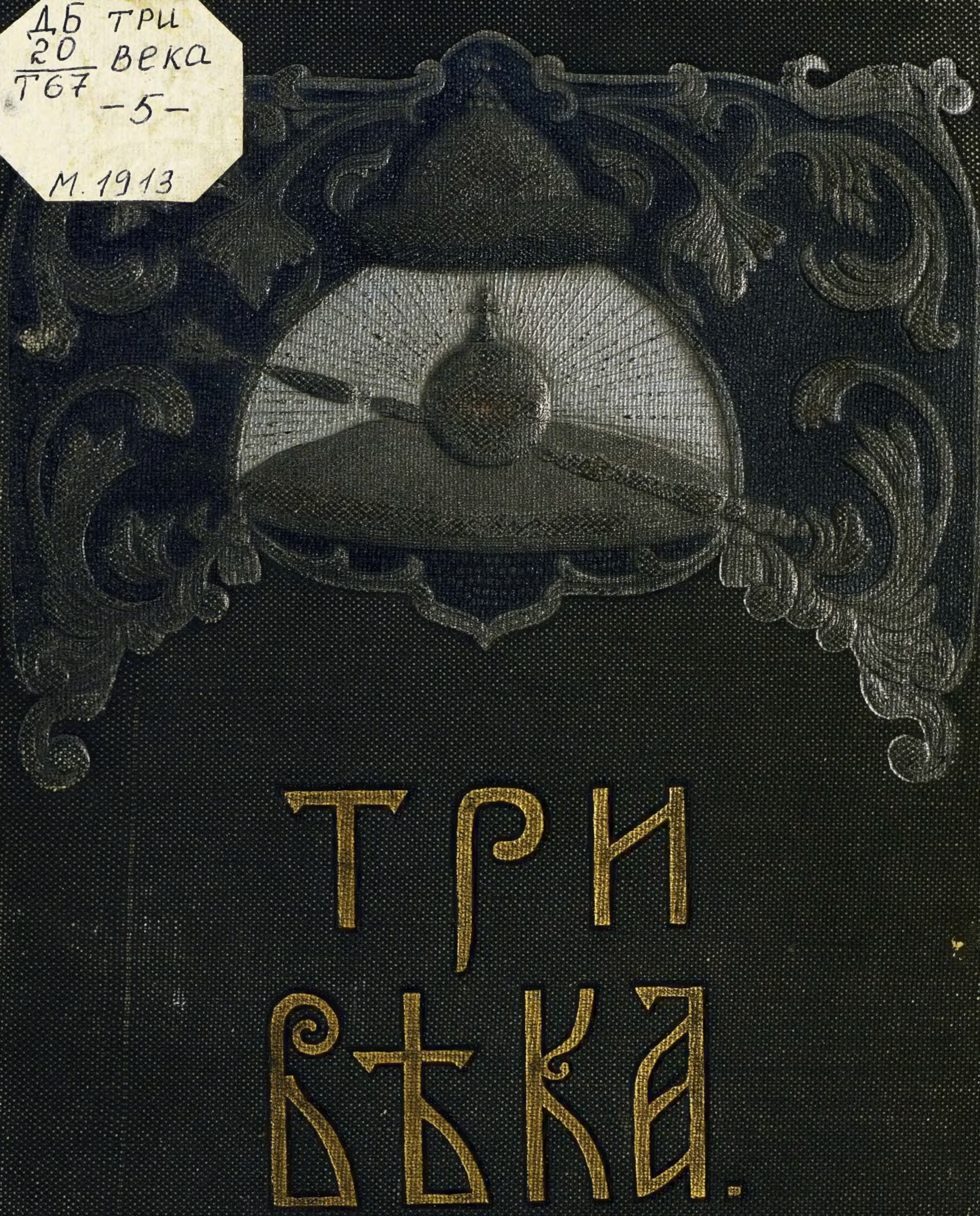
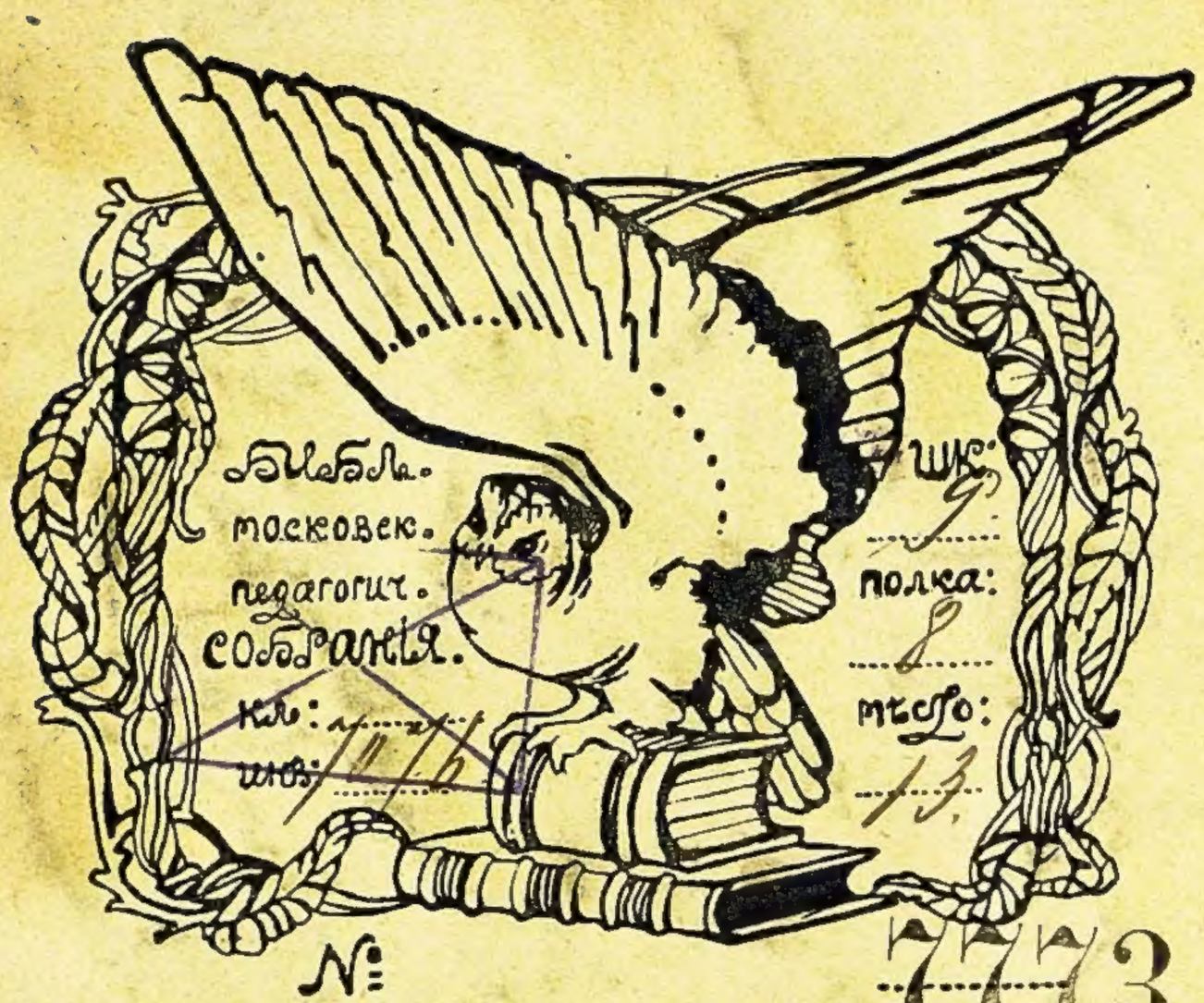
ДБ ТРИ
20 ВЕКА
Т67
-5-
М. 1913



ТРИ ВЕКА.


Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
№: 11/b
Шк: 9
полка: 8
мѣсто: 13
№: 7773

4°

ДБ
20
Т67

9(47)(082) т

ТРИ ВѢКА

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. В. КАЛЛАША

ТОМЪ V.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

3 Р
1267

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

617712 V

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

проф. Д. И. Багалѣй, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Θ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, проф. И. Х. Озеровъ, В. И. Пичета, проф. С. Θ. Платоновъ, пр.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.

Государственная публичная
Б...ТЕКА
Истор...

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1913.

XIX ВѢКЪ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

Емельянъ Пугачевъ.

Пугачевщина.

Время, предшествующее появленію Пугачева, было одною изъ тѣхъ эпохъ, когда опредѣленные слои населенія, отчаявшись освободиться отъ непосильныхъ тяжестей жизни путемъ нормальнаго ихъ устраненія, начинаютъ отдыхать отъ впечатлѣній дѣйствительности въ мірѣ мечты и грезъ о лучшемъ порядкѣ. Эта пора массовыхъ ожиданій лучшаго новаго, въ формѣ ли введенія новыхъ порядковъ или — что чаще всего бываетъ — въ формѣ возвращенія къ хорошей „старинѣ — пошлинѣ“, представляется наиболѣе благопріятнымъ временемъ для появленія пророковъ, мессій, реформаторовъ, героевъ и самозванцевъ, въ зависимости отъ того, кто и во имя чего подниметъ знамя массовыхъ ожиданій и какимъ путемъ поведетъ осуществленіе ихъ въ жизнь. Общее правовое состояніе народа во времена Екатерины хорошо характеризуется одной современной ей запиской: „Управляющія народомъ власти, желая себя обогатить, не токмо общественную сумму расхищали, но и вновь, подъ видомъ народныхъ общихъ нуждъ, неумѣренные и необыкновенные на народъ поборы налагали. Лихоимство же и бѣднымъ притѣсненіе — тѣхъ властей было обыкновенное упражненіе для того, что ихъ власть,

не имѣя никакихъ законовъ, такъ безызвѣстна, что не токмо народъ, но и самъ начальникъ границъ ея не знаетъ". Это одинаково было приложимо какъ къ власти гражданской, такъ и къ господству дворянъ надъ крѣпостными, хозяевъ надъ рабочими.

И вотъ изъ разныхъ угловъ Россіи доносятся до насъ характерныя рѣчи: „Мы теперь въ конецъ разорены, а не узнаешь еще, что впредь будетъ", говорили Яицкіе казаки, недовольные исходомъ тяжбы со своею „старшиной": „сколько ни проси,—видно, что всегда мы будемъ виноваты, а не старшины". Немудрено, что слухъ о появленіи „настоящаго пастыря" заполнилъ души ихъ надеждами: „Мы все о томъ думали и ожидали... Гдѣ не сойдемся, все говорили: а вотъ будетъ государь, и какъ придетъ, готовились его принять". — „Нынѣ женскій полъ государствуетъ, — говорили башкирцы въ отдаленномъ уголкѣ Уфимской губерніи, — и потому надо имѣть терпѣніе. Слухъ такой носится, что на государственный престолъ мужескій полъ возведенъ будетъ, и въ то время какой ни есть милости просить постараемся".

И. И. Михельсонъ.

„Въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ", бѣглый солдатъ Чернышевъ слышалъ, что „настоящій" государь живъ и „объявится міру". Идея „настоящаго государя" въ противовѣсъ всѣмъ этимъ государямъ „женскаго пола", изъ нѣмцевъ или „обасурманившихся" (съ народной точки зрѣнія), не переставала жить въ нѣдрахъ русскаго народа, начиная отъ „обасурманившагося" въ народныхъ глазахъ Петра I, до Екатерины II. Спросъ вызывалъ и предложенія, впрочемъ, неудовлетворительныя. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1738 г. „объявился" въ Малороссіи „царь Алексѣй Петровичъ", передъ которымъ не только священникъ открылъ храмъ и далъ въ его руки крестъ и евангеліе для всенароднаго рукоцѣлованія, но пали къ его ногамъ и солдаты: „Вставайте,— сказалъ имъ Лже-Алексѣй,— я вашу нужду знаю,— будетъ скоро радость: съ турками заключу миръ вѣчный, а всѣ полки и казаковъ пошлю въ Польшу и велю всѣ земли огнемъ жечь и мечомъ рубить". Движеніе было подавлено въ предѣлахъ прихода, и его участники были жестоко наказаны.

И при Елизаветѣ появился было за предѣлами Россіи (въ Турціи) претендентъ на ея престолъ, „двоюродный братъ" ея „Ѳедоръ Ивановичъ", „спасенный" сынъ царя Ивана Алексѣевича. Но особенно много появилось самозванцевъ при Екатеринѣ II — бѣглые солдаты Кремневъ и Чернышевъ, армянинъ Асланбековъ и бѣглый крестьянинъ Богомоловъ. Это были „пред-

течи“ Пугачева какъ въ томъ отношеніи, что дали молвѣ живой сюжетъ для разсказа объ „объявившемся изъ неизвѣстности“ настоящемъ царѣ, такъ и потому, что они приняли имя Петра III, ставшаго чрезвычайно популярной маской для самозванцевъ. „Персонально“ невѣдомый народу, Петръ III въ теченіе шестимѣсячнаго царствованія издалъ нѣсколько указовъ, которые чувствительно коснулись наболѣвшихъ мѣстъ народной жизни и сдѣлали тѣмъ болѣе популярнымъ имя этого государя, фактически неповиннаго въ духѣ этихъ законовъ, что указы эти не оправдали въ послѣдующее время возложенныхъ на нихъ надеждъ, какъ не были бы они дѣйствительными и при самомъ Петрѣ III, если бы онъ царствовалъ дальше: но тѣмъ невыгоднѣе было Екатеринѣ расплачиваться по несостоятельнымъ векселямъ ея мужа. Мы не говоримъ объ отмѣнѣ „слова и дѣла“, похитившей у Екатерины инициативу человѣчныхъ началъ ея Наказа въ соотвѣтственныхъ главахъ. Для демократической карьеры Петра, какъ „настоящаго пастыря“, важенъ былъ прежде всего указъ о вольности дворянъ: имъ косвенно освобождались и крестьяне, такъ какъ во мнѣніи народа „помѣщики были не вѣковѣчные владѣльцы крестьянамъ“, а владѣли ими временно, въ качествѣ награды за военную службу: освобожденіе отъ службы погашало и право владѣнія крестьянами. Указы Петра III объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ и о запрещеніи купечеству покупать крѣпостныхъ на фабрики и заводы были въ глазахъ крѣпостныхъ, чуткихъ ко всему, что касается облегченія ихъ положенія, достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу противокрѣпостническихъ стремленій Петра III. Темная сторона „ропшинской драмы“ съ ея неясными слухами, странный манифестъ о смерти Петра, явно-дворянскія начала царствованія Екатерины II, раздавшей своимъ споспѣшникамъ около 70 тыс. крестьянъ въ теченіе 10 лѣтъ,—все это было весьма благопріятной почвой зарожденія легенды о борьбѣ дворянской царицы противъ „надежы—государя“.

Емельянъ Пугачевъ. (Ревельскій историческій музей.)

Указъ объ отмѣнѣ притѣсненій раскольниковъ, въ свою очередь, зажегъ вокругъ головы Петра III неподходящій для него нимбъ апостола „древляго православія“. Сверхъ всего этого, Петръ III былъ „законный отъ прародителей“ царь, внукъ Петра I и государь „мужескаго пола“. Что же удивительнаго, если имя жертвы „ропшинской драмы“ стало магическимъ орудіемъ для его самозванныхъ носителей, которыхъ всѣхъ затмилъ Емелька Пугачевъ.

Пугачевщина была въ общемъ явленіемъ одного порядка съ Разиновщиной и по вызвавшимъ ее условіямъ, и по составляющимъ ее элементамъ, и даже по охваченному ею району [1]).

Пугачевъ.

Разница, конечно, была, но не во внутреннемъ смыслѣ движенія, а въ его размѣрахъ и интенсивности. Въ теченіе года (съ 18 сентября 1773 г. по 8 сентября 1774 г.) Пугачевъ успѣлъ продвинуться по громадной, почти сомкнувшейся въ кругъ линіи, началомъ которой была р. Яикъ (Уралъ)

---

[1]) См. мою статью «Разиновщина» въ I т.

нѣсколько ниже нынѣшняго Уральска, и наиболѣе извѣстными этапами: Оренбургъ, Стерлитамакъ, затѣмъ Зауральскіе Верхотурскъ и Троицкъ, и отсюда чрезъ Красноуфимскъ на Кунгуръ, черезъ Осу и Малмышъ къ Казани, отсюда черезъ Курмышъ, Алатырь и Саранскъ къ Пензѣ, Саратову и Царицыну, изъ послѣдняго мимо Горько-соленаго озера на мал. Узень. Все заключенное въ этомъ кругу пространство было захвачено возстаніемъ пестраго по своему этнографическому и соціальному составу населенія, отражаясь далеко за предѣлами этого круга—на востокъ въ горнопромышленномъ Зауральѣ до Челябинска и Шадринска, на западъ — въ предѣлахъ нынѣшней Нижегородской, Тамбовской и Воронежской губерній.

Успѣхъ этого движенія состоялъ не въ предварительной организованности его и не въ особыхъ талантахъ его вождя, а единственно въ историческомъ накопленіи тяжелыхъ, безпросвѣтныхъ впечатлѣній, которыми было охвачено большинство населенія всей Россіи и этого края въ особенности. Отъ организаторовъ движенія не требовалось ни особыхъ талантовъ, ни силы воли, а простое знаніе спеціальныхъ нуждъ и наболѣвшихъ страданій разнообразныхъ слоевъ населенія этого края, а этого знанія достаточно накопилось у Емельяна Пугачева, донского казака, запутавшагося въ своихъ служебныхъ дѣлахъ и исколесившаго всю Россію отъ Дона до Польши и обратно до Волги и Яика, во время своихъ бѣговъ отъ отбыванія незадавшейся ему казацкой службы. Бѣглый казакъ, тюремный арестантъ, предназначенный къ публичнымъ плетямъ, и кандидатъ на каторгу, вынужденный вѣроломно обманывать простодушныхъ своихъ пособниковъ и сообщниковъ, почти съ отчаянія рѣшился промѣнять незавидную свою карьеру „утеклеца“ на санъ „настоящаго пастыря народа“, ожидаемаго угнетенными—надежы-государя.

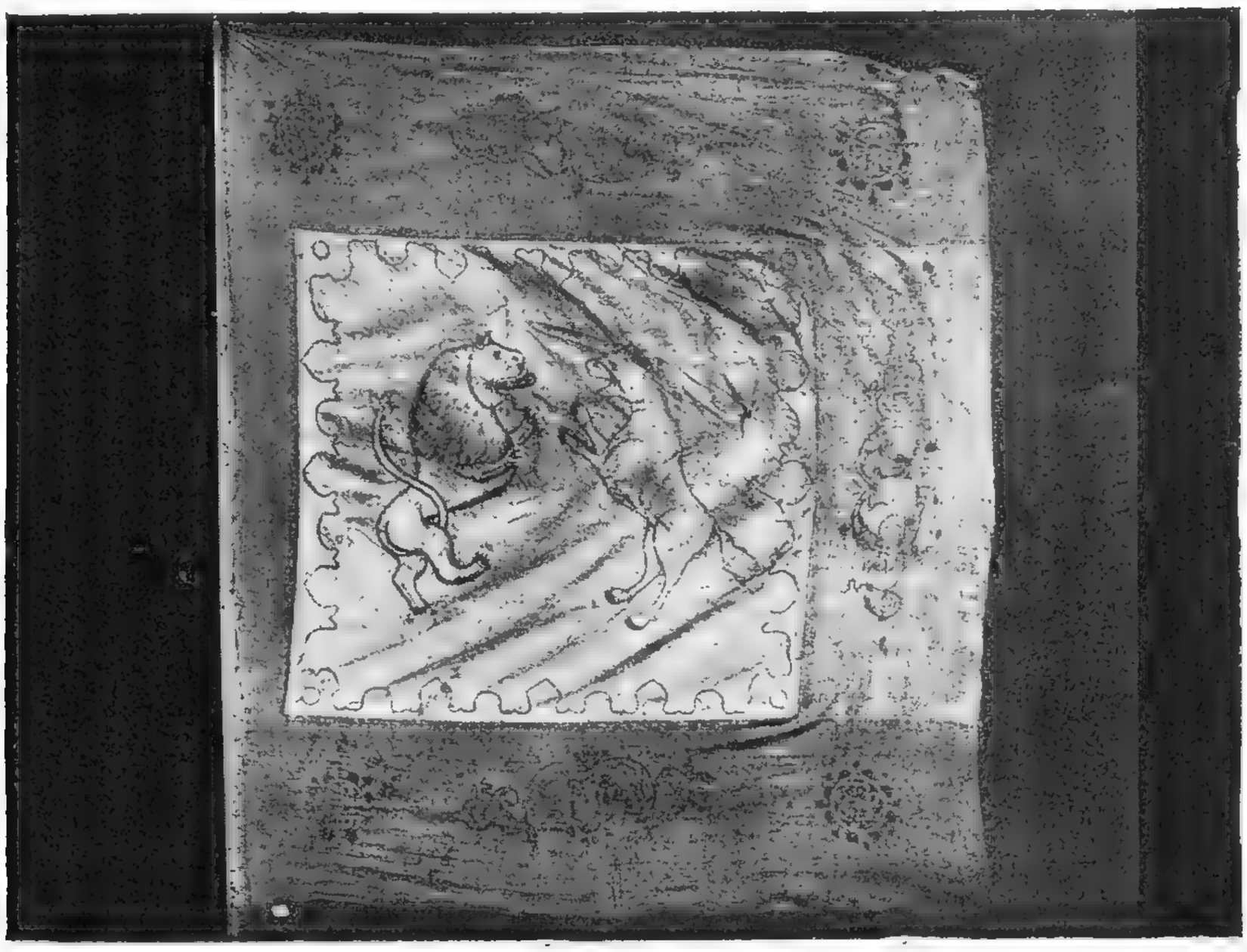
Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.

Вращаясь въ притонахъ проѣзжихъ дорогъ, въ кабакахъ, въ раскольничьихъ скитахъ и тюрьмахъ, среди скопившихся на югѣ со всей Россіи отщепенцевъ, носившихъ въ себѣ вмѣстѣ съ ненавистью къ существующимъ порядкамъ и фанатическую вѣру въ лучшее будущее, Пугачевъ многому научился, и выступилъ на открытый мятежъ съ затверженными лозунгами тѣхъ ожиданій и той ненависти, которыми дышала окружавшая его среда. „Объявившись“ впервые среди яицкихъ казаковъ, Пугачевъ зоветъ ихъ поддержать его, гонимаго „ампиратора Петра Ѳедоровича“, во имя невозвратно нарушенныхъ интересовъ и привилегій яицкаго казачества. Онъ знаетъ, чего недостаетъ яицкому казачеству. „Мы теперь въ конецъ разо-

рены старшинами: дѣтей нашихъ въ солдаты хотятъ брать, а намъ бороды брить; вводятъ у насъ новые штаты, а мы желаемъ служить по старому и по грамотамъ". И вотъ въ отвѣтъ зазвучали напрасно жданныя отъ петербургскаго правительства отрадныя слова: „Я вамъ даю свое обѣщаніе жаловать ваше войско такъ, какъ Донское: по 12 рублей жалованья и по 12 четвертей хлѣба. Жалую васъ свинцомъ и порохомъ, рѣкою Яикомъ съ вершины до устья и всѣми притоками, рыбными ловлями, морями, землею и угодьями, сѣнными покосами безданно и безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези кто куда хочетъ. Я знаю, что вы всѣми обижены, что васъ лишаютъ привилегій и истребляютъ вашу вольность. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность и дать вамъ благоденствіе" ..

Могли ли не соблазниться казаки этою великою хартіей яицкихъ правъ и вольностей въ тотъ моментъ, когда Яикъ переживалъ самые тяжелые дни своей жизни? Здѣсь повторились явленія, подготовившія отчасти Разиновщину въ нѣдрахъ Донского казачества. Яикъ былъ послѣднимъ форпостомъ русской вольницы, выкинутой соціальными и политическими условіями Россіи изъ центра на границы кочевой степи, оттѣсненной теперь къ предѣламъ своей азіатской прародины—къ воротамъ изъ Азіи въ Европу. Ко времени Пугачевщины Яикъ продолжалъ пополняться бѣглецами отъ крѣпостной неволи, отъ тягла и регулярной службы, отъ карающей кровавой десницы русскаго правосудія. Сравнительно съ Донскимъ, а тѣмъ болѣе украинскимъ казачествомъ Яикъ былъ еще воленъ, единодушное отстаиваніе казацкихъ вольностей сдерживало центральное правительство отъ прибиранія въ административныя руки вольного Яика. Но среди самого казачества начался гибельный для его вольностей расколъ. Изъ казацкой выборной старшины, изъ среды удачливыхъ промышленниковъ сложился классъ экономически сильныхъ лицъ, которыя составили „партію старшины", захватывавшую власть въ свои руки и тѣмъ болѣе склонную продавать вольности Яика центральному правительству, чѣмъ чаще этой партіи приходилось въ своихъ злоупотребленіяхъ и произволѣ опираться на авторитетъ правительства. Въ противоположность ей рядовое и захудалое казачество образовало „войсковую сторону", начавшую борьбу съ злоупотребленіями старшины при помощи протестовъ и жалобъ на имя верховной власти. Наряжаемыя изъ центра слѣдственныя комиссіи часто мирволили старшинской сторонѣ, прикрывая явныя злоупотребленія атамана и старшинъ. Къ волокитѣ и пристрастію судебныхъ комиссій присоединились еще требованія центральнаго правительства такой службы, которая показалась Яицкимъ казакамъ введеніемъ среди нихъ ненавистнаго „регулярства", нарушавшаго ихъ вольную „поведенцію" и угрожавшаго старовѣрской бородѣ и головѣ

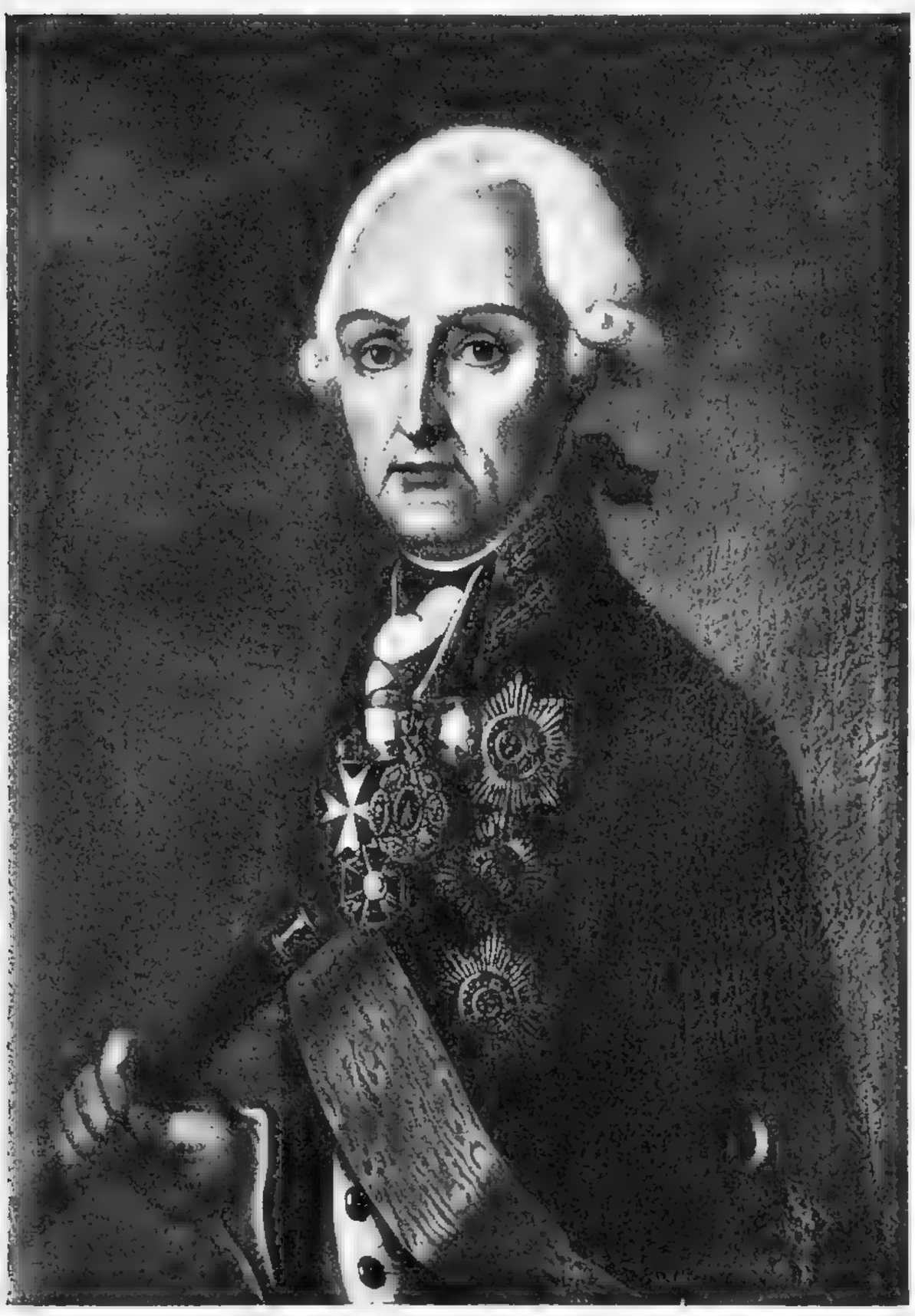
обитателей Яика. Къ этому прибавились еще крутыя мѣры присланной въ Яицкій городокъ слѣдственной комиссіи, которая стала примѣнять допросы „съ пристрастіемъ“. Въ результатахъ всего этого изсякъ источникъ лойяльности войсковой стороны, и въ происшедшей стычкѣ были убиты не только назначенный правительствомъ атаманъ и войсковые старшины съ ихъ сторонниками, но и члены слѣдственной комиссіи вмѣстѣ съ гарнизономъ бывшаго въ ея распоряженіи регулярнаго войска. Послѣ военной экзекуціи, подавившей возмущеніе Яика, главные зачинщики были жестоко наказаны, съ примѣненіемъ къ осужденнымъ вырыванія ноздрей, плетей, ссылки въ



Старинное казацкое знамя. (Оружейная палата.)

Сибирь и въ регулярныя войска, и съ наложеніемъ на всѣхъ остальныхъ 37 тысячъ рублей штрафу за причиненные возставшими убытки. Скрывшимся отъ слѣдственной комиссіи участникамъ бунта былъ данъ трехмѣсячный срокъ явки. Въ такія-то отчаянныя минуты жизни Яика и раздался призывъ самозванца къ Яицкому войску поддержать его нарушенныя права во имя возстановленія вольностей Яика. Обѣщанія и манифесты Пугачева пали на подготовленную почву, и на его сторону перешли не только рядовой контингентъ войсковой стороны, но и бывалые казаки, которые сразу же раскусили въ „объявлявшемся ампираторѣ“ самозванца „по подлому его состоянію“. Пугачевъ не устоялъ передъ настойчивымъ допросомъ

этихъ казаковъ и сознался въ самозванствѣ; но этимъ онъ не оттолкнулъ, а, наоборотъ, еще болѣе связалъ съ собою первыхъ апостоловъ своей миссіи, ставшихъ участниками его великой тайны, тѣмъ болѣе, что этимъ людямъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, терять было нечего, такъ какъ имъ житья не было отъ ободрившейся старшинской стороны. Психологія первыхъ пособниковъ Пугачева вся вылилась въ ихъ бесѣдахъ по поводу открытія его самозванства. „Пусть это не государь, а донской казакъ,—говорилъ Караваевъ,—но онъ вмѣсто государя за насъ заступитъ, а намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ“. — „Мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя,—говорилъ другой казакъ.—Если онъ не завладѣетъ Московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство“, благо, казаки эти „по многимъ совѣтованіямъ и разговорамъ примѣтили въ немъ (Пугачевѣ) проворство и способность“, нужныя для затѣяннаго дѣла. Не скрывали эти пособники Пугачева своихъ казацкихъ мотивовъ участія въ его дѣлѣ и отъ непосвященныхъ въ ихъ тайну, но колеблющихся во имя лоіяльности казаковъ: „Онъ намъ оказалъ уже милости: пожаловалъ насъ водами и сѣнокоеами, крестомъ и бородой и обѣщаетъ намъ еще жалованье. Вольно же имъ (Петербургскому правительству) называть его Пугачевымъ... Они скрываютъ прямое его названіе отъ простыхъ людей, а на обѣщаніе ихъ смотрѣть нечего: довольно мы отъ нихъ потерпѣли. Теперь мы сами все въ своихъ рукахъ имѣть будемъ, теперь, братъ, мы сами резолюціи дѣлаемъ“... Къ тому же въ глазахъ этихъ сознательныхъ казаковъ дѣло Пугачева не было дѣломъ только казацкимъ. „Мы надѣялись, — показывалъ впослѣдствіи одинъ изъ



А. В. Суворовъ. (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ.)

Рокотовъ. Императрица Екатерина II. Историческій музей.
(Изъ Рузаевскаго имѣнія извѣстнаго оригинала Екатерининскихъ временъ Струйскаго).

ближайшихъ пособниковъ Пугачева, — что сіе наше предпріятіе будетъ подкрѣплено, и сила наша умножится отъ черни, которая тоже вся притѣснена и въ конецъ разорена“. Расчетъ оказался вѣрнымъ. У Пугачева нашлись магическія слова и для другихъ элементовъ населенія, съ которыми онъ встрѣтился на своемъ пути.

При первой же встрѣчѣ съ кочевымъ населеніемъ Оренбургскаго края (киргизами, мещеряками и особенно башкирцами), Пугачевъ издалъ милостивый манифестъ, въ духѣ завѣтныхъ желаній когда-то вольной, но все болѣе и болѣе стѣсняемой степи: „Слушайте, — гласилъ Пугачевскій манифестъ башкирцамъ, — когда на мою службу пойдете, такъ и я васъ помилую. Нынѣ я всѣхъ, во-первыхъ, даже до послѣдка землями, водами, лѣсами, жительствами, травами, рѣками, рыбами, хлѣбами, пашнями, денежнымъ жалованьемъ, свинцомъ и порохомъ, какія вы желали, пожаловалъ по жизнь вашу, и пребывайте такъ, какъ степные звѣри въ благодѣяніяхъ и продерзостяхъ, всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтѣ освобождаю и даю волю дѣтямъ вашимъ и внучатамъ вѣчна“. Башкирія безраздѣльно должна принадлежать только башкирамъ; а поэтому вольно имъ расправляться со всѣми захватчиками и притѣснителями предшествующаго времени по своему „продерзостному“ усмотрѣнію, — вотъ смыслъ этого, какъ и всѣхъ послѣдующихъ „пожалованій“ самозванца степи. Нечего и говорить, что эти обѣщанія отдали кочевой міръ Оренбургскаго края въ распоряженіе Пугачева. Какъ во времена Разина магометанскій міръ Поволжья далъ значительное подкрѣпленіе Разину, такъ и теперь Пугачевъ въ магометанскомъ кочевомъ населеніи степи нашелъ для себя почти поголовную поддержку. Иначе и быть не могло. Свободолюбивыми по самому роду жизни кочевниками русское правительство „управляло“ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Устраивая административно-военные центры въ странѣ (Уфа, Оренбургъ) и окружая степь со всѣхъ сторонъ линіей крѣпостей, русское правительство внутри Башкиріи стало раздавать земли русскимъ выселенцамъ и предпринимате-

Маска Суворова. (Музей Семеновскаго полка.)

лямъ, не считаясь съ правами башкирцевъ. Особенно щедрая раздача богатыхъ рудами концессій началась съ 1734 года. Протесты, жалобы и возстанія жестоко подавлялись вооруженною рукой. Такъ, бунтъ 1735—1741 г. стоилъ башкирцамъ потери 30 тысячъ населенія, разоренія 400 селеній и крупнаго штрафа. Впрочемъ, и послѣ этого русское правительство не отказалось отъ политики концессій. Къ нарушенію владѣльческихъ правъ башкирцевъ присоединились грубые пріемы православныхъ миссіонеровъ въ краѣ. Для успѣха проповѣди объявлялись новокрещенцамъ льготы: крещеные освобождались на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые разлагались на „коснѣющихъ въ иновѣріи“. Не говоря уже о безтактности этой мѣры—вольготить однихъ за счетъ другихъ, на оставшихся вѣрными магометанству была возложена довольно тяжелая подать, если принять во вниманіе, что за два года перешло въ христіанство, главнымъ образомъ, изъ матеріальныхъ соображеній 17 тыс. человѣкъ. Отсюда естественные протесты населенія. Не болѣе удачною была и фискальная политика правительства въ краѣ. Введенное въ 1754 г. распоряженіе вмѣсто ясака принудить башкирцевъ покупать изъ казны соль (косвенные налоги) также вызвало неудовольствіе населенія. Башкирцы оказали сопротивленіе, заявивъ, что по старинѣ они будутъ брать соль „изъ казны Господа Бога нашего“, т.-е. изъ своихъ озеръ. Ко всему этому присоединились административный произволъ и обычная волокита въ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ степной край. „Которое дѣло можно въ день окончить,—жаловались башкирцы,—мѣсяцъ таскаютъ; которое—въ мѣсяцъ, ради взятокъ, годъ продолжаютъ... Воровъ правыми дѣлаютъ, правыхъ—ворами, нежелающихъ—желающими...“

При этомъ административный произволъ не зналъ сдержки своимъ размахамъ. За протесты и жалобы, по заявленію башкирцевъ, „командиры старшинъ (башкирскихъ) бранили, а нѣкоторыхъ по щекамъ били, за бороду таскали, а иныхъ въ городъ забирали и всячески мучили: людей саблями рубили (въ пьяномъ видѣ) и руки обрубали. Бѣдный народъ никакой себѣ подпоры и надежды не имѣетъ и суда просить способа не находитъ“. Разразившееся въ царствованіе Елизаветы возстаніе и побѣгъ башкирцевъ за рубежъ были подавлены политикой: раздѣляй и властвуй. Киргизы были натравлены на башкирцевъ, а послѣднимъ неофиціально разрѣшили отомстить киргизамъ. Что же удивительнаго, если башкирцы сознательно пришли къ мысли, что есть одно только средство обратить вниманіе высшей власти на тяжелое положеніе края, это возстаніе: „Станемъ и мы вѣру ихъ ругать, въ свою вѣру обращать и имѣнія ихъ грабить. Слухъ объ этомъ и о причинѣ дѣлъ нашихъ дойдетъ до государыни, и тогда разсмотрѣніе съ правосудіемъ учинено будетъ“. Послѣ этого вполнѣ понятны не только то, что башкирцы и другіе степняки почти поголовно откликнулись на призывъ Пугачева, жаловавшаго ихъ „звѣрскою вольностью и продерзостью“,

но и то упорство, съ какимъ они участвовали въ дѣлѣ Пугачева: по донесенію главнокомандующаго, башкирцы, несмотря на пораженія, „въ злодѣйствахъ своихъ наиболѣе свирѣпствуютъ и все свое звѣрство обращаютъ на истребленіе заводовъ“. Пугачевъ нашелъ у башкирцевъ прибѣжище послѣ разгрома его полчищъ Михельсономъ; башкирскіе косяки давали мятежникамъ возможность быть всегда на свѣжихъ коняхъ и ускользать отъ преслѣдованія ихъ регулярными войсками, пѣшими или на измученныхъ коняхъ.

Не обошелъ Пугачевъ своимъ милостивымъ жалованіемъ и другой „отягченный“ элементъ населенія Пріуралья—заводскихъ крестьянъ, которыхъ здѣсь насчитывалось до 200 тыс. человѣкъ. Они распадались на двѣ группы,—на купленныхъ фабрикантами, или „вѣчно отданныхъ по указамъ“ для работъ на фабрики, и на приписанныхъ къ фабрикамъ государственныхъ крестьянъ окрестныхъ селеній. Положеніе послѣднихъ было лучше первыхъ, потому что приписные работали на фабрикахъ по смѣнамъ въ опредѣленные сроки, возвращаясь потомъ къ своимъ хозяйствамъ. Фабричные же рабочіе со времени Петра Великаго давались государствомъ въ пользованіе заводчиковъ въ качествѣ дешевыхъ рабочихъ рукъ, принудительно въ цѣляхъ покровительства развитію промышленности: ихъ нельзя было отдѣлить отъ завода. Несмотря на то, что эти посессіонные крестьяне, какъ ихъ стали называть въ XIX в., не были собственностью фабрикантовъ, наподобіе крѣпостныхъ, и пользовались нѣкоторыми личными и гражданскими правами, на самомъ дѣлѣ власть фабрикантовъ надъ ними была почти безконтрольною, такъ какъ всякое заявленіе рабочими крестьянами претензіи противъ администраціи фабрики обычно разсматривалось, какъ „противленіе“ и „бунтъ“. Фабриканту было предоставлено право тѣлесныхъ наказаній надъ всѣми рабочими завода [1]). Практика покупки фабрикантами крѣпост-

Кн. Г. А. Потемкинъ.

[1]) За недостаткомъ мѣста мы не говоримъ о другихъ болѣе мелкихъ разрядахъ фабричныхъ рабочихъ изъ приписанныхъ къ фабрикамъ гулящихъ людей, обвиненныхъ по суду женщинъ, бѣглыхъ и пр. Въ общемъ положеніе ихъ мало отличалось отъ названныхъ группъ.

ныхъ была такъ сильна, что ее не сократилъ даже изданный Петромъ III и подтвержденный Екатериной II указъ о запрещеніи фабрикантамъ этихъ покупокъ; она развивалась при Екатеринѣ даже вопреки явно высказанному въ наказахъ и въ Комиссіи требованію дворянъ прекратить эту практику; впрочемъ, тѣ же дворяне, подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, и были главными поставщиками живого инвентаря на фабрики. Положеніе фабричныхъ крестьянъ уже въ царствованіе Елизаветы было настолько тягостно, что начавшіяся при ней волненія на фабрикахъ и заводахъ почти не прекращались, несмотря на кровавую расправу съ крестьянами, „оказывающими противленіе“. По словамъ Екатерины II, при вступленіи ея на престолъ 49 тыс. заводскихъ крестьянъ находились въ явномъ возмущеніи. Положеніе ихъ не улучшилось и въ царствованіе этой государыни. Капитанъ-поручикъ Мавринъ въ рапортѣ Екатеринѣ II даетъ такую картину отношеній между фабрикантами и фабричными рабочими: „Обратите взоръ свой на крестьянъ заводскихъ, а паче на приписныхъ, которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ, и алчно пожираютъ все крестьянское имущество, ибо многіе приписные крестьяне ходятъ на его работы отъ четырехъ до семисотъ верстъ. Работа на заводахъ большею частью тогда происходитъ, когда крестьянинъ долженъ доставать насущное пропитаніе, а когда земледѣлецъ не достанетъ изъ земли сокровища, то онъ нищій!.. Крестьянинъ долженъ хлѣбъ и все нужное для себя получать у заводчика же изъ лавки и брать за такую цѣну, какая положена будетъ, и за все то, что крестьянинъ заберетъ, долженъ заработать по заводскому расположенію; а какъ притомъ въ счетъ работныхъ людей несравненно ставятъ дороже, чѣмъ слѣдуетъ, то крестьяне почти безсмѣнно должны быть въ работѣ у нихъ“. Понятно, почему агенты Пугачева, распространявшіе его воззванія съ обѣщаніемъ заводскимъ крестьянамъ „вольности и уничтожить всѣ ненавистные заводы“, встрѣтили единодушное содѣйствіе со стороны рабочихъ, которые, по сло-

Гр. Г. Г. Орловъ.

вамъ слѣдственной комиссіи, „были всѣхъ усерднѣе къ самозванцу“. Работа на заводахъ останавливалась, администрація выдавалась пугачевцамъ. Одни изъ фабричныхъ пополняли собою шайки Пугачева, другимъ „дозволено было отлучаться, кто куда хочетъ, и давапы имъ отъ старшинъ (Пугачева) бплеты, съ которыми немалое число въ жительства свои разъѣхались“.

При появленіи Пугачевцевъ на Бплимбаевскомъ заводѣ, населеніе его разграбило дома начальниковъ и заводское управленіе, при чемъ конторскія бумаги и архивъ завода были преданы торжественному сожженію на площади. „Горите, наши долги“, кричали рабочіе, съ крикомъ и смѣхомъ бросая въ огонь разсчетныя книги.

По официальнымъ даннымъ, уже въ началѣ января 1774 года большая часть заводовъ съ приписаннымъ къ нимъ населеніемъ была въ распоряженіи Пугачевцевъ. Помимо подкрѣпленія людьми, заводы дали Пугачеву вооруженіе, порохъ, большія суммы денегъ и запасы провіанта. Такъ, на Сатинскомъ заводѣ Пугачевцы захватили 10 тыс. руб. денегъ, 12 пушекъ, 250 ружей, 5 пудовъ пороха и т. д.

Гр. П. И. Панинъ.

Нашлись у Пугачева понятныя слова и магическія обѣщанія и для крѣпостного крестьянства. Едва онъ переправился на правый берегъ Волги, гонимый отчаянно храбрымъ Михельсономъ, какъ издалъ свой знаменитый манифестъ крѣпостному крестьянству, съ призывомъ къ соціальной борьбѣ: „Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ—быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами, безъ покупки и безъ оброку, и освобождаемъ отъ всѣхъ, прежде чинимыхъ крестьянами и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеньевъ отъ злодѣевъ-дворянъ, градскихъ мздоимцпковъ и судей... Кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ (находятся), тѣхъ противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами; по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ-дворянъ

всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка продолжаться будутъ".

Нѣкоторые „полковники" Пугачева „разъясняли" этотъ манифестъ въ болѣе возбуждающихъ выраженіяхъ: „Ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его разоритъ, тому дано будетъ жалованья 100 руб., а кто десять дворянскихъ домовъ разоритъ, тому тысяча рублей и чинъ генеральскій"...

Этотъ призывъ вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ настроеніямъ, которыя выносило крѣпостное крестьянство изъ тяжелыхъ переживаній своего крѣпостного быта.

Не только появленіе самозванца и его клевретовъ зажигало крѣпостную деревню противъ помѣщиковъ, но достаточно было кому-либо сообщить слухъ о приближеніи „государя" или объявить себя самозванно его агентомъ, какъ начиналась страшная расправа съ „злодѣями дворянами, возмутителями имперіи и разорителями крестьянъ". Если удавалось дворянскимъ семьямъ во-время скрыться отъ жестокой казни Пугачевцевъ и своихъ крѣпостныхъ, истязались ихъ приказчики, истреблялись ихъ имущество и усадьба. Трудно сказать, къ чему бы привела эта борьба, еслибы Пугачевъ направился въ центръ крѣпостной Россіи, къ Москвѣ, вмѣсто междорѣчья Волги и Дона, гдѣ изсякъ у него запасъ магическихъ словъ для Донского казачества. При встрѣчѣ съ донцами Пугачеву приходилось „отворачивать отъ нихъ въ сторону свою рожу". Но донцы, не принявшіе самозванца, не проявили и особаго рвенія въ борьбѣ съ нимъ, особенно послѣ понесеннаго отъ его полчищъ пораженія. Благодаря энергіи неутомимаго преслѣдователя Михельсона, Пугачевъ былъ загнанъ въ безлюдныя степи, которыя могли скрыть его отъ преслѣдованія, но не отъ разочарованій и усталости его помощниковъ, рѣшившихся выдачей вождя спасти себѣ жизнь.

Сила Пугачева заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что ему удалось поднять народную войну противъ тѣхъ тяжелыхъ соціально-политическихъ условій, которыя исторически заряжали задавленные элементы населенія отчаяніемъ и ненавистью къ этимъ условіямъ. Неоднократно наголову разбиваемый правительственными войсками (подъ Татищевой, Троицкомъ, Казанью), онъ черезъ нѣсколько дней снова собиралъ тысячи и десятки тысячъ людей, потому что его появленіе въ новыхъ мѣстахъ бросало въ его распоряженіе большинство жителей этихъ мѣстъ. Но въ этомъ была и слабая сторона его выступленія. Многотысячныя полчища, скоплявшіяся вокругъ Пугачева, такъ же скоро распадались, какъ быстро собирались. Это были въ большинствѣ случаевъ неорганизованныя, почти невооруженныя толпы людей, грозныя для беззащитныхъ и безоружныхъ, страшныя своею стихійностью, но тысячами уничтожаемыя при натискѣ сотни храбраго регулярнаго войска, не терявшагося передъ гипнозомъ колоссальной толпы. При быстромъ преслѣдованіи правительственныхъ войскъ эти текучія массы на-

рода нельзя было сорганизовать, пріучить къ строю и дисциплинѣ, даже еслибы Пугачевъ былъ талантливымъ организаторомъ возставшихъ массъ; но отъ этой работы Пугачевъ скромно уклонился, поручивъ ее „военной коллегіи“ изъ ближайшихъ къ нему яицкихъ казаковъ. Болѣе талантливымъ въ этомъ отношеніи былъ Пугачевецъ Зарубинъ-Чика, самозванецъ второй руки, удовлетворявшійся именемъ графа Чернышева, но занявшій въ башкирскомъ за-Камьѣ совершенно независимое отъ Пугачева положеніе: онъ старался не только подчиненнымъ ему толпамъ придать военное устройство и ввести въ нихъ дисциплину, но заботился также и о защитѣ русскихъ „подданныхъ“ Пугачева отъ фанатическаго непстовства башкирцевъ. Но и его полчища не устояли передъ горстью регулярныхъ войскъ. И немудрено: слишкомъ мало времени было у этихъ организаторовъ для сообщенія ихъ войскамъ боевыхъ навыковъ и дисциплины.

Гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Впрочемъ, относительный успѣхъ Пугачевщины обусловливается не однимъ только настроеніемъ народныхъ массъ. Здѣсь сыграла важную роль и беззащитность края, гдѣ разразилась Пугачевщина. Къ началу Пугачевскаго бунта на обширномъ районѣ Оренбургскаго края было разсѣяно по крѣпостямъ 9663 человѣка пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Войска эти были только что переформированы, но далеко еще не приведены въ боевой порядокъ.

Главнокомандующій Бибиковъ характеризовалъ эти войска такими безнадежными чертами: „Находящіяся по разнымъ мѣстамъ и здѣсь (въ Казани) гарнизонныя и такъ называемыя инвалидныя команды, каковыми и

первыхъ вмѣстѣ съ ихъ начальниками назвать можно, только имя регулярныхъ военныхъ людей занимаютъ, не имѣя, къ стыду званія солдатскаго, ни малѣйшихъ къ тому способностей". Такихъ войскъ, конечно, недостаточно было для подавленія народнаго возстанія при его развитіи. Тотъ же Бибиковъ писалъ, что „обнаженный отъ воинскихъ командъ здѣшній край не въ сплахъ удерживать стремленіе многолюдной сей и на такомъ великомъ пространствѣ разсыпавшейся саранчи". Помимо гарнизоновъ регулярныхъ войскъ въ крѣпостяхъ стояли отряды казаковъ, башкиръ и киргизъ по наряду очередной службы; но эти элементы, достаточные въ спокойное время для отраженія разбойныхъ нападеній кочевниковъ, теперь представляли собою главный разлагающій военную защиту элементъ, такъ какъ являлись проводниками воззваній Пугачева, дѣйствовали парализующе на начальниковъ крѣпостей на полѣ битвы и первые перебѣгали на сторону Пугачевцевъ, производя замѣшательство въ рядахъ регулярныхъ войскъ.

Успѣху движенія немало содѣйствовало и то, что центральное правительство не могло своевременно мобилизовать въ объятую возстаніемъ страну регулярныя войска изъ внутреннихъ и пограничныхъ областей. Въ это время Россія вела войну съ Турціей; часть незанятыхъ на театрѣ войны войскъ стояла на западной границѣ, такъ какъ изъ Швеціи приходили тревожныя вѣсти. Поэтому правительство скупо и медленно отправляло полки, по большей части пѣхоту, на театръ возстанія. Отправленныя изъ Финляндіи и окрестностей Петербурга могли прибыть въ Казань не ранѣе первыхъ чиселъ января 1774 г., и военную коллегію „безпокоила дальность и печалило то разореніе, которое плутецъ (самозванецъ) до прихода войскъ причинитъ". Ко всему этому присоединились еще неудачи съ назначеніемъ главнокомандующихъ.

Посланный „для учиненія сильнаго поиска надъ злодѣемъ наскоро", генералъ-майоръ Каръ оказался безсильнымъ что-либо предпринять, не располагая достаточными силами для выполненія своей задачи. Центральное правительство выражало неудовольствіе: разстроенный и больной Каръ оставилъ театръ дѣйствія и самовольно отправился въ Петербургъ для личнаго объясненія, чѣмъ вызвалъ сильное безпокойство столичнаго населенія и возмущеніе правительства и получилъ отставку. Назначенный на его мѣсто съ большими полномочіями и подкрѣпленіями, генер.-аншефъ Бибиковъ, бывшій предсѣдатель Комиссіи по составленію проекта Уложенія, уже извѣстный своею усмирительной дѣятельностью по подавленіямъ волненій заводскихъ крестьянъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, энергическими распоряженіями привелъ край въ относительную оборону, освободилъ Оренбургъ отъ осады и заставилъ Пугачева, при храбромъ содѣйствіи Михельсона, скрыться въ Башкирію. Но смерть этого главнокомандующаго снова ввергла страну въ анархію, потому что замѣнившіе его по-

Левицкій. Императрица Екатерина II. Музей Александра III.

Διάγραμμα Ελάσσονα ΙΙ.

Μείζων Διάκοσμος ΙΙΙ.

Τέσσαρες.

Гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Шубина. (Румянцевскій музей.)

слѣдовательно генер.-поручикъ кн. Щербатовъ и кн. Голицынъ, не обладая ни талантами Бибикова, ни достаточными силами, не могли воспрепятствовать Пугачеву прорваться къ Казани и на правую сторону Волги, гдѣ разгоралось возстаніе крестьянъ. Потребовались назначеніе „знатной персоны“ съ чрезвычайными полномочіями и мобилизація цѣлаго корпуса, чтобы локализовать возстаніе, окружить Пугачева и выгнать его въ степь. И здѣсь честь неутомимаго преслѣдователя самозванца принадлежитъ тому же Михельсону, потому что ни гр. П. Панинъ, новый главнокомандующій, наблюдавшій за военными

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

дѣйствіями изъ прекраснаго далека, ни Суворовъ, пріѣхавшій слишкомъ поздно на театръ преслѣдованія Пугачева, не участвовали непосредственно въ разгромѣ Пугачевскихъ полчищъ и въ поимкѣ самозванца.

Вѣсть о послѣдней быстро разнеслась по всей Россіи и вызвала бурю восторговъ у правительства и дворянства и тяжелое разочарованіе „черни“. И немудрено: дворянство и правительство были спасены отъ грозной опасности,—тѣ же слои населенія, которые въ дѣлѣ Пугачева видѣли дѣло осуществленія своихъ надеждъ на лучшее будущее, не только должны были отказаться отъ этихъ надеждъ, но и подвергнуться жестокой расправѣ за участіе въ мятежѣ.

Гр. Панинъ оказался болѣе энергичнымъ карателемъ, чѣмъ главнокомандующимъ. Разсортировавъ всѣхъ участниковъ бунта на пять категорій, Панинъ своими представленіями о необходимости примѣрнаго наказанія захваченнаго возстаніемъ населенія побудилъ Екатерину забыть лучшія статьи своего Наказа; Екатерина, часто писавшая и говорившая о гуманности наказаній, на этотъ разъ согласилась, что „въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна для блага имперіи“. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на описаніи застѣночныхъ дѣлъ слѣдственной комиссіи, на публичныхъ казняхъ, на перечисленіи всѣхъ урѣзанныхъ носовъ, ушей и исполосованныхъ спинъ, возвращенныхъ подъ прежнее ярмо или на каторжныя работы. Пугачевщина похожа на Разиновщину даже своимъ финаломъ.

В. Улановъ.

Расколъ и сектантство въ XVIII вѣкѣ.

По времени религіозной реформы Петра официальная церковь окончательно застываетъ въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ мысли и организаціи. Духовно надъ нею тяготѣетъ неподвижная утонченная схоластика семинарій и академій; все, что ищетъ живой мысли, не укладывается въ Прокрустово ложе апологетическихъ разсужденій, уходитъ изъ круговъ клира въ свѣтскіе круги, переходитъ отъ схоластики къ свѣтской наукѣ. Такова была судьба Ломоносова и многихъ его товарищей, ушедшихъ изъ Заиконоспасской бурсы въ Петербургскую академію; такова была судьба и многихъ другихъ семинаристовъ и академиковъ, ушедшихъ съ церковнаго поприща на свѣтскую службу. Остается непзмѣнной и организація церкви; указъ 1824 года объ уравненіи оберъ-прокурора Синода въ правахъ съ министрами въ сущности санкціонировалъ уже совершившійся фактъ. Религіозныя исканія и церковныя новообразованія съ начала XVIII в. сосредоточиваются исключительно въ диссидентскихъ кругахъ, средп старообрядчества и сектантства. Великая религіозная и церковная борьба конца XVII вѣка создала аморфную и еще хаотическую массу церковныхъ отщепенцевъ. Проклятые клятвами собора 1667 года, пошли „раскольники“ въ изгнаніе, въ лѣсныя пустыни и степи родной страны и за польскій и турецкій рубежъ. Въ изгнаніи начались диференціація и кристаллизація различныхъ направленій раскола, сообразно двумъ главнымъ соціальнымъ слоямъ, на которыхъ расколъ базировался: изъ посадскихъ элементовъ раскола сложились чисто буржуазныя организаціи, изъ крестьянскихъ выработались разнообразныя формы, и чисто старообрядческія, и такъ называемыя сектантскія. Эти послѣднія сливаются съ

потокомъ крестьянской реформаціи, не только не прекратившимся въ XVIII вѣкѣ, но получившимъ еще новую силу подъ вліяніемъ усиленія крѣпостного ига. Подъ казенными неблагозвучными кличками, которыми синодальные миссіонеры окрестили различные старообрядческіе и сектантскіе толки, скрывается отнюдь не мертвечина, но необыкновенное богатство религіозной мысли и разнообразіе церковныхъ формъ; ихъ научная терминологія и морфологія еще не могутъ считаться вполнѣ установленными.

Проще всего и яснѣе всего стоитъ вопросъ о такъ называемой п о п о в щ и н ѣ,—такъ называется въ офиціальныхъ документахъ та вѣтвь старообрядчества, которая ни одной минуты не могла себѣ представить, какъ можно существовать безъ регулярно совершаемаго культа и его квалифицированныхъ отправителей. „Безъ поповъ намъ быть никакъ невозможно“, такъ формулировало эту идею поповщинское старообрядчество. Старообрядческія общины, придерживавшіяся указаннаго лозунга, рекрутировались почти исключительно изъ посадскихъ элементовъ. Первая община этого рода и сложилась подъ руководствомъ попа, изъ двѣнадцати купеческихъ семействъ, выселившихся изъ Москвы въ Стародубье, подъ предводительствомъ попа Кузьмы отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Но въ Стародубьѣ эмигранты остались недолго, такъ какъ московское правительство не оставляло ихъ въ покоѣ; вскорѣ они перешли черезъ польскій рубежъ и поселились на пустынномъ островѣ Вѣткѣ посреднѣ р. Сожа (недалеко отъ теперешняго Гомеля). Вслѣдъ за ними на Вѣтку переселился цѣлый рядъ другихъ купеческихъ семействъ; въ колоніи переселенцы занимались тѣмъ же, чѣмъ и въ метрополіи, и захватили въ свои руки нити торговли между лѣвобережной Малороссіей и Бѣлоруссіей. Однако разлагавшееся польское государство не могло охранить вѣтковскихъ поселенцевъ отъ русскаго правительства; Вѣтка двукратно подвергалась разоренію русскими войсками, и, въ концѣ-концовъ, при Екатеринѣ II прекратила свое существованіе. Но колонисты Вѣтки остались и на новыхъ мѣстахъ, куда пришлось выселиться, тѣми же купцами и промышленниками. Большинство выселилось поневолѣ назадъ въ Стародубье; тамъ появились сейічасъ же торговыя слободы и суконныя мануфактуры; къ этому времени относится образованіе такихъ центровъ, какъ Гомель и Клинцы.

Другія ячейки „поповщины“ были на Керженцѣ. Керженецъ—это лѣвый притокъ Волги, впадающій въ великую рѣку пониже Нижняго-Новгорода, близъ Макарьева. Керженецъ течетъ по болотистой и лѣсистой мѣстности; въ концѣ XVII вѣка эта область была совсѣмъ пустынная, да и въ настоящее время слабо заселена. На Керженцѣ образовалось 77 раскольничьихъ скитовъ, переполненныхъ бѣглыми попами и монахами. Керженскіе скиты, находившіеся по сосѣдству съ такой важной торговой артеріей, какъ Волга и сосѣдняя Кама, естественно, стали опорнымъ пунктомъ восточной старообрядче-

ской колонизаціи. Эмигранты изъ центра шли на Керженецъ; крестьяне оставались тамъ, пробиваясь охотой и подсѣками, а купцы, захвативъ съ собою поповъ, шли дальше и постепенно образовали рядъ общинъ по лѣвому и правому берегу Волги вплоть до Самары. Все рѣчное судостроеніе и вся хлѣбная торговля оказались вскорѣ въ рукахъ старообрядцевъ. Съ Волги волна старообрядчества пошла по Камѣ на Уралъ; старообрядцы захватили на заводахъ торговлю „всѣми харчами“ и умѣли проникать на должности отвѣтственныхъ заводскихъ приказчиковъ. „Великіе промыслы и торги“ старообрядческой буржуазіи, россійской и зарубежной, не оставались, конечно, тайной и для петербургскаго правительства. Оно не могло продолжать попросту уничтожать буржуазное старообрядчество, такъ какъ въ его кошелькѣ могли оказаться богатые рессурсы для казны. При Екатеринѣ II послѣдовалъ рядъ мѣръ, облегчавшихъ положеніе русскихъ старообрядцевъ, а зарубежнымъ было дозволено вернуться, прочимъ земли были отведены въ Саратовскомъ Заволжьѣ, по рѣкѣ Иргизу. Старообрядческая буржуазія всемѣрно воспользовалась новыми льготами. Пустынные берега Иргиза застроились торговыми старообрядческими монастырями и слободами, тянувшими къ монастырямъ; средства дали московскіе и волжскіе старообрядцы. Московская поповщинская община, до тѣхъ поръ принужденная „таится“, въ 1771 году организовалась легально. Москву посѣтила въ этотъ годъ чума; воспользовавшись ею, московскіе поповцы выпросили разрѣшеніе построить за Рогожской заставой чумный карантинъ и кладбище; на кладбищѣ была выстроена церковь, поставлены богадѣльня и жилые дома. Окруженное каменной стѣной, оно было какъ бы особымъ міркомъ, старообрядческой Москвой рядомъ съ синодской Москвой. Улицы, примыкавшія къ Рогожской заставѣ, начиная отъ Таганки, сплошь были застроены домами купцовъ старообрядцевъ. Здѣсь скопилось наиболѣе вліятельное и наиболѣе богатое старообрядчество; тутъ была и торговая биржа, устанавливавшая цѣны на хлѣбъ и на мануфактуру, и своего рода старообрядческая „курія“, указаніямъ которой безпрекословно подчинялись всѣ русскія поповщинскія общины; „что положатъ на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ—на томъ и Керженецъ“, говорили на Волгѣ, а съ Иргиза подтверждали: „на Рогожской дохнутъ—на Иргизѣ попа дадутъ“.

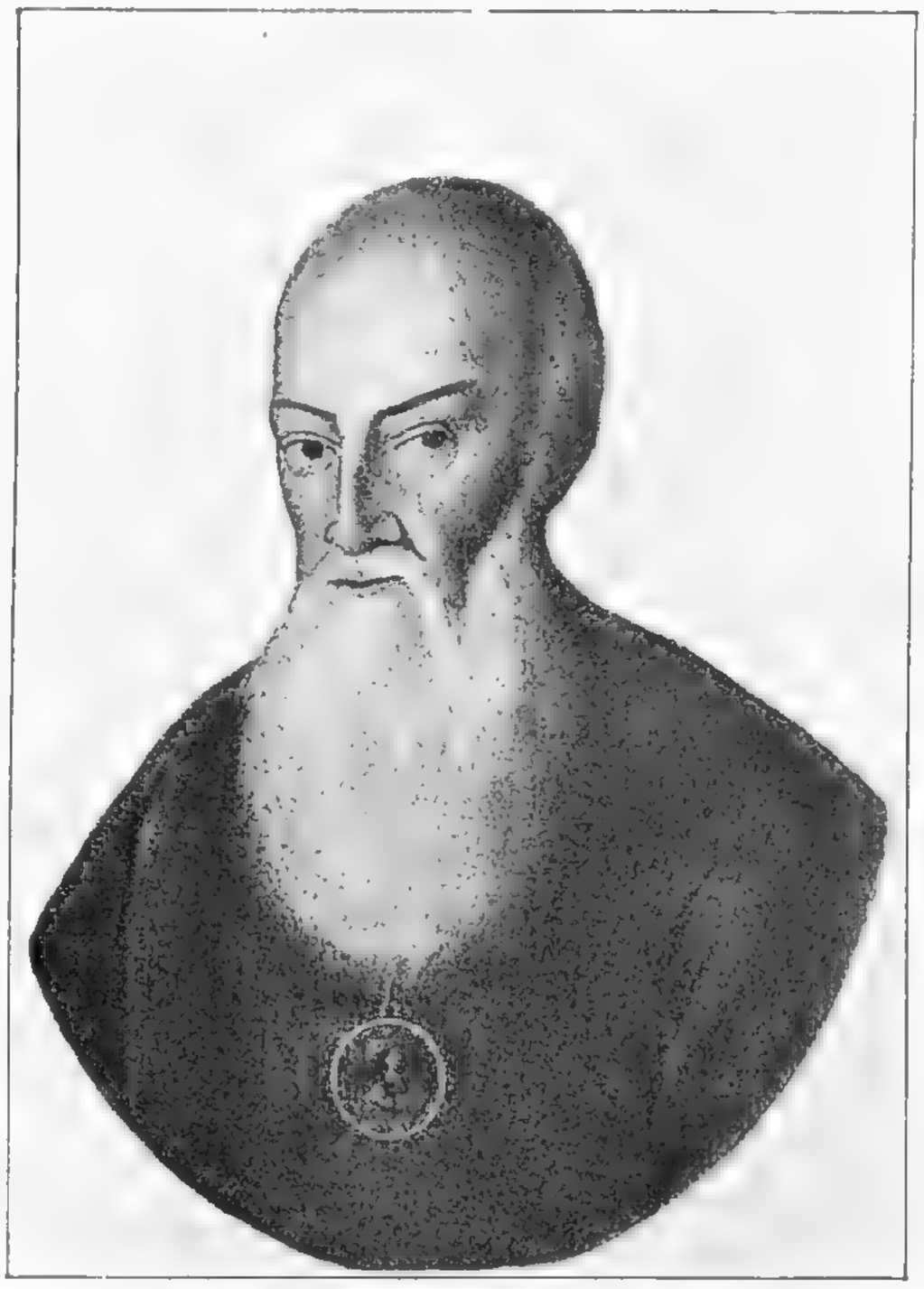
Наличіе поповъ—вотъ отличительный характерный признакъ для всѣхъ старообрядческихъ общинъ, для которыхъ была закономъ Рогожа. Остаться безъ поповъ—значило остаться безъ культа; между тѣмъ, въ тогдашнихъ условіяхъ еще болѣе чѣмъ теперь цѣлый рядъ гражданскихъ правоотношеній былъ связанъ съ культомъ. Прекращеніе культа означало прекращеніе крещеній, браковъ, погребеній, т.-е. нарушеніе всѣхъ имущественныхъ и торговыхъ отношеній, связанныхъ съ рожденіемъ, бракомъ и наслѣдованіемъ; а при нарушеніи всего этого порядка какъ могли бы старообрядцы нажить

„великіе и богатые промыслы“? Поэтому посадское старообрядчество и было поповщиной; поэтому оно и держалось твердо церковныхъ тенденцій. Его цѣлью было созданіе прочной церковной организаціи съ правильнымъ культомъ и своимъ собственнымъ клиромъ. Вопросъ о священствѣ болѣе всего занималъ посадское старообрядчество въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.

Первое время недостатка въ попахъ не было. Во время проведенія Никоновой реформы масса поповъ, какъ мы знаемъ, не захотѣла подчиниться и ушла въ расколъ. Были и архіереи, державшіеся старой вѣры. Но изъ архіереевъ остался ей вѣренъ только одинъ Павелъ Коломенскій; прочіе раскаялись и вернулись въ официальную церковь. Павелъ за непокорство былъ заточенъ въ монастырь и умеръ въ заключеніи, не успѣвъ рукоположить себѣ преемника. Между тѣмъ клирики стараго, до-никоновскаго рукоположенія постепенно вымирали, а новыхъ поповъ рукополагать было некому. Передъ посадскимъ старообрядчествомъ стала дилемма: или послѣдовать примѣру крайнихъ раскольниковъ, обходившихся безъ правильнаго культа и безъ священниковъ, или получить клириковъ изъ Никоніанской церкви. Но первое казалось невозможнымъ; крестьяне, и ранѣе чаще обращавшіеся къ помощи колдуновъ, чѣмъ къ посредству поповъ, могли и сами себя и въ Ердани крестить, и изюмомъ причащать; для честныхъ буржуа такой исходъ былъ совершенно немыслимъ. Оставалось второе средство. Нашли оправданіе его у Аввакума, который въ одномъ изъ своихъ посланій, между прочимъ, писалъ о попахъ Никоніанской церкви, переходившихъ къ старообрядцамъ: „аще попъ тотъ проклинаетъ никоніанскую ересь и всю службу ихъ и всею крѣпостію любитъ старину, по нуждѣ настоящаго ради времени да будетъ попъ, и къ тѣмъ церквамъ приходите“. А среди никоніанскихъ поповъ желающихъ „возлюбить старину“ оказывалось немало, въ особенности со времени введенія рекрутскихъ наборовъ; такъ какъ посвященіе въ священники избавляло отъ рекрутчины, то всякій, кто только могъ, старался уйти отъ этой тяжелой повинности посредствомъ посвященія въ попы. Никогда не было такого обилія безмѣстныхъ, бродячихъ поповъ, какъ въ началѣ XVIII вѣка. Не находя себѣ „хлѣба куса“ въ господствующей церкви, все болѣе и болѣе сокращавшейся въ тискахъ Петровскихъ штатовъ, безмѣстные попы „бѣжали“, какъ тогда выражались, на Керженецъ, къ старообрядцамъ. Тамъ принимали ихъ съ распростертыми объятіями и, подвергнувъ „исправѣ“, отправляли на мѣста. „Исправа“ заключалась въ томъ, что переходившій въ старообрядчество попъ проклиналъ „никоніанскую ересь“ и получалъ „перемазываніе“, т.-е. надъ нимъ, какъ надъ раскаявшимся еретикомъ, вторично совершалось миропомазаніе. Чинъ „исправы“ установился не сразу; было немало споровъ, какъ исправлять поповъ, переходившихъ изъ синодской церкви, и, въ концѣ-концовъ, остановились на указанномъ чинѣ, отвергнувъ чинъ простого проклятія

ереси, какъ слишкомъ примирительный, и чинъ вторичнаго крещенія, какъ смывающій благодать священства. Керженецъ исполнялъ функціи перемазыванія до основанія пргизскихъ монастырей; послѣ того, какъ „засіяло солнце православія“ на Иргизѣ, исключительное право перемазыванія было предоставлено иргизскимъ монастырямъ, по постановленію собора 1779 г.

Итакъ, клиръ у посадскаго старообрядчества былъ; но сами старообрядцы сознавали, что онъ весьма ненадеженъ и по своимъ качествамъ, и по своему положенію. Переходили въ старую вѣру, конечно, не лучшіе представители клира; но и тѣхъ старообрядцы всегда могли лишиться, какъ только правительство вздумало бы принять противъ бѣглыхъ поповъ строгія мѣры. Вполнѣ незавпсимый и доброкачественный клиръ могъ бы явиться у старообрядческой церкви только въ томъ случаѣ, если-бы ей удалось найти для себя архіерея. Эта задача была необычайно трудна для разрѣшенія. Было очевидно, что изъ синодской церкви ни одинъ архіерей не пойдетъ къ старообрядцамъ добровольно и съ раскаяніемъ; идти же на примиреніе, чтобы получить архіерея цѣною признанія главенства надъ собою Синода, старообрядцы не хотѣли. Приходилось искать архіерея въ другихъ мѣстахъ. Исканія начались еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка и продолжались все столѣтіе; старообрядческіе тузы потратили много денегъ и хлопотъ, но въ результатѣ получались одни сплошные скандалы или анекдоты. Искатели архіерейства становились жертвою различныхъ проходимцевъ изъ юго-западнаго края, и въ концѣ вѣка отъ разрѣшенія задачи старообрядчество было такъ же далеко, какъ и въ его началѣ. Часть старообрядцевъ пришла въ отчаяніе и пошла на примиреніе съ господствующей церковью: послѣ долгихъ переговоровъ съ правительствомъ, въ 1800 г. было учреждено единовѣріе; единовѣрцы признали главенство синодскихъ архіереевъ, а за это



П. А. Ковылинъ.

получили клиръ, обязавшійся служить по старымъ обрядамъ. Но старообрядческая масса во главѣ съ рогожскими тузами не потеряла надежды, и впослѣдствіи, полвѣка спустя, поиски архіерейства увѣнчались успѣхомъ.

Вся энергія посадскаго старообрядчества ушла на организацію; прежде всего и больше всего оно интересовалось церковными, но не идеологическими вопросами. Идеологія у него была готовая, старая идеологія Стоглаваго собора, съ точки зрѣнія которой уклоненіе отъ освященныхъ чудотворцами таинственныхъ обрядовъ было злою ересью. Въ противовѣсъ синодской церкви, нашедшей новую вѣру въ дебряхъ умозрѣній кіевской схоластики, посадское старообрядчество строго держалось національной вѣры, какъ она сложилась до Никона, и себя считало единой истинной церковью, а официальную церковь — еретическою. Антихристова идеологія получила въ поповщинскихъ кругахъ оттѣнокъ не эсхатологическій, а оборонительный: вожди официальной церкви считались „антихристами“ постольку, поскольку они гнали старообрядчество, по аналогіи съ римскими императорами, мучившими христіанъ. Поэтому посадскіе старообрядцы были далеки отъ мысли, что въ мірѣ воцарился антихристъ, и что нѣтъ болѣе истинной церкви. Напротивъ, считая царя „еретикомъ“, поповцы считали долгомъ ему повиноваться и поминали его за богослуженіемъ; въ Иргизскихъ монастыряхъ поминали даже и губернатора. Стараясь жить въ мирѣ съ гражданской властью, посадское старообрядчество расчищало свободный путь для своихъ организацій, предоставивъ теологическіе споры другой вѣтви старообрядчества, окрещенной именемъ безпоповцевъ.

Безпоповщинскія организаціи, какъ видно изъ ихъ кличекъ, отличались отъ поповщинскихъ тѣмъ, что обходились безъ священства; но, кромѣ этого внѣшняго пункта различія, были важные внутренніе пункты различія. Соціальный составъ всѣхъ безпоповщинскихъ организацій первоначально былъ крестьянскій; сообразно съ этимъ, и идеологія ихъ была чисто эсхатологической. Въ мірѣ царитъ антихристъ; благодать священства взята на небо, не будетъ болѣе ни правильнаго богослуженія, ни правильныхъ таинствъ до кончины міра, а она „не закоснитъ“. Чтобы сохранить чистоту души и вѣры до момента страшнаго суда, надо уйти отъ антихриста, уйти изъ міра въ „лѣсовольную“ пустыню. Эта идеологія, однако, не осталась неизмѣнной. Крестьянскія общины старообрядцевъ пережили процессъ соціальной дифференціаціи; параллельно съ процессомъ соціальныхъ перемѣнъ шла и эволюція идеологіи.

Такую эволюцію прошло прежде всего самое типичное безпоповщинское согласіе, поморское. Центромъ согласія была община, основанная двумя братьями, князьями Андреемъ и Семеномъ Мышецкими-Денисовыми, на р. Выгѣ. За исключеніемъ основателей и руководителей, первоначальный составъ общины былъ почти исключительно крестьянскій. Выговцы всецѣло

Щукинъ. Императрица Марія Ѳеодоровна.

Музей Александра III.

Wagen Abdeckhaube III

Hinterbauhaube Wabe Gegovobord

Ulfwerke

раздѣляли эсхатологическую идеологію и предъ лицомъ ожидавшагося ими страшнаго суда организовали общину на аскетически-коммунистическихъ началахъ.

Все было объявлено общимъ, и было проведено строгое раздѣленіе труда; трапеза была общая, были общіе запасы одежды и инвентаря. Такой строгій коммунизмъ диктовался и тяжелыми условіями существованія въ глухой сѣверной тайгѣ, гдѣ приходилось завоевывать себѣ право на жизнь неимовѣрно тяжелыми усиліями и трудами. Въ одномъ только отношеніи пришлось отступить отъ коммунизма: первоначально общій и для мужчинъ, и для женщинъ скитъ былъ раздѣленъ на два общежитія. Для женщинъ построили скитъ на Лексѣ, недалеко отъ Выги, такъ какъ, несмотря на требованіе строгаго воздержанія отъ полового общенія, „сѣно отъ огня“ уберечь оказалось невозможно. Для Лексы были выработаны и особыя правила, еще болѣе ограничившія коммунистическій принципъ. Женщины не могли исполнять для своихъ потребностей пашенную и другую „мужицкую“ работу; пришлось прислать на Лексу особыхъ „служителей“, которые скоро стали дѣлать для сестеръ всю работу, кромѣ стряпни и шитья. На Лексѣ остался, такимъ образомъ, лишь коммунизмъ потребленія, но не производства. Но если строгое раздѣленіе труда и распредѣленіе продуктовъ производства диктовались тяжелыми условіями существованія общины, то тѣ же условія не давали возможности для общины довлѣть себѣ экономически. Она не могла существовать, какъ обособленное хозяйство, въ виду скудости ея собственныхъ продуктовъ для потребленія. Тайга давала пушной и лѣсной товаръ, но была скупа на хлѣбъ; въ суровомъ сѣверномъ климатѣ хлѣбъ родился плохо, случайно выговцы голодали уже въ первые годы основанія общины, пока ихъ было еще немного, и стали ощущать регулярный недостатокъ въ хлѣбѣ по мѣрѣ того, какъ составъ общины все увеличивался приходившими съ юга бѣглецами. Пришлось „промышлять хлѣбъ и деньги“, и постепенно Выговская община превратилась въ крупное рыбное и лѣсное промышленное предпріятіе на артельныхъ началахъ. На „Низъ“ везли рыбный и пушной товаръ, съ Низу—хлѣбъ и другіе предметы потребленія, которыхъ нельзя было достать на сѣверѣ. Въ Вытегрѣ, Петербургѣ, Петрозаводскѣ, Вологдѣ, Москвѣ и Нижнемъ появились выговскія конторы и агенты; а въ самой общинѣ рядомъ со „скитниками“ появились наемные „работные люди“. Такъ не удалось уйти отъ „міра“; напротивъ, въ міръ пришлось вернуться и привязаться къ нему самыми тѣсными узами.

Вступивъ съ „міромъ“ въ экономическую связь, выговцы должны были признать и его гражданскія правоотношенія. Но для этого приходилось уже пересматривать идеологію. И когда въ 1739 г. пріѣхала на Выгъ правительственная комиссія производить слѣдствіе о выговской общинѣ, тѣ же самые Андреій и Семенъ Денисовы, которые ранѣе ревниво оберегали своихъ „дѣтушекъ“

отъ антихриста, теперь стали во главѣ партіи примиренія съ „антихристомъ“. Эта партія послѣ жаркихъ преній одержала верхъ, и выговцы приняли всѣ условія „міра“—и двойной окладъ, и рекрутчину или откупъ по 120 руб. съ рекрута, и молитву за царя. Принятіе послѣдней было мотивпровано Семеномъ Денисовымъ въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, знаменовавшихъ полный разрывъ со старой идеологіей: надо молиться за царя, „ибо мы живемъ на его землѣ, онъ охраняетъ насъ отъ враговъ, печется о внутреннемъ порядкѣ, ограждаетъ имущество (sic!) и личности наши отъ чужого произвола“. Меньшинство, не хотѣвшее измѣны прежнимъ воззрѣніямъ, откололось тогда отъ Выга, не желая болѣе имѣть ничего общаго съ тѣми, кто „звѣревы указы паче евангелія облобызали“, и пошло своею дорогой. Поморская же идеологія продолжала эволюціонировать все далѣе и далѣе въ томъ же направленіи.

Центромъ поморскаго согласія со второй половины XVIII вѣка стала Мошинская Покровская община, сгруппировавшаяся вокругъ часовни купца Монина. Тамъ вырабатывались новыя воззрѣнія и новая практика культа. Ранѣе, предъ лицомъ вѣчности, поморцы говорили, что благодать Божія взята на небо, и культъ прекратился вплоть до второго пришествія. Теперь поморцы стали разсуждать иначе. Законная іерархія пресѣклась, но пресѣклась временно, какъ пресѣкалась ранѣе въ эпохи аріанства и иконоборства; возможно, что она и возстановится. Мошинцы очень интересовались исканіями архіерейства, предпринятыми съ Рогожскаго кладбища, и участвовали даже въ общемъ соборѣ поморцевъ и рогожцевъ 1765 г., созванномъ спеціально для разрѣшенія вопроса объ отысканіи архіерея. Соборъ кончился ничѣмъ; былъ предложенъ только одинъ фантастическій проектъ — рукоположить архіерея рукою мощей митрополита Іоны, при чемъ положенныя молитвы вмѣсто мертвеца долженъ былъ читать рогожскій попъ. Но поморцы не хотѣли признать правильности рогожскихъ поповъ, да и весь проектъ показался большинству участниковъ настолько сомнительнымъ, что отъ него отказались, а другого способа не придумали. Мошинцамъ пришлось остаться при томъ культѣ, который у нихъ выработался „по нуждѣ“. Выборный наставникъ совершаетъ въ домашней молельнѣ богослуженіе, состоявшее въ чтеніи и пѣніи молитвъ; изъ таинствъ совершалось только крещеніе, которое „по нуждѣ“ можетъ быть совершаемо и мірянами. Больнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ поморцы стали жить въ мирѣ съ „міромъ“ и начали трудиться для прочнаго житія, а не для близкаго страшнаго суда, заповѣдь воздержанія отъ брака падала сама собою. Бракъ нуженъ, но кто же будетъ совершать таинство брака? Жить „безъ закона“ нельзя, а „по закону“—нѣтъ возможности. Изъ затрудненія поморцы вышли путемъ чисто раціоналистическаго разсужденія. Бракъ установленъ нерушимою заповѣдью Божіею о размноженіи рода человѣческаго,—заповѣдью, дан-

ною еще первымъ людямъ. До установленія таинства брака въ христіанской церкви браки совершались и были правомѣрны, ибо исполнялась заповѣдь Божія; значитъ, и теперь, когда таинство брака совершаться не можетъ, бракъ, какъ учрежденіе, все-таки долженъ существовать. Былъ выработанъ особый „Брачный уставъ“, стремившійся замѣнить церковную церемонію гражданскимъ обрядомъ. Центръ тяжести обряда былъ перенесенъ на традиціонныя домашнія церемоніи благословенія жениха и невѣсты: за этими церемоніями слѣдовало, въ качествѣ придатка, благословеніе наставника въ часовнѣ. Практика жизни вскорѣ заставила пойти еще дальше, когда явился вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Тутъ, подъ условіемъ епитиміи, было разрѣшено даже вѣнчаться у православнаго священника и по православному обряду. Въ результатѣ, поморское согласіе превратилось въ чисто буржуазную церковную организацію, нѣсколько напоминающую протестантскія общины. Сходство дополнялось тѣмъ, что, слѣдуя авторитету Андрея Денисова, многіе поморцы придавали основное значеніе вѣрѣ, а не обрядамъ и провозглашали „вольную волю“ каждаго человѣка въ вопросахъ религіи: каждый „самовластенъ“ выбирать себѣ „путь спасенія“, какой хочетъ.

Андрей Денисовъ (портретъ XVIII в.).

Такая же судьба постигла другую общину безпоповцевъ, образовавшуюся въ Москвѣ одновременно съ Рогожской и такимъ же способомъ — общину Преображенскаго кладбища. Преображенская община была основана такъ называемыми ѳедосеевцами, переселившимися послѣ указовъ Екатерины назадъ въ Россію изъ-за польскаго рубежа. Основателемъ ѳедосеевскаго согласія былъ наставникъ одной изъ зарубежныхъ общинъ, Ѳеодосій; былъ онъ и на Выгѣ, но разошелся съ выговцами во взглядахъ, находя позицію выговцевъ слишкомъ примирительною. Въ противоположность умѣреннымъ поморцамъ, ѳедосеевцы хотѣли быть крайними пуританами. Ихъ „Уставъ польскій“, излагавшій правила принятія въ общину, проникнутъ духомъ крайней нетерпимости ко „внѣшнимъ“, т.-е. ко всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ ѳедосеевскимъ общинамъ, какихъ бы религіозныхъ взглядовъ они ни держались. Московская община должна была организоваться на тѣхъ же началахъ. Основателемъ ея былъ московскій купецъ и заводчикъ Илья Алексѣевичъ Ковылинъ. Въ разгаръ чумы онъ выступилъ съ обличительною

проповѣдью среди московскихъ ѳедосеевцевъ, упрекая ихъ за отступленіе отъ „православной вѣры“ и объясняя чуму, какъ наказаніе за грѣхъ отступничества. „Кто православную вѣру усердно соблюдаетъ, того она прославляетъ и отъ бѣдъ избавляетъ, по преселеніи же отъ временныій царствія небеснаго сподобляетъ и съ Богомъ соединяетъ“, говорилъ Ковылинъ. Москвичи, и ѳедосеевцы, и „внѣшніе“, были охвачены такою паникой, что хватались за всякое средство спасенія — и проповѣдь Ковылина имѣла огромный успѣхъ. Умиравшіе крестились у него и завѣщали ему свое имущество. Такимъ путемъ въ его рукахъ образовался большой капиталъ, который онъ и употребилъ на учрежденіе общины. Прошеніе объ учрежденіи за Преображенской заставой больницы, богадѣльни и карантина было подписано, кромѣ Ковылина, 18 купцами и 7 оброчными крестьянами, записанными въ двойной окладъ. Такъ явилось Преображенское кладбище, организація чисто буржуазная, но съ аскетическо-пуританскими требованіями. Противорѣчіе между этими требованіями и соціальнымъ составомъ общины опредѣлило ея трагическую судьбу.

Ковылинъ, называя вновь учрежденную общину „монастыремъ“, и требованія поставилъ чисто монашескія. Супруги, вступавшіе въ общину, должны были оставлять другъ друга, а холостые и дѣвицы давали обѣтъ цѣломудрія. Но, несмотря на эти требованія, за стѣнами общины царилъ безудержный развратъ, на который Ковылинъ смотрѣлъ сквозь пальцы. Общеніе съ „внѣшними“, даже въ яствіи и питіи—воспрещалось; но достаточно было отбыть епитимію поклонами, лишнимъ днемъ поста или молитвами, чтобы загладить даже самый тяжкій грѣхъ общенія съ „внѣшними“. Запрещеніе общенія „съ внѣшними“ мотивировалось тѣмъ, что весь „внѣшній“ міръ, находящійся за стѣнами Преображенскаго кладбища, есть царство антихриста. Но въ то же время самъ Ковылинъ устраивалъ у себя торжественные обѣды въ честь московскихъ властей и щедро раздавалъ имъ подарки. Идеальною цѣлью общины было спасеніе душъ ея участниковъ на предстоящемъ въ ближайшемъ будущемъ страшномъ судѣ; но имущество поступавшихъ въ общину членовъ отбиралось Ковылинымъ въ собственность общины „на вѣчныя времена“; а такъ какъ страшный судъ все не приходилъ, то Ковылинъ составилъ новый уставъ для общины, по § 14 котораго попечителямъ Преображенскаго кладбища разрѣшалось употреблять капиталы общины на „торговую коммерцію“. Изъ орудія спасенія душъ Преображенская община превратилась въ орудіе обогащенія заправлявшихъ ею купцовъ; устрашая кончиною міра робкихъ людей, позволявшихъ въ суевѣрномъ страхѣ себя обирать и принимавшихъ на себя чисто монашескіе обѣты, заправилы общины выбрали на свою долю „просторные дома, прекрасные и свѣтлые покои, многоцѣнную трапезу и различные напитки, мягкія постели, красныя одежды, частые разговоры, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу пома-

ванія“. А когда монинцы съ негодованіемъ обличали фарисейское лицемѣріе преображенцевъ, въ особенности въ половомъ вопросѣ, преображенцы отвѣчали знаменитымъ софизмомъ, авторомъ котораго былъ будто бы самъ Ковылинъ: „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“. При такихъ условіяхъ община могла существовать только до тѣхъ поръ, пока находились наивные люди, шедшіе со своими капиталами на приманки Ковылина. Раньше всего началось разложеніе филіальной петербургской общины, гдѣ ѳедосеевцы бросили комедію и вступили въ самое тѣсное общеніе „съ дѣтьми антихристовыми“, а въ 1812 г. цѣлый рядъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Преображенской общины въ Москвѣ откололся отъ нея и перешелъ къ монинцамъ. Послѣ этого, въ теченіе XIX вѣка община влачила довольно жалкое существованіе.

Даніилъ Викуловъ (портр. XVIII в.).

Исторія трехъ указанныхъ согласій тѣсно переплетается съ исторіей россійской буржуазіи въ XVIII вѣкѣ; всѣ они такъ или иначе сослужили службу россійскому купечеству, обезпечивая ему его успѣхи среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, въ вѣкъ наиболѣе пышнаго расцвѣта дворянскаго владычества. Противоположность барина и купца въ гражданской области соотвѣтствовала противоположности старообрядца и никоніанина въ церковной. Но еще болѣе жестокой была противоположность барина и мужика, господина и раба. Она также рождала противоположность и протесты въ религіозной сферѣ, и тѣмъ болѣе непримиримые, чѣмъ хуже становилась участь крестьянина въ XVIII вѣкѣ. Рекрутскіе наборы, подушная подать, паспортная система, размежеваніе земель, раздача государственныхъ крестьянъ фаворитамъ — это все сыпалось на мужика сверху; въ деревнѣ съ каждымъ годомъ увеличивались требованія и власть барина, въ цѣломъ рядѣ мѣстностей исчезла крестьянская запашка, а крестьяне превратились въ плантаціонныхъ рабовъ. Оттого XVIII вѣкъ проходитъ подъ знакомъ непрекращающихся крестьянскихъ бунтовъ, то крупныхъ, то мелкихъ; а въ сферѣ пассивнаго протеста XVIII вѣкъ знаменуется массовыми бѣгами крестьянъ и появленіемъ различныхъ крестьянскихъ сектъ.

Наиболѣе типичная секта тѣсно связана именно съ бѣгами крестьянъ, возводитъ бѣгство крестьянъ въ религіозный догматъ. Сектанты такъ и назывались бѣгунами. Основателемъ секты былъ бѣглый солдатъ Евѳимій, одно

время бывшій подъ вліяніемъ ѳедосеевцевъ; но онъ скоро понялъ ихъ „двоедушіе“ и основалъ собственную секту, оказавшуюся какъ нельзя болѣе по душѣ всѣмъ людямъ, попавшимъ въ одинаковое съ нимъ положеніе: бѣглымъ крестьянамъ, бѣглымъ солдатамъ, бѣглымъ преступникамъ, бездомнымъ нищимъ. Доктрина бѣгуновъ проста до чрезвычайности. Исходный пунктъ—старый мотивъ XVIII вѣка о томъ, что съ 1666 г. въ Россійскомъ государствѣ воцарился антихристъ. Антихристъ царствуетъ въ преемственномъ рядѣ царей, начиная съ Алексѣя Михайловича и Петра. Алексѣй и Петръ—двурогій звѣрь, послѣдующіе цари—десятирогій звѣрь Апокалипсиса. Цари, въ особенности Петръ I, извратили всю гражданскую жизнь своими указами. Богъ сотворилъ все о б щ и м ъ для всѣхъ, а Петръ пустилъ въ ходъ діавольское слово „мое“, пересчиталъ живыхъ и мертвыхъ, раздѣлилъ людей на разные чины, размежевалъ земли, рѣки и усадьбы и ввелъ, наконецъ, печать антихриста, паспортъ. Цари, царствовавшіе послѣ Петра, еще усугубили всѣ эти антихристовы мерзости, и теперь „всюду вѣрніи утѣсняеми, отъ отечества изгоняеми“. Чтобы спастись отъ сѣтей антихриста, отъ его губительной печати, остается только одно средство: „таитися и бѣгати“, стать странникомъ, невѣдомымъ міру. Бѣгство спасетъ вѣрнаго отъ сѣтей антихриста, пока не настанетъ страшный судъ. Тогда начнется открытая „брань съ антихристомъ“; всякій, кто во время этой брани будетъ убитъ, получитъ вѣнецъ мученическій, царскія „златыя палаты“ будутъ сокрушены, насильники будутъ вопіять: „смолу и огнь я пію за прегордую жизнь мою“, а страдальцы бѣгуны попадутъ въ рай:

«Тамъ растутъ и процвѣтаютъ древа райскія всегда,
Тамъ рождаютъ, умножаютъ своего сладкаго плода».

Но и въ „палатѣ лѣсовольной“ антихристъ грозилъ настичь бѣгуновъ. „Лѣсовольныя палаты“ были теперь не такъ близки, какъ прежде. Донъ и Сѣверская украйна давно были замирены, и приходилось уходить отъ антихриста въ лѣсныя дебри Архангельской и Вологодской губерній, Пріуралья и Сибири. Пока бѣгунъ изъ центра доходилъ до „прекрасной матери пустыни“, его могли на каждомъ шагу поймать „слуги антихриста“, „бѣсовскіе полки“. Бѣгство отъ міра могло успѣшно осуществляться только при наличіи его надлежащей организаціи. Ее удалось выработать благодаря тому, что къ бѣгунству примыкали и такіе элементы, которые не могли цѣликомъ принять на себя обязательства бѣгуна. Крестьяне побогаче и мѣщане городскихъ окраинъ охотно примыкали къ сектѣ въ качествѣ „страннопріимцевъ“ и брали на себя обязательство принимать и укрывать у себя бѣгуновъ. Для этой цѣли страннопріимцы строили дома, спеціально приспособляя ихъ для пристанподержательства бѣгуновъ. Такіе дома, двухъэтажные, съ потайными

клѣтями, съ подземными ходами, ведущими въ ближайшій лѣсъ, можно иногда встрѣтить еще и теперь въ глухихъ уѣздахъ Новгородской, Костромской и Вологодской губерній. Деревни и города, гдѣ жили странноприимцы, были хорошо извѣстны бѣгунамъ; сообразно съ ихъ расположеніемъ составлялись бѣгунскіе маршруты, при чемъ очень часто дѣйствительныя названія замѣнялись условными, сказочными, чтобы сбить съ толку полицію, еслибы маршрутъ попалъ ей въ руки. Подъ стать маршрутамъ были и юмористическіе паспорта, которыми иной разъ запасались бѣгуны: „данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, отъ небесной полиціи“.

Для того, чтобы спастись, страннопріимцамъ было недостаточно принимать и укрывать бѣгуновъ. Оказывая своимъ собратьямъ эту помощь, страннопріимцы все-таки оставались въ мірѣ, жили, волей-неволей придерживаясь указовъ „антихриста“, принимая его „печать“. Если страннопріимецъ не хотѣлъ оставаться на полдорогѣ, онъ долженъ былъ хотя бы передъ смертью превратиться въ настоящаго бѣгуна. Превращеніе, какъ оно выработалось на практикѣ, въ сущности было фиктивнымъ. Когда страннопріимецъ смертельно заболѣвалъ, родные отсылали его паспортъ властямъ съ заявленіемъ, что означенный въ паспортѣ скрылся неизвѣстно куда. Больного тѣмъ временемъ переносили въ сосѣдній домъ или въ лѣсъ, если не было надежнаго сосѣда, на котораго можно было бы положиться; формально, такимъ образомъ, больной превращался въ настоящаго бѣгуна, „таился и бѣгалъ“, и въ такомъ положеніи заставала его смерть.

Бѣгунство возникло во второй половинѣ XVIII вѣка, въ наиболѣе тяжкую для крестьянства пору. Но еще ранѣе бѣгуновъ, въ началѣ XVIII в., а можетъ-быть, и въ концѣ XVII в., возникла еще одна чрезвычайно распространенная въ XVIII вѣкѣ секта—хлыстовщина. Ея зачатки мы уже видѣли въ XVII вѣкѣ, въ полумистическихъ-полураскольничьихъ крестьянскихъ организаціяхъ Урала и Сибири. Хлыстовщина такъ же, какъ и бѣгунство, исходила изъ положенія, что въ мірѣ царитъ Антихристъ, но дѣлала изъ этого положенія другіе выводы. Легенда о происхожденіи хлыстовщины разсказываетъ, что, когда при царѣ Алексѣѣ исчезли вѣра и благочестіе, и стали люди спорить, по какимъ книгамъ можно спастись, нашлись умные люди, которые заявили, что никакихъ книгъ не нужно, а надо позвать Самого Господа Бога, онъ и укажетъ путь ко спасенію. Стали звать Бога, и въ отвѣтъ на призывъ въ 1645 г. (!) въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, на гору Городину (въ Ковровскомъ уѣздѣ, Владимирской губ.) скатилъ на землю на огненной колесницѣ самъ Господь Саваоѳъ и вселился въ пречистую плоть крестьянина Даніилы Филипповича. Первымъ дѣломъ Даніила собралъ всѣ книги въ кулъ и бросилъ въ Волгу: никакихъ книгъ, ни старыхъ, ни новыхъ, не нужно, нужна только:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Самъ сударь духъ святой.

И объявилъ Данила своимъ послѣдователямъ двѣнадцать заповѣдей, гдѣ тотъ же догматъ формулировалъ такъ: „Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ, нѣтъ другого бога, кромѣ меня; нѣтъ другого ученія, не ищите его; святому духу вѣрьте“.

Эта легенда, стремящаяся, въ подражаніе евангеліямъ, къ географической и хронологической точности, столь же точно и опредѣленно выясняетъ сущность новаго ученія. Оно заключается въ томъ, что старое откровеніе, заключенное въ книгахъ, есть ложное и испорченное откровеніе, подъ стать тому лживому, испорченному и грѣшному міру, столпами котораго оно держится. Чтобы спастись, надо найти новое откровеніе, а для этого надо обратиться къ его первоисточнику, къ духу святому, вступить съ нимъ въ общеніе, услышать его голосъ, вѣрить такъ, какъ онъ скажетъ. Способъ общенія съ божествомъ былъ давно извѣстенъ нашимъ крестьянамъ, какъ и ихъ соціальнымъ собратьямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Пророки и дервиши, греческіе орфики, христіане первоначальныхъ общинъ, бичевальщики среднихъ вѣковъ, анабаптисты эпохи Реформаціи, „лжепророки“ Стоглава—всѣ они знали этотъ способъ и прибѣгали къ нему. „Духъ“ сходитъ на человѣка, когда человѣкъ приведетъ себя въ состояніе религіознаго восторга посредствомъ пляски, пѣнія или простого быстраго верченія на одномъ мѣстѣ; предварительно надо подготовить нечистую плоть къ принятію духа посредствомъ поста, омовеній и молитвы. Къ такимъ „радѣніямъ“ прибѣгали и хлысты; молва о нихъ и послужила причиною раскрытія секты въ Угличѣ въ 1766 г., когда возникла первая официальная переписка о хлыстахъ.

„Радѣнія“ хлыстовъ составляли центръ тяжести ихъ религіознаго быта; они, какъ праздники, озаряли ихъ „трудовой и слезовой“ жребій среди враждебнаго имъ міра. На „радѣніяхъ“ получали они „духовную радость“, скрашивавшую ихъ тяжелое существованіе. Но не легко было получить желанную „духовную радость“. Къ трудовой и слезовой жизни прибавлялся еще „трудовой и слезовой“ законъ Данилы Филипповича. Божественный духъ не можетъ войти въ „нечистую свинью“, какъ Данила называлъ человѣческую плоть; надо ее очистить аскетическими подвигами. Въ заповѣдяхъ Данилы содержались на этотъ счетъ такія строгія предписанія: „хмельнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите; не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою, какъ съ сестрою; неженимые не женитесь, женимые разженитесь“. Л передъ самымъ радѣніемъ нужно было соблюдать строгій постъ. Надѣвъ чистыя рубахи, въ праздничныхъ платьяхъ собирались сектанты на радѣнія. Свя-

Щукинъ. Императоръ Павелъ I. Музей Александра III.

ΙΙΙγκιπας. Νικηφορος Γλαβας Ι. Ιωαν Δαυκσανδρα ΙΙΙ.

щеннодѣйствіе начиналось общей трапезой; затѣмъ начиналось самое радѣніе подъ предводительствомъ „кормщика“ или „кормщицы“ корабля, т.-е. общины. Одна за другою пускались въ быструю пляску пары, высоко подпрыгивая и подпѣвая; наиболѣе ревностные били себя палками и цѣпами. Пляска, въ концѣ-концовъ, превращалась въ бѣшеный бѣгъ, а пѣніе—въ дикія выкрикиванія припѣва:

Ой богъ, ой богъ, ой богъ!
Ой духъ, ой духъ, ой духъ!
Накати, накати, накати!
Ой Егà, ой Егà, ой Егà!

Тутъ и наступалъ моментъ „духовной радости“. Самые изступленные въ полуобморочномъ состояніи падали на полъ и начинали выкрикивать безсвязныя слова. Это означало, что на нихъ сошелъ духъ, они говорятъ уже не отъ себя, а отъ духа, „пророчествуютъ“. Каждое слово „пророка“ или „пророчицы“ жадно ловилось присутствовавшими; слова запоминались и послѣ сами собою складывались въ пѣсни. Эти пѣсни запечатлѣли въ себѣ то новое откровеніе, которое давалъ хлыстамъ ихъ „духъ“. Радѣніе заканчивалось также общей трапезою.

Откровеніе хлыстовъ по содержанію повторяетъ отчасти элементы христіанской легенды и апокалиптики, отчасти мотивы старой народной религіи. Первые доминируютъ въ легендѣ о томъ, какъ произошла секта, и въ представленіяхъ о страшномъ судѣ, вторые—въ представленіяхъ о божествѣ и загробной жизни. „Духа святого“ хлысты представляли себѣ въ видѣ или краснаго солнышка, или яснаго сокола, или соловья, поющаго въ сердцѣ у батюшки. Въ представленіяхъ о Саваоѳѣ и Христѣ эти тотемистическія переживанія смѣняются образами, навѣянными соціальной средой, которой должно было подчиняться крестьянство. На седьмомъ небѣ живетъ Саваоѳъ, тамъ у него дворецъ, а во дворцѣ „кабинетъ“, гдѣ „трепещутъ“ его ангелы. Саваоѳъ—царь, Христосъ—царскій сынъ, у него смарагдовая корона, онъ полковникъ полковой, на седьмомъ небѣ у него и дворецъ, и грады, и „зелены сады“. А при дворцѣ у бога—канцелярія; сидятъ тамъ ангелы и записываютъ имена хлыстовъ въ „животную книгу“. Богородица изображается въ видѣ царицы-матушки. Какъ добрая богатая помѣщица, живетъ она въ небесномъ теремѣ, гдѣ служатъ ей цѣлые полки дѣвическіе. Таково хлыстовское небо; оно ничѣмъ не отличается отъ земли, небесные боги—тѣ же земные боги, помыкающіе крестьяниномъ. Но когда дѣйствіе божественной драмы переносится съ неба на землю, мѣстные русскіе мотивы уступаютъ мѣсто евангельскимъ, при чемъ послѣдніе подвергаются своеобразной географической и хронологической переработкѣ. Данила—Саваоѳъ, богъ-отецъ, у него сынъ Христосъ. Это Иванъ Сусловъ, крестьянинъ Муромскаго уѣзда. Родился онъ отъ богородицы, „дѣвицы-краснолицы“, ходилъ и проповѣды-

валъ въ сопровожденіи 12 апостоловъ. Въ концѣ-концовъ, его схватили и распяли въ Москвѣ, на Красной площади; на третій день онъ воскресъ и явился своимъ послѣдователямъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ (Подольскаго уѣзда); схватили его вторично, опять распяли, онъ вторично воскресъ и вознесся на небо. Дальше хлыстовская легенда отступаетъ отъ евангельской. Христосъ, хотя и вознесшійся, не могъ оставить своихъ вѣрныхъ; онъ долженъ быть съ ними „до скончанія вѣка“. Представить себѣ Христа иначе, чѣмъ въ тѣлесномъ видѣ, хлысты не могли; поэтому у нихъ появилось воззрѣніе, что Христосъ воплощается постоянно, послѣ одного Христа сейчасъ же появляется новый. Слѣдственныя дѣла о хлыстахъ сохранили имена цѣлаго ряда „христовъ“, появлявшихся въ теченіе XVIII вѣка. Въ связи съ вѣрою въ постоянное воплощеніе Христа находился у хлыстовъ такъ называемый „обрядъ христовой любви“. Онъ происходилъ разъ въ годъ, вѣроятно, не во всѣхъ „корабляхъ“, на великомъ годичномъ радѣніи. Въ концѣ радѣнія, когда всѣ участники доходили до полнаго умопзступленія, начиналось безпорядочное половое смѣшеніе участниковъ и участницъ: такъ велитъ „духъ“, грѣха тутъ нѣтъ. Забеременѣвшая послѣ такого обряда дѣвушка объявлялась богородицей, ибо считалось, что она зачала отъ „духа святого“; если у нея рождалась дочь, она объявлялась пророчицей, если сынъ, то онъ становился „христосикомъ“.

Но явленіе „христовъ“ и моментъ „духовной радости“ только изрѣдка скрашиваютъ земное существованіе; они потеряли бы всякій смыслъ, если-бы не были залогомъ будущаго вѣчнаго блаженства. Это будущее блаженство настанетъ послѣ страшнаго суда, который будетъ совершонъ Саваоѳомъ Данилой въ Москвѣ. Послѣ страшнаго суда всѣ не сектанты пойдутъ въ муку вѣчную, а хлысты поселятся на седьмомъ небѣ, въ „пресвѣтломъ градѣ Сіонѣ“. Для нихъ приготовлены тамъ хрустальныя палаты, божественныя постели, сладкія яства, золотыя ризы. Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка явился было въ Тамбовѣ христосъ Побирохинъ, намѣревавшійся идти судить вселенную; но его арестовали со всею его свитой, и хлысты такъ и не увидали своего рая.

Хлыстовщина широко распространилась по Россіи въ теченіе XVIII вѣка; гнѣздясь преимущественно въ крестьянской средѣ, она проникала и въ города и давала начало новымъ сектамъ. Эти послѣднія постепенно заслонили собою хлыстовщину, и въ XIX вѣкѣ она отходитъ уже на второй планъ сравнительно съ новыми сектами. Изъ нихъ ближе всего къ хлыстовщинѣ стоитъ скопчество. Исторія его относится, собственно, къ первой половинѣ XIX вѣка, но зародилось оно еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка въ одномъ изъ московскихъ хлыстовскихъ кораблей. Мотивомъ къ его образованію была заповѣдь Данилы Филипповича воздерживаться отъ полового общенія.

Заповѣдь эту было, конечно, исполнять труднѣе, чѣмъ всякую другую. Нелегко было „женимымъ разжениться, неженимымъ не жениться“; между тѣмъ соблюденіе ея было главнымъ условіемъ для полученія вѣчнаго блаженства. Выходъ былъ одинъ: сдѣлать такъ, чтобы былъ уничтоженъ самый соблазнъ къ половому общенію. И вотъ въ 1733 г. въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ власти обнаружили хлыстовскій корабль, кормщица котораго, монахиня Анастасія, производила оскопленія. Оскопившіеся хлысты первое время не выдѣлялись изъ хлыстовщины; они были своего рода монахами среди хлыстовъ, принявшими особую „печать духа святого“. Но такъ какъ оскопленіе не требовалось заповѣдями Данилы, и, кромѣ того, допускался „обрядъ христовой любви“, то эта тяжелая операція не получила среди хлыстовщины широкаго распространенія. Однако оскопленіе само по себѣ было настолько рѣшительнымъ актомъ въ жизни лица, его принимавшаго, что на немъ можно было базировать самостоятельное ученіе. Въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. въ Тульской провинціи появился скопецъ, крестьянинъ Кондратій Селивановъ, проповѣдывавшій, что для спасенія необходимо „огненное крещеніе“; вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, Андреемъ Петровымъ, онъ производилъ оскопленія среди купцовъ и фабричныхъ крестьянъ. Кондратій Селивановъ и былъ основателемъ скопческой секты, оказавшейся чрезвычайно вліятельною въ буржуазной средѣ, въ особенности въ Петербургѣ, гдѣ Кондратію воздавались чуть ли не божескія почести.

Обелискъ надъ братской могилой старообрядцевъ, умершихъ отъ чумы 1771 г., на Рогожскомъ кладбищѣ (съ оригин. рисунка съ натуры).

Вмѣстѣ со скопчествомъ хлыстовщина перешла въ другую соціальную среду. Но и въ той же крестьянской средѣ, въ которой зародилась хлыстовщина, появились въ концѣ XVIII вѣка новыя секты, преимущественно въ тѣхъ кругахъ крестьянства, которые не могли удовлетвориться пассивной позиціей и анимистической идеологіей хлыстовщины. Хлысты въ сущности складывали руки передъ лицомъ беззастѣнчивой эксплуатаціи и всѣ надежды возлагали на второе пришествіе; здѣсь на землѣ они довольствовались заб-

веніемъ, которое давали имъ радѣнія, но не мечтали о возможности земного же избавленія отъ тяжелой доли. Но въ концѣ XVIII вѣка появились такіе элементы крестьянства, которые не могли удовлетвориться такою пассивною позиціей. Въ Екатеринославской губерніи были крестьянскія волости, не захваченныя крѣпостной эксплуатаціей, состоявшія изъ потомковъ знаменитыхъ запорожцевъ; среди нихъ появилась секта „сыновъ Авеля“, какъ называли себя сектанты, или „духоборцевъ“, какъ прозвали ихъ синодскіе обличители. Секта эта отличается совершенно инымъ характеромъ: она хочетъ исправить зло уже здѣсь на землѣ, не дожидаясь второго пришествія, теперь же возстановить „божію правду“ посредствомъ установленія коммунистическаго устройства. Въ томъ же родѣ возникаетъ секта въ Тамбовской губерніи, наканунѣ появленія тамъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Тамбовскіе сектанты называли себя „евангельскими христіанами“, а противники прозвали ихъ „молоканами“. Мы чувствуемъ въ нихъ уже совершенно новый духъ, не имѣющій ничего общаго съ реакціоннымъ духомъ хлыстовщины. Исторія ихъ принадлежитъ къ послѣдующему XIX вѣку, когда мы къ ней и вернемся.

П. Никольскій.

Арсеній Маціевичъ въ Ревелѣ.

Писатель и книга въ эпоху Екатерины Великой.

Краткъ, но выразителенъ очеркъ жизни писателя и книги въ вѣкъ философа-монарха, императрицы-вольтерьянки. Противорѣчія и двойственность эпохи съ рѣдкой наглядностью вскрываются именно на судьбѣ книги, въ фактахъ, рисующихъ положеніе литературы. Другъ Вольтера, авторъ „Наказа“, запрещеннаго во Франціи, участница перевода на русскій языкъ Мармонтелева „Велисарія“, сожженнаго въ Парижѣ, смѣявшаяся надъ тупостью и невѣжествомъ русской жизни въ своихъ комедіяхъ, писавшая въ „Живописцѣ“, посылавшая рукописи, деньги издателю „Древней Россійской Вивліофики“, Екатерина на второй же годъ своего царствованія издала указъ о запрещеніи продавать „Эмилія“ Руссо, Меморіи Петра III и „много другихъ подобныхъ книгъ, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ“, и, вызвавъ къ жизни литературныхъ работниковъ, тѣснила, преслѣдовала ихъ; бросивъ въ общество много свѣжихъ идей, стремилась уничтожить общественное мнѣніе; торжественно заявивъ, что „самовластіе, не обузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами въ государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственной бываетъ причи-

ной“, ссылала писателя, дерзнувшаго повторить слова ея манифеста; начавъ съ „Наказа“, кончила гоненіями на Новикова, Радищева... Идя навстрѣчу общественнымъ потребностямъ, она разрѣшаетъ 1 марта 1771 г. иностранцу Гартунгу завести типографію для печатанія иностранныхъ книгъ, 22 августа 1776 года даетъ разрѣшеніе Вейтбрехту и Шнору печатать въ ихъ типографіи русскія книги, но поручаетъ полиціи строго смотрѣть, чтобъ въ книгахъ не было ничего „предосудительнаго православной церкви, ни правительству, ниже добронравію“, ревниво оберегаетъ интересы казенныхъ типографій, запрещая всѣмъ другимъ печатать мѣсяцесловы и другія книги, печатавшіяся въ Академіи Наукъ (указъ 20 февр. 1780). Изданіе знаменитаго указа 15 января 1783 года, позволявшаго „каждому по своей собственной волѣ заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ Управѣ Благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ“, немедленно же сопровождалось указаніемъ, что полиція должна запрещать тѣ книги, въ коихъ найдется „противное законамъ Божіимъ и гражданскимъ“, конфисковать такія „соблазнительныя“ произведенія, „о виновныхъ же въ ихъ изданіи сообщать,

Н. И. Новиковъ, Левицкаго. (Музей Александра III.)

куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были“. Совсѣмъ еще недавно Екатерина говорила, что „слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію“, что запрещеніе даже „очень язвительныхъ“ сочиненій ничего иного не произведетъ, какъ „притѣсненіе и угнетеніе“, усилитъ невѣжество, отниметъ охоту писать... Но какъ бы полицейскіе ни придирались къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ книгахъ, какъ бы сама императрица ни выражала неудовольствія Фонвизину за его неумѣстное „свободоязычіе“ въ извѣстныхъ „Вопросахъ“ (1783), указъ 1783 года

давалъ возможность частной иниціативѣ развернуть всю энергію, какая нашлась въ странѣ, выбросить на рынокъ массы книгъ, создать читателя въ столицѣ и провинціи. Дѣятельность Новикова, „Типографической Компаніи“ навсегда останется свѣтлымъ воспоминаніемъ о русской интеллигенціи XVIII вѣка, преобразившей на время до неузнаваемости страну. Число книгъ въ 80-хъ годахъ выросло до значительной цифры: если въ 1762 г. вышло 95 названій, то въ 1785—183; 1786—271; 1787—387; 1788—439; беллетристическія произведенія за тѣ же годы также ярко рисуютъ степень ихъ роста: въ 1762 — 43 сочиненія; 1785 — 66; 1786 — 112; 1787 — 163; 1788 — 248. Сама Екатерина въ это время покровительствовала писателямъ и, предпочитая „улыбательныя“ произведенія, все же стала на защиту Николева, когда московскій главнокомандующій Брюсъ запретилъ ставить на сценѣ его трагедію „Сорена и Замиръ“ (1785), вызвавшую необычный подъемъ настроеній на первомъ представленіи. Суровому генералу особенно подозрительными показались слѣд. стихи въ монологѣ Премысла:

Д. И. Фонвизинъ.

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ:
Льзя ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца!

Екатерина писала Брюсу: „Удивляюсь, графъ Яковъ Александровичъ, что вы остановили представленіе трагедіи, какъ видно, принятой съ удовольствіемъ всей публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ само-

властія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью“,—и разрѣшила не только представленія трагедіи, но и печатаніе ея въ „Россійскомъ ѳеатрѣ“... Но съ того же 1785 года тянутся длинной вереницей факты преслѣдованій, гоненій, запрещеній какъ отдѣльныхъ книгъ, такъ и писателей. Защитница великосвѣтскаго драматурга, блеснувшаго стихомъ въ духѣ Вольтера, императрица опредѣленно выступила противъ тѣхъ, дѣятельность которыхъ ускользала изъ-подъ ея надзора, которые пошли противъ ея самодержавныхъ вкусовъ и стали разрыхлять почву для идей общественности, гражданскаго сотрудничества. Въ 1785 году начался походъ противъ Новикова, противъ просвѣщенія, общественности... Въ декабрѣ Брюсъ по указу Екатерины поручаетъ губернскому прокурору составить роспись книгамъ, выходящимъ изъ Новиковской типографіи, назначаетъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Платономъ двухъ духовныхъ цензоровъ для наблюденія за книгами, чтобы „не скрывались въ нихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ“. Любопытно, что прокуроръ Тейлсъ заподозрѣлъ въ числѣ прочихъ двѣ книги: „Естественное Богословіе“ Дрегама, напечатанное съ разрѣшенія самого Платона, и брошюру-сатиру на масоновъ „Тайна противонелѣпаго общества“, анонимно сочиненную самой императрицей... Екатерина особенно вооружается противъ масонскихъ книгъ, „странныхъ“, какъ она выразилась въ указѣ Брюсу (23 декабря); въ январѣ 1786 года приказываетъ послѣднему допросить Новикова, почему онъ издаетъ подобныя книги, въ мартѣ издаетъ указъ о запрещеніи Новикову и вообще содержателямъ вольныхъ типографій печатать книги, „исполненныя странными мудрствованіями, подъ опасеніемъ не только конфискованія тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографіи и книжную лавку, а при томъ и законнаго взысканія“, предписываетъ Брюсу конфисковать нѣсколько масонскихъ книгъ изъ лавки Новикова.

А. Н. Радищевъ.

Въ слѣд. году, 27 іюля, Екатерина запрещаетъ вольнымъ типографіямъ печатать книги церковныя, относящіяся къ вѣрѣ и печатавшіяся въ синодальной типографіи, а также книги, издававшіяся отъ комиссіи народныхъ училищъ. Немедленно же обысканы были всѣ книжныя лавки, книги опечатаны и... сожжены. Только потому, что были напечатаны „противозаконно“, сожигались „по именному Ея Императорскаго Величества указу“ такія книги, какъ „Житіе Сергія Чудотворца“, „Исторія священная“, „Крат-

Суворовъ.

Музей Семеновскаго полка.

кій Катехизисъ“ и множество другихъ религіозно-нравственныхъ сочиненій, „Азбука Россійская церковная и гражданская“ (1768), „Азбука нѣмецкая“ (1780), „Букварь Россійской церковной съ гражданскими литерами“ (1780), „Собраніе сочиненій духовныхъ“ Сумарокова (1787), „Духовныя сочиненія“ Ломоносова, „Творенія эпическія“ Хераскова, ч. I (1787)... Невѣроятный, но подлинный фактъ: въ числѣ 313 книгъ, конфискованныхъ у Новикова, были сочиненія самого Платона... Они также были сожжены... [1]). Нечего говорить, что Новиковскому дѣлу нанесенъ былъ страшный ударъ: лишеніе права печатать учебныя книги наносило ущербъ самому цѣнному въ издательской работѣ Новикова, подрѣзало въ корнѣ его просвѣтительскіе планы. Чѣмъ далѣе, положеніе писателя и книги становилось все хуже, былая увѣренность, что писателямъ дарована „свобода мыслить и изъясняться“, смѣнялась разочарованіемъ, тревогой. Въ 1788 году Фонвизину запрещено было печатать журналъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ“. Авторъ „Недоросля“ лишній разъ убѣдился, что „есть нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ“... Въ томъ же году Екатерина отдаетъ приказъ не заключать московскому университету съ Новиковымъ контракта на содержаніе имъ университетской типографіи. Напуганная событіями французской революціи, она только ждетъ случая расправиться съ виднымъ представителемъ общественнаго мнѣнія и, на время оставивъ Новикова въ покоѣ, обрушивается въ 1790 году на Радищева, на знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Я. Б. Княжнинъ.

Вышедшее за подписью оберъ-полицмейстера Рылѣева, не читавшаго, какъ выяснилось потомъ, книги, съ дозволенія Управы Благочинія, сочиненіе Радищева немедленно обратило на себя вниманіе императрицы: „съ жаромъ и чувствительностью“ восклицала она, что авторъ „бунтовщикъ хуже

---

[1]) См. Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 037 (приложенія).

Пугачева“, „мартинистъ“, увидѣла въ книгѣ „разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства“. Испестрила книгу замѣчаніями, изъ которыхъ ярко видно, что особенно возмутило убаюканную лестью императрицу, вѣрившую, что у трона ея лишь добродѣтели сіяютъ, что въ царствѣ ея живется такъ же хорошо и счастливо, какъ подданнымъ богоподобной Фелицы. Трагическія картины крестьянской жизни въ изображеніи Радищева вызываютъ въ ней удивленіе: вѣдь „неоспоримо, что лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“; въ обличительныхъ страницахъ книги она видитъ „ядъ французскій“, призывъ къ бунту крестьянъ противъ помѣщиковъ, вызовъ противъ начальства, проповѣдь вольности, „опорочиваніе всего установленнаго и принятаго“; въ знаменитой одѣ видитъ „явно и ясно бунтовскіе стихи“, „страницы криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія“... Ее особенно интересуютъ эта ода: „спросить сочинителя, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ сложена“, и вопросъ, „много ли экземпляровъ выпущено и куда дѣвались“. Въ іюлѣ 1790 года Екатерина предписываетъ графу Брюсу взять Радищева подъ стражу и изъять изъ продажи его „зловредную книгу“. Въ началѣ августа Сенатъ постановилъ сжечь „Путешествіе“, автора же „наказать смертью, а именно по силѣ воинскаго устава 2 артикула отсѣчь голову“... Но Екатерина, желая соединить „правосудіе съ милосердіемъ“, замѣнила Радищеву смертную казнь ссылкой въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, „на десятилѣтнее безысходное пребываніе“...

Кн. А. А. Прозоровскій.

Расправившись съ Радищевымъ, императрица стала искать повода окончательно добить другого ненавистнаго ей „мартиниста“. Въ 1791 году она спрашиваетъ московскаго главнокомандующаго кн. Прозоровскаго, почему тотъ не арестовываетъ до сихъ поръ Новикова, и, воспользовавшись тѣмъ, что (неизвѣстно кѣмъ и гдѣ изданная) книжка—„Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“—являлась напечатанной противозаконно, отдаетъ въ 1792 г. приказъ обыскать подмосковную Новикова, взять его подъ присмотръ и допросить, увѣренная, что книжка выпущена ни кѣмъ инымъ, какъ Новиковымъ. Начался знаменитый процессъ: сыскъ и конфискаціи, опечатаніе частныхъ книжныхъ лавокъ, гдѣ были найдены Новиковскія изданія, запрещенныя въ 1786—7 годахъ или напечатанныя безъ цензур-

наго разрѣшенія, арестъ Новикова, заключеніе его въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ... Надъ книгопродавцами, нарушившими указъ 27 іюля 1787 года, назначенъ былъ судъ: обвиненныхъ чуть было не приговорили къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы; лишь благодаря палатѣ уголовнаго суда эта жестокая кара была замѣнена другими мѣрами наказанія: отдачей въ рабочій домъ на мѣсяцъ, кнутомъ, плетьми... Къ счастью, ни одна изъ этихъ мѣръ не была приведена въ исполненіе за изданіемъ указа 2 іюля 1796 года о прощеніи всѣхъ книгопродавцевъ по случаю рожденія великаго князя Николая Павловича, но три года все-таки обвиняемые чувствовали занесенный надъ ними дамокловъ мечъ, пережили весь ужасъ ожиданія... Цензора въ то же время просматривали книги, изданныя Новиковымъ и отобранныя въ книжныхъ лавкахъ. „Двѣ персоны изъ духовныхъ

С. П. Шешковскій.

чиновъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныя“, ректоръ академіи арх. Меѳодій и протопопъ церкви Трехъ Святителей Василій Прокопіевъ отнеслись со всей строгостью къ конфискованнымъ книгамъ и нашли, что большинство не согласно „ни съ истиной Вѣры, ни съ уставомъ Церкви нашей“, другія книжки, какъ „О возможности истиннаго обращенія къ Богу“, не достойны существованія, „яко мелкая и не поучительная книжка“, „Геройская добродѣтель или жизнь Сифа“—„имѣетъ замыслы нововведенные“, „Книга о метеорахъ“—„не весьма нужная; безъ сей книги весьма обойтись можно“, „Ангола; индѣйская повѣсть“—„книга не нужная“ и т. д. [1]). Въ 1794 году Прозоровскій, нашедшій въ Гендриковскомъ домѣ еще одинъ книжный

М. М. Херасковъ.

[1]) Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей. 1871, кн. 3, стр. 17—24 (смѣсь).

складъ, предписываетъ цензоромъ „цензировать книги съ всеприлежнѣйшимъ вниманіемъ“ и указываетъ, что трагедіи „смерть Кесарева“ и „Юлій Цезарь“ Шекспира, какъ „вредныя“ книги, „весьма недостойны существовать“, другими словами подлежатъ тому же уничтоженію, что и прочія книги. Результатомъ подобнаго инквизиціоннаго осмотра книжнаго достоянія Новикова было то, что 18656 книгъ были сожжены... Одновременно съ карами, постигшими Новиковскій кружокъ, налетѣла гроза на Крылова: въ 1792 г. въ его типографіи былъ обыскъ, отобрали одну изъ его повѣстей („О женщинѣ въ цѣпяхъ“), „брали подъ караулъ“ его и другихъ издателей „Зрителя“. Въ итогѣ—прекращеніе журнала, страданія молодого писателя, съ горечью вспоминавшаго тотъ годъ: „тогда я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя“... Послѣднимъ литературнымъ дѣломъ Екатерининской эпохи было гоненіе на трагедію Княжнина „Вадимъ“, показавшуюся императрицѣ набатомъ (по выраженію митрополита Евгенія). Невинная по содержанію, восхвалявшая даже монархическій принципъ и лишь кой-гдѣ насыщенная гимнами „вольности“, по распоряженію кн. Дашковой напечатанная въ „Россійскомъ театрѣ“ (ч. 39), трагедія покойнаго писателя была найдена „якобинской“, вызвала характерный указъ Правительствующаго сената, коимъ предписывалось „оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи нетерпимую — сжечь публично, отъ Управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя сужденію по законамъ“. Дашкова тогда же получила записку отъ Екатерины, спрашивавшей, читала ли она эту книгу, такъ ѣдко нападающую на авторитетъ верховной власти. „Якобинскими“, вѣроятно, были найдены стихи Пренеста, яраго врага „тиранства“:

В. В. Капнистъ.

Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился,
Величья своего отравой упоенъ—
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ возвращенъ?

Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И, невозбранные открывъ пути страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ и т. д.

Нечего говорить, что листы трагедіи были вырваны изъ „Россійскаго ѳеатра“ [1]), отдѣльно изданную книгу отбирали и сжигали... Времена были столь глухія, правительственная реакція такъ давала себя чувствовать, что около имени Княжнина, несмотря на то, что къ моменту выхода въ свѣтъ

Державинъ, Левицкаго. (Академія Художествъ.)

трагедіи автора давно уже не было въ живыхъ, сложились легенды, будто онъ подвергся допросамъ Шешковскаго, знаменитаго кнутобоя, великаго инквизитора, собственноручно поровшаго фрейлинъ и придворныхъ особъ за распространеніе карикатуръ, наводившаго ужасъ на города, куда

---

[1]) Въ такомъ изуродованномъ видѣ 39 часть была пущена въ продажу только въ 1857 году („Русская Старина“, 1871, іюнь, стр. 729).

отправлялся для дознанія, и послѣ допроса „впалъ въ жестокую болѣзнь“ и умеръ... Такъ императрица вытравляла изъ общественнаго сознанія тѣ идеи, которыми когда-то была сама одушевлена, къ концу эпохи стала гонительницей книги, просвѣщенія, свободнаго мнѣнія, забывъ былыя мечты о „естественной вольности“ людей и о своемъ желаніи видѣть русское общество „процвѣтающимъ“... Правительственныя гоненія гибельно отражались на книгѣ, число выходящихъ изданій значительно понизилось къ концу Екатерининскаго царствованія: такъ, въ 1788 г. было отпечатано 439 названій книгъ, въ 1789—339, въ 1790—263, а въ 1797 году только 165; число беллетристическихъ произведеній также сильно упало: въ 1788 году вышло 248; 1789—148; 1790—125, а въ 1797 году—56. Эти цифры краснорѣчивѣй всѣхъ словъ говорятъ, чѣмъ была эпоха Екатерины для русскаго просвѣщенія, отчетливо рисуютъ ростъ, зрѣлую пору и замираніе книги. Надо было сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы окончательно отнять у современнаго общества надежду, что оно имѣетъ „свободу мыслить и изъясняться“. И Екатерина сдѣлала это: 16 сентября 1796 года она издала указъ, коимъ уничтожались всѣ вольныя, частными лицами заведенныя типографіи, такъ какъ „для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество казенныхъ типографій“, а въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ крупныхъ городахъ учреждена была цензура. Такимъ эпилогомъ закончилась драматическая исторія нашей литературы въ эпоху Екатерины. Писателю-гражданину — читатель видитъ — чаще встрѣчались на пути терніи, чѣмъ лавры; полезная книга горѣла на кострѣ...

Н. Бродскій.

М. М. Херасковъ.

Внѣшняя политика Екатерины II.

I. Принципы политики.

Внѣшняя политика Екатерины II всегда была предметомъ особаго вниманія всѣхъ, изучавшихъ послѣднія сорокъ лѣтъ восемнадцатаго вѣка. Но блестящіе по внѣшности результаты войнъ, огромныя территоріальныя расширенія на югѣ и юго-западѣ — долго держали мысль историковъ въ тискахъ и мѣшали объективному разсмотрѣнію Екатерининской внѣшней политики, не позволяли оцѣнить ее съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи, ибо все было хорошо, разъ это приводило къ территоріальному расширенію Россіи. Очарованіе внѣшней политикой почти оставляло открытымъ вопросъ о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ были достигнуты столь „блестящіе по внѣшности результаты“, а также и о томъ, насколько истраченныя силы и средства соотвѣтствовали итогамъ завоевательной политики. Этого вопроса почти не касались изслѣдователи, а если и рѣшались подойти къ этому существенному, но непріятному вопросу апологетовъ и поклонниковъ Екатерины II, то дѣлали это очень осторожно, едва приближаясь, чтобы опять поскорѣе отойти въ сторону и больше не касаться больного вопроса. Оставался также невыясненнымъ въ достаточной степени вопросъ о принципахъ политики. Правда, въ литературѣ стало на-

учнымъ труизмомъ, общимъ мѣстомъ положеніе, что въ Екатерининское царствованіе пришлось разрѣшать рядъ вопросовъ внѣшней политики, продиктованныхъ самимъ ходомъ русской исторіи и поставленныхъ уже раньше къ разрѣшенію, или поставленныхъ на очередь самой Екатериной II. Такая общая постановка вопроса о принципахъ Екатерининской политики не можетъ быть принята. Она отличается большой схематичностью, и за нею скрыты тѣ силы и условія, которыя толкали правительство Екатерины на путь интенсивной внѣшней политики. Екатерину II обыкновенно называютъ „дворянской царицей“, поскольку она обязана первенствующему сословію своимъ престоломъ, и поскольку ея внутреннее законодательство диктовалось интересами и выгодами дворянства. На этомъ сходятся всѣ историки даже самаго противоположнаго направленія. Зато совершено по-иному оцѣнивается ея внѣшняя политика. Обыкновенно говорятъ о полезности и цѣлесообразности ея для государства, оставляя необъясненнымъ, въ какой мѣрѣ государство, какъ отвлеченное цѣлое, выигрывало отъ такой политики. Выдвигались также и національно-религіозныя чувства и настроенія, заставлявшія правительство Екатерины II держать себя особенно вызывающе по отношенію къ слабой сосѣдкѣ Польшѣ, которая, конечно, не могла вынести никакого единоборства съ Россіей и должна была спокойно все переносить, схоронивъ, однако, въ своей душѣ ненависть къ правительству сосѣдней стороны. Конечно, объясненіе такими мотивами внѣшней политики Екатерины II нельзя признать удовлетворительнымъ. Необходимо отказаться отъ общихъ формулъ и взглядовъ и подойти къ характеристикѣ внѣшней политики съ той же точки зрѣнія, съ какой историки подходили къ анализу соціальнаго законодательства Екатерины II, т.-е. насколько ея внѣшняя политика была продиктована выгодами и соображеніями господствующихъ классовъ. Недаромъ она встрѣчала среди нихъ всеобщее сочувствіе и поддержку. Съ ея помощью Екатерина сумѣла себя укрѣпить на престолѣ и успокоить недовольную дворянскую массу. Въ самомъ дѣлѣ, ея соціальная политика превратила дворянство въ привилегированное сословіе, въ руки котораго было отдано распоряженіе трудомъ и личностью крестьянина. Но дворянство, осѣвъ на землю, подняло цѣнность ея и ея крѣпостного труда. Одновременно стало чувствоваться дворянское малоземелье, особенно въ центрѣ и западныхъ окраинахъ. Помѣщикъ жаждетъ земли—его вниманіе привлекаютъ, съ одной стороны, богатѣйшій черноземъ юга, захватъ котораго ему представлялся очень выгоднымъ. Правда, это предпріятіе требовало и осторожности, и нѣкотораго риска. Часть чернозема находилась въ рукахъ „запорожцевъ“, долгое время выносившихъ на своихъ спинахъ всю тяжесть борьбы съ степными кочевниками, а потому до поры до времени ихъ трогать было неудобно. Съ другой стороны, на черноземный богатый югъ, не безъ основанія, предъявляли свои требованія крымскіе кочевники и скрывавшіеся за ихъ спиной турки. Значитъ, сначала нужно было

Невревъ.

Прерванное свиданіе.

Солдатенковская галлерея.

Новгород.

Церковное слово.

Сочинение Кирилла Туровского.

обезопасить себя отъ турокъ и татаръ. Тогда запорожцы станутъ ненужными, и запорожскихъ казаковъ съ ихъ землями можно будетъ прибрать къ своимъ рукамъ. Такъ дворянская экономическая политика ставила на очередь войну съ Крымомъ и Турціей и, въ случаѣ удачнаго исхода кампаніи, въ чемъ никто не сомнѣвался, уничтоженіе „Запорожской Сѣчи“, которая станетъ тогда лишней и со стороны интересовъ государственной обороны, и съ точки зрѣнія дворянскихъ выгодъ. Помимо этого, южно-русская степь всегда была центромъ, куда убѣгали недовольные крѣпостной неволей. До поры до времени это терпѣло дворянское правительство, но самое существованіе такого „убѣжища“ по существу было ненормально и всегда могло возбудить въ крѣпостномъ нежелательныя чувства и настроенія, желаніе убѣжать въ манящую взоръ и чувства степь. Дворянинъ, конечно, не могъ помириться съ бѣгствомъ крестьянъ, такъ какъ ихъ уходъ уменьшалъ количественно рабочія руки, бывшія въ его распоряженіи, и наносилъ существенный ущербъ его хозяйственнымъ интересамъ. Такъ и съ точки зрѣнія необходимости сохраненія и утвержденія крѣпостного права желательно было завоеваніе степного пространства. Нельзя, конечно, игнорировать и того обстоятельства, что, пока сосѣдями дворянской монархіи были татары, возможность нападеній и угроза сельско-хозяйственной культурѣ были постоянными. Въ этомъ отношеніи совпадали интересы дворянства и государства, какъ цѣлаго. Но вниманіе дворянства было обращено также и на западъ, на сосѣдку Польшу. Ея латифундіи давно манили къ себѣ и волновали воображеніе русскихъ магнатовъ. Срединное положеніе Польши было очень выгодно для вывоза сырья, это было оцѣнено русскими землевладѣльцами. Не даромъ послѣдніе поспѣшили прочно устроиться въ отобранныхъ отъ Польши областяхъ. Такъ экономическіе интересы дворянства направляли внѣшнюю политику Екатерины II въ сторону Польши. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и интересы дворянства, какъ крѣпостниковъ. Существованіе самостоятельной Польши всегда являлось угрозой по адресу крѣпостниковъ, такъ какъ русскіе крѣпостные находили себѣ убѣжище въ Польшѣ; въ случаѣ же добровольнаго возвращенія, согласно обѣщаніямъ самого правительства, они обратно не отдавались тѣмъ помѣщикамъ, у которыхъ они жили до своего бѣгства въ Польшу.

Императрица Екатерина II.
(Романовская галлерея).

Агрессивная политика правительства въ сторону Польши и Турціи вполнѣ соотвѣтствовала и интересамъ купечества, ставшаго съ половины вѣка

конкурировать съ дворянствомъ если не въ борьбѣ за власть, чего не было, то въ стремленіи обратить на себя благосклонное вниманіе правительства и направить политику послѣдняго хотя бы только отчасти въ его собственныхъ интересахъ, заявленныхъ въ наказахъ 1767 года. Правительство, уже успѣвшее оцѣнить значеніе торговли и промышленности для государственнаго хозяйства Россіи, конечно, не могло игнорировать требованія купечества, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если они совпадали съ дворянскими желаніями и не противорѣчили дворянскимъ интересамъ. Какъ разъ такое совпаденіе дворянскихъ и купеческихъ интересовъ случилось на почвѣ внѣшней политики Екатерины II. И купечество тянулось къ Черному морю, къ его портамъ для расширенія экспорта въ южную Европу и Азію. Даже такой фантастическій проектъ, какъ Греческій, и тотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ интересамъ русскаго купечества, для котораго крайне было важно, чтобы проливы были въ рукахъ русскаго правительства и были свободны для прохода русскихъ судовъ. И захватъ Польши съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ и путей сообщенія представлялъ собою большія удобства. Въ руки Россіи тогда попадали такіе важные пути, какъ рѣка Днѣпръ, Висла и Нѣманъ, которыя могли стать, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, могучими торговыми артеріями для сношеній какъ съ западной, такъ и съ южной Европой, — Венгріей и Балканскимъ полуостровомъ. Точно такъ же всякія попытки со стороны Швеціи усилиться на Балтійскомъ морѣ разсматривались, не только какъ угроза государству и цѣлости его территоріи, но и какъ серьезный ущербъ торговымъ интересамъ на Балтикѣ. Поэтому дальнѣйшее ослабленіе Швеціи и приведеніе ея въ такое состояніе, чтобы она въ будущемъ не могла проявлять никакихъ агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ Россіи и угрожать захватомъ въ свои руки Балтійскаго торговаго пути, составляли ближайшія задачи экономической политики Екатерины II.

Но интересы руководящихъ классовъ Россіи сталкивались съ интересами ея сосѣдей, благодаря чему довольно отчетливо обнаружилась полная невозможность веденія внѣшней политики въ томъ направленіи, въ какомъ это было бы наиболѣе желательно для русскаго правительства. Въ польскомъ вопросѣ съ Россіей сталкивались Австрія и Пруссія, имѣвшія свои собственные виды на Польшу. Ясно было, что оба эти государства не допустятъ усиленія Россіи. — Слѣдовательно, разрѣшеніе польскаго вопроса въ наиболѣе благожелательномъ для правительства смыслѣ было немыслимо безъ уступокъ сосѣдямъ. Такъ намѣчался компромиссъ въ польскомъ вопросѣ. При дѣлежѣ Польскаго государства — эти два государства должны были получить на свою долю часть его территоріи. На югѣ интересы Россіи не сталкивались прямо съ интересами другихъ державъ. Но чрезмѣрное усиленіе ея было нежелательно ни съ точки зрѣнія политическаго

равновѣсія въ Европѣ, ни со стороны ея могущаго быть впослѣдствіи коммерческаго соперничества. Неудивительно, что державы, имѣвшія свои экономическіе интересы въ Турціи, прямо или косвенно поддерживали ее и мѣшали всячески усиленію Россіи. Такъ дворянско-купеческая внѣшняя политика встрѣчала серьезное противодѣйствіе со стороны наиболѣе заинтересованныхъ державъ. Это, конечно, приходилось учитывать дворянскому правительству Екатерины II. Это и заставляло отказаться отъ прямолинейнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Таковы были основные принципы, которыхъ держалось Екатерининское правительство во внѣшней политикѣ. Такимъ образомъ, по своимъ принципамъ, она вполнѣ совпадала съ принципами внутренней политики Екатерины II. Это необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ итоговъ внѣшней политики съ обще-государственной точки зрѣнія.

Князь А. А. Безбородко.

II. Польскій вопросъ.

Русско-польскія отношенія обратили на себя вниманіе Екатерины II съ самаго начала ея царствованія. Намѣреніе укрѣпить русское вліяніе въ Польшѣ и добиться отъ польскаго правительства уступокъ въ религіозномъ вопросѣ и возвращенія бѣглыхъ заставило правительство Екатерины II удержаться отъ участія въ Семилѣтней войнѣ и остаться вѣрной русско-прусскому союзу. Послѣдній былъ необходимъ. Опираясь на Пруссію, правительство Екатерины II могло энергичнѣе требовать отъ поляковъ удовлетворенія нуждъ не католиковъ; въ союзѣ съ пруссаками Екатерина II надѣялась послѣ смерти Августа III, короля польскаго, посадить на престолъ своего ставленника и не допустить сына Августа III къ занятію престола, несмотря на поддержку послѣдняго со стороны Австріи и Франціи. При тогдашнемъ политическомъ соперничествѣ державъ для Пруссіи имѣло первостепенное значеніе несоединеніе саксонской и польской коронъ въ однѣхъ рукахъ,—это и опредѣлило благосклонное отношеніе Фридриха II къ креатурѣ Екатерины II. Ожиданія

Екатерины II видѣть на польскомъ престолѣ своего ставленника оправдались.

Собравшійся послѣ смерти Августа III элекціонный сеймъ, не безъ вліянія угрозъ со стороны Россіи, поддержанныхъ военной силой, избралъ королемъ Станислава Понятовскаго. Сторонники новаго короля, поддержавшіе его кандидатуру, надѣялись на укрѣпленіе съ помощію Россіи политическаго положенія Польши, однако не замѣчали опредѣленнаго стремленія Россіи имѣть возлѣ себя слабую Польшу, въ которой правительство могло бы распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Поэтому, когда православное духовенство стало подавать Екатеринѣ II претензіи съ просьбой о защитѣ православія, то для не религіозной Екатерины II это все-таки являлось достаточнымъ предлогомъ для вмѣшательства въ польскія отношенія. Такимъ образомъ, русская партія, поддержавшая Станислава Понятовскаго, подготовляла своему отечеству не возрожденіе, а паденіе. Особенно затруднительнымъ оказалось положеніе самого короля. Его просьба объ измѣненіи конституціи, объ отмѣнѣ „liberum veto“ ради упорядоченія политической жизни въ Польшѣ, была отвергнута въ довольно рѣзкой формѣ Екатериной II, а между тѣмъ отъ него требовали поддержки религіозной политики Екатерины,— поддержки, которая сразу лишила бы новаго короля какого бы то ни было значенія и вліянія. Неудивительно поэтому, что Станиславу Понятовскому пришлось вести политику на два фронта: съ поляками—быть патріотомъ; съ Екатериною — соглашаться на ея требованія и кивать головою въ сторону поляковъ, главныхъ виновниковъ узко-католической религіозной политики. Убѣдившись въ невозможности разрѣшить диссидентскій вопросъ только съ помощью одной русской партіи, Екатерина рѣшила дѣйствовать энергичнѣе, поручивъ Репнину пользоваться всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи силами, лишь бы только были удовлетворены интересы православныхъ. Непримиримая позиція, занятая поляками въ диссидентскомъ вопросѣ, объяснялась не столько ихъ фанатизмомъ, сколько боязнью ослабленія единства государства, тѣмъ болѣе, что представители православнаго населенія открыто заявляли о своемъ желаніи быть въ подданствѣ православной царицы. Заподозрѣвая вѣрность православныхъ къ Польшѣ, представители польскаго народа и не желали удовлетворить по существу вполнѣ справедливыхъ ихъ требованій.

Въ 1766 году собрался сеймъ, которому пришлось подъ давленіемъ русскаго правительства разсмотрѣть диссидентскій вопросъ. Отрицательное рѣшеніе сейма заставило Екатерину II отдать приказъ о вступленіи войскъ въ Польшу. Въ минуту раздраженія у Екатерины даже вырвалась фраза: „Я скорѣе пожертвую 16.000 человѣкъ и брошу все, чѣмъ допущу неуспѣхъ въ польскихъ дѣлахъ“. Все это указывало, что Екатерина II не остановится въ данномъ вопросѣ ни передъ чѣмъ. Будутъ пущены въ ходъ самыя рѣши-

тельныя мѣры, лишь бы только требованіе русскаго и прусскаго правительствъ было исполнено. Все это настраивало поляковъ еще болѣе непримиримо въ диссидентскомъ вопросѣ. Собравшійся въ сентябрѣ 1767 года сеймъ открывался при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Русскія войска стояли около Варшавы. Внутри страны образовались двѣ враждебныя конфедераціи: диссидентская и католическая. Засѣданія сейма протекали крайне бурно. Объ уступкахъ никто не думалъ. Тогда Репнинъ сталъ дѣйствовать силою: онъ арестовалъ главныхъ агитаторовъ и отправилъ ихъ въ Вильно. Противники диссидентовъ, лишившись своего главы, краковскаго епископа Солтыка, подъ угрозой ареста, оказались довольно уступчивыми, и диссидентскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ желательномъ для Россіи направленіи. Диссиденты шляхетскаго происхожденія уравнивались въ политическихъ правахъ съ католическою шляхтой. Диссиденты могли заключать браки съ католиками, получали право строить церкви и открывать школы. Чтобы примирить старо-поляковъ съ рѣшеніемъ вопроса въ пользу диссидентовъ, Екатерина II гарантировала неприкосновенность польской территоріи и неизмѣняемость польской конституціи, благодаря чему бывшіе сторонники русскаго правительства, убѣдившись въ несочувствіи правительства Екатерины II ихъ реформаторскимъ планамъ, стали его врагами и горячими польскими патріотами. Однако старо-поляки не были довольны такимъ рѣшеніемъ диссидентскаго вопроса. Намѣреваясь отстаивать верховенство католической церкви, они заключили конфедерацію въ Барѣ. Конфедераты находили поддержку въ Австріи и Франціи, благодаря которой Турція объявила войну Россіи. Положеніе Россіи въ Польшѣ, конечно, стало очень затруднительнымъ. Видя это, Фридрихъ II, давно мечтавшій о раздѣлѣ Польши въ видахъ уничтоженія чрезполосицы своихъ владѣній, предложилъ Екатеринѣ II раздѣлъ Польши, предлагая къ раздѣлу привлечь и Австрію. Предложеніе, шедшее изъ Берлина, разрушало всѣ политическіе замыслы Екатерины, сводило нанѣтъ всю долголѣтнюю работу русскихъ дипломатовъ, разрушало затаенные мечты и планы русскаго правительства. Отказаться отъ раздѣла было нельзя. Тогда бы Фридрихъ II, пользуясь слабостью Польши, произвелъ его самолично; слѣдовательно, Екатеринѣ II пришлось подъ вліяніемъ Пруссіи принять участіе въ раздѣлѣ Польши, который и сталъ фактомъ въ 1772 году, передавшимъ въ руки Россіи малоплодородную Бѣлоруссію.

Кн. В. М. Долгорукій-Крымскій.

Конечно, собравшемуся сейму оставалось только молчаливо примириться съ расхищеніемъ польской государственной территоріи,—расхищеніемъ, пока не имѣвшимъ прецедента въ исторіи. Послѣ перваго раздѣла вліяніе Россіи при польскомъ дворѣ было очень сильно. Русскій резидентъ былъ почти всемогущъ въ Варшавѣ — все передъ нимъ трепетало, все склоняло передъ нимъ свои головы. Однако польскіе патріоты не падали духомъ и надѣялись сохранить въ цѣлости остальную польскую территорію. Повидимому, этому благопріятствовали обстоятельства. Въ 1775 году окончился срокъ русско-прусскому союзу. Правда, Россія была въ союзѣ съ Австріей, но союзъ былъ направленъ скорѣе противъ Турціи, чѣмъ противъ Польши. Съ Австріей отношенія оставались неизмѣнно дружественными. Наконецъ, начались въ 1787 г. вторая война съ турками, въ 1788 г. война со шведами. Это развязывало руки польскимъ патріотамъ. Заручившись поддержкой Пруссіи, польскіе патріоты приступили къ ряду реформъ, задача которыхъ была обновить одряхлѣвшій политическій и соціальный организмъ Польши. Благодаря тому, что Екатерина II съ 1787 года была занята шведской и турецкой войнами, собравшійся сеймъ 1787 г. провелъ въ жизнь рядъ реформъ, измѣнившихъ радикальнымъ образомъ старую польскую конституцію. Самъ король Станиславъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ сейма.

Преобразовательная дѣятельность такъ называемаго „четырехлѣтняго сейма“ окончилась опубликованіемъ конституціи 3 мая 1791 года, совершенно измѣнившей старую конституцію. Новая конституція отмѣняла избирательность королевской власти, уничтожала „liberum veto“ и право конфедераціи, сохраняла примать за католическою церковью и допускала вѣротерпимость по отношенію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Законодательная власть осуществлялась сенатомъ и сеймомъ, собиравшимися каждые два года, съ прибавленіемъ къ прежнему составу сейма и депутатовъ отъ свободныхъ городовъ. Исполнительная власть находится въ рукахъ короля и отвѣтственныхъ министровъ.

Къ сожалѣнію, новой конституціи не удалось пустить глубокіе корни въ польскій государственный организмъ, и на этотъ разъ по винѣ Россіи.

Старо-польская партія была раздражена отмѣной „liberum veto“ и введеніемъ наслѣдственной королевской власти. Была раздражена и Екатерина поведеніемъ польскихъ реформаторовъ, вопреки ея желаніямъ осуществившихъ грандіозную преобразовательную работу, благодаря которой Польша могла окрѣпнуть, усилиться и освободиться отъ русскаго вліянія. Государственный переворотъ 3 мая 1791 года Екатерина разсматривала, какъ вызовъ, брошенный Россіи. Она не могла оставаться равнодушной при видѣ нарушеній старой польской конституціи, такъ какъ ею два раза, въ 1768 и 1775 годахъ, была гарантирована неприкосновенность польской конституціи.

Однако война съ турками и шведами заставляла занять пока выжидательную позицію и спокойно смотрѣть на происходившія событія въ Польшѣ. Что касается Австріи и Пруссіи, то оба послѣднія государства тоже примирились съ государственнымъ переворотомъ въ Польшѣ, но дѣйствительное ихъ отношеніе къ нему было далеко неодинаково... Переворотъ 3 мая 1791 года вполнѣ совпадалъ съ австрійскими интересами. Онъ усиливалъ позицію, занятую Австріей, благодаря дружественнымъ связямъ съ саксонской династіей, и создавалъ въ лицѣ Польши и Саксоніи достаточно сильный буферъ противъ форсированнаго расширенія вліянія Пруссіи. Примиреніе послѣдней съ переворотомъ было только видимое. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ саксонскаго и польскаго престоловъ не входило въ планы прусскихъ дипломатовъ. Дальнѣйшая тактика Фридриха II зависѣла отъ плановъ Екатерины по отношенію къ Польшѣ. Въ виду же сближенія Австріи и Пруссіи на почвѣ признанія новой польской конституціи, оставалось временно признать ее и Екатеринѣ. Однако примиреніе съ конституціей было довольно кратковременнымъ, пока не была окончена турецкая война. По окончаніи ея, Екатерина, подъ видомъ защиты старой конституціи, о чемъ ее просили представители старой польской партіи, рѣшила дѣйствовать по отношенію къ Польшѣ по-иному и заговорила съ ней совершенно другимъ тономъ.

Графъ Н. Е. Ферзенъ.

Польскому политическому возрожденію предстояло пережить тяжкое испытаніе, исходъ котораго могъ быть весьма неблагопріятенъ для государства. Поведеніе Фридриха становилось двуличнымъ. На австрійскую помощь надѣяться было трудно, такъ какъ Австрія готовилась къ борьбѣ съ революціонной Франціей. Слѣдовательно, Польшѣ нужно было отстаивать свою политическую независимость собственными силами, а послѣднія были чрезмѣрно слабы, и, конечно, борьба съ двумя сильными державами была ей совершенно не подъ силу.

Когда выяснились планы Россіи отнять у Польши еще часть ея территоріи, то и Фридрихъ II проявилъ намѣреніе принять участіе въ этомъ

новомъ раздѣлѣ Австрія прямо не предъявляла претензіи на польскія области, но выразила желаніе произвести обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, на что Россія и Пруссія дали свое согласіе, не безъ нѣкотораго колебанія со стороны послѣдней. Обмѣнявшись между собою мнѣніями по поводу польскаго вопроса, Австрія и Россія договоромъ 13 іюля 1792 года рѣшили возстановить дѣйствіе старой конституціи. Упорствовала немного Пруссія, но ясно было, что ея протестъ не будетъ особенно продолжительнымъ и настойчивымъ. Однако не всѣ предположенія державъ исполнились. Нидерланды были заняты войсками революціонной Франціи, и въ данный моментъ рѣшительно не было никакой надежды на ихъ возвращеніе, благодаря этому предположенный обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію не могъ состояться.

С. Г. Зоричъ.

Взамѣнъ ея, Австрія заявляла также притязаніе на Польшу, съ чѣмъ не соглашалась Пруссія, но противъ этого ничего не имѣла Россія. Впрочемъ, Австрія отказалась отъ притязаній на территорію Польши при условіи союза Пруссіи съ Австріей противъ Франціи. Когда съ достаточной опредѣленностью выяснились отношенія заинтересованныхъ державъ въ польскомъ вопросѣ, Екатерина ввела въ Польшу 64.000 войска подъ начальствомъ генер. Каховскаго. Силы поляковъ были очень слабы: они могли выставить всего только 10000 человѣкъ. Само собой разумѣется, борьба должна была окончиться не въ пользу сторонниковъ обновленія польскаго государственнаго строя. Хозяевами положенія оказались старо-поляки и Россія. Заступничество Россіи за старо-польскую партію стоило очень дорого Польшѣ. Россія и Пруссія отняли у Польши значительныя части ея территоріи. По второму раздѣлу, санкціонированному Гродненскимъ сеймомъ 1793 г., Россія пріобрѣла Украйну, Подолію, восточную часть Полѣсья и Волынь. Не малый кусокъ Польской территоріи захватила Пруссія. Послѣ второго раздѣла за Польшей осталась весьма незначительная территорія. Конституція 3 мая была уничтожена. Съ такимъ униженіемъ Польши не могли согласиться сторонники ея возрожденія. Не надѣясь на успѣхъ, скорѣе даже увѣренные въ неуспѣхѣ, они подняли возстаніе, которое было подавлено, преимущественно, русскими войсками. Несмотря на героическую борьбу повстанцевъ, разгромъ ихъ былъ полный. Тогда три державы, Россія, Австрія и Пруссія, рѣшили раздѣлить между собою остальную часть польской территоріи и навсегда уничтожить Польшу, какъ самостоятельное государство.

Произошелъ въ 1795 году третій раздѣлъ Польши. Россіи досталась Литва, а западная и юго-восточныя области были подѣлены между Пруссіей и Австріей. Польша перестала существовать, какъ самостоятельное государство. Правда, къ этому стремилось русское правительство въ теченіе всего XVIII вѣка, но, конечно, такое уничтоженіе самостоятельности Польши едва ли входило въ его первоначальные планы, и, тѣмъ не менѣе, недальновидная политика Екатерины II много помогла гибели Польши и усиленію на счетъ ея Австріи и Пруссіи въ ущербъ политическимъ и экономическимъ интересамъ Россіи, такъ какъ устья главныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море, не достались Россіи. Слѣдовательно, экономическая программа буржуазіи, толкавшая правительство на захватъ Польши, не была выполнена.

III. Борьба за берега Чернаго моря.

Кн. П. А. Зубовъ.

Вступивъ на русскій престолъ, Екатерина выражала намѣреніе поддерживать мирныя отношенія съ Турціей. Но дружественныя заявленія правительства Екатерины II были встрѣчены Высокой Портой весьма недоброжелательно. Турція привыкла видѣть въ Россіи постояннаго врага, прекрасно усвоила политическую и экономическую программу русскаго правительства, и потому не придавала никакого значенія дружественному его заявленію, разсматривая его просто, какъ временный отказъ отъ обычныхъ агрессивныхъ выступленій Россіи по отношенію къ Турціи. Внимательно слѣдя за внѣшнею политикой Россіи и, преимущественно, за ея отношеніями къ Польшѣ, Турція, конечно, не могла не воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи въ Польшѣ изъ-за диссидентскаго вопроса и не объявить ей войны. Подталкиваемая Польшей и Франціей, Турція готова была начать войну, лишь бы только нашелся для этого подходящій поводъ. Таковой скоро нашелся, и Екатеринѣ II, нѣсколько неожиданно для нея самой, пришлось столкнуться съ турками значительно раньше, чѣмъ того желала она сама. Поводомъ къ войнѣ былъ Балтскій инцидентъ. Отряды гайдамаковъ, перейдя въ мѣстечко Балту, стали грабить населеніе и убивать турокъ и евреевъ. Спасаясь отъ нихъ, послѣдніе перешли на польскую сторону. Когда гайдамаки помирились съ турками, послѣдніе устроили страшную рѣзню православнаго населенія. Туркамъ помогали поляки, охваченные раздраженіемъ вслѣдствіе диссидентской политики польскаго правительства.

Пострадавшіе обратились къ русскому полковнику Гурьеву съ просьбой „не оставить насъ и показать надъ нами жалость“. Балтскій погромъ произвелъ на турецкое правительство весьма сильное впечатлѣніе. Убѣжденные въ подстрекательствѣ со стороны русскаго правительства, турки хотѣли немедленно начать войну съ Россіей. Не готовая къ войнѣ, Екатерина старалась дипломатическимъ путемъ разрѣшить происшедшій инцидентъ. Поэтому русскій резидентъ Обрѣзковъ, по совѣту руководителя внѣшней политики Панина, неоднократно заявлялъ Высокой Портѣ о миролюбіи русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, турки не вѣрили искренности этихъ заявленій, видѣли только затруднительное положеніе, въ которомъ находилась Россія, и желали использовать данный моментъ. Усиленіе Россіи въ Польшѣ также озабочивало турецкое правительство, поддерживаемое въ своей воинственности Франціей въ лицѣ герцога Шуазеля. Благодаря этому партія войны взяла верхъ надъ сторонниками мира, и война была принципіально рѣшена. Впрочемъ, правительство Порты предложило русскому правительству въ видѣ показателя его миролюбиваго настроенія „отречься отъ гарантіи всего постановленнаго на послѣднемъ сеймѣ и отъ защиты диссидентовъ, оставить Польшу при совершенной ея вольности“, что, конечно, было сдѣлано не безъ вліянія польскаго и французскаго правительствъ. Въ отвѣтъ на это Обрѣзковъ сказалъ, что о желаніи Порты онъ сообщитъ своему правительству, и что отвѣтъ его немедленно будетъ сообщенъ Портѣ. Тогда русскаго резидента арестовали. Совѣты англійскаго резидента освободить Обрѣзкова изъ-подъ ареста не имѣли никакого успѣха. Фактически это было объявленіемъ войны. Въ ноябрѣ 1768 года разрывъ Россіи съ Турціей сталъ совершившимся фактомъ. Нельзя сказать, чтобы разрывъ былъ пріятенъ для Россіи и Пруссіи. Первой приходилось по необходимости вывести войска изъ Польши и ослабить свое вліяніе, до сихъ поръ крѣпкое, благодаря присутствію не малаго количества военныхъ силъ. Союзный договоръ второй съ Россіей обязывалъ ее помогать союзницѣ посылкой вспомогательныхъ отрядовъ. Какъ бы ни была нежелательна въ данный моментъ турецкая война, приходилось ее волей-неволей принять и готовиться къ ней. 4 ноября 1768 года было собраніе приближенныхъ къ Екатеринѣ лицъ, на которомъ разсматривался рядъ вопросовъ въ связи съ разрывомъ съ Турціей. Больше всего тревожило вниманіе собранія—сколько надо оставить войскъ въ странѣ? Оказывалось, что и со стороны Швеціи далеко не благополучно, хотя руководитель внѣшней политики Панинъ и ручался за нейтралитетъ Швеціи съ финляндской стороны. Нужны были войска и для поддержанія порядка внутри страны, въ Поволжьѣ, гдѣ крестьянскія волненія не прекращались. Разрѣшивъ эти вопросы, совѣщаніе обсуждало, какой характеръ придать данной войнѣ: наступательный или оборонительный. Нельзя сказать, чтобы члены совѣщанія были хорошо освѣдомлены въ данномъ во-

просѣ. Они рѣшали его больше по интуиціи, чѣмъ на основаніи реальныхъ соображеній; тѣмъ не менѣе, было постановлено вести наступательную войну. Въ дальнѣйшихъ собраніяхъ этого „особаго совѣщанія“ обсуждался также вопросъ, „къ какому концу вести войну, и въ случаѣ нашихъ авантажей, какія выгоды за полезныя положить“. Собраніе пришло къ рѣшенію, — при заключеніи мира „получить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и позаботиться о построеніи тамъ же крѣпости или порта“. Такъ турецкая война превращалась въ борьбу за берега Чернаго моря, необходимые для развитія торговли и торговаго мореплаванія. Разсуждая о способахъ и средствахъ веденія войны, особое совѣщаніе остановилось на посылкѣ спеціальной морской экспедиціи съ цѣлью возбужденія христіанскаго населенія, живущаго въ Турціи, противъ турецкаго правительства. Впрочемъ, въ удачномъ выполненіи даннаго предпріятія сомнѣвались и сами его иниціаторы. Военныя дѣйствія пошли сначала неудачно. Попытка перейти въ наступленіе кончилась неудачей. Армія подъ начальствомъ кн. Голицына, перешедшая дважды Днѣстръ и подступившая къ Хотину, возвратилась обратно, не принимая и не давая сраженія. Эти неудачи произвели на Екатерину тяжелое впечатлѣніе, и Голицыну пришлось разстаться съ командой одной изъ двухъ арміи, приготовленныхъ противъ турокъ. На мѣсто Голицына былъ назначенъ командиръ второй арміи гр. Румянцевъ, отличавшійся большими военными способностями. Однако еще до прибытія Румянцева въ первую армію Голицынъ занялъ Хотинъ, покинутый непріятелемъ, послѣ чего оставилъ армію и уѣхалъ. Послѣ этого положеніе русской арміи на театрѣ войны значительно улучшилось, турки отступили. Христіанское населеніе и правительство Молдавіи встрѣчали русскихъ съ восторгомъ, снабжали всѣмъ необходимымъ. Съ приходомъ русскихъ войскъ у молдаванъ возникла и укрѣпилась надежда на освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига въ случаѣ побѣдоносной для русскихъ войны. Помогали также русской арміи валашскіе вельможи, тоже надѣясь освободиться отъ ига турокъ. Русская армія, двигаясь впередъ, дошла до Бухареста и захватила его въ августѣ 1769 г. Въ общемъ задача первой арміи была выполнена удачно: турокъ не пустили въ Польшу и заставили отступить въ глубь Балканскаго полуострова. Другая армія должна была преслѣ-

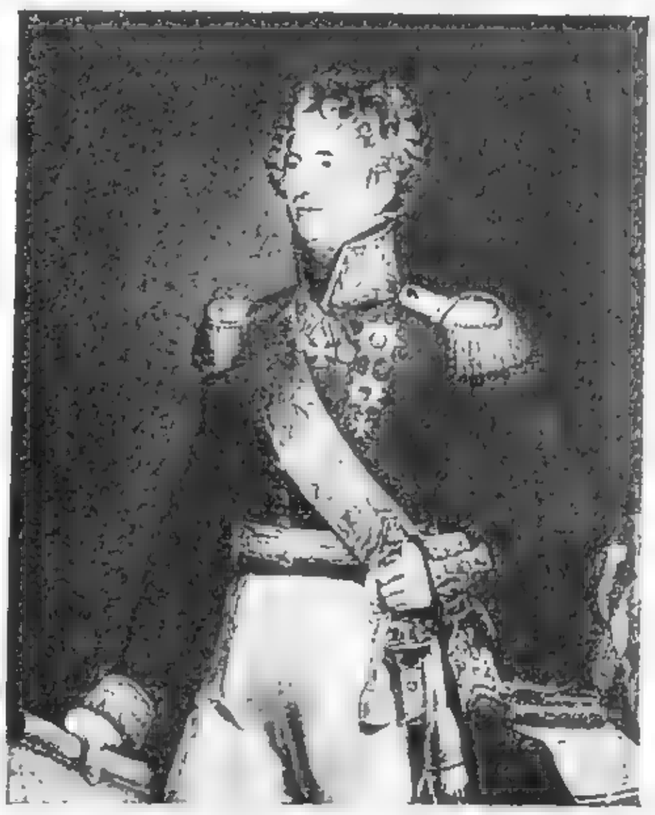
С. А. Понятовскій.

довать оборонительныя цѣли и защищать границы отъ вторженія татаръ. И эта задача была выполнена удачно. Татарскій набѣгъ въ началѣ 1769 г. былъ остановленъ оборонительнымъ корпусомъ. Въ январѣ 1769 г. удалось занять плохо укрѣпленный Азовъ и Таганрогъ. Въ рукахъ Россіи былъ ключъ къ Черному морю. Русское правительство немедленно приступило къ сооруженію морской флотиліи, могущей въ будущемъ пригодиться, какъ торговая и какъ военная эскадры. Для ускоренія войны правительство одновременно вступаетъ въ переговоры съ крымскимъ ханомъ о независимости Крыма отъ турокъ. Но ханъ не сдавался, не остались вѣрны русскому правительству запорожцы, которыхъ Порта побуждала къ измѣнѣ. Слѣдующій годъ былъ особенно благопріятенъ для русскаго оружія. Была взята очень важная крѣпость Бендеры, турецкая армія была разбита при Ларгѣ и Кагулѣ, а турецкій флотъ былъ уничтоженъ при Чесмѣ. Зато не удалось поднять грековъ противъ турокъ и тѣмъ самымъ придать русско-турецкой войнѣ характеръ освободительной войны. Несмотря на побѣды русскаго оружія, турки не сдались, а побѣдительница Екатерина II сама мечтала поскорѣе окончить войну, чтобы все свое вниманіе сосредоточить исключительно на Польшѣ. Къ тому же и состояніе финансовъ было неблестящее: приходилось вести войну съ помощью внѣшняго займа и дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, понизившихъ значительно цѣнность бумажнаго рубля. Казалось, надежда на миръ имѣла свои основанія, и, тѣмъ не менѣе, турки отказывались, отчасти подъ вліяніемъ Франціи, отчасти Австріи, не желавшей дальнѣйшаго усиленія Россіи и намѣревавшейся тоже использовать русско-турецкую войну въ своихъ собственныхъ выгодахъ. Австрія имѣла основаніе быть увѣренной въ умѣренности Россіи. Недаромъ, еще до перваго раздѣла, австрійцами были захвачены польскія области, рядъ селъ и мѣстечекъ въ Галиціи. Не желая дальнѣйшаго ослабленія Турціи, Австрія и Пруссія, согласившись дѣйствовать вмѣстѣ въ смыслѣ воздѣйствія на Россію, предложили послѣдней свое посредничество. Екатерина была хорошо освѣдомлена въ прусско-австрійской интригѣ, стремившейся къ возможно большему ослабленію Россіи. Поэтому, когда Фридрихъ II, разсыпаясь въ своихъ увѣреніяхъ въ дружбѣ, предложилъ свое посредничество и убѣждалъ „показать при заключеніи мира знаки умѣренности“, то русская дипломатія подъ благовиднымъ предлогомъ отклонила данное предложеніе и готова была согласиться на посредничество Англіи, какъ державы, наименѣе заинтересо-

А. Д. Ланской.

ванной въ данномъ вопросѣ. Пока шли переговоры о посредничествѣ, въ Петербургѣ вырабатывались мирныя условія. Правительство Екатерины II намѣревалось требовать оставленія за Россіей Азова и Таганрога и свободнаго прохода купеческихъ судовъ изъ Азовскаго моря въ Черное, амнистіи всѣмъ возставшимъ противъ Порты и оставленія за татарами независимости, если они отпадутъ отъ Турціи. Наконецъ, Молдавія и Валахія должны были быть признаны независимыми.

Несмотря на отказъ Екатерины II отъ посредничества, Фридрихъ не отказывался отъ него. Съ этой цѣлью была рѣшена поѣздка въ Россію принца Генриха Прусскаго. Помимо этого на прусскомъ принцѣ лежала весьма тяжелая и непріятная обязанность сблизить Россію съ Австріей и расширить союзъ Россіи съ Пруссіей включеніемъ въ него Австріи. Такое расширеніе союза было необходимо для Австріи и Пруссіи, такъ какъ въ этомъ случаѣ Россія мирилась съ захватомъ Австріей польскихъ областей. Екатерина отнеслась къ этому предложенію сочувственно, желая расширенія союза исключительно противъ Турціи, тогда какъ его иниціаторы имѣли въ виду раздѣлъ Польши между тремя державами. Пока шли переговоры между Екатериной и Фридрихомъ, Турція извѣстила Австрію и Пруссію о своемъ желаніи вступить въ мирные переговоры съ Россіей. Екатерина ничего не имѣла теперь противъ посредничества Фридриха, разъ турки сами объ этомъ запросили. Поэтому она сочла своевременнымъ сообщить Фридриху условія предполагаемаго мира. Эти условія показались Фридриху чрезмѣрными. По его словамъ, онъ „никогда не рѣшится ихъ показать ни туркамъ, ни австрійцамъ, ибо ихъ поистинѣ принять нельзя“. Такъ писалъ Фридрихъ въ Петербургъ своему брату. Конечно, условія, предложенныя Россіей, были невыгодны для Турціи и Австріи. Первой приходилось лишиться весьма большой части территоріи. Вторая не желала усиленія и сосѣдства Россіи, благодаря чему вопросъ о Валахіи, какъ противорѣчащій интересамъ Австріи, долженъ былъ быть снятъ съ очереди.



Герцогъ А. Э. Ришелье.

Переговоры о мирѣ начинались при весьма дурныхъ предзнаменованіяхъ. Ясно было, что интересы конкурирующихъ державъ требуютъ болѣе мягкихъ и менѣе выгодныхъ для Россіи условій. Зато Фридриху пришлось показать себя въ настоящемъ видѣ, раскрыть свои дипломатическія карты. Пока приступали къ переговорамъ о мирѣ, война не прекращалась, хотя и не давала такихъ положительныхъ результатовъ, какъ кампа-

нін 1769 и 1770 гг., но не было и пораженій. Но состояніе русской арміи было не блестяще. Армія нуждалась во всемъ необходимомъ. Денегъ не было. Поборы волновали народную массу. Это знала Екатерина, и это заставляло правительство немедля приступить къ переговорамъ, хотя оно и сознавало, что создавшаяся политическая конъюнктура весьма неблагопріятна для интересовъ Россіи. Руководители австрійской политики соглашались съ частью мирныхъ условій, сообщенныхъ Россіей, но при условіи компенсаціи въ Польшѣ, хотя Екатерина еще не думала о раздѣлѣ Польши, и слухъ объ этомъ пока былъ пущенъ только Фридрихомъ. Во всякомъ случаѣ было ясно, что безъ значительныхъ уступокъ Австріи дѣло не обойдется. Мирные переговоры начались только въ іюнѣ 1772 г. въ Фокшанахъ. Представителями Россіи былъ гр. Орловъ и резидентъ въ Турціи Обрѣзковъ, освобожденный турками незадолго до начала мирныхъ переговоровъ. Въ инструкціи, данной нашимъ представителямъ, подробно говорилось о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ Россія могла бы заключить миръ. Въ общемъ они совпадаютъ съ извѣстными намъ условіями, но Россія, не желая раздражать Австрію, отказывалась отъ постановки вопроса относительно Валахіи и Молдавіи. Дипломатическая побѣда послѣдней была полная. Мирный конгрессъ въ Фокшанахъ не былъ продолжительнымъ. Занятія его шли очень медленно. Турки оказывали особенное упорство въ вопросѣ о независимости Крыма. Они соглашались только на избраніе хана народомъ при условіи утвержденія его султаномъ. Русскіе уполномоченные съ этимъ не согласились, и 28 августа занятія конгресса прекратились, благодаря чему всякія надежды на скорый миръ были утрачены. Однако Россіи былъ нуженъ миръ. Ради него правительство, и безъ заявленія Австріи, было готово умѣрить свои требованія. На необходимость мира указывала возможность новой шведской войны. Слѣдовательно, нужно было поскорѣе освободить южную армію. Съ большимъ трудомъ наладили опять мирные переговоры. На этотъ разъ мирный конгрессъ собрали въ Бухарестѣ. Русскіе уполномоченные получили приказаніе вести переговоры въ умѣренномъ тонѣ и не поднимать сразу больного для турокъ вопроса о татарской независимости. Когда же его волей-неволей пришлось поднять, то и Бухарестскій мирный конгрессъ кончился ничѣмъ. Неудача и этого конгресса была, конечно, непріятна правительству Екатерины II. Помимо этого, выяснилось, что Австрія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія превращать двойственный союзъ въ тройственный и, кромѣ того, намѣрена принять весьма активное участіе въ дѣлежѣ Польши и Турціи, отъ которой была не прочь отторгнуть Бѣлградъ. Да и военныя дѣйствія стали складываться для Россіи неудачно въ Крыму, и только Румянцеву удалось поддержать авторитетъ Екатерины II удачными сраженіями съ турками. Помимо этого, внутреннее состояніе Россіи было довольно тревожно, началась Пугачевщина, на которую, конечно, дворянское правитель-

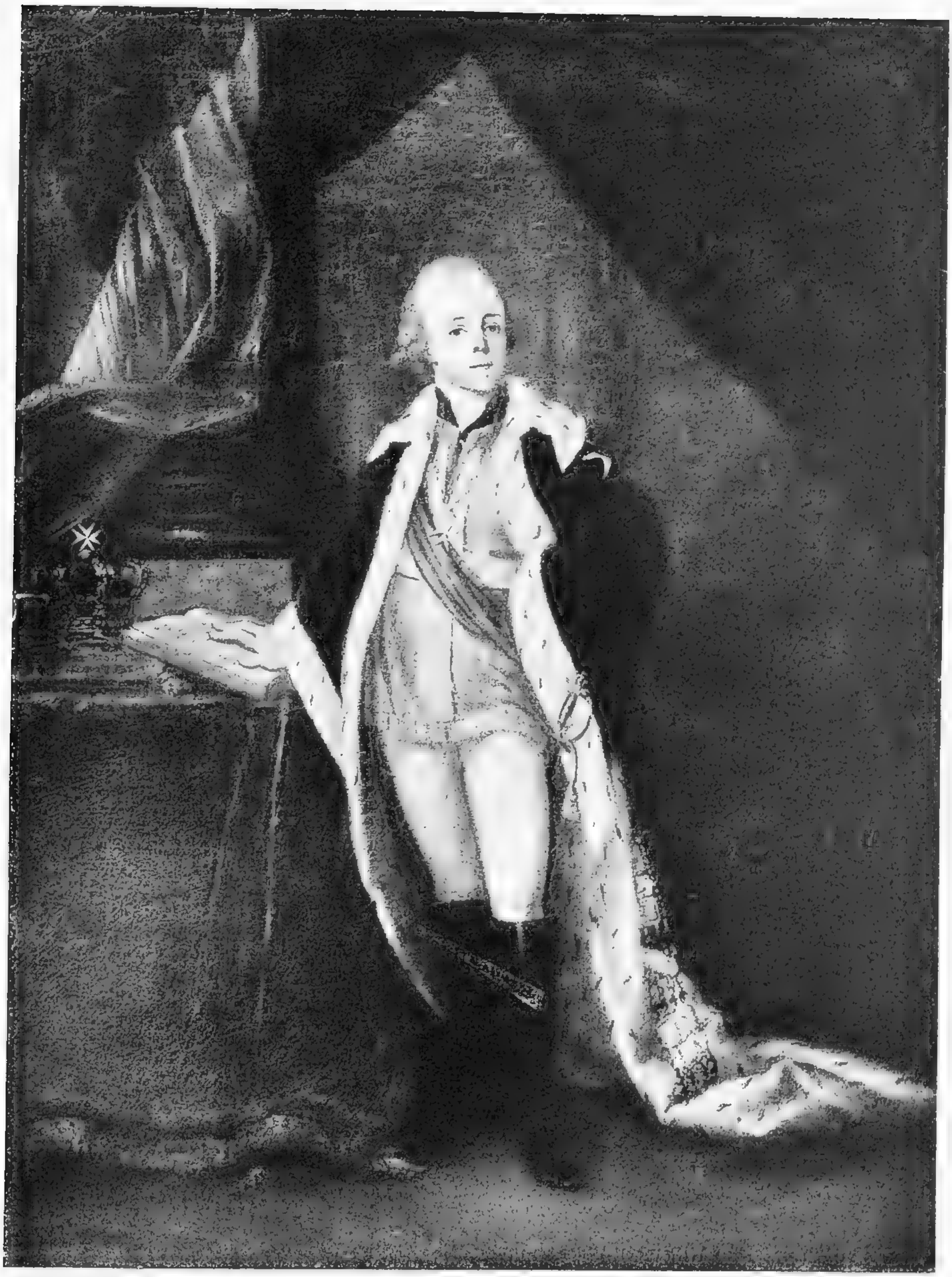
ство не могло смотрѣть равнодушными глазами. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго заключенія мира, не безъ давленія со стороны Австріи и Пруссіи, Екатерина II согласилась измѣнить условія мира и сдѣлать ихъ вполнѣ пріемлемыми для турокъ, тѣмъ болѣе, что, очевидно, было невозможно при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ силою принудить Турцію заключить миръ, выгодный для Россіи. Все это и настроило Екатерину миролюбиво. Она согласилась на уступку всѣхъ захваченныхъ городовъ и даже на ограниченіе плаванія Россіи по Черному морю. Можно было опасаться, что заключенный, во что бы то ни стало, миръ будетъ такъ же позоренъ, какъ Бѣлградскій миръ 1739 г., и только измѣнившееся положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій удержало Екатерину отъ предложенія туркамъ этихъ условій. Да и союзникъ Россіи ханъ Шагинъ-Гирей былъ такъ независимо настроенъ, что возвращаться обратно подъ эгиду султана не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія. Подъ вліяніемъ удачныхъ походовъ Румянцева въ Константинополѣ было сломлено сопротивленіе военной партіи, и Порта приступила къ мирнымъ переговорамъ. Положеніе обѣихъ договаривавшихся державъ было очень тяжелое: обѣ страны были истощены, денегъ не было, внутри были волненія. Тѣмъ не менѣе, Турція, освѣдомленная о критическомъ положеніи русскаго правительства, ничуть не чувствовала себя побѣжденной и предлагала свои ничего не дающія Россіи условія. Россія получала только одинъ портъ, да пріобрѣтала право плаванія русскихъ торговыхъ судовъ по Черному и Мраморному морямъ, при чемъ конструкція и размѣры судовъ должны были быть точно опредѣленными.

Императоръ Іосифъ II.

Столь унизительныя и совершенно невыгодныя для Россіи условія, конечно, были не пріемлемы. Но большія побѣды Каменскаго и Суворова заставили великаго визиря торопиться съ заключеніемъ мира и быть уступчивѣе по отношенію къ требованіямъ правительства Екатерины II. Мирный конгрессъ возобновился въ болгарской деревушкѣ Кучукъ-Кайнарджи. Начались они 4 іюля, а 10 іюля былъ уже подписанъ новый договоръ, въ кото-

ромъ и Россіи, и Турціи пришлось сдѣлать существенныя уступки. Правда, Крымъ получалъ независимость—это была большая побѣда для русскихъ дипломатовъ, но зато всѣ города, кромѣ Керчи и Еникале, отдавались обратно татарамъ. Помимо этого, Россіи былъ уступленъ замокъ Кинбурнъ съ округомъ и степь между Бугомъ и Днѣпромъ. Желаніе правительства Екатерины II—пріобрѣсти права свободнаго плаванія торговымъ судамъ по Черному и Мраморному морямъ—было осуществлено. Затѣмъ Порта обязывалась уплатить контрибуцію въ размѣрѣ 450.000 рублей. Екатерина II была очень довольна условіями мира, хотя они и не соотвѣтствовали тѣмъ жертвамъ, которыя пришлось принести народу въ этой войнѣ. Но онъ развязывалъ дворянскому правительству руки, давалъ возможность направить всѣ свои силы на подавленіе Пугачевскаго бунта. Оставалось только получить ратификацію мира со стороны Порты, но послѣдняя опять требовала нѣкоторыхъ измѣненій, что отчасти ставилось въ связь съ занятіемъ австрійцами части Молдавіи. Получивъ столь неблагопріятныя извѣстія отъ своего уполномоченнаго, Румянцевъ поручилъ ему добиваться ратификаціи мира, а также стороною довести до свѣдѣнія великаго визиря, что „австрійское занятіе земель есть для насъ дѣло совсѣмъ постороннее“. Въ концѣ-концовъ турецкое упорство было сломлено, и Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій. Впрочемъ, обѣ договорившіяся стороны не сомнѣвались, что данный трактатъ имѣетъ только временное значеніе и будетъ разорванъ, какъ только одна изъ сторонъ окажется способной возобновить войну. Борьба должна была начаться изъ-за Крыма. Согласно условіямъ мирнаго договора независимый Крымъ оставался подъ духовнымъ суверенитетомъ турецкаго султана. Однако такое положеніе дѣлъ не удовлетворило ни Турцію, ни Россію, ни татаръ. Для Турціи, конечно, было ясно опредѣленное стремленіе русскаго правительства прибрать Крымъ къ своимъ рукамъ. Это диктовали и политическіе, и экономическіе интересы господствующихъ классовъ. Поэтому Турціи надо было, во что бы то ни стало, вернуть Крымъ въ свои руки и отогнать Россію отъ береговъ Чернаго моря. Признаніе султана „духовной главой“ не удовлетворило сторонниковъ полной независимости Крыма, находившихъ поддержку въ русскомъ правительствѣ и не признававшихъ таковымъ турецкаго султана. Съ другой стороны, крымскіе націоналисты тяготѣли къ Турціи, какъ политическому и религіозному центру мусульманства, какъ оплоту противъ русской политики территоріальнаго захвата, и отнюдь не имѣли ни малѣйшаго намѣренія стать „подданными“ Екатерины II.

Когда возобновились дипломатическія сношенія съ Турціей, русскому послу было поручено поддерживать добрыя отношенія съ Портою вмѣстѣ съ заявленіемъ, „что Россія отнюдь и ни въ чемъ не желаетъ ущерба ея интересамъ“. Русскій посолъ долженъ былъ подтвердить независимость Крыма и указать также на двойственную политику австрійскаго двора, которому не



Императоръ Павелъ I.

Музей Александра III.

удалось захватить части Молдавіи исключительно лишь благодаря вмѣшательству Россіи. Но Порта не вѣрила любезному шопоту русскаго дипломата и скорѣе прислушивалась къ голосамъ, раздававшимся со стороны Австріи и Франціи.

Захватъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря дѣлалъ совершенно ненужнымъ существованіе „Запорожской Сѣчи“, какъ оборонительнаго пункта противъ Крыма. Она была уничтожена, а Запорожскія земли были розданы любимцамъ и придворнымъ Екатерины. Началась колонизація завоеванной мѣстности. Она шла двумя путями: получившіе землю вельможи переводили сюда крестьянъ изъ центральной Россіи и охотно принимали оттуда же бѣглыхъ. Правда, для невольныхъ переселенцевъ разставаться съ родными

П. Д. Еропкинъ.

Кн. П. А. Зубовъ.

мѣстами и съ могилами предковъ было очень тяжело, но все-таки жизнь на новыхъ мѣстахъ въ силу большаго земельнаго обезпеченія имъ казалась лучше, чѣмъ раньше. Съ другой стороны, само правительство организовало переселеніе, но только иностранцевъ. Иностраннымъ колонистамъ давали матеріальное вспоможеніе, отводили большіе, до 30—40 десятинъ, земельные надѣлы, гарантировали неприкосновенность вѣры и право жить по своимъ юридическимъ обычаямъ. Въ общемъ эта колонизація не удалась. Въ Россію шелъ всякій сбродъ, вплоть до „корсиканскихъ разбойниковъ“... Желаніе избавиться отъ гоненій полиціи и суда гнало въ Россію весь этотъ людъ, совершенно негодный для колонизаціонной работы. А между тѣмъ, какъ показалъ авторъ новой работы объ иностранной колонизаціи, г. Писаревскій, такая популяціонная политика потребовала немало матеріальныхъ затратъ. Колони-

зуя захваченную территорію и раздавая чужія земли, напоенныя кровью свободныхъ людей, Екатерина стремилась подойти возможно ближе къ Крыму и, если возможно, присоединить его къ Россіи.

Въ Крыму шла упорная борьба турецкой и русской партіи. Одолѣвали сторонники послѣдней. Несмотря на протесты Турціи, на дѣйствія русскаго правительства въ Крыму, Екатерининское правительство присоединило въ 1783 г. его къ Россіи, что вызвало негодованіе въ сторонникахъ и русской, и турецкой партіи, требовавшихъ войны съ Россіей. Турція, конечно, не желала усиленія Россіи ни въ политическомъ, ни въ торговомъ отношеніи. Побѣдоносная политика Россіи могла пробудить „освободительныя“ чувства въ христіанскихъ народностяхъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ и подчиненныхъ Турціи. Надо было остановить ростъ Россіи, пока было не поздно. И отвѣтомъ Турціи на присоединеніе Крыма къ Россіи явилось объявленіе ей войны. На этотъ разъ условія для веденія новой войны были болѣе благопріятны, чѣмъ для первой войны. Пруссія сама толкала Россію противъ Турціи, задумавъ осуществить оккупацію польскихъ земель безъ вмѣшательства Россіи. Австрія, въ надеждѣ на расширеніе своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствовала солидарно съ Россіей. Отсутствіе денегъ, плохо организованная армія составляли отрицательную сторону благопріятной для Россіи конъюнктуры. Начавшіяся военныя дѣйствія, бывшія сначала неблагопріятными для Россіи, далѣе пошли удачнѣе, въ особенности, когда и Австрія мобилизовала себя, и Турціи пришлось вести войну на 2 фронта. Въ общемъ ходъ военныхъ дѣйствій былъ удачнѣе, чѣмъ во время первой турецкой войны. Наконецъ, послѣ ряда побѣдъ и взятія крѣпостей Килія, Тульчи и Измаила, Репнинъ, смѣнившій Потемкина, нанесъ великому визирю у Мачина большое пораженіе. У Турціи не было больше армій, русская же армія была готова двигаться дальше. Невозможность дальнѣйшей обороны заставила турокъ приступить къ мирнымъ переговорамъ. Сначала было заключено въ Галацѣ перемиріе, во время котораго были установлены основанія для переговоровъ. Сами переговоры шли въ Яссахъ съ 30 октября по 29 декабря 1791 года. Не имѣя за спиной Франціи, занятой развивавшейся революціей, и Австріи и не видя ниоткуда никакой поддержки, турецкіе дипломаты не особенно затягивали переговоры и, въ концѣ-концовъ, согласились на присоединеніе Крыма къ Россіи и подтвердили всѣ условія предыдущаго мирнаго трактата. Кромѣ того, Россія пріобрѣтала часть территоріи между Бугомъ и Днѣстромъ, но пришлось возвратить всю Бессарабію со всѣми завоеванными крѣпостями, мѣстечками, слободами и деревнями. И условія этого мира не соотвѣтствовали затратѣ матеріальныхъ и военныхъ силъ. Русское правительство, видимо, довольствовалось заключеніемъ мира и готово было идти на какія угодно уступки, лишь бы только заключить миръ. Правда, внутри страны не было новой Пугачевщины, но польскія дѣла, какъ мы

видѣли, складывались не въ пользу Россіи. Поэтому надо было ликвидпровать войну. Да къ тому же необходимость вести одновременно шведскую войну сильно истощила финансовые и военные рессурсы Россіи.

IV. Балтійскій вопросъ.

Побѣжденная при Елизаветѣ Петровнѣ Швеція, конечно, не могла и не желала примириться съ мыслью объ отказѣ отъ реванша. Наоборотъ, въ Швеціи всегда существовала враждебная Россіи партія, не терявшая надежды на возвращеніе территоріи, отнятой Россіей. Шведское правительство не могло желать усиленія Россіи на Балтійскомъ морѣ и захвата въ руки послѣдней Балтійскихъ торговыхъ путей. Это было тѣмъ болѣе важно для Швеціи, что между предметами вывоза Россіи и Швеціи было немало общаго. Но шестидесятые годы 18 вѣка были неблагопріятны для осуществленія идеи реванша. Финансовое положеніе Швеціи было очень неблагопріятнымъ. Сильное паденіе бумажныхъ денегъ вызвало большую дороговизну. Страну охватило недовольство,— шла усиленная борьба политическихъ партій, сильно ослаблявшихъ Швецію.

Н. И. Меллесино.

Русскому послу Остерману было поручено поддерживать партію, „противную господствующей“. Особенно была сильна въ Швеціи такъ называемая финская партія, которая не мирилась съ шведскимъ суверенитетомъ и склонялась въ сторону Россіи при условіи образованія изъ Финляндіи особаго княжества подъ верховной властью Россіи. Къ политическимъ взглядамъ финляндской партіи съ извѣстнымъ сочувствіемъ относились и Елизавета Петровна, и Екатерина II. Трудно сказать, насколько были искренни въ этомъ отношеніи намѣренія послѣдней. Но поддержка финляндскихъ автономистовъ ослабляла Швецію и лишала ее возможности начать войну безъ боязни, что финляндскіе сепаратисты перейдутъ на сторону Россіи. Политика Россіи не встрѣчала пока противодѣйствія со стороны Швеціи, зато обезпокоила сосѣднія державы, въ особенности Францію, которая никакъ не могла допустить, чтобы Россія дѣйствовала въ Швеціи такъ же, какъ въ Польшѣ, поэтому французское правительство заботилось о ликвидаціи всѣхъ старыхъ недоразумѣній между Даніей и Швеціей въ виду того, что агрессивная политика Россіи угрожала цѣлости и единству обоихъ государствъ. Кромѣ того, для ослабленія Россіи французское правительство реко-

мендовало шведскому правительству предложить Портѣ денежную ссуду, необходимую для продолженія войны, и настаивать, чтобы Порта въ своемъ мирномъ договорѣ поставила въ видѣ одного изъ условій — сохраненіе шведской независимости, такъ какъ въ это время въ Швеціи шли приготовленія къ перемѣнѣ конституціи въ сторону усиленія монархической власти, и естественно явилось опасеніе, что противники новой конституціи могутъ обратиться къ Россіи съ просьбой о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Впрочемъ, самый вопросъ оставался открытымъ, такъ какъ, подъ вліяніемъ агитаціи русскаго посла Остермана, подкрѣплявшаго ее обильной раздачей денегъ, было запрещено даже поднимать на сеймѣ вопросъ о перемѣнѣ конституціи. Противники русской партіи временно замолчали, впрочемъ, не надолго. Въ концѣ-концовъ въ 1772 г. они добились измѣненія конституціи. Однако чѣмъ больше усиливалось вліяніе Россіи, тѣмъ отчетливѣе становилась необходимость войны съ Россіей для ограниченія ея вліянія и для возвращенія всей Финляндіи, чтобы разъ навсегда въ корнѣ уничтожить финляндское сепаратистское движеніе. Швеція только ждала удобнаго момента для объявленія войны. Поддерживаемая Франціей и отчасти Англіей, Швеція въ лицѣ Густава III, надѣясь, что Россія, занятая войной съ турками, не можетъ выставить большой арміи, и что война на два фронта истощенной въ финансовомъ отношеніи Россіи будетъ очень трудна,—объявила войну, выставивъ при этомъ требованіе возвращенія всей Финляндіи, отошедшей къ Россіи по ништадтскому и абосскому мирамъ, принятія шведскаго посредничества для заключенія мира съ Турціей и разоруженія русскаго флота. Конечно, эти требованія были непріемлемы. Шведскій посолъ немедленно покинулъ столицу, и война началась. Велась она съ перемѣннымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Рѣшительныхъ дѣйствій не было ни съ одной изъ воюющихъ сторонъ, обѣ стороны были истощены. Къ этому надо прибавить опасное для шведскаго правительства настроеніе финляндцевъ, явно выражавшихъ свои симпатіи Россіи въ надеждѣ на автономію, и антиправительственное настроеніе въ самой Швеціи, что заставило обѣ воюющія державы пойти на соглашеніе и поскорѣе заключить миръ. 3 августа 1790 года былъ подписанъ верельскій миръ, согласно которому обѣ стороны возвратили занятыя мѣста во владѣніи непріятеля и оставались при прежнемъ status quo. Конечно, такой исходъ войны предвѣщалъ возможность новой шведско-русской войны, но уже выпавшей на долю XIX вѣка.

Графъ Ѳ. Я. Ангальтъ.

Что дала внѣшняя политика Екатерины? Существенное территоріальное расширеніе — это внѣ всякаго сомнѣнія. Если присоединеніе юга Россіи имѣло огромное значеніе для государственнаго и народнаго хозяйства, и въ этомъ отношеніи интересы командующихъ классовъ вполнѣ совпадали съ результатами турецкихъ войнъ, то польскіе раздѣлы — большой минусъ въ политикѣ Екатерины II. Допустивъ раздѣлы Польши и помѣшавъ политическому возрожденію Польши послѣ 1772 года, Екатерина обнаружила полное отсутствіе государственнаго такта. Ослабляя Польшу и отнимая у нея части территоріи совмѣстно съ австрійцами и пруссаками, Екатерина усиливала своихъ сосѣдей, лишала славянскій міръ авангарда въ борьбѣ съ воинствующимъ германствомъ. Отдавшись всецѣло въ руки прусской дипломатіи, дѣйствуя и поступая по указкѣ Фридриха II, Екатерина поступала, какъ нѣмецкая принцесса, связанная узами дружбы и благодарности съ Фридрихомъ II, но не какъ русская государыня, обязанная защищать интересы Россіи и славянскаго міра, защитницей котораго она пыталась выступить во время турецкихъ войнъ. При оцѣнкѣ внѣшней политики Екатерины нельзя забывать этого, какъ и того, что при бо̀льшемъ спокойствіи въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ Екатерина II могла бы охранить ее отъ политическаго паденія.

В. Пичета.

Гр. В. В. Ферморъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

(Опытъ характеристики).

Екатерина II въ своихъ „Запискахъ“ немало сѣтуетъ на имп. Елизавету за то, что та отняла у нея сына Павла сейчасъ же послѣ его рожденія и давала еїї возможность видѣть его лишь въ исключительныхъ случаяхъ — она даже точно указываетъ, сколько разъ и когда именно она видѣла своего сына въ первые мѣсяцы его жизни. Только въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны Екатерина получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю. Казалось бы, что послѣ того, какъ императрицы Елизаветы не стало, а особенно послѣ того, какъ сама Екатерина стала самодержавной императрицей, ничто не мѣшало ей приблизить къ себѣ теперь уже 8-лѣтняго сына, а, тѣмъ не менѣе, этого не случилось, и мать и сынъ и послѣ 1762 г. продолжали жить отдѣльно, оставаясь чужими другъ для друга; воспитатель цесаревича Павла Порошинъ въ своемъ дневникѣ, относящемся къ 1764 году, аккуратно отмѣчалъ случаи, когда его воспитанникъ бывалъ въ апартаментахъ императрицы, какъ какой-то особый фактъ къ программѣ его дня. Императрица Екатерина не любила сына, а потомъ къ этой нелюбви присоединилось опасеніе, какъ бы онъ по достиженіи совершеннолѣтія не предъявилъ своихъ правъ на престолъ; все это создавало натянутость, неестественность отношеній, и съ годами отчужденіе между матерью и сыномъ становилось все глубже.

Екатерина мало заботилась о воспитаніи и обученіи сына; приставивъ къ нему гр. Н. И. Панина, она считала свою роль въ этомъ отношеніи оконченной; чему и какъ учился ея сынъ, какъ его воспитывали—все это мало ее интересовало. Обученіе цесаревича велось безпорядочно и безъ всякой системы. „Внушать цесаревичу отвращеніе къ тому, чему его учили, такова, казалось, была задача, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ его наставниковъ“ (Моранъ). Воспитаніе было не лучше: при ребенкѣ вели совершенно неумѣстные разговоры, дѣлали его свидѣтелемъ совсѣмъ непоучительныхъ сценъ.

Павелъ никогда въ жизни не испыталъ материнской ласки и долго не зналъ (до второго брака въ 1776 году), что такое нормальная семейная жизнь. Онъ росъ одинъ, безъ сверстниковъ и почти безъ близкихъ людей, потому что какъ только Екатерина II замѣчала, что кто-нибудь становится близкимъ цесаревичу человѣкомъ, она устраняла его подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, опасаясь, что приверженцы сына составятъ заговоръ въ его пользу. Поэтому быть въ милости при дворѣ наслѣдника значило подвергнуться опалѣ при дворѣ императрицы; наоборотъ, всякій неуважительно отзывавшійся о Павлѣ имѣлъ лишній шансъ въ движеніи по службѣ. Ходатайство наслѣдника передъ императрицей за какихъ-нибудь лицъ не только не обезпечивало имъ удовлетворенія ихъ желаній, но часто навлекало на нихъ немилости „большого“ двора. Всякое проявленіе народныхъ симпатій къ наслѣднику престола, напримѣръ, во время пребыванія его въ Москвѣ, только усиливало непріязнь къ нему императрицы, видѣвшей въ этомъ опасность для прочности своего положенія. Всю жизнь Екатерина тщательно устраняла сына отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ и даже рѣдко выпускала его изъ Петербурга и пригородныхъ дворцовыхъ помѣстій, а когда, напримѣръ, она согласилась послѣ долгихъ переговоровъ на то, чтобы онъ поѣхалъ на шведскую войну, то никакихъ официальныхъ сообщеній о его отъѣздѣ къ арміи и возвращеніи обратно сдѣлано не было, какъ будто императрица прямо боялась, какъ бы не стало извѣстнымъ, что ея сынъ что-то дѣлаетъ и въ чемъ-то принимаетъ участіе. Павелъ не могъ, конечно, не чувствовать неестественности отношеній между матерью и имъ самимъ, не могъ не замѣчать ненормальности своего положенія. Онъ становился все болѣе и болѣе угрюмымъ, мрачнымъ, замкнутымъ въ себѣ; вынужденное бездѣлье оставляло много времени для размышленій, и нетрудно представить при его отношеніяхъ къ матери, въ какомъ направленіи работала его фантазія, развиваясь безъ всякаго удержу и совершенно разстраивая его воображеніе.

Императоръ Павелъ I.
(Романовская галлерея).

Не имѣя привычки вращаться въ обществѣ, Павелъ всегда чувствовалъ себя очень неловко, когда ему приходилось играть какую-нибудь официальную роль; особенно ясно это обнаружилось во время его заграничнаго путешествія 1781—82 гг.: онъ робѣлъ на торжественныхъ пріемахъ, не умѣлъ найти подходящій отвѣтъ; чтобы скрыть свое замѣшательство, онъ часто бывалъ умышленно рѣзокъ и нетактиченъ; онъ не скрывалъ своихъ отно-

шеній и чувствъ къ матери и ея фаворитамъ. Какъ человѣкъ слабовольный, онъ не умѣлъ не только бороться съ препятствіями, но просто приноровиться къ условіямъ жизни.

Окруженный чужими, часто враждебно и непочтительно относившимися къ нему людями, Павелъ сталъ недовѣрчивымъ, подозрительнымъ, озлобленнымъ. Не имѣя силъ и возможности измѣнить окружающія условія жизни, онъ выражалъ свой протестъ во вспышкахъ безсильнаго гнѣва, послѣ чего обыкновенно наступала реакція, и онъ впадалъ въ меланхолію. Будучи религіознымъ, онъ искалъ утѣшенія въ вѣрѣ въ Бога, въ 80-хъ годахъ поддался мистицизму и съ восторгомъ слушалъ въ Цюрихѣ знаменитаго Лафатера; мистицизмъ въ соединеніи съ романтизмомъ онъ внесъ потомъ въ свои отношенія къ фрейлинѣ Е. И. Нелидовой, посылалъ ей благочестивыя книги, вмѣстѣ съ нею молился. Но далеко не всегда религія давала успокоеніе, и имъ часто овладѣвала глубокая тоска. „Павелъ страдалъ одной изъ тѣхъ формъ глубокой меланхоліи, — говоритъ Моранъ, — которая похожа на хроническія болѣзни, кончающіяся иногда роковымъ исходомъ. Онъ самъ изводилъ себя, радуясь,—по словамъ Ростопчина,—когда проходилъ день, такъ какъ время тяготитъ его“. Но затѣмъ опять задумчивость и меланхолія переходили въ желчное настроеніе, которое проявлялось въ рѣзкихъ выходкахъ по отношенію къ окружающимъ; въ такія минуты Павелъ не умѣлъ владѣть собой.

Вынужденный долго жить въ бездѣйствіи въ Петербургѣ, Павелъ почувствовалъ себя нѣсколько болѣе свободнымъ лишь съ тѣхъ поръ, когда императрица отвела ему для жизни Павловскъ и Гатчину; однако и послѣ этого большую часть года онъ долженъ былъ проводить въ Петербургѣ. Немудрено, что умственный горизонтъ его былъ не широкъ, немудрено, что вниманіе его сосредоточивалось на мелочахъ повседневной придворной жизни. Когда онъ получилъ, наконецъ, возможность заняться въ Гатчинѣ военнымъ дѣломъ, то всѣ его занятія пріобрѣли мелочный характеръ уже по одному тому, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего около 2.000 солдатъ; желая создать изъ этой миніатюрной арміи подобіе войскамъ Фридриха II и не имѣя возможности состязаться съ ними въ численности, онъ, естественно, долженъ былъ стремиться сравняться съ ними качественно; въ то же время онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей арміи образецъ для правительственной, Екатерининской, выражая этимъ „какъ бы молчаливый протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины“ [1]). Это вело къ усиленной муштровкѣ солдатъ, къ излишнимъ заботамъ о ихъ внѣшней выправкѣ и обмундировкѣ. Никогда не побывавъ на настоящей войнѣ (въ шведской войнѣ все свелось къ его участію въ незначительныхъ рекогносцировкахъ), Павелъ не понималъ, въ чемъ заключается дѣйствительная сила

[1]) Шильдеръ, стр. 193.

Левицкій. Императоръ Павелъ I.

Музей Александра III.

войска, и никто не подумалъ—и менѣе всѣхъ сама Екатерина—познакомить его, какъ слѣдуетъ, хотя бы съ военнымъ дѣломъ. Мелочность, бывшая въ характерѣ Павла и раньше и создававшаяся условіями его жизни, въ Гатчинѣ достигла полнаго расцвѣта, а когда онъ сталъ императоромъ—приняла совершенно болѣзненныя формы.

За всю свою жизнь, сложившуюся такъ тяжело и нескладно, Павелъ могъ бы насчитать лишь 3—4 сравнительно счастливыхъ момента. Однимъ такимъ моментомъ былъ непродолжительное сближеніе съ матерью въ 1772 г., когда она на короткое время разошлась съ гр. Орловымъ, котораго Павелъ ненавидѣлъ отъ всей души. Другимъ такимъ моментомъ, тоже краткимъ, былъ его первый бракъ (1773—76 гг.) съ принцессой Наталіей Алексѣевной Гессенъ - Дармштадтской, хотя бракъ этотъ былъ заключенъ безъ предварительныхъ переговоровъ императрицы съ Павломъ. Въ этотъ моментъ своей жизни Павелъ стремился передѣлать свой характеръ, онъ боролся съ собой, и ему казалось временами, что онъ достигаетъ цѣли. Онъ сознавалъ свои недостатки, готовъ былъ каяться. Третій моментъ—это второй бракъ, болѣе продолжительный и счастливый, чѣмъ первый. Во второй своей женѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ, Павелъ нашелъ человѣка, понимавшаго его и умѣвшаго разсѣять его мрачныя мысли и успокоить его гнѣвъ. Однако вполнѣ нормальной жизни не сложилось и теперь: всѣхъ родившихся у Павла дѣтей императрица Екатерина

Императоръ Павелъ I.
(Московскій Архивъ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ).

отбирала одного за другимъ и воспитывала у себя, т.-е. поступала точно такъ, какъ когда-то поступила съ ней самой императрица Елизавета. Воспитывая по-своему внуковъ, Екатерина явно готовила изъ старшаго изъ нихъ, Александра, своего замѣстителя, желая обойти Павла; это не только еще болѣе обостряло отношенія между нею и Павломъ, но и устанавливало ненормальныя отношенія между этимъ послѣднимъ и Александромъ.

Все это вмѣстѣ взятое совершенно исковеркало, изломало жизнь цесаревича Павла. Къ моменту своего вступленія на престолъ въ 1796 году (ему въ то время было уже 42 года) это былъ совсѣмъ больной человѣкъ. Физически слабый отъ природы, страдавшій въ дѣтствѣ отъ опасной лимфатической опухоли подъ подбородкомъ и подверженный лихорадкамъ, маленькаго роста, съ некраснвымъ лицомъ, онъ не только не окрѣпъ въ теченіе своей жизни, но присоединилъ къ физической слабости душевную болѣзнь. Люди разныхъ политическихъ убѣжденій и разнаго общественнаго положенія, знавшіе императора Павла,—принцъ Вюртембергскій, Бутурлинъ, кн. С. Р. Воронцовъ, Панинъ, иностранные послы при русскомъ дворѣ и проч., — всѣ сходятся въ томъ, что подъ конецъ своей жизни онъ страдалъ душевной болѣзнью, когда, по словамъ кн. П. М. Долгорукова (человѣка, ему преданнаго), „разсудокъ его былъ потемненъ, сердце наполнено желчи и душа—гнѣва“. Имъ всецѣло овладѣла манія преслѣдованія, обнаруживавшаяся въ немъ уже въ 1773 году; вездѣ и во всемъ онъ готовъ былъ подозрѣвать измѣну и опасность для себя и своего трона. Призракъ революціи чудился ему и въ круглыхъ шляпахъ, и въ иностранной упряжи. Не довѣряя почти никому изъ окружающихъ, онъ сталъ положительно жертвой своего страха. Всѣ его поступки были полны неожиданности и случайности; распоряженія быстро слѣдовали одно за другимъ, часто отмѣняя одно другое; непостоянство его симпатій, которое вѣрно подмѣтилъ въ Павлѣ уже его воспитатель Порошинъ, когда ему было только еще 10 лѣтъ, стало прямо удивительнымъ; приказы часто вызывали полное недоумѣніе своей редакціей: въ послѣдній день его жизни былъ объявленъ указъ, „чтобы изъ россійскихъ портовъ и пограничныхъ сухопутныхъ таможенъ и заставъ никакихъ россійскихъ товаровъ выпускаемо никуда не было безъ особаго высочайшаго повелѣнія“. Иностранцевъ, „поведенія нескромнаго или непристойнаго“, повелѣно было „выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ паки показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизвѣстнаго наказанія“. Смѣны настроенія императора были таковы, что никто не могъ поручиться за завтрашній день: сегодня—первый министръ, завтра—онъ скачетъ на тройкѣ въ ссылку въ отдаленнѣйшія помѣстья. Фельдъегери носились по всей Россіи, разнося страхъ и ужасъ, такъ какъ часто схваченный фельдъегеремъ человѣкъ долго не зналъ, везутъ его въ Петербургъ для того, чтобы посадить въ крѣпость, или для того, чтобы осыпать милостями. Наступило „царство страха“, по

выраженію г. Шумигорскаго, апологета императора Павла, и „ежедневный ужасъ“, по словамъ современника Мертваго. Стремясь къ справедливости и равенству, желая быть, какъ онъ говорилъ, „для всѣхъ одинаково добрымъ“, императоръ Павелъ дѣйствовалъ произвольно и съ полнымъ пренебреженіемъ къ личности человѣка. Ни возрастъ, ни заслуги не спасали человѣка отъ проявленія самыхъ жестокихъ вспышекъ гнѣва императора, часто роняв шаго при этомъ свое достоинство. „Случалось,—говоритъ г. Шумигорскій (стр. 128),—что Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ, которые должны были сохранять серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ неукротимой воли“. Не довѣряя никому, императоръ Павелъ самъ хотѣлъ дѣлать все и быть всѣмъ; культъ абсолютизма нашелъ въ немъ яраго послѣдователя. Но въ то же время онъ, повидимому, хотѣлъ служить государству, хотѣлъ искоренить тѣ злоупотребленія и непорядки, которые, дѣйствительно, были во всѣхъ частяхъ управленія, пришедшаго въ сильное разстройство въ концѣ царствованія Екатерины II. Чтобы узнавать о злоупотребленіяхъ, онъ велѣлъ повѣсить у Зимняго дворца особый ящикъ для опусканія въ него жалобъ и просьбъ; ключъ отъ этого ящика императоръ хранилъ у себя, самъ вынималъ всѣ бумаги и клалъ на нихъ резолюціи, публикуя ихъ потомъ въ газетахъ. Но въ то же время онъ до того стѣснилъ печать, до того придавилъ всякое проявленіе общественной жизни, что всѣ засѣли по своимъ угламъ и считали себя счастливыми, если о нихъ забывали. Режимъ произвола развращающимъ образомъ дѣйствовалъ на чиновничество и общество и только развивалъ доносы. Дѣйствительныя злоупотребленія всякаго рода оставались нераскрытыми и безнаказанными; случайныя жалобы, попадавшія въ ящикъ у Зимняго дворца, никакого практическаго значенія, конечно, не имѣли, и ящикъ скоро былъ снятъ, тѣмъ болѣе, что въ него стали попадать карикатуры и сатиры на императора.

Стремясь къ установленію законности, которую онъ считалъ „фундаментомъ общаго порядка“, онъ самъ часто нарушалъ законы, отмѣнялъ и измѣнялъ ихъ подъ вліяніемъ минутнаго настроенія или личныхъ отношеній. Такъ, издавъ въ 1797 г. законъ о престолонаслѣдіи, онъ первый же собирался нарушить его, предполагая передать престолъ помимо своего старшаго сына Александра принцу Вюртембергскому.

Склонный иногда въ молодости къ шуткѣ, проявлявшій добродушіе и желаніе поострить, Павелъ подъ конецъ жизни не выходилъ изъ состоянія мрачной подавленности. Ему нельзя было отказать въ личной честности и прямотѣ, но проявленія того и другого качества принимали подчасъ такія тя-

желыя формы, что ихъ готовы были считать недостатками. Онъ сознавалъ, что онъ не популяренъ, что его больше боятся, чѣмъ любятъ (его собственныя слова), но онъ все дѣлалъ какъ будто нарочно для того, чтобы усилить эти непопулярность и непріязнь. „Нельзя безъ сожалѣнія и ужаса смотрѣть на все,—писалъ Ростопчинъ еще въ 1793 году,—что дѣлаетъ великій князь-отецъ; можно бы сказать, что онъ выдумываетъ средства, чтобы заставить ненавидѣть и презирать себя. Онъ забралъ себѣ въ голову, что его презираютъ и ищутъ способъ показать ему неуваженіе; исходя изъ этого, онъ придирается ко всему и наказываетъ безъ разбора... Малѣйшее запозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, заставляетъ горячиться... Каждый день приходится слышать разговоры о жестокости и мелочности, которые заставили бы покраснѣть всякаго“. „Одному Богу извѣстны мои страхи,—писала вел. кн. Марія Ѳеодоровна Плещееву: — я трепещу за своего мужа: онъ не умѣетъ пріобрѣтать друзей и погибнетъ когда-нибудь, если не будетъ окруженъ преданными, вѣрными слугами. Съ помощью лести и другими постыдными средствами удалось вызвать въ немъ тѣ ужасныя перемѣны, которыя мы теперь видимъ. Я прекрасно сознаю, что всѣ ежедневно замѣчаютъ разстройство его способностей“. Когда-то въ молодости онъ разсчитывалъ, что „время и твердый образъ дѣйствій въ состояніи уничтожить клевету“—о его дурномъ характерѣ; „вы можете видѣть изъ письма моего,—сообщалъ онъ однажды въ дни молодости Сакену,—что я не изъ мрамора и что сердце мое далеко не такое черствое, какъ многіе полагаютъ, моя жизнь докажетъ это“. Жизнь императора Павла, котораго Карамзинъ сравнивалъ съ „грознымъ метеоромъ“, пронесшимся надъ Россіей, не доказала этого, и трудно сказать, надѣялся ли онъ потомъ, что отношеніе къ нему окружающихъ измѣнится; считая, что онъ исполняетъ свой долгъ, онъ, наоборотъ, скорѣе склоненъ былъ потомъ считать себя едва ли не всегда правымъ. Погруженный въ мелочи военной субординаціи, не переносившій никакого возраженія и требовавшій только безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній, растерявшій всѣхъ немногихъ своихъ друзей, императоръ Павелъ какъ будто съ закрытыми глазами шелъ къ роковой развязкѣ...

К. Сивковъ.

Царствованіе Павла I.

Павелъ родился 20 сентября 1754 года. Императрица Елизавета, страстно ожидавшая его появленія на свѣтъ, поднесла матери новорожденнаго на золотомъ блюдѣ 100 т. рублей, а мальчика немедленно отобрала отъ матери, взяла на свою половину. Елизавета сама приняласъ за воспитаніе будущаго наслѣдника престола. Очень можетъ быть, что въ императрицѣ пробудился сильно материнскій инстинктъ, не получившій во-время должнаго удовлетворенія. Весьма вѣроятно, что поступокъ Елизаветы стоялъ также и въ связи съ ея намѣреніемъ устранить отъ престола родителей Павла и объявить его непосредственнымъ своимъ преемникомъ.

Какъ бы то ни было, но Павелъ оказался на попеченіи двоюродной бабушки. Нельзя сказать, чтобы это попеченіе оказалось разумнымъ. Мальчика душили излишними заботами. По разсказу Екатерины, украдкой навѣдывавшейся о здоровьѣ сына, ребенокъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пике на ватѣ, а, сверхъ того, еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, обитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, обезсиливая организмъ ребенка. Когда онъ выросъ, то простуживался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. „Кромѣ того, — говоритъ Екатерина, — къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и матушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ

усердіемъ причинили ему несравненно больше зла, физическаго и нравственнаго, чѣмъ добра“. Между прочимъ, сообщаетъ Порошинъ, своими разсказами о домовыхъ и привидѣніяхъ онѣ настолько разстроили воображеніе и нервы впечатлительнаго ребенка, что онъ прятался подъ столъ при сколько-нибудь сильномъ хлопаньѣ дверями. Дошло дѣло до того, что онъ трясся даже тогда, когда его приходила навѣщать императрица Елизавета: несомнѣнно, что нянюшки передали ему свой страхъ передъ государыней, и страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что Елизавета вынуждена была навѣщать внука лишь изрѣдка Слишкомъ рано, уже въ четыре года, маленькаго Павла начали учить грамотѣ, одѣли въ модное платье и надѣли на него парикъ, который няня предварительно окропила святою водою. На шестомъ году Павелъ былъ переданъ, хотя еще и не вполнѣ, въ мужскія руки. Воспитаніе его было поручено Н. И. Панину, который исподоволь отлучилъ отъ него всѣхъ „бабъ“ и окружилъ его „кавалерами“.

Екатерина II, Павелъ I и Александръ Павловичъ.

Новый воспитатель Павла изъ общества нянюшекъ вывелъ его сразу на широкую придворную сцену. Едва исполнилось великому князю шесть лѣтъ, какъ ему начали представлять иностранныхъ посланниковъ на торжественныхъ аудіенціяхъ, стали возить на придворные балы и спектакли. Поклонникъ французскаго языка, французской литературы и французскихъ модъ, Панинъ и Павла Петровича старался воспитывать, какъ французскаго дофина, въ атмосферѣ chevallerie и galanterie. Павелъ съ раннихъ лѣтъ отрочества полюбилъ внѣшность, декораціи, изящные костюмы и 10—11 лѣтъ занятъ былъ „нѣжными мыслями“ и „маханіемъ“ за жившими во дворцѣ фрейлинами. Панинъ не находилъ въ этомъ ничего неестественнаго и разспрашивалъ своего питомца, въ кого онъ влюбленъ. Произведенія французской литературы, съ которыми его знакомили, были какъ разъ настолько не подходящими для его возраста, что великій князь самъ просилъ прекратить чтеніе на какомъ-нибудь неприличномъ мѣстѣ. Въ 10—12

лѣтъ Павла заставляли читать сочиненія Вольтера, Монтескье, Дидро, Даламбера, Гельвеція, которыя, разумѣется, были ему не по зубамъ, даже и при объясненіяхъ одного изъ его наставниковъ, Порошина. Съ четырнадцати лѣтъ предложено было преподавать Павлу государственныя науки. Но назначенный для этого Тепловъ нагналъ только страшную скуку на своего ученика, начавъ знакомить его съ различными процессами, приносимыми изъ Сената. Такъ развращали воображеніе и насиловали умъ юнаго Павла приставленные къ нему воспитатели.

Особенно вредное вліяніе на него оказывали бесѣды, которыя велись за обѣдами. На эти обѣды Панинъ приглашалъ преимущественно своихъ единомышленниковъ. Здѣсь велись рѣчи о „высокихъ государственныхъ матеріяхъ“, часто совершенно недоступныхъ уму 10-лѣтняго мальчика, при чемъ Панинъ позволялъ себѣ „сатирически“ отзываться о дѣятельности Екатерины. Его собесѣдники также не стѣснялись въ отзывахъ не только о правленіи, но и о поведеніи Екатерины, не отступая ни передъ какими подробностями. Въ этомъ обществѣ, слушая споры, разсужденія и грязныя повѣствованія взрослыхъ, мальчикъ преждевременно старился, привыкалъ ко всему относиться недоумѣнно и подозрительно, привыкалъ схватывать на лету чужія мнѣнія и, будучи не въ силахъ разбираться въ нихъ, мѣнять ихъ тотчасъ же. Въ образѣ мышленія цесаревича такимъ образомъ укоренялось господство впечатлѣній и образовъ, а не ясно сознанныхъ идей, укоренялась наклонность подчиняться чуждымъ внушеніямъ—обычное послѣдствіе ранняго постояннаго общенія дѣтей со взрослыми. Въ этой обстановкѣ положена была основа политическаго міросозерцанія Павла Петровича: критическое отношеніе къ правительственной дѣятельности матери, сочувствіе къ личности отца и въ то же время признаніе важнаго значенія „военныхъ мелкостей“ на прусскій образецъ. Здѣсь же душа впечатлительнаго великаго князя отравлена была чувствомъ боязни и подозрительности къ матери, которую Панинъ выставилъ похитительницею престола.

Гр. Н. И. Панинъ.

Ядъ, вливаемый въ душу Павла, встрѣчалъ нѣкоторое противодѣйствіе частью въ природныхъ свойствахъ Павла, частью въ другихъ вліяніяхъ. Отъ природы Павелъ былъ умнымъ и добрымъ мальчикомъ, съ врожденнымъ чувствомъ порядка, законности, наклоннымъ къ прямотѣ и честности въ мысляхъ и поступкахъ. Поэтому и изъ придворныхъ спектаклей, и изъ своего французскаго чтенія онъ напитывался не одною только житейскою грязью, но и поклоненіемъ рыцарскимъ добродѣтелямъ: великодушію, мужеству, стремленію къ правдѣ, защитѣ слабыхъ и уваженію къ женщинѣ. Не оказалъ никакого вліянія на Павла и религіозный скептицизмъ французской литературы. По свидѣтельству его законоучителя Платона, „религіозное чувство внѣдрено было въ него императрицею Елизаветою Петровной и приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами“, а затѣмъ упрочено было самимъ Платономъ, такъ что „вольтерьянство“ Екатерининскихъ вельможъ не заразило его души... Но при всемъ томъ, постоянная работа мысли, постоянная необходимость сдерживаться, скрывать свои чувства не могли не повліять пагубнымъ образомъ на психику Павла, который съ дѣтства отличался „остротою своего ума“, былъ „горячъ и развлекателенъ“. Чѣмъ болѣе и продолжительнѣе онъ сдерживался, тѣмъ сильнѣе бывали его вспышки; его веселье, живое остроуміе часто смѣнялось желчью; природная довѣрчивость — чрезвычайною подозрительностью къ однимъ и тѣмъ же людямъ, простота и скромность — непомѣрною гордостью и притязательностью. Въ концѣ-концовъ, у юноши, отъ природы добраго, веселаго, начали проявляться припадки меланхоліи.

Но почему же Екатерина, такъ много думавшая о воспитаніи чужихъ дѣтей, такъ мало заботилась о воспитаніи собственнаго сына? Вѣдь какъ-никакъ, съ восьми лѣтъ Павелъ былъ въ ея полномъ распоряженіи. Тутъ мы наталкиваемся на одно изъ тѣхъ противорѣчій жизни, съ которыми часто приходится встрѣчаться и теперь. И теперешнимъ матерямъ, работающимъ по части педагогіи, сплошь и рядомъ не интересно возиться съ собственными дѣтьми. Екатерина, какъ мать, была совершенно холодна къ своему сыну. Этотъ сынъ не былъ плодомъ любви, былъ взятъ у нея тотчасъ же послѣ рожденія, не былъ ею взласканъ и взлелѣянъ, и Екатерина не могла заставить себя полюбить его и заняться имъ. Позже она оправдывалась въ этомъ тѣмъ, что всѣ привыкли считать Панина, такъ сказать, ангеломъ-хранителемъ цесаревича, боялись за его судьбу, если онъ попадетъ къ матери, и потому будто бы она и не брала его отъ Панина. Но это соображеніе потому и вліяло на Екатерину, что она была холодна къ сыну.

Когда Павлу исполнилось 19 лѣтъ, Екатерина рѣшила удалить отъ него Панина съ компаніей и женить его на гессенской принцессѣ. Бракосочетаніе было совершено въ сентябрѣ 1773 года, при чемъ супруга

Павла приняла имя великой княгини Наталіи Алексѣевны. По настоящему Екатеринѣ слѣдовало бы теперь допустить Павла къ участію въ государственномъ управленіи и дать ему возможность заранѣе подготовиться къ своимъ будущимъ обязанностямъ русскаго императора. Но Екатерина боялась сдѣлать это, опасаясь столкнуться съ сыномъ, прямой и горячій нравъ котораго, а также отрицательное отношеніе къ ея правленію были ей достаточно извѣстны. Кромѣ того, она боялась и захвата власти со стороны Павла, у котораго было много сочувствующихъ. Все, на что она рѣшалась, это было предоставленіе сыну права являться къ ней на одинъ или два часа въ недѣлю для занятій государственными дѣлами въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Кромѣ того, она сдѣлала его командиромъ кирасирскаго полка и генералъ-адмираломъ флота, но чисто номинальнымъ: онъ никогда не показывался во флотъ, и только подписывалъ бумаги адмиралтействъ-коллегіи. Разумѣется, это не могло удовлетворить Павла. Въ особенности Павелъ недоволенъ былъ тѣмъ, что во главѣ военнаго управленія стоялъ фаворитъ матери Потемкинъ, оказывавшій сильное вліяніе и на внѣшнюю политику Россіи. Въ 1774 году Павелъ подалъ матери особую докладную записку, въ которой доказывалъ, что наступательныя воіны вредно отзываются на благосостояніи Россіи, что нужно ограничиться одною только обороною, при чемъ для избѣжанія злоупотребленій надо подвергнуть высшую власть строгой регламентаціи. Эта докладная записка страшно разсердила Екатерину, и она не воздержалась отъ воздѣйствія за нее. Въ день своего рожденія она подарила Павлу недорогіе часы, а Потемкину 50 т. рублей, сумму, которую незадолго передъ тѣмъ просилъ у матери Павелъ для расплаты съ долгами. Павелъ возненавидѣлъ Потемкина, сдѣлался мрачнымъ, раздражительнымъ и сталъ все болѣе удаляться отъ матери. Къ

Е. И. Нелидова.

довершенію его огорченій, вскорѣ послѣ того скончалась отъ родовъ его супруга Наталія Алексѣевна. Екатерина имѣла жестокость показать сыну найденныя въ шкатулкѣ покойной нѣжныя письма графа Андрея Кириловича Разумовскаго, не оставлявшія сомнѣнія въ характерѣ его отношеній къ великой княгинѣ.

Чтобы утѣшить сына, Екатерина отыскала для него невѣсту, принцессу Вюртембергскую Софью-Доротею, и отправила его на свиданіе въ Берлинъ. Принцесса Софья-Доротея, 17-лѣтняя, красивая, но не бывавшая еще при большихъ дворахъ дѣвушка, сразу плѣнила великаго князя своими семейными привычками, простотою, крѣпкимъ привязчивымъ характеромъ. Софья-Доротея также была въ восторгѣ какъ отъ своего жениха, такъ и отъ блестящей будущности. Кромѣ невѣсты, Павелъ былъ въ восторгѣ отъ прусскаго короля и его войска, и уѣхалъ изъ Берлина, давъ Фридриху клятву въ вѣчной дружбѣ. Въ сентябрѣ 1776 года состоялось бракосочетаніе Павла съ Софьею-Доротеей, нареченною Маріею Ѳеодоровной. Екатерина была въ восторгѣ отъ своей невѣстки, но не надолго. Марія Ѳеодоровна, осмотрѣвшись въ Петербургѣ, шокирована была царившею распущенностью нравовъ и въ частности поведеніемъ императрицы. Сохраняя къ ней внѣшнюю почтительность, великая княгиня стала отдалять мужа отъ матери, все болѣе и болѣе замыкаться съ нимъ въ тѣсномъ семейномъ кругу. Братья Панины, Никита и Петръ, вошли снова въ тѣсный кругъ друзей великаго князя и стали оказывать рѣшительное вліяніе на складъ его мыслей и его политическое міровоззрѣніе. Никита Ивановичъ Паниинъ внушалъ Павлу самое высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ государя и научалъ его цѣнить выше всего законность и нелицепріятную справедливость въ управленіи. Нельзя не отмѣтить при этомъ вредной односторонности, внесенной въ воспитаніе Павла Петромъ Панинымъ. Какъ человѣкъ военный, онъ обратилъ вниманіе великаго князя преимущественно на „мелкости“ военной службы, столь противныя Екатеринѣ. Государь, по его мнѣнію, долженъ непосредственно и лично начальствовать строевою частью; всѣ, даже малѣйшія измѣненія въ порядкѣ службы и личномъ составѣ требуютъ разрѣшенія самого государя, который, введя строгое единообразіе въ обмундированіи, обученіи и образѣ обхожденія съ солдатами и офицерами, долженъ налагать строжайшее взысканіе за всякое отступленіе. Только такимъ путемъ можно поднять уваженіе въ дворянствѣ къ военной службѣ и ввести необходимую дисциплину.

Екатерина была очень недовольна сближеніемъ Павла съ Панинымн и, чтобы отвлечь его отъ ихъ сообщества, искусно навела его на мысль совершить путешествіе по Европѣ. Болѣе года, съ сентября 1781 года по ноябрь 1782 года, Павелъ съ женою пробыли за границею, посѣтили Австрію, Италію, Францію, Нидерланды, Швейцарію и южную Германію. Это путе-

шествіе нѣсколько развлекло и успокоило мрачнаго великаго князя. Особенно хорошо чувствовалъ онъ себя во Франціи и своею любезностью, остроуміемъ и привѣтливостью обворожилъ французовъ. Отдохнулъ онъ нравственно и въ патріархальной семьѣ родителей своей жены, въ обстановкѣ, чуждой всякаго этикета. По возвращеніи въ Петербургъ Павелъ испыталъ глубокое огорченіе: умеръ его воспитатель и другъ Никита Ивановичъ Панинъ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни Павла—гатчинскій.

Екатерина подарила ему мызу, принадлежавшую Григорію Орлову, Гатчину, и Павелъ воспользовался этимъ для того, чтобы совсѣмъ удалиться отъ матери и большого двора. Здѣсь задумчивый, угрюмый и желчно настроенный великій князь, жаждавшій дѣла, но не допускаемый до него матерью, проводилъ время частью въ кабинетныхъ занятіяхъ, частью въ хозяйственныхъ заботахъ, но больше всего въ военныхъ экзерциціяхъ. Онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи, при чемъ тайкомъ отъ матери переписывался съ прусскимъ королемъ, сообщая ему важныя извѣстія, составлялъ различные законопроекты въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ матери. Подъ предлогомъ очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бродягъ, Павелъ сформировалъ себѣ небольшой отрядъ въ 60 человѣкъ, который къ 1788 году онъ довелъ до трехбатальоннаго состава. Отрядъ этотъ заключалъ въ себѣ элементы всѣхъ войсковыхъ частей, даже конную артиллерію и флотилію, вооруженную пушками. Войско это одѣто было въ прусскую военную форму; въ немъ введены были строгая до жестокости военная дисциплина и всѣ распорядки по инструкціи Фридриха II. Это войско должно было послужить образцомъ для переформированія съ теченіемъ времени всей русской арміи. Среди офицеровъ было много нѣмцевъ, а главнымъ командиромъ былъ назначенъ пруссакъ, баронъ Штейнверъ. Павелъ много времени посвящалъ экзерциціямъ этого войска, и Екатерина съ ужасомъ увидала, что въ Гатчинѣ возродились „батушкина“ голштинская гвардія, и „батушкино“ время-препровожденіе. Впрочемъ, военныя занятія Павла чередовались съ болѣе плодотворной и тихой работою его, какъ гатчинскаго помѣщика. Первыми его дѣйствіями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины.

Великій князь Александръ Павловичъ.

Затѣмъ онъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ существовавшихъ уже, еще четыре церкви: православную, католическую, лютеранскую и финскую, при чемъ взялъ на свой счетъ и содержаніе духовенства этихъ церквей. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство приходило въ упадокъ не по ихъ винѣ, цесаревичъ помогалъ и денежными субсидіями, и прирѣзкою земли. Чтобы дать заработки крестьянамъ, помимо земледѣлія, Павелъ содѣйствовалъ возникновенію въ Гатчинѣ стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики и шляпной мастерской. Павелъ вообще сочувственно относился къ положенію крестьянъ и въ особомъ „наказѣ“ своей супругѣ, составленномъ въ 1787 году на случай своей смерти, рекомендовалъ ей „особое уваженіе“ къ крестьянству. Въ этомъ же „наказѣ“ Павелъ изложилъ свои финансовыя предположенія, въ которыхъ настойчиво рекомендовалъ соразмѣрять расходы съ доходами и не отягчать земли и промысловъ налогами. Тогда же совмѣстно съ Маріею Ѳеодоровною цесаревичъ выработалъ основной законъ о престолонаслѣдіи по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома. Въ отсутствіи закона о престолонаслѣдіи Павелъ справедливо видѣлъ главную причину и революцій въ Россіи XVIII в., и собственнаго печальнаго положенія.

Въ этихъ занятіяхъ, въ этомъ постоянномъ сравненіи того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть, протекло четыре года. Характеръ великаго князя за это время замѣтно измѣнился къ худшему: его несдержанность все чаще и чаще переходила въ запальчивость, гнѣвъ доходилъ до бѣшенства; отъ прежняго любезнаго, остроумнаго, веселаго Павла, какимъ онъ былъ во время заграничнаго путешествія, не осталось и слѣда.

Павелъ весь ушелъ въ то время въ обученіе своихъ войскъ. Ростопчинъ писалъ про него: „Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1.600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля. По средамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ на разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя“. Въ занятіяхъ этихъ Павелъ постепенно сблизился съ новымъ кругомъ людей, которые впослѣдствіи сдѣлались его ближайшими сотрудниками. Это были рядовые офицеры, лишенные образованія, неразвитые, не имѣвшіе никакого понятія о государственныхъ задачахъ, но зато спеціалисты въ „мелкостяхъ“ военнаго дѣла, точные, исполнительные и, по мнѣнію Павла, безусловно ему преданные, разные Аракчеевы, Обольяниновы, Каннабихи, Малютины и др. Въ средѣ этихъ людей цесаревичъ постепенно разучался думать, обсуждать, совѣтоваться, пріучался цѣнить лишь исполнительность и усердіе, а на всякое представленіе или совѣтъ смотрѣлъ лишь, какъ на ослушаніе. Умъ и сердце Павла Петровича почти перестали дѣйствовать. Зато во всей рѣзкости началъ проявляться его тем-

парментъ, его неуклонная строгость въ соблюденіи буквы уставовъ и инструкцій, замѣнявшихъ собою всякое разсужденіе и повсюду устанавливавшихъ однообразіе. Гатчина и Павловскъ приняли видъ военныхъ лагерей, созданныхъ по прусскому образцу, съ заставами, шлагбаумами и казармами. Самъ Павелъ подавалъ примѣръ суровой спартанской жизни: вставъ въ 4 часа утра, онъ спѣшилъ на ученье или маневры войскъ, производилъ осмотръ казармъ, продовольствія, при чемъ никакая неисправность не ускользала отъ его взгляда. Зато въ 10 часовъ вечера городъ уже спалъ; слышались только шаги патрулей да крики часовыхъ.

5 ноября 1796 г. Екатерину постигъ апоплексическій ударъ. Немедленно дали знать Павлу, и въ $8^1/_2$ часовъ вечера великокняжеская чета была уже въ Петербургѣ. Въ Зимнемъ дворцѣ собравшіяся придворныя и высшія правительственныя лица встрѣтили Павла уже какъ государя, а не наслѣдника.

Видъ Гатчины при Павлѣ I. С. Щедрина.
(Истор. выставка архитектуры. СПБ. 1911 г.).

Часовъ около десяти вечера великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность. Вслѣдъ за тѣмъ въ придворной церкви высшее духовенство, сановники и придворные чины принесли на вѣрность присягу императору Павлу Петровичу и великому князю Александру Павловичу, какъ наслѣднику престола.

Павелъ поспѣшилъ перенести въ Петербургъ свою Гатчинскую обстановку и до извѣстной степени превратить самый Петербургъ въ Гатчину. Уже въ ночь послѣ смерти Екатерины великій князь Александръ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ разставлялъ вокругъ дворца новыя пестрыя будки и часовыхъ. „Повсюду загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ. Дворецъ какъ будто обратился въ казармы: внутренніе пикеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру“. 10 ноября въ Петербургъ вступили гатчинскія войска. Государя окружили всѣ его гатчинскіе приближенные. „Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—

бѣгали, повелѣвали, учреждали". Прежніе сановники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли съ поникнутою головою, какъ бы уже лишенные своихъ должностей и званій.—Столица должна была переучиваться жить по-гатчински.

Въ царствованіе своей матери Павелъ оставался не у дѣлъ, проникаясь желчнымъ критицизмомъ по отношенію ко всему, что при ней дѣлалось. Добравшись теперь до дѣла, Павелъ проявилъ кипучую дѣятельность, стремясь перевернуть въ короткое время все вверхъ дномъ, завелъ всюду новые порядки и установленія.

Всѣ мѣры Павелъ принималъ единолично, ни съ кѣмъ не совѣщаясь. Дѣльцы предшествовавшаго царствованія были устранены, а новые, изъ бывшихъ гатчинцевъ, были только слѣпыми исполнителями приказовъ новаго государя. Притомъ же въ большинствѣ случаевъ это были люди необразованные, неразвитые. Павелъ работалъ поэтому въ одиночествѣ, издавалъ законъ за закономъ, не обращая вниманія на то, исполнимы ли эти законы или нѣтъ, и суровыми мѣрами наказывалъ за всякое противорѣчіе его волѣ. Сенатъ и Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе. — Благодаря этому законодательная, какъ и вся вообще правительственная дѣятельность Павла явились лишенными всякой системы и устойчивости, зависѣли часто отъ мимолетныхъ настроеній его души, а не отъ обдуманныхъ и ясно сознанныхъ мотивовъ. Павелъ ненавидѣлъ порядки, установившіеся въ царствованіе матери, и безпощадно ломалъ ихъ. Сознавая отсутствіе твердой опоры въ окружающихъ, Павелъ крайне нервно относился ко всякому, хотя бы и косвенному, порицанію его дѣйствій, и вездѣ подозрѣвалъ измѣну. Многіе навлекали на себя его неудовольствіе какимъ-нибудь неумышленнымъ словомъ и дѣломъ. Жертвами безпричиннаго гнѣва государя чаще всего дѣлались придворные и военные чины, постоянно находившіеся у него на глазахъ.

Такъ началъ свое царствованіе Павелъ I. Въ дальнѣйшемъ его образъ дѣйствій не только не улучшался, но все болѣе и болѣе ухудшался, пока, наконецъ, не привелъ его къ трагическому концу.

Все время своего царствованія Павелъ неустанно работалъ, входя во всѣ мелочи, желая самъ все знать и всему давать направленіе. Переписка его съ мѣстными начальниками заняла бы цѣлые томы. Павелъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями мѣстной администраціи: мельчайшая ошибка или недомолвка въ донесеніяхъ, малѣйшее злоупотребленіе или упущеніе, доходившее до свѣдѣнія государя, влекли за собою тотчасъ же или выговоръ, или увольненіе, или исключеніе со службы. Казенные и частные убытки, происходившіе отъ какихъ-либо упущеній администраціи, напр., отъ грабежей, губернаторы должны были возмѣщать собственнымъ имуществомъ. Терроризуя такимъ образомъ администрацію, Павелъ косвенно терроризовалъ и

населеніе. Администрація, боясь отвѣтственности за бездѣятельность, за упущенія и даже за распространеніе „моральной язвы“, простирала полицейскій надзоръ до такой степени, что обыватели боялись непринужденно веселиться не только въ публичныхъ собраніяхъ, но и въ частныхъ домахъ и вести откровенныя бесѣды у себя дома. На всѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ и публичныхъ балахъ „для смотрѣнія“ долженъ былъ присутствовать частный приставъ. Такъ какъ Павелъ до всего доходилъ самъ, то къ нему поступала огромная масса всякихъ доносовъ, большею частью анонимныхъ, и огромное количество ходатайствъ, ни на чемъ не основанныхъ, а также жалобы на неправосудіе и притѣсненія. Все это держало Павла въ непрерывномъ раздраженіи, вызывало подробныя разслѣдованія, длительную переписку, просмотръ подлинныхъ дѣлъ самимъ государемъ, а администрацію держало въ постоянномъ страхѣ. Доносовъ одинаково боялись и честные, и дурные люди.

Полицейская опека надъ частной жизнью подданныхъ доведена была Павломъ до крайнихъ предѣловъ, вытекая изъ патріархальныхъ взглядовъ его на отношенія государя къ подданнымъ, какъ отца, главы семьи. Распоряженія объ образѣ жизни обывателей Петербурга, сдѣланныя по вступленіи на престолъ, оставались и затѣмъ въ полной силѣ и даже дополнялись новыми.

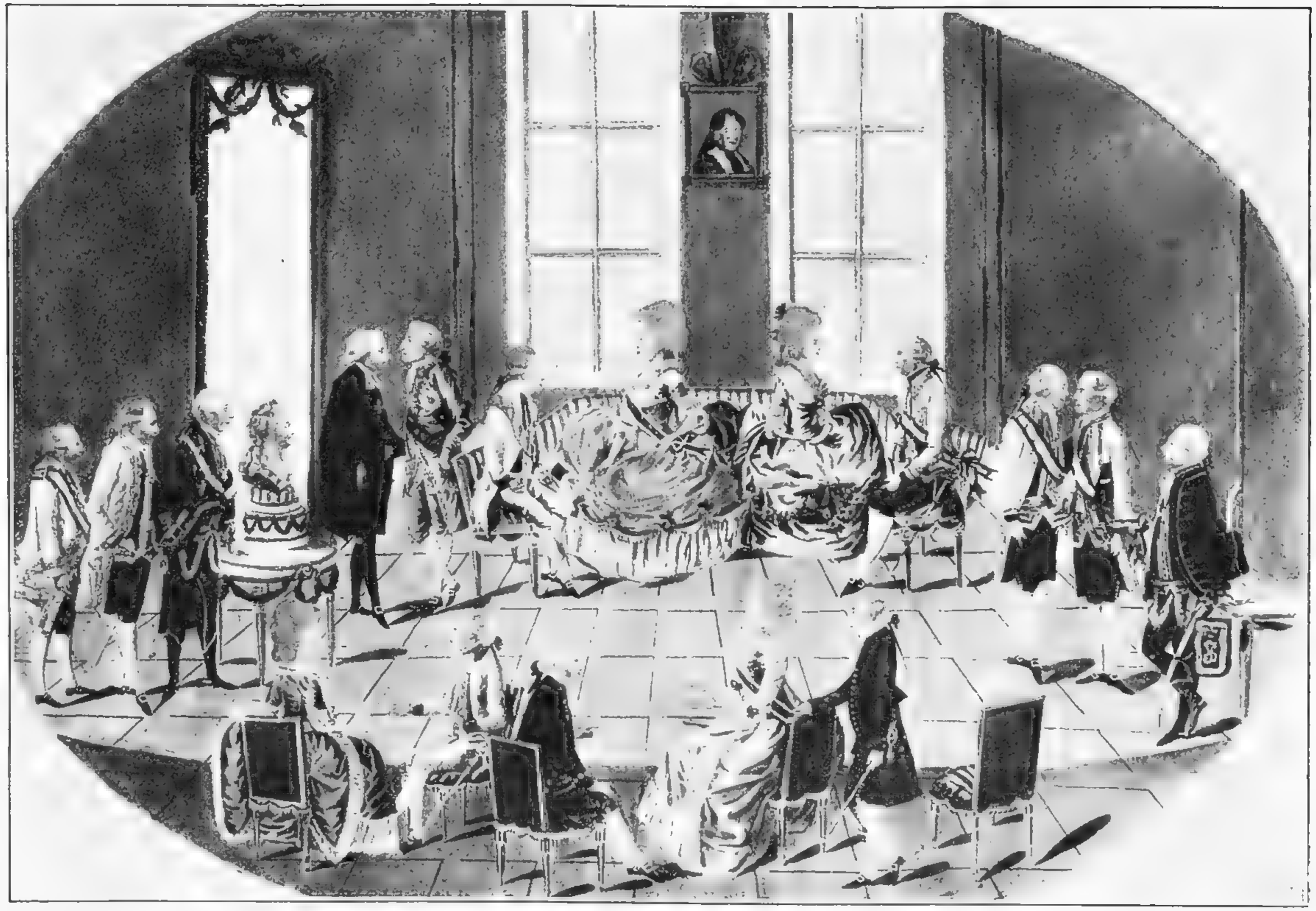
Великая княгиня Наталія Алексѣевна. (Романовская галлерея.)

Особенно тяжелъ былъ новый императоръ для военныхъ, придворныхъ и собственной семьи. Вступивъ на престолъ, Павелъ поспѣшилъ всѣ войска перерядить въ гатчинскіе мундиры, съ буклями и косами, и ввести строжайшую дисциплину. Суворовъ, пытавшійся было дѣлать представленія императору, попалъ въ немилость и долженъ былъ уѣхать въ свою деревню. Недовольный плохою выправкою войскъ, Павелъ самолично принялся муштровать ихъ, а для Екатерининскихъ генераловъ, покрытыхъ боевыми лаврами, устроилъ въ Зимнемъ дворцѣ „тактическій классъ“, гдѣ подъ надзоромъ Аракчеева читалъ лекціи по строевой части гатчинецъ Каннабихъ, ранѣе бывшій учителемъ фехтованія. Повѣрка знанія новаго Устава производилась на вахтъ-парадѣ, который императоръ производилъ разнымъ частямъ войскъ ежедневно на площади Зимняго дворца. Солдаты проходили особымъ церемоніальнымъ маршемъ. Офицеры, проходя мимо императора, салютовали ему эспантономъ, какъ-то припрыгивая и покачиваясь на каждомъ шагу. Иные за ловкость тутъ же награждались и начинали блестящую карьеру.

Но чаще всего подвергались наказаніямъ. Ни одна мелочь не ускользала отъ зоркаго взгляда Павла. Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ впиновныхъ за воротники, за лацкана, а нѣкоторые прямо съ парада на особыхъ фельдъегерскихъ тройкахъ отправляемы были въ дальніе батальоны. Офицеры, самые усердные, были въ отчаяніи, не зная, чѣмъ для нихъ кончится вахтъ-парадъ, такъ какъ Павелъ склоненъ былъ въ упущеніяхъ офицеровъ видѣть сознательное противодѣйствіе его волѣ. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, Саблуковъ, разсказываетъ: „Когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать деньги взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность“.

Взыскательность императора по отношенію къ офицерамъ распространялась и на собственныхъ сыновей его. Великій князь Александръ по званію шефа Семеновскаго полка и по должности военнаго губернатора Петербурга каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь часовъ подавалъ отцу рапортъ о мельчайшихъ подробностяхъ службы и за малѣйшую ошибку получалъ строгій выговоръ. Великій князь Константинъ, бывшій шефомъ Измайловскаго полка, отличаясь горячностью, часто позволялъ себѣ опрометчивые и жестокіе поступки, но одно напоминаніе о военномъ судѣ, котораго, по уставамъ Павла, могъ требовать себѣ каждый корнетъ надъ своимъ полковымъ командиромъ, было, по словамъ Саблукова, „медузиною головой, которая оцѣпеняла ужасомъ его высочество“. „Оба великіе князья, — замѣчаетъ онъ,—смертельно боялись своего отца, и когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ“. Павелъ не измѣнилъ своего отношенія къ войскамъ и послѣ того, какъ они вернулись, покрытые славой, изъ итальянскаго похода. Забыты были ихъ подвиги, и въ цѣломъ рядѣ приказовъ сдѣланы были выговоры за то, что „инспекторы и шефы полковъ мало прилагали стараній къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ было императорскому величеству угодно“.

Павелъ остался недоволенъ и Суворовымъ. Онъ осыпалъ его сначала милостями, далъ ему титулъ князя италійскаго, санъ генералиссимуса, приказалъ отдавать ему воинскія почести, какія полагались самому императору, хотѣлъ отвести ему покои въ Зимнемъ дворцѣ и устроить тріумфальную встрѣчу, но затѣмъ вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Поводомъ гнѣва императора на Суворова было то, что Суворовъ, вопреки военному уставу Павла, имѣлъ про себѣ во все время похода дежурнаго генерала. Когда Суворовъ, по возвращеніи, заболѣлъ и умеръ, Павелъ не проводилъ тѣла своего знаменитаго полководца до могилы.—Опалы, которыя постигали генераловъ и офицеровъ, заставляли ихъ, въ свою очередь, терзать и мучить солдатъ. Особенною жестокостью



Прибытіе графа и графини Сѣверныхъ (цесаревича Павла Петровича съ супругой) въ Вѣну въ 1781 г.

отличались гатчинцы и больше всѣхъ Аракчеевъ. Однажды онъ схватилъ гренадера за усы и оторвалъ ихъ вмѣстѣ съ мясомъ. Самъ императоръ былъ въ общемъ милостивъ къ солдатамъ, но бывали случаи, когда онъ приказывалъ прогнать палками со смотра цѣлый полкъ; въ другой разъ онъ скомандовалъ даже конно-гвардейскому полку: „въ Сибирь“. Смотры и вахтъ-парады были совершеннымъ мучительствомъ солдатъ. Аракчеевъ за малѣйшія ошибки отмѣчалъ на спинѣ солдатъ, сколько палочныхъ ударовъ имъ придется дать.

А между тѣмъ ошибку легко было сдѣлать, такъ какъ солдаты являлись на парадъ въ большинствѣ случаевъ не выспавшись.—Солдаты носили букли и толстыя косички со множествомъ пудры и помады. Такая сложная прическа требовала много времени; между тѣмъ парикмахеровъ было мало. Поэтому солдатамъ наканунѣ парада приходилось обыкновенно не спать всю ночь. Причесанные съ вечера не могли спать, чтобъ не смять прическу, или ложились, подкладывая подъ голову полѣно. Это обученіе солдатъ усугублялось еще тѣмъ, что мука съ саломъ, употреблявшіяся въ качествѣ пудры и помады, вызывали обильное появленіе паразитовъ. Кромѣ причесокъ, солдату было истинное мученіе съ узкими панталонами, чулками, лакированными штиблетами, подтяжками, курточками, пряжками и т. д. Парады были настолько мучительны, что не радовали солдатъ даже рублями и обильнымъ столомъ съ водкою, который давался послѣ смотра. Къ страшному напряженію и утомленію примѣшивалось сознаніе безцѣльности экзерцицій, которыя представляли, по выраженію современника, „болѣе забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность“.

Памятникъ императору Павлу I въ Гатчинѣ.

Постояннымъ опаламъ Павла подвергались высшіе сановники и придворные. Въ данномъ случаѣ у Павла почти не было исключеній. Никто не усердствовалъ болѣе Архарова и Аракчеева, однако и они должны были уѣхать въ свои деревни. Наконецъ, немилости его подверглись императрица Марія Ѳеодоровна и его сыновья.

Въ бытность свою великимъ княземъ, Павелъ былъ примѣрнымъ семьяниномъ, нѣжнымъ супругомъ и отцомъ. Но въ 1798 году въ семейной жизни его произошла тяжелая драма. Послѣ рожденія четвертаго сына Михаила медики доложили Павлу, что императрица не въ состояніи выносить новой беременности, и предписали ей тихій и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ. Павелъ счелъ себя послѣ этого свободнымъ.

Нашлись люди, враждебные императрицѣ, въ родѣ камердинера Кутайсова, которые постарались совершенно отдалить Павла отъ жены. Кутайсовъ объяснилъ Павлу, что его считаютъ за тирана, а благодѣтельныя и разумныя распоряженія его приписываютъ вліянію императрицы и фрейлинѣ Нелидовой, которая дружна была съ императорскою четою. Павелъ пришелъ въ ярость отъ этого сообщенія и проникся враждою и недовѣріемъ къ императрицѣ. Эта вражда и недовѣріе усилились послѣ того, какъ Павелъ сыскалъ себѣ новую подругу въ лицѣ Анны Петровны Лопухиной, которую для видимости выдалъ замужъ за кн. Гагарина. Павелъ сталъ опасаться какихъ-нибудь активныхъ шаговъ со стороны императрицы и потому удалилъ изъ Петербурга всѣхъ, кто уже извѣстенъ былъ въ качествѣ ея сторонника. Такой же участи подвергались и всѣ лица, пользовавшіяся дружбою великаго князя Александра. Павелъ мучился тысячами подозрѣній, которыя раздувались Кутайсовымъ и его клевретами. Тогда при дворѣ начался уже настоящій терроръ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышкѣ императора. Императору постоянно казалось, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ его фавориткѣ, къ ея родственницамъ или подругамъ, и что это слѣдствіе злоумышленій императрицы. Поэтому недостаточно глубокій поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контръданса или какой-нибудь промахъ въ этомъ родѣ выводили изъ себя императора и навлекали на виновныхъ кару. Всѣ придворные находились въ постоянномъ страхѣ: никто не былъ увѣренъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегерь и не посадитъ его въ кибитку. Состояніе духа, питаемое придворными отношеніями, отражалось и на другихъ подданныхъ. „Время это было самое ужасное,—разсказываетъ одинъ изъ современниковъ (Мертваго),—государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной, знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на жительство въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ (духоборовъ), разбиралъ основаніе ихъ секты; многихъ брали въ Тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе,—словомъ, ежедневный ужасъ“. Провинившихся постигали и болѣе ужасныя наказанія. Такъ, лейтенантъ Акимовъ, за эпиграмму на построеніе Исакіевскаго собора, сосланъ былъ въ Сибирь съ урѣзаніемъ языка. Пасторъ Зейдеръ, уличенный въ томъ, что имѣлъ запрещенныя книги въ своей библіотекѣ, былъ наказанъ кнутомъ; генералъ-лейтенантъ князь Сибирскій, по неосновательному доносу, закованъ былъ въ кандалы и также сосланъ.

На сторонникъ наблюдателей Павелъ сталъ производить впечатлѣніе ненормальнаго. Уже въ мартѣ 1800 года сардинскій посланникъ доносилъ

своему правительству о помѣшательствѣ Павла. Англійскій посланникъ Витвортъ писалъ, что Павелъ „въ буквальномъ смыслѣ лишился разсудка“. Павелъ сталъ класть безсмысленныя резолюціи на дѣлахъ и издавать несуразныя распоряженія. Такъ, на докладѣ, заключающемъ въ себѣ нѣсколько различныхъ мнѣній, онъ пишетъ: „быть по сему“; на докладѣ межевого департамента о спорѣ изъ-за земли между донскими казаками и частными владѣльцами, Павелъ на планѣ во всѣхъ спорныхъ мѣстахъ также написалъ „быть по сему“. 13 января 1801 г. Павелъ приказалъ донскимъ казакамъ двинуться въ походъ въ Индію, при чемъ не было заготовлено продовольствія, не имѣлось даже картъ пути.

Настроеніе Павла сдѣлалось, наконецъ, опаснымъ для его семьи. Замѣчая нерасположеніе и страхъ жены и сыновей, Павелъ сталъ подозрѣвать ихъ въ непріязненныхъ замыслахъ противъ своей особы и грозно давалъ имъ понять это. Однажды онъ призвалъ къ себѣ великаго князя Александра и, показывая ему указы Петра Великаго о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. Принцъ Евгеній Вюртембергскій, племянникъ Маріи Ѳеодоровны, былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ одного концерта Павелъ остановился передъ императрицею и, скрестивъ руки, съ язвительной насмѣшкою и тяжело дыша, не сводилъ съ нея глазъ нѣсколько минутъ. То же продѣлалъ онъ и передъ двумя старшими великими князьями. Послѣ обѣда онъ съ насмѣшкою оттолкнулъ жену и сыновей, когда они по обыкновенію хотѣли раскланяться съ нимъ. Этотъ принцъ Евгеній, красивый и умный мальчикъ, сдѣлался любимцемъ императора. Павелъ сталъ думать о томъ, чтобы объявить его наслѣдникомъ престола. Императрицу онъ хотѣлъ сослать въ Холмогоры; великаго князя Александра заточить въ Шлиссельбургъ, Константина – въ Петропавловскую крѣпость и т. д. По временамъ у Павла стали проявляться заявленія и болѣе устрашающаго характера. Своей фавориткѣ Гагариной и Кутайсову Павелъ говорилъ, что онъ хочетъ выполнить grand coup, что скоро вынужденъ будетъ снять когда-то дорогія ему головы и т. д.

При такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ возникнуть въ придворныхъ сферахъ заговоръ съ цѣлью устранить Павла отъ престола.—Законнаго средства къ удаленію душевно-больного государя отъ правленія русская политическая жизнь еще не выработала.

Мысль объ удаленіи Павла возникла первоначально у вице-канцлера Никиты Петровича Панина. Къ Панину присоединились военный губернаторъ Петербурга фонъ-деръ Паленъ, кн. Платонъ Зубовъ, командиръ Преображенскаго полка Талызинъ, Семеновскаго—Депрерадовичъ, Кавалергардскаго—Уваровъ и нѣкоторые др. офицеры. Къ заговору привлекли и в. кн. Александра и Константина, которымъ было разъяснено, что Павелъ будетъ арестованъ, лишенъ власти и интернированъ въ крѣпости, гдѣ будетъ поль-

зоваться всѣми удобствами жизни частнаго человѣка. Таково было, повидимому, и намѣреніе Палена. Но его сообщники не останавливались надъ этимъ, хорошо понимая, что мечта о лишеніи Павла одной только власти не осуществима, что Павелъ, имѣющій много сторонниковъ, будетъ безвреденъ лишь тогда, когда перестанетъ жить. Но, разумѣется, въ эти планы они не посвящали великихъ князей. Нельзя сказать, чтобы заговорщики дѣйствовали очень скрытно. Къ заговору привлечены были нѣкоторые гвардейскіе офицеры, и въ гостиныхъ Петербурга много говорили объ немъ. Павелъ началъ подозрѣвать окружающихъ въ зломъ умыслѣ и для большей безопасности переѣхалъ въ новый дворецъ свой, Михайловскій замокъ, построенный на мѣстѣ разобраннаго Лѣтняго дворца, гдѣ онъ родился. „На томъ мѣстѣ, гдѣ родился,—говорилъ императоръ,—хочу и умереть“. Михайловскій замокъ, по наружному виду, представлялъ рыцарскую крѣпость, окруженную рвами, гранитными брустверами, на которыхъ стояли орудія. Сообщеніе производилось по подъемнымъ мостамъ, у которыхъ стояли караулы. Но никакія силы и орудія не могутъ защитить, разъ нѣтъ вѣрныхъ людей.

9 марта Павелъ, кѣмъ-то предупрежденный о заговорѣ, когда Паленъ пришелъ къ нему съ обычнымъ докладомъ, какъ бы невзначай спросилъ его, возможно ли теперь повтореніе событій 1762 г. Паленъ хладнокровно замѣтилъ на это, что нѣкоторые и теперь задумываютъ подобное покушеніе, но исполнить его не такъ легко, какъ прежде: войска тогда еще не было въ рукахъ государя, и полиція не такъ дѣйствовала, какъ теперь. Предположивъ затѣмъ, изъ дальнѣйшихъ словъ Павла, что онъ, быть-можетъ, хорошо освѣдомленъ о заговорѣ, Паленъ заявилъ, что онъ самъ состоитъ во главѣ одного заговора для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями заговорщиковъ, что въ этомъ заговорѣ принимаютъ участіе императрица, наслѣдники и другіе члены императорской семьи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ добавилъ, что не можетъ отвѣчать за безопасность государя, пока не будетъ имѣть въ рукахъ письменнаго повелѣнія арестовать въ случаѣ надобности великаго князя Александра Павловича и другихъ членовъ императорской фамиліи. Павелъ тотчасъ же выдалъ это повелѣніе. Получивъ этотъ документъ, Паленъ немедленно показалъ его великому князю Александру. Яркими красками онъ расписалъ в. князю послѣдствія, къ какимъ поведетъ его дальнѣйшее упорство въ отказѣ на низверженіе отца съ престола, всѣ бѣдствія, которыя постигнутъ царскую семью. Испуганный Александръ далъ свое согласіе на то, чтобы у Павла было исторгнуто отреченіе отъ престола, а Паленъ поклялся, что жизнь государя будетъ въ безопасности [1]).

---

[1]) Опубликованныя за послѣднее время данныя доказываютъ, что Александръ былъ *освѣдомленъ* относительно намѣреній заговорщиковъ *гораздо больше*, чѣмъ это предполагалось раньше...

Ред.

Осуществленіе заговора первоначально было назначено на 15 марта. Но Паленъ ускорилъ наступленіе конца. Онъ боялся пріѣзда Аракчеева, котораго Павелъ вызвалъ изъ деревни въ Петербургъ, повидимому, для того, чтобы поручить ему командованіе въ столицѣ. Слухи о заговорѣ невѣдомыми путями уже расходились по Петербургу. 11 марта даже извозчики говорили о „концѣ“, указывая на Михайловскій замокъ.

Вечеромъ 11 марта заговорщики, подъ предводительствомъ адъютанта Преображенскаго полка Аргамакова, взошли по маленькой лѣстницѣ, ведшей къ покоямъ императора. Ихъ было вначалѣ около 40 человѣкъ, а когда подошли къ задней двери у передней, то изъ 40 человѣкъ въ отрядѣ осталось едва 10, да и то болѣе или менѣе пьяныхъ. Заговорщики постучались въ дверь и на вопросъ камеръ-гусаровъ, кто стучитъ, Аргамаковъ отвѣчалъ: „пожаръ“. Узнавъ голосъ Аргамакова, камеръ-гусары не поколебались отворить ему дверь, и такимъ путемъ заговорщики ворвались въ покои Павла. Императоръ, разбуженный криками, вскочилъ съ своей постели и спрятался за экраномъ, стоявшимъ у кровати. Но заговорщики вскорѣ замѣтили его. Бенигсенъ, подойдя къ нему, сказалъ: „Государь, вы арестованы“.—„Я арестованъ? Что же это значитъ?“ спросилъ Павелъ. „Уже четверть года слѣдовало бы съ тобою покончить“, было грубымъ отвѣтомъ одного изъ заговорщиковъ. „Что же я вамъ сдѣлалъ?“ воскликнулъ Павелъ. Тогда кн. Яшвиль первый съ ожесточеніемъ бросился на Павла, который пробовалъ сопротивляться, но Николай Зубовъ ударилъ его золотой табакеркой въ високъ, и Павелъ упалъ. Собравъ послѣднія силы, онъ вновь былъ опрокинутъ, и при паденіи расшибъ себѣ о мраморный столъ високъ и голову. Масса пьяныхъ офицеровъ набросилась на императора. Кто-то накинулъ ему на шею шарфъ. Слышно было, какъ Павелъ успѣлъ сказать по-французски: „Господа, именемъ Бога, умоляю васъ пощадить меня“, но черезъ нѣсколько секундъ шарфъ былъ затянутъ...

Такъ разыгрался послѣдній актъ Павловской трагедіи.

М. Любавскій.

Глава I

Россія въ царствованіе Павла I.

Въ лицѣ Павла на престолъ вступилъ царь, проникнутый самыми широкими благопожеланіями русскому народу. Онъ мечталъ объ искорененіи неправды, о народномъ благѣ. Ему представлялось возможнымъ „обуздать страсти“, пресѣчь „распущенность въ службѣ и нравахъ“, уничтожить „тунеядство“, освободить народъ отъ налоговъ. И въ то же время это былъ человѣкъ глубоко несчастный, никогда не забывавшій прошлаго, оскорбительнаго для памяти его отца и матери, совершенно не владѣвшій собою въ порывахъ гнѣва, съ болѣзненно-чуткимъ самолюбіемъ и съ идеаломъ государственнаго благополучія на началахъ военной дисциплины и фронтового однообразія.

Эпоха Павла—яркій примѣръ, какъ иногда мечты и замыслы далеко расходятся съ дѣйствительностью. Но для справедливой и безпристрастной оцѣнки этой эпохи прежде всего нельзя упускать изъ виду того печальнаго состоянія Россіи, въ которомъ она была къ концу Екатерининскаго царствованія.—Казна была пуста и обременена крупными долгами; ежегодные расходы значительно превышали доходы; чтобы добыть необходимыя средства, правительство готово было испортить звонкую монету путемъ перечеканки, съ уменьшеніемъ ея цѣнности, а также—сдѣлать новый выпускъ ассигнацій, которыми и безъ того былъ перегруженъ денежный рынокъ. Нѣкогда по-

бѣдоносная армія была дезорганизована. Командованіе полкомъ по доходности тогда считалось равнымъ обладанію состояніемъ въ 40 тыс. руб. Расхищали, обращая въ своихъ крѣпостныхъ, цѣлые рекрутскіе наборы. Въ 1795 году, по словамъ Безбородко, „растасканныхъ“ изъ полковъ было 50 тысячъ человѣкъ при 400 тысячахъ арміи. Вошло въ обычай служить только по спискамъ: „записавшіеся“ жили дома и „вертопрашили“, получая въ то же время военные чины и награды. Вмѣстѣ съ взрослыми „записывались“ и грудные младенцы, и даже еще не родившіеся: въ паспортахъ на послѣднихъ оставлялись пустыя мѣста для имени. Вмѣстѣ съ младенцами въ полкахъ служили глухіе и слѣпые старцы, какъ, напримѣръ, генералъ-отъ-инфантеріи Якоби. Не лучше дѣло было и во флотѣ, состоявшемъ изъ кораблей, вооруженныхъ пушками Петровскаго времени, по словамъ Павла, „по гнилости своей на службу неспособныхъ“... Крестьянство изнемогало отъ частыхъ рекрутскихъ наборовъ, отъ тяжелыхъ повинностей, отъ злоупотребленій мѣстныхъ властей. Особенно было невыносимо положеніе крѣпостныхъ. Настроеніе крѣпостного крестьянства ясно сказалось въ тѣхъ волненіяхъ, которыя въ первые мѣсяцы царствованія Павла произошли въ 32 губерніяхъ имперіи. Въ дѣлахъ гражданскаго управленія и въ придворныхъ сферахъ господствовали такіе же безпорядки и злоупотребленія. Въ одномъ только Сенатѣ къ декабрю 1796 года было 11.476 неоконченныхъ дѣлъ. Говорили: „Нужно только какому дѣлу попасться въ Сенатъ, какъ и пошло оно на безконечные вѣка“. По свидѣтельству Болотова, „лихоимство вкралось во всѣ чины до такого высокаго градуса, что никто не хотѣлъ ничего безъ денегъ дѣлать, и все вообще шло на деньгахъ и на закупаніи“; и при дворѣ было „во всемъ и во всемъ явное грабительство и сущій разбой“. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины великій князь Александръ Павловичъ писалъ: „Непостижимо, что происходитъ,—всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка“...

Требовались коренныя правительственныя преобразованія для обновленія государственнаго организма.

Павелъ, еще наслѣдникомъ выработавшій себѣ широкіе планы реформъ, энергично приступилъ къ дѣлу правленія. Никогда чиновный Петербургъ не переживалъ такой кипучей дѣятельности, какъ при Павлѣ. Въ канцеляріяхъ, департаментахъ, коллегіяхъ столицы свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; въ половинѣ шестого часа генералъ-прокуроръ отправлялся съ своимъ ежедневнымъ докладомъ во дворецъ... Число неприсутственныхъ дней было сокращено; рождественскія и пасхальныя вакаціи были ограничены только тремя днями. Сенатъ продолжалъ свою дѣятельность и въ теченіе лѣтнихъ каникулъ: въ немъ должна была оставаться, по крайней мѣрѣ, половина членовъ. Въ случаѣ неприбытія какого-либо сенатора, объ этомъ каждый разъ докладывалось государю. Но особенно большія перемѣны произошли въ войскѣ.

Уже на второй день новаго царствованія изъ полковъ были исключены числившіеся въ нихъ камергеры, камеръ-юнкеры... Вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы на службу всѣ находившіеся въ отпуску гвардейскіе офицеры. Императоръ принялъ самъ дѣятельное участіе въ преобразованіи арміи. Съ утра до вечера шло обученіе военному искусству. Во дворцѣ былъ учрежденъ „тактическій классъ“ для штабъ-и оберъ-офицеровъ, а на площади Зимняго дворца заведенъ вахтъ-парадъ. Каждое воскресенье производились большіе парады. Старые заслуженные генералы должны были переучиваться военному строю вмѣстѣ съ неопытными молодыми офицерами.

За время царствованія Павла послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій, дѣйствительно полезныхъ, благотворно отразившихся на положеніи разстроеннаго и разореннаго государства. При вступленіи на престолъ Павелъ далъ свободу многимъ находившимся подъ судомъ и слѣдствіемъ, а также—заключеннымъ въ Тайной экспедиціи. Вмѣстѣ съ другими получили свободу и Радищевъ, Новиковъ... Рекрутскій наборъ, объявленный при Екатеринѣ, былъ отмѣненъ. Приготовленный новый выпускъ ассигнаціи не только былъ задержанъ, но еще изъято изъ обращенія и сожжено старыхъ болѣе чѣмъ на пять милліоновъ рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенъ запасъ серебряной монеты перечеканкой придворныхъ серебряныхъ сервизовъ. Обращено вниманіе на отчетность государственныхъ финансовъ, при чемъ, по словамъ Державина, оказалось, что „имперія болѣе 20 лѣтъ оставалась несчитанною“.

Для ликвидаціи старыхъ, Екатерининскаго времени, дѣлъ, при Сенатѣ было образовано три временныхъ департамента. Кромѣ того, вообще былъ усиленъ составъ Сената путемъ назначенія новыхъ сенаторовъ и увеличенія числа чиновниковъ сенатской канцеляріи. Къ началу 1797 года было назначено 35 новыхъ сенаторовъ и 500 новыхъ сенатскихъ чиновниковъ. Число разрѣшавшихся дѣлъ въ Сенатѣ достигало огромнаго по тому времени количества: въ 1796 г. рѣшено 11.638 дѣлъ, 1797 г.—17.397, 1799 г.—29.070, 1800 г.—29.988 дѣлъ.

Для искорененія безпорядковъ въ области провинціальнаго управленія, а также для ознакомленія съ „нуждами, недостатками и пользами общими“, возобновлены періодическія сенаторскія ревизіи, введенныя еще Петромъ Великимъ, но послѣ его смерти не примѣнявшіяся въ качествѣ общеимперской мѣры. Этими ревизіями обнаружено много злоупотребленій въ дѣлопроизводствѣ губернскихъ учрежденій, въ поборахъ съ крестьянъ и въ эксплуатаціи казеннаго имущества. Такъ, напримѣръ, обнаружилось, что въ Казанской губерніи 2 милліона десятинъ казеннаго лѣса приносили дохода въ годъ всего лишь 979 рублей.

Павелъ признавалъ, что свобода вѣры—„наилучшее средство сохранить между обитателями различнаго закона тишину и спокойствіе“. Поэтому онъ

предписывалъ, „дабы различіе закона не служило никому поводомъ притѣснять другъ друга, но каждый бы, оставаясь при исповѣданіи того, къ коему совѣсть его прилѣпляетъ, былъ добрымъ и мирнымъ гражданиномъ“. Въ частности къ старообрядцамъ онъ повелѣвалъ относиться „ласково, съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ“. При Павлѣ три иргизскихъ старообрядческихъ монастыря были освобождены отъ рекрутчины. Одинъ изъ нихъ. Верхне-Успенскій монастырь, получилъ изъ общихъ государственныхъ суммъ 12 тысячъ рублей на сооруженіе храма взамѣнъ сгорѣвшаго, при чемъ большей суммы не было выдано лишь въ виду того, чтобы „выдачею знатнаго числа денегъ не возгордить чрезмѣрно старообрядцевъ“. Въ 1800 году, вслѣдствіе жалобы старообрядцевъ на Владимирскую духовную консисторію „въ притѣсненіи частыми требованіями ихъ для увѣщаній“, всѣ члены этой консисторіи были отрѣшены отъ своихъ должностей. Гуманное отношеніе правительства къ старообрядцамъ вызвало среди нихъ движеніе къ воссоединенію съ православной церковью въ видѣ существующаго и нынѣ „единовѣрія“. Павломъ преслѣдовались лишь сектанты, не признававшіе гражданской власти или отличавшіеся изувѣрствомъ, какъ-то: духоборы и скопцы.

Гр. П. А. Паленъ.

Павелъ обращаетъ вниманіе на положеніе духовенства: состоящимъ на штатномъ жалованьи были увеличены оклады, а гдѣ не было установлено жалованье, тамъ на прихожанъ возложена обработка церковной земли, замѣненная затѣмъ соотвѣтственнымъ хлѣбнымъ взносомъ натурой или денежной суммой. Для поощренія духовенства къ болѣе ревностному прохожденію своего служенія введены знаки внѣшняго отличія. Чтобы дать духовенству болѣе средствъ къ образованію, учреждено нѣсколько духовныхъ семинарій, а также Казанская и Александро-Невская (Петербургская) духовныя академіи. Чтобы очистить духовенство отъ „праздныхъ“ его членовъ, повелѣно ихъ брать въ военную службу, — „по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались“.

Немало сдѣлано и для улучшенія быта крестьянъ, которыхъ Павелъ считалъ достойными „особаго уваженія и утвержденія состоянія, неподверженнаго нынѣшнимъ его перемѣнамъ“.—Казенные крестьяне получили 15-десятинный душевой надѣлъ и особое сословное управленіе, существовавшее до реформъ Николая I; крайне разорительная для крестьянъ хлѣбная подать была замѣнена денежнымъ сборомъ; при переоброчкѣ съ казенныхъ крестьянъ сложено по 1 января 1797 года около 7 милліоновъ недоимки, и т. п. Въ развитіи законодательства о крѣпостныхъ крестьянахъ царство-

ваніе Павла считается „поворотнымъ моментомъ“. При немъ господскія повинности крѣпостныхъ ограничены трехдневной въ недѣлю барщиной; запрещается продажа дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли; губернаторамъ повелѣвается слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крѣпостнымъ: по дошедшимъ свѣдѣніямъ о жестокомъ обращеніи нѣкоторыхъ владѣльцевъ предписывается—взявъ виновныхъ „безъ всякой огласки изъ дому“, заключить ихъ въ какой-либо монастырь, и т. д. Дозволеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ отъ отдѣльныхъ лицъ было большою льготою для крестьянъ послѣ Екатерининскаго указа 1765 года, каравшаго „дерзостныхъ“ челобитчиковъ плетьми и каторгой.

Къ сожалѣнію, представленіе Павла о крестьянскомъ благополучіи было своеобразно: ему казалось, что нахожденіе крестьянъ за помѣщиками является лучшей формой ихъ устройства, такъ какъ въ помѣщикахъ сами крестьяне имѣютъ надежныхъ о себѣ попечителей, а государство—„лучшихъ полицмейстеровъ“. Поэтому раздача крестьянъ помѣщикамъ при Павлѣ практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: за 4-лѣтній періодъ царствованія Павла было закрѣпощено около 600.000 душъ государственныхъ крестьянъ.

Дѣятельность Павла касалась самыхъ разнообразныхъ областей государственной жизни. Онъ обращаетъ вниманіе на дороговизну жизненныхъ продуктовъ, и для удешевленія хлѣба повелѣваетъ продавать его изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, понижаетъ цѣны на соль, требуетъ отъ торговцевъ, чтобы они довольствовались „умѣренными прибытками“; его озабочиваютъ вопросъ о сохраненіи лѣсовъ, шелководство и вообще развитіе земледѣлія, торговли и промышленности. При немъ проведена Маріинская водная система, соединяющая Волгу съ Невой и имѣющая до сихъ поръ такое важное значеніе; обращено большое вниманіе на Дальній Востокъ: учреждена и принята подъ высочайшее покровительство Россійско-американская компанія; предположено заселить Забайкалье, завести здѣсь суконныя и юфтевыя фабрики въ видахъ развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ и т. д.

Кромѣ уже упомянутыхъ духовныхъ учебныхъ заведеній, Павломъ учреждены: практическая школа земледѣлія, высшее медицинское училище, музыкальная академія, Дерптскій университетъ и нѣкотор. др.

Изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Павловскаго царствованія упомянемъ о законѣ, освобождающемъ отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, достигшихъ 70-лѣтняго возраста, и объ одномъ изъ основныхъ законовъ русскаго государства — о престолонаслѣдіи. По этому закону престолъ переходитъ по нисходящей линіи къ старшему сыну царствующаго императора. Боковые наслѣдники получаютъ престолъ лишь при отсутствіи мужского потомства по прямой линіи, а женщины — лишь когда совсѣмъ не останется мужского представителя императорской фамиліи.

Бездѣйствовавшая Екатерининская „Комиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія“ Павломъ переименована въ „комиссію для составленія законовъ Россійской имперіи“, и вновь былъ выдвинутъ вопросъ о русскомъ законодательствѣ. За время Павловскаго царствованія комиссіей были составлены предварительные планы кодификаціи законовъ и собранъ обширный матеріалъ по изученію мѣстныхъ законовъ, использованный при дальнѣйшихъ кодификаціонныхъ работахъ.

Заслуживаетъ вниманія отношеніе Павла къ окраинным областямъ. При немъ, въ отмѣну политики Екатерины, изъ всѣхъ 41 губерній 11 управлялись на особыхъ основаніяхъ, „по правамъ и привилегіямъ ихъ“.

Темной стороной дѣятельности Павла являются его дѣйствія и распоряженія, гдѣ онъ самъ былъ жертвой своего темперамента и страха предъ разрушительнымъ вліяніемъ французской революціи. Еще Екатеринѣ мерещилась „французская зараза“ даже въ „духовныхъ“ книгахъ и въ церковной проповѣди; Радищевъ представлялся ей „хуже Пугачева...“ Еще она измѣнила своему убѣжденію, что нельзя съ идеями сражаться пушками, и задумала большой походъ противъ Франціи,

Павелъ I. Яненко. (Академ. Художествъ.)

чтобы окончательно подавить этотъ революціонный очагъ. Павелъ явился ревностнымъ продолжателемъ политики своей матери. — Чтобы предупредить „воспаленіе незрѣлыхъ умовъ на необузданныя и развратныя умствованія“, русскимъ было запрещено ѣздить для обученія за границу, а уже учившіеся въ чужихъ краяхъ должны были возвратиться на родину въ опредѣленный срокъ подъ угрозой конфискаціи ихъ имущества. — Въѣздъ

иностранцевъ въ Россію сначала дозволялся, подъ условіемъ „прервать всякое сношеніе съ одноземцами“, но затѣмъ былъ воспрещенъ совсѣмъ. Жившіе въ Россіи иностранцы должны были присягать, что они „непричастны ни дѣломъ, ни мыслью правпламъ безбожнымъ и возмутительнымъ, во Франціи и въ ея окружностяхъ введеннымъ“ На основаніи того, что вывозившіяся изъ-за границы книги вносили „развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“, былъ пріостановленъ допускъ въ Россію не только иностранныхъ книгъ, но и музыкальныхъ произведеній; исключеніе было сдѣлано лишь для религіозныхъ книгъ на тунгузскомъ языкѣ, но „съ строжайшимъ наблюденіемъ, чтобы подъ видомъ симъ не прокралося чего другого...“

Павелъ ведетъ войну противъ всего французскаго, даже противъ французскихъ модъ и обычаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ гоненію всякую свободную мысль, какъ проявленіе „якобинства“... Положеніе печати въ царствованіе Павла самое плачевное. Даже Карамзинъ вызывалъ подозрѣнія и долженъ былъ „умереть авторски“. — „Русская литература ходитъ по міру съ сумой и клюкой: худая нажива съ нею“, писалъ онъ Дмитріеву. По его словамъ, „цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ“...

Суровая расправа съ волновавшимися крестьянами, сопровождавшаяся разстрѣлами, сожженіемъ деревень, сѣченіемъ женщинъ и дѣтей, была также борьбой съ „иллюминантическимъ духомъ безначальства и независимости, распространившимся по всей Европѣ...“

Строгій защитникъ абсолютизма и рѣдкій знатокъ военнаго дѣла, Павелъ хотѣлъ регламентировать всѣ мелочи обывательской жизни. Имъ опредѣлялось, когда должна была начинаться и кончаться дневная дѣятельность, какую прическу и одежду должны были носить простые обыватели и чиновники, какое число лошадей полагалось для выѣзда сообразно рангу, какой этикетъ долженъ былъ соблюдаться при встрѣчахъ съ высочайшими особами. Государь устанавливалъ даже особыя правила танцевъ на придворныхъ балахъ, обязывая танцующихъ всегда быть обращенными къ нему лицомъ, — слѣдилъ за чистотою рѣчи своихъ подданныхъ, издавъ повелѣніе „объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими“.

Придавая большое значеніе формѣ, императоръ часто мѣшалъ мелочные предметы съ предметами государственной важности, и потому нерѣдко малѣйшая неисправность или оплошность вызывали непомѣрно суровую кару. Никто не могъ ручаться, что не вызоветъ какимъ-либо неосторожнымъ поступкомъ гнѣвъ царя. Даже придворные балы и празднества „сдѣлались мѣстомъ, гдѣ каждый рисковалъ ежеминутно потерять свое служебное положеніе и даже свободу“. На высочайшихъ же военныхъ смотрахъ вошло въ

обычай держать наготовѣ по нѣскольку троекъ съ фельдъегерями, а офицеры, отправляясь на такіе смотры, запасались бѣльемъ и деньгами, необходимыми, про всякій случай, для путешествія въ Сибирь... Царствованіе Павла называли — „царствомъ страха“, „ежедневнымъ ужасомъ“, „эпохой всеобщаго трепета и смятенія умовъ“... Дѣйствительно, пострадавшихъ было много. Говорили: „Кто самъ ускользалъ отъ всепожирающей тиранін, тотъ оплакивалъ судьбу друга или родственника; не было семейства, которое не оплакивало бы въ своемъ кругу падшей жертвы“... При Павлѣ съ одной только военной службы удалено 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и свыше 2.000 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Немало было также потерпѣвшихъ въ административныхъ сферахъ и въ придворномъ кругу.

Но громадныя цифры пострадавшихъ — не показатель только самовластія Павла: онѣ встаютъ предъ нами въ болѣе смягченныхъ тонахъ, если мы вспомнимъ, что среди пострадавшихъ военныхъ значительный процентъ долженъ падать на немощныхъ младенцевъ и старпковъ, унаслѣдованныхъ отъ Екатерининскаго времени, а также если будемъ помнить нравы тогдашняго чиновничества и хотя бы характеристику придворной среды графомъ Ростопчинымъ, заявлявшимъ, что самый честный изъ окружавшихъ государя заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда...

Не въ вспыльчивомъ характерѣ Павла, не въ его единичныхъ необдуманныхъ поступкахъ главная причина недовольства, приведшаго къ роковой катастрофѣ 11 марта, тѣмъ болѣе, что гнѣвъ царскій часто скоро проходилъ и смѣнялся щедрыми милостями. Основа недовольства коренилась глубже: въ политикѣ царя, подрывавшей сословныя привилегіи дворянства... Правда, онъ издаетъ рядъ указовъ, подтверждающихъ старыя и устанавливающихъ новыя преимущества дворянъ передъ прочими сословіями, принимаетъ мѣры по предоставленію дворянству ссудъ на льготныхъ условіяхъ, повелѣваетъ составить дворянскій гербовникъ, но при этомъ строго наблюдалось, чтобы сословныя преимущества соотвѣтствовали служебнымъ заслугамъ, — чтобы не было „дворянъ-тунеядцевъ“. Дворяне могли поступать въ гвардію не иначе, какъ только нижнимъ чиномъ; изъ военной службы не могли выходить въ отставку до производства въ офицерскій чинъ; выходившіе въ отставку, не выслуживъ года въ офицерскомъ званіи, должны были не увольняться, а исключаться изъ службы, исключенные же лишались права на службу въ гражданскомъ вѣдомствѣ, а равно по выборамъ отъ дворянства, и даже лишались права участія въ этихъ выборахъ. Дворяне, неслужившіе и уклонявшіеся отъ выборныхъ должностей, должны были предаваться суду... Такимъ образомъ, вновь возрождалась, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, обязательная дворянская служба... Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно отмѣнялись и другія дворянскія привилегіи: въ нарушеніе установившихся владѣльческихъ правъ на крѣпостныхъ эти послѣдніе,

при вступленіи на престолъ Павла, приводятся къ присягѣ коронѣ; вопреки дарованному дворянству Екатериной права петицій, воспрещается принимать „прошенія, многими подписанныя“; въ нарушеніе полученной дворянствомъ и купечествомъ при той же императрицѣ свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и даже вопреки указу самого Павла объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній священно- и церковнослужителей, этотъ видъ наказаній распространяется и на лицъ привилегированныхъ сословій при совершеніи ими уголовныхъ преступленій. „Коль скоро снято дворянство, то ужъ привилегія до него не касается“, заявлялъ государь. Та же тенденція къ уничтоженію сословныхъ различій сказалась и въ отношеніяхъ къ дворянскому самоуправленію: имъ не были приняты, при вступленіи на престолъ, поздравительныя дворянскія депутаціи; въ дворянскихъ собраніяхъ было повелѣно присутствовать губернаторамъ; губернскія дворянскія собранія были отмѣнены, и даже губернскіе предводители дворянства должны были избираться на уѣздныхъ собраніяхъ. При этомъ Павелъ не переставалъ подчеркивать, что всякій дворянинъ—дворянинъ только милостью царской. Въ высочайшихъ указахъ заявлялось, что возведеніе въ дворянское достоинство — „регалія государская“. Проще и категоричнѣе эта мысль высказана Павломъ въ словахъ: „Въ Россіи дворянинъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я дѣлаю ему эту честь“...

Передъ дворянствомъ вставалъ вопросъ не объ отдѣльныхъ его жертвахъ, а объ интересахъ цѣлаго сословія. Не даромъ среди волновавшихся крестьянъ ходили толки, что скоро будетъ „государщина“, а дворянъ не будетъ: царь велитъ имъ „рвать головы“... Въ циркулировавшей въ народѣ рѣчи, будто бы говоренной Павломъ въ Сенатѣ, возвѣщалось: „Не всякій ли человѣкъ составляетъ члена общества? Не всѣмъ ли намъ должно быть равными“?..

Признаки недовольства и борьбы высшей бюрократіи противъ императора мы видимъ съ первыхъ же дней царствованія. Петербургская полиція, изъ желанія, будто-бы, угодить императору, всѣ его распоряженія приводила въ исполненіе съ особой жестокостью, отдавала приказы, чтобы никто ни въ разговорахъ, ни въ письмѣ не употреблялъ слова „курносый“, чтобы козамъ и кошкамъ не давали прозвища „Машка“... Когда Павелъ велѣлъ выкрасить черными и бѣлыми полосами шлагбаумы, будки, верстовые столбы, то военный генералъ-губернаторъ Петербурга Архаровъ потребовалъ, будто бы согласно съ волею государя, чтобы по образцу шлагбаумовъ и будокъ были выкрашены и всѣ дома въ Петербургѣ. „Развѣ я дуракъ, чтобы отдавать подобныя приказанія?“ воскликнулъ Павелъ, узнавъ о такихъ распоряженіяхъ... Провокаторская дѣятельность высшей администраціи, старавшейся всячески дискредитировать Павла, достигла особенно широкихъ размѣровъ, когда Петербургомъ правилъ графъ Паленъ. „Негодяи,—говоритъ

Коцебу,—злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса“... Въ этотъ періодъ наиболѣе спокойнымъ временемъ, оказывается, былъ сентябрь и октябрь 1800 г., когда графъ Паленъ, назначенный командовать арміей на прусской границѣ, не былъ въ Петербургѣ... Пользовались малѣйшей ошибкой государя, чтобы дискредитировать его въ глазахъ общества. Однажды Павломъ, по недосмотру, былъ утвержденъ докладъ коллегіи коммерціи о внутреннемъ судоходствѣ, состоявшій изъ трехъ различныхъ мнѣній; надъ всѣми тремя мнѣніями было надписано: „быть по сему“. Объ ошибкѣ этой не только не было доведено до свѣдѣнія государя для исправленія, но утвержденный докладъ съ противорѣчивымъ содержаніемъ такъ и былъ напечатанъ и опубликованъ въ видѣ высочайшаго указа...

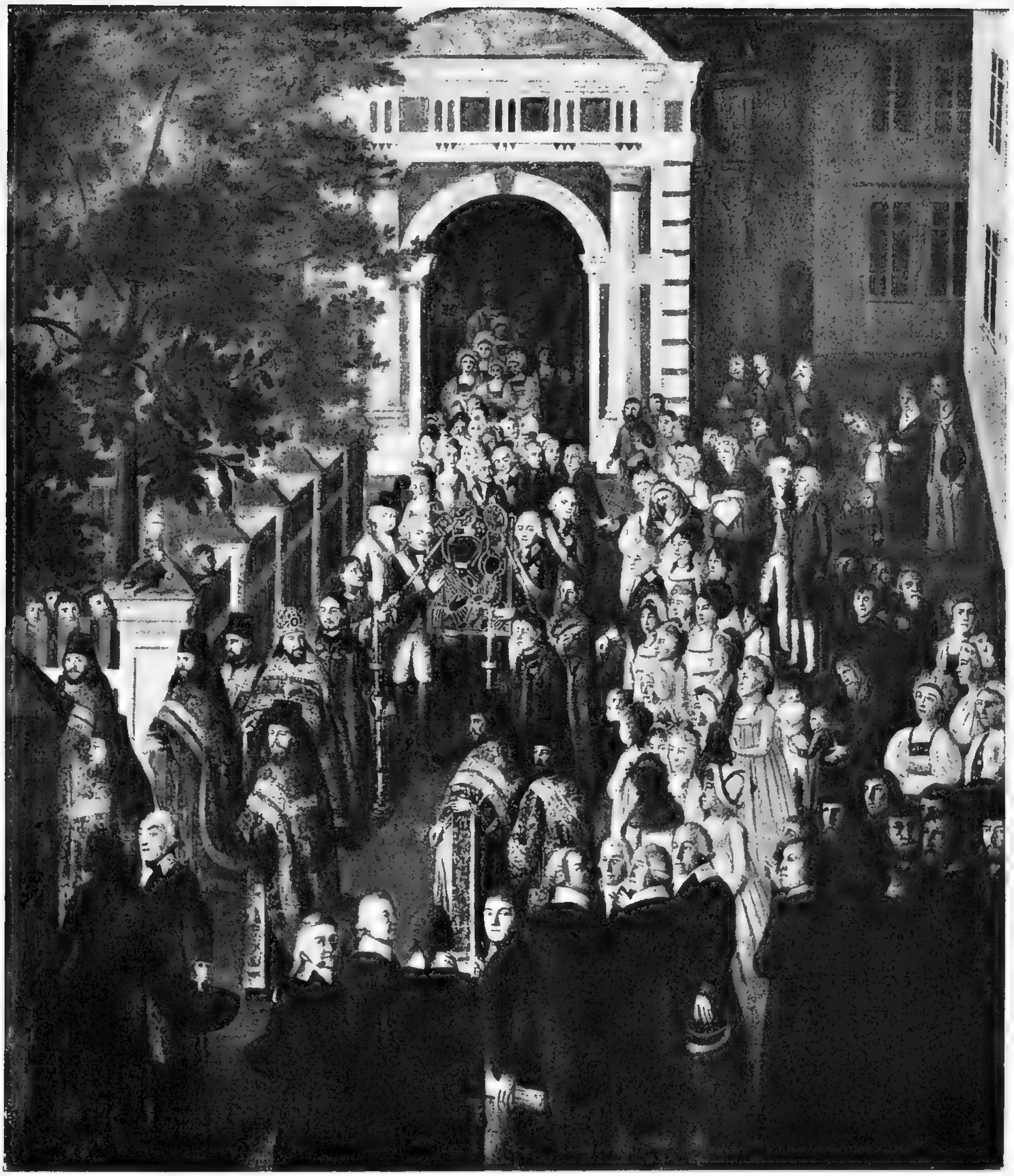
Торжество на Сенатской площади при Павлѣ I. Мартоса.
(Историческая выставка архитектуры въ СПБ. 1911 г.).

Царствованіе Павла разразилось бурею только въ верхнихъ сферахъ русскаго общества, среди привилегированныхъ служилыхъ элементовъ... „Изъ 36 милліоновъ людей,—говоритъ Коцебу,—по крайней мѣрѣ, 33 милліона имѣли поводъ благословлять императора“... Въ торговлѣ было больше честности, въ судѣ больше правды, среди властей меньше лихоимства и хищеній... „Страхъ внушалъ человѣколюбіе“... Солдаты были „хорошо одѣты, пользовались хорошей пищей, кромѣ того, осыпались денежными подарками“. Была строга военная дисциплина, но солдатамъ не сладко жилось и при Екатеринѣ, когда выработалось особая формула при передачѣ полковниками рекрутъ въ ученье капитанамъ: „Вотъ тебѣ три мужика, сдѣлай изъ нихъ одного солдата“. Теперь въ солдатѣ стали больше уважать человѣка, нежели прежде: офицеръ за оскорбленіе нижняго чина наказывался такъ же жестоко, какъ и солдатъ за оскорбленіе офицера; прослужившіе въ военной службѣ безпорочно двадцать лѣтъ были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. На одномъ изъ военныхъ парадовъ Павелъ, недовольный княземъ Репнинымъ,

сказалъ ему: „Господинъ фельдмаршалъ! Видите ли вы этотъ караулъ? Въ немъ 400 человѣкъ. Мнѣ достаточно сказать слово—и всѣ они будутъ фельдмаршалами“... Свободнѣе вздохнули обыватели и особенно обиженные, искавшіе удовлетворенія въ судахъ. Тогда поколебалась справедливость русской пословицы: „До Бога высоко, до царя далеко“. Дорога къ Павлу была открыта всякому: имъ были установлены извѣстные дни для пріема просителей и, кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ дворца, въ окнѣ, устроенъ былъ особый ящикъ, въ который всякій могъ опускать свое прошеніе на высочайшее имя. Эти прошенія вынимались ежедневно лично самимъ государемъ, и разсмотрѣніе ихъ производилось быстро, безъ замедленія. Прибывающимъ въ Петербургъ просителямъ даже объявлялось, что „буде они чрезъ двѣ недѣли не получатъ рѣшенія и не будутъ въ просьбахъ своихъ удовлетворены“, то заявляли бы объ этомъ одному изъ государевыхъ адъютантовъ для доклада государю. Послѣ смерти Павла народъ и солдаты говорили: „Онъ былъ нашъ отецъ“. Первый выходъ Александра въ качествѣ государя передъ Преображенскимъ, а затѣмъ передъ Семеновскимъ полкомъ былъ встрѣченъ гробовымъ молчаніемъ...

Д. Успенскій.

Императоръ Петръ III. (Романовская галлерея.)



Истоминъ. Торжественное перенесеніе Тихвинской иконы 9 іюня 1798.

Музей Александра III.

Внѣшняя политика Павла I.

Екатерина II не принимала никакого участія въ европейскихъ коалиціяхъ противъ республиканской Франціи, занятая своей собственной внѣшней политикой. Тѣмъ не менѣе, ея отношеніе къ французской революціи и ея дѣятелямъ было вполнѣ отрицательное. Она и боялась революціи, и ненавидѣла ее въ одно и то же время, временами чувствуя, что и ея корона не такъ твердо держится на ея головѣ, какъ раньше. Чѣмъ агрессивнѣе велась политика Директоріи, тѣмъ желчнѣе и раздражительнѣе становилась Екатерина. Ей казалось, что теперь настало время выйти русскому правительству изъ того пассивнаго состоянія, въ которомъ оно, по необходимости, находилось, и принять активное участіе въ коалиціонной политикѣ съ цѣлью остановить дальнѣйшее побѣдное шествіе французской демократіи. Къ этому принуждали не только боязнь за собственную корону, за неприкосновенность абсолютизма, но также и экономическія связи страны, ставшей довольно крупнымъ экспортеромъ на европейскомъ, преимущественно англійскомъ рынкѣ. Экономическая политика Директоріи была направлена исключительно противъ Англіи. Французское оружіе должно было отнять у Англіи торговые рынки и пути и закрѣпить ихъ за французской буржуазіей, что должно было сильно отразиться на экспортѣ странъ, вступившихъ въ торговыя связи съ Англіей, въ особенности Россіи. Стремленіе

французскаго правительства укрѣпиться на востокѣ и побѣда французской дипломатіи надъ англійской въ Константинополѣ задѣвали политическіе и экономическіе интересы Россіи, игнорировать которые во всякомъ случаѣ было невозможно. Дворянство, крѣпко державшееся за англійскій рынокъ и боявшееся революціи изъ-за своихъ соціальныхъ привилегій, тоже настроено было воинственно, въ этомъ отношеніи было вполнѣ солидарно съ правительствомъ и требовало войны. Такъ намѣчалась борьба Россіи съ Франціей во имя защиты стараго порядка, неограниченнаго самодержавія и соціальныхъ привилегій господствующаго класса.

Считая своевременнымъ вмѣшаться во французскія дѣла, Екатерина немедленно, послѣ заключенія Базельскаго мира, отъ 5 апрѣля 1795 года, вступила въ дипломатическія сношенія съ Англіей по вопросу о денежныхъ субсидіяхъ въ томъ случаѣ, если русская армія придетъ на помощь европейской коалиціи. Но эти переговоры такъ и остались въ стадіи подготовительности, Екатерина умерла, Павелъ сталъ императоромъ. Политическая физіономія Павла успѣла ко дню восшествія на престолъ опредѣлиться съ достаточной отчетливостію. Являясь сторонникомъ дружбы съ пруссаками и безусловнымъ поклонникомъ монархическаго принципа, Павелъ ненавидѣлъ революцію такъ же страстно, какъ и его мать, и неоднократно заявлялъ о необходимости прекратить вооруженнымъ вмѣшательствомъ стихійное развитіе революціи и возстановить расшатанные престолы.

Тѣмъ не менѣе, Павелъ послѣ смерти своей матери держался сначала мирной политики и прекратилъ поэтому дальнѣйшія вооруженія, начатыя Екатериной II. Конечно, иначе поступить онъ не могъ. Министерство Питта послѣ Базельскаго мира старалось поддерживать мирныя отношенія съ Франціей, а безъ англійской субсидіи русскіе воинственные планы не могли быть приведены въ исполненіе, вслѣдствіе отчаянно-плохого состоянія финансовъ. Помимо этого, чрезмѣрно интенсивная внѣшняя политика Екатерины II до крайности напрягла военныя силы страны. Страна нуждалась въ отдыхѣ, во имя котораго должны были сойти на-нѣтъ воинственные крики дворянства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, Павелъ поручилъ государственному канцлеру Остерману въ циркулярной нотѣ сообщить о твердомъ намѣреніи поддерживать мирныя отношенія съ европейскими державами. Свою точку зрѣнія правительственная нота объясняла тѣмъ, что „Россія съ 1756 года, будучи въ безпрерывной войнѣ, есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ состояніи истощать свое населеніе“. Послѣднее соображеніе было вполнѣ справедливо. Оно-то и склонило „человѣколюбивое сердце“ императора Павла къ политикѣ нейтралитета по отношенію къ Франціи.

Впрочемъ, эта политика нейтралитета не была безусловной. Оставаясь вѣрнымъ принятымъ на себя политическимъ обязательствамъ, русское прави-

тельство поэтому заявляло о своемъ убѣжденіи всевозможными мѣрами противиться неистовой французской революціи, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія. Послѣдняя оговорка дѣлала нейтралитетъ Россіи чрезмѣрно условнымъ. Мирная декларація русскаго правительства была встрѣчена въ Европѣ различно. Англія на время примирилась съ ней. Австрія была полна негодованія, но ея недовольство носило чисто кабинетный характеръ. Прусское правительство безусловно привѣтствовало позицію, занятую Павломъ, благодаря которой оставался нетронутымъ русско-прусскій союзъ, заключенный Екатериной. Опираясь на Россію, Пруссія имѣла полную возможность выяснить съ Франціей всѣ спорные вопросы, и не безъ выгоды для себя. Дружественныя связи съ Пруссіей заставили сблизиться правительство Павла съ Даніей и Швеціей, и такимъ образомъ Павелъ всецѣло вернулся къ принципамъ Балтійской политики Екатерины. Труднѣе всего было наладить отношенія съ Швеціей. Шведское правительство въ лицѣ регента герцога Карла относилось совершенно равнодушно къ

Великая княгиня Наталія Алексѣевна.
(Музей Александра III.)

агрессивной внѣшней политикѣ Густава III. Оно не только принципіально отказалось отъ вступленія въ европейскую коалицію, направленную противъ Франціи, но считало болѣе выгоднымъ для національныхъ интересовъ Швеціи борьбу съ Россіей. Въ виду невозможности активной борьбы съ послѣдней, шведское правительство демонстративно вступило въ дипломатическія отношенія съ Франціей и поддерживало правительство Высокой Порты противъ Россіи. Почувствовавъ столь рѣзкую перемѣну въ внѣшней политикѣ Швеціи, Екатерина II надѣялась ее измѣнить въ сто-

рону, благожелательную для Россіи, при посредствѣ женитьбы шведскаго наслѣдника престола на одной изъ дочерей Павла. Прусская партія, во главѣ съ барономъ Армфельдомъ, дѣятельно агитировала въ пользу брака. Однако ея старанія окончились неудачей. Бракъ не состоялся. Однако, когда шведскій посланникъ Клингспорръ пріѣхалъ въ Петербургъ, Павелъ встрѣтилъ его такъ, какъ будто между нимъ и Швеціей не было никакихъ недоразумѣній.

Первые шаги Павла во внѣшней политикѣ не встрѣтили со стороны дворянства всеобщаго сочувствія и одобренія. Правда, открыто никто не рѣшался заявлять о своемъ принципіальномъ несогласіи съ Павломъ, тѣмъ не менѣе, многіе изъ дѣятелей предыдущаго царствованія довольно вѣрно критиковали его прусскую политику. Впрочемъ, Павлу пришлось скоро убѣдиться въ непрочности русско-прусскаго соглашенія. Пользуясь дружбой со стороны Павла, прусское правительство заключило съ Франціей особую конвенцію отъ 6 ноября 1797 г. для разграниченія между обоими государствами территоріи на Рейнѣ. Прусское правительство вело свои переговоры съ Франціей въ глубокой тайнѣ и даже не сочло нужнымъ увѣдомить объ этомъ Павла I, и въ то же время увѣряло въ своей преданности системѣ Павла. Извѣстіе о франко-прусскомъ соглашеніи привело неуравновѣшеннаго Павла въ состояніе крайней раздражительности. Свое неудовольствіе онъ выразилъ въ депешѣ, направленной въ Берлинъ и составленной въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Франко-прусское соглашеніе Павелъ считалъ вреднымъ и угрожающимъ интересамъ цѣлой Европы. Нейтралитетъ Павла по отношенію къ Франціи, какъ и слѣдовало ожидать, оказался весьма непродолжительнымъ. Успѣхи Бонапарта въ Италіи, закрѣпленные Кампо-Формійскимъ миромъ отъ 17 окт. 1797 года, захватъ имъ Іоническихъ острововъ существенно измѣнили политическую карту Европы, обезсилили Австрію и нарушили политическое равновѣсіе въ Европѣ. Боязнь дальнѣйшаго усиленія Франціи, а вмѣстѣ и распространенія революціонныхъ идей, заставила Павла стать по отношенію къ Франціи въ болѣе вызывающую позу. Не предпринимая пока никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, Павелъ послалъ князя Репнина въ Берлинъ съ спеціальной миссіей узнать, намѣрено ли прусское правительство считать Францію общимъ врагомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ тотъ же Репнинъ привезъ проектъ четверного оборонительнаго союза противъ Франціи. Положеніе прусскаго правительства было очень щекотливымъ. Нельзя было вести двойную политику. Надо было открыто стать на сторону или Россіи, или Франціи Считая для себя болѣе выгоднымъ соглашеніе съ Франціей, прусское правительство отнеслось отрицательно къ миссіи Репнина и выразило желаніе остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей.

Переговоры съ Вѣной были болѣе удачны. Вѣнское правительство привѣтствовало предложеніе Россіи и настаивало на немедленной отправкѣ въ

Австрію 12.000-го корпуса на основаніи договорныхъ обязательствъ. Измѣнились также и отношенія съ Англіей. Англійскому послу Витворту удалось заручиться крѣпкими связями среди дворянства и убѣдить Павла въ необходимости активнаго выступленія противъ Франціи совмѣстно съ Англіей и Австріей. Такъ постепенно зарождалась и укрѣплялась мысль о своевременности и необходимости коалиціоннаго выступленія противъ Франціи, но въ то же время совершенно отступалъ на задній планъ вопросъ о цѣлесообразности такой коалиціи для національныхъ интересовъ Россіи и о возможности со стороны Россіи новаго финансоваго и военнаго напряженія. Между тѣмъ французское правительство, съ момента вступленія Павла на престолъ, стремилось установить съ русскимъ правительствомъ болѣе или менѣе дружественныя отношенія. Эта попытка встрѣчала большое сочувствіе и поддержку со стороны государственнаго канцлера — Безбородко, предложившаго Франціи посредничество со стороны Россіи между ею и союзниками, на что правительство Директоріи пока не давало ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Послѣ болѣе детальныхъ переговоровъ о посредничествѣ выяснилось, что Франція не намѣрена отказываться отъ пріобрѣтенія по Базельскому миру и не желаетъ возвратить ихъ союзникамъ, что сводило посредничество Россіи къ нулю. Такимъ оборотомъ дѣлъ, конечно, были чрезмѣрно довольны Австрія и Англія, желавшія втянуть въ свои коалиціонныя сѣти Россію. Активная политика Директоріи только этому благопріятствовала. Прибытіе въ Петербургъ принца Фердинанда Вюртембергскаго, родственника императорской фамиліи, имѣло большое вліяніе на укрѣпленіе въ Павлѣ анти-французскихъ чувствъ. Въ концѣ-концовъ, Павелъ уступилъ и согласился на отправленіе 60—70 т. корпуса къ границамъ Пруссіи для обезвреживанія послѣдней. Мало-по-малу воинственное настроеніе Павла все увеличивалось и увеличивалось. Не было только повода для рѣшительнаго выступленія Россіи противъ Франціи. Но и поводъ скоро явился. Наполеонъ по пути въ Египетъ захватилъ островъ Мальту, принадлежавшій мальтійскому ордену, и довольно рѣзко обошелся съ русскимъ уполномоченнымъ. Высылая его съ острова Мальты, Наполеонъ объявилъ, что онъ потопитъ всякій русскій корабль, приблизившійся къ Мальтѣ. Такое поведеніе Наполеона Павелъ считалъ прямымъ вызовомъ по отношенію къ Россіи и къ нему, какъ покровителю мальтійскаго ордена. Тогда Павелъ сталъ усиленно готовиться къ войнѣ, но пока только этими

Е. И. Нелидова.

приготовленіями да передвиженіемъ войскъ дѣло и ограничилось. Пока правительство собиралось перейти отъ словъ къ дѣлу, Павелъ сдѣлался великимъ магистромъ малтійскаго ордена. Принявъ званіе, онъ далъ торжественное обѣщаніе сохранять прежнія права и преимущества ордена. Конечно, это обѣщаніе возлагало на Павла обязанность вернуть островъ Мальту рыцарямъ.

Такъ была рѣшена война съ Франціей. Послѣ этого Павелъ сталъ еще привѣтливѣе къ австро-англійскимъ предложеніямъ, и въ концѣ 1798 года образованіе коалиціи стало совершившимся фактомъ. Въ нее вошли, кромѣ Россіи и Австріи, Турція, Англія и Неаполитанское королевство—все государства, немало страдавшія отъ наступательной политики Наполеона. Согласно условіямъ, Россія обязывалась послать 45.000-й корпусъ въ Голландію для возстановленія ея самостоятельности, такъ какъ французское владычество въ Голландіи сильно отразилось на экономическихъ интересахъ Англіи. Содержаніе же посланнаго корпуса всецѣло падало на англійское правительство. Для возвращенія Іоническихъ острововъ на помощь неаполитанскому королю отправились въ Средиземное море русская и турецкая эскадры. На помощь австрійцамъ также были отправлены войска.

Среди союзниковъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій не было согласія. Англійское правительство, находя размѣры субсидіи, требуемой Павломъ, чрезмѣрными, отказалось ратификовать договоръ, заключенный Витвортомъ. Помимо этого русскій вспомогательный корпусъ, посланный австріійцамъ, успѣлъ дойти до Брюнна, а въ Австріи не было ни одного полка, готоваго выступить въ походъ. Естественно, Павелъ былъ раздраженъ поведеніемъ Англіи и Австріи. Считая дальнѣйшія колебанія Австріи ничѣмъ инымъ, какъ подстрекательствомъ, Павелъ намѣревался вернуть войска обратно въ Россію, если только поведеніе Австріи не станетъ немедленно болѣе опредѣленнымъ. Тѣмъ не менѣе, австрійское правительство оттягивало начало военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока это было возможно, и только появленіе французскихъ войскъ въ Италіи и связанная съ этимъ возможность дальнѣйшихъ территоріальныхъ сокращеній Австріи прекратили колебанія австрійскаго правительства. Тогда же, по его просьбѣ, Суворовъ былъ назначенъ командующимъ русскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Пока среди союзниковъ не установилось единодушія и не выработался общій планъ дѣйствій, французское правительство, протестуя противъ вступленія русскихъ войскъ въ Германію, вело переговоры въ Берлинѣ съ Репнинымъ, надѣясь убѣдить русское правительство выйти изъ коалиціи. Но это стараніе и доводы французской дипломатіи оказались безсильными. Англійскіе дипломаты немедленно парализовали всѣ планы противниковъ коалиціи. Да къ тому же въ этотъ моментъ вопросъ о субсидіяхъ и вспомогательномъ корпусѣ былъ рѣшенъ окончательно, и съ этой стороны не было никакихъ недоразумѣній. Прусская партія была побѣждена. Несмотря на отри-

цательное отношеніе Пруссіи къ коалиціи, союзники, тѣмъ не менѣе, надѣялись вовлечь и ее. Но спеціальная миссія Гренвилля съ предложеніемъ субсидіи со стороны Англіи и военной помощи со стороны Россіи не увѣнчалась успѣхомъ. Пруссія рѣшительно отказывалась отъ участія въ коалиціи и не рѣшалась разорвать дипломатическія сношенія съ французскимъ правительствомъ. Тогда Павелъ послалъ ультиматумъ Пруссіи съ требованіемъ отвѣта на вопросъ, желаетъ ли она дѣйствовать согласно съ Россіей, или противъ нея. На это предложеніе, посланное 22 марта 1799 года, 2 апрѣля былъ данъ отвѣтъ, что и на этотъ разъ король не можетъ прибавить ничего новаго къ предыдущимъ своимъ соображеніямъ. Отвѣтъ прусскаго короля повлекъ за собою разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Пруссіей. Все русское посольство, во главѣ съ Панинымъ, покинуло Берлинъ.

Видъ Павловска при Павлѣ I. С. Щедрина. (Истор. выставка архитектуры. СПБ. 1911 г.)

Военныя дѣйствія союзныхъ войскъ сосредоточились въ сѣверной Италіи, гдѣ русскія войска, подъ начальствомъ Суворова, одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ французскими войсками. Удачно дѣйствовала и русско-турецкая эскадра на Средиземномъ морѣ. Ей удалось отнять у французовъ Іонические острова. Не совсѣмъ благополучны были дѣйствія экспедиціоннаго корпуса въ Голландіи. Несмотря въ общемъ на довольно благопріятную кампанію, среди союзниковъ опять начались недоразумѣнія. Прежде всего Павлу пришлось убѣдиться, впрочемъ, нѣсколько поздновато, что его планы не сходятся съ планами участниковъ коалиціи. Давая согласіе на свое вступленіе въ коалицію, Павелъ намѣревался только возстановить политическое равновѣсіе въ Европѣ, нарушенное Наполеономъ, и не думалъ о какихъ бы то ни было собственныхъ выгодахъ. Союзники же надѣялись съ помощью русской арміи вернуть утраченное, а, если ходъ кампаніи будетъ удаченъ, то принять дѣятельное участіе въ раздѣлѣ доставшагося имъ достоянія. Уже это одно должно было охладить Павла по

отношенію къ своимъ союзникамъ. Были и другія причины недовольства. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить недоброжелательное отношеніе австрійцевъ къ Суворову, котораго они неоднократно оставляли безъ всякой помощи и провіанта. Благодаря невнимательности и поразительной небрежности австрійцевъ былъ разбитъ Римскій-Корсаковъ только потому, что былъ лишенъ возможности соединиться съ арміей Суворова.

Вполнѣ понятно, что такое отношеніе и оскорбляло Павла, и вызывало естественное раздраженіе противъ союзниковъ-австрійцевъ. Разстраивались также и отношенія съ англичанами, впрочемъ, никогда не бывшія во время этой коалиціи дружественными. Павла тревожили неудачныя дѣйствія англо-русскаго корпуса, послѣ которыхъ русскія войска были отведены на зимнія квартиры на островъ Джерси. Положеніе ихъ было тамъ очень тяжелымъ. И помѣщенія были неудобныя, и чувствовалась все время крайняя нужда въ провіантѣ и одеждѣ. Ко всему этому присоединились еще недоразумѣнія изъ-за острова Мальты. Англичанамъ удалось отнять его изъ рукъ французовъ. Вмѣсто того, чтобы возвратить его мальтійскому ордену, англичане удержали его за собою. Это и явилось ближайшимъ поводомъ къ разрыву съ англичанами. Заподозривъ ихъ въ неискренности и преслѣдованіи цѣлей, идущихъ въ разрѣзъ съ политикой Россіи, Павелъ отозвалъ свои войска въ Россію и приказалъ имъ немедленно оставить зимнія квартиры. Такъ произошелъ разрывъ Павла съ союзниками,—разрывъ, неожиданный для союзниковъ и непріятный для неотвѣтственныхъ совѣтниковъ Павла, изъ числа „придворной камарильи“, сумѣвшей извлечь для себя не малую выгоду изъ участія Россіи въ антиреволюціонной коалиціи. Такъ, въ конечномъ итогѣ побѣда осталась за сторонниками союзныхъ отношеній съ Франціей. Одновременно съ разрушеніемъ коалиціи происходило сближеніе съ Франціей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Наполеону удалось нанести австрійцамъ такое пораженіе при Маренго, послѣ котораго вся сѣверная Италія снова очутилась въ рукахъ французовъ. Наполеонъ, послѣ переворота 18 Брюмера ставъ первымъ консуломъ, пользовался всякимъ поводомъ, чтобы заявить о своемъ расположеніи къ Павлу. И нельзя отрицать, что дѣйствовалъ при этомъ очень искусно, подчеркивая нетактичность и непріязнь союзниковъ къ Россіи и выставляя себя безкорыстнымъ другомъ Павла. Наполеону нужно было, во что бы то ни стало, склонить Павла къ союзу съ Франціей. Только лишивъ Англію помощи Россіи, Наполеонъ могъ надѣяться на нанесеніе ей удара и отнятіе у нея европейскаго рынка. Не открывая пока картъ своей политической игры, Наполеонъ открыто дѣлалъ предложеніе Павлу отдать Мальту въ его руки, находя это болѣе выгоднымъ, „чѣмъ оставить ее въ рукахъ англичанъ“. И съ точки зрѣнія своей политики онъ былъ безусловно правъ. Мальта въ рукахъ Павла была не опасна для Наполеона, такъ какъ интересы Россіи на Средиземномъ морѣ

Пэншонъ. Императоръ Александръ I. Музей Александра III.

Пэнмонэ. Мэтэгбамоор Аакэсэнаар I. Мэтэгн Аакэсэнаад III.

были ничтожны. Удачно льстя Павлу и оказывая ему услуги въ видѣ возвращенія въ Россію 5000 плѣнниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, Наполеонъ подготавливалъ франко-русскій союзъ. Становясь на сторону послѣдняго, русская дипломатія въ лицѣ Ѳ. В. Ростопчина надѣялась произвести раздѣлъ Турціи, при помощи Австріи, Франціи и Пруссіи создать греческую республику подъ протекторатомъ Россіи и остальныхъ державъ. Россія получала Румынію, Болгарію, Молдавію и Константинополь. Намѣчалась дальше экспедиція въ Индію, которая должна была существеннымъ образомъ подорвать значеніе Англіи. Въ такомъ проектѣ много было фантастическаго, неисполнимаго, тѣмъ не менѣе, онъ такъ же занималъ Павла, какъ и Екатерину. Впрочемъ, отъ Павла не укрылось то обстоятельство, что едва ли Австрія, которой отдавались въ жертву Сербія и Боснія, отнесется равнодушно къ такому территоріальному расширенію Россіи. Наполеона же весь этотъ фантастическій проектъ интересовалъ постольку, поскольку онъ могъ прямо или косвенно задѣть торговые интересы Англіи и нанести ей такъ или иначе существенный экономическій ущербъ.

Паркъ въ Гатчинѣ при Павлѣ I. С. Щедрина. (Истор. выставка архитектуры. СПБ. 1911 г.)

Благодаря этимъ переговорамъ, между французскимъ и русскимъ правительствомъ отношенія настолько улучшились, что оба, Наполеонъ и Павелъ, обмѣнялись любезными письмами, предлагали другъ другу союзъ, чтобы „возвратить міру спокойствіе и тишину“ и привести Англію къ раскаянію „въ своемъ деспотизмѣ и высокомѣріи“. Поэтому неудивительно, что Павелъ вполнѣ раздѣлялъ основное положеніе поданной ему дипломатической записки, „что Англія вооружала поперемѣнно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи“, и одобрялъ предполагаемое заключеніе союза съ Франціей. Побѣда французской дипломатіи была полная, но она досталась Павлу слишкомъ дорогой цѣной. Еще до окончанія переговоровъ съ Франціей Павелъ предложилъ Швеціи и Даніи союзъ, съ цѣлью защиты кораблей подъ нейтральнымъ флагомъ. Это былъ такъ называемый „второй вооруженный нейтралитетъ“. Швеція

и Данія пошли навстрѣчу Павлу, такъ какъ ихъ внѣшняя торговля немало страдала отъ произвольныхъ дѣйствій англійскихъ каперовъ. Эта же система должна была оставить Англію совершенно изолированной на морѣ.

Къ концу 1800 года отношенія Россіи къ Франціи были окончательно выяснены. Колычевъ былъ посланъ въ апрѣлѣ 1801 года для окончательныхъ переговоровъ о мирѣ. Павелъ оставлялъ за Франціей Испанію и Португалію, но, съ своей стороны, Наполеонъ долженъ былъ принять условіе вооруженнаго нейтралитета. Въ случаѣ войны, Наполеонъ былъ обязанъ сдѣлать морскую диверсію къ берегамъ Англіи, а Россія должна была отправиться въ походъ на Индію. Нечего и говорить, что предложеніе русскаго правительства болѣе чѣмъ соотвѣтствовало планамъ Наполеона. Онъ былъ имъ очень доволенъ, такъ какъ, наконецъ, вырывалъ Россію изъ цѣпкихъ рукъ Англіи. Стали готовиться къ войнѣ, но пока русскія войска дѣлали послѣднія приготовленія къ выступленію изъ Оренбурга черезъ Хиву и Бухару въ Индію, Павелъ 10 марта 1801 года, желая на морѣ подорвать экономическую мощь Англіи, запретилъ вступать кому бы то ни было въ торговыя сношенія съ ней безъ особаго разрѣшенія самого государя. Такое неожиданное прекращеніе торговыхъ сношеній грозило разореніемъ страны и командующихъ классовъ. Оно же переполнило чашу терпѣнія дворянства, и на необдуманное приказаніе, вредное для землевладѣльческаго сословія, оно отвѣтило 11 марта 1801 года. А его преемникъ на слѣдующій день поспѣшилъ успокоить раздраженное дворянство и отмѣнилъ опасный указъ своего отца.

В. Пичета.

Гр. П. А. Румянцевъ.

Императоръ Александръ I и русскій правительственный либерализмъ начала XIX вѣка.

I.

Царствованіе императора Александра I началось событіями ночи съ 11 на 12 марта 1801 г. и закончилось пушечной пальбой 14 декабря 1825 г. Между смертью Павла I и разстрѣломъ декабристовъ есть глубокая внутренняя связь; но соціальная подкладка явленій была глубоко различна: въ XVIII в. только революція лицъ; въ XIX в. имѣются налицо признаки революціонности настроеній. Еще современники мрачной ночи съ 11 на 12 марта 1801 г. и даже непосредственные участники драмы въ Михайловскомъ замкѣ открыто указывали на „безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе“. Во мракѣ упомянутой ночи впервые выдвинулась на политическую сцену фигура царя Александра, а на утренней зарѣ появились обманчивые признаки либеральныхъ надеждъ...

Царь Александръ родился въ Петербургѣ 12 декабря 1777 г. Лирикъ В. П. Петровъ, императрицынъ библіотекарь, привѣтствовалъ его рожденіе одой, въ которой увѣрялъ, что

Ему поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки...

Днесь стапутъ ранѣ цвѣсть древа,
Волковъ уже не будетъ болѣ...

Мальчикъ попадалъ въ ужасную обстановку родственныхъ отношеній, построенныхъ на началѣ кровавой мести; его окружала прекрасная внѣшность безконечныхъ наслажденій двора, среди которыхъ танцы и флиртъ занимали первое мѣсто; онъ разрывался на части между императрицей-бабушкой и опальными родителями, пріютившимися въ солдатско-прусской обстановкѣ Гатчинскаго двора. Мать Александра—императрица Марія Ѳеодоровна—подобно дѣду и бабушкѣ, была также нѣмецкаго пропсхожденія, вюртембергская принцесса Доротея-Софія-Августа-Луиза. Усвоивъ себѣ черты психологіи своей нѣмецкой родни, Александръ I долженъ былъ испытать на себѣ пріемы интернаціональнаго тепличнаго воспитанія. Его нянькой была Прасковья Гесслеръ, англичанка, жена камердинера; главнымъ воспитателемъ былъ назначенъ генералъ Н. И. Салтыковъ, дворцовый угодникъ и льстецъ, буферъ между петербургскимъ и гатчинскимъ дворами, ширма, за которой скрывалась сама императрица, очень высоко думавшая о своихъ дарованіяхъ по части воспитательной. Въ 1793 г. Екатерина говорила своему секретарю А. В. Храповицкому, подчеркивая испорченность Павла и красоту Александра: „Какая разница между воспитаніемъ его и отцовскимъ! Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ“. Наконецъ, въ 1784 г. къ Александру былъ приставленъ швейцарскій гражданинъ Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ, безпочвенный республиканецъ, носитель отвлеченныхъ идей XVIII в., при чемъ ему прежде всего поручалось говорить съ воспитанникомъ по-французски. Республиканизмъ Лагарпа не могъ быть страшнымъ; впослѣдствіи, когда его въ сущности уже никто не просилъ, онъ давалъ политически благонадежные совѣты относительно самодержавія и крѣпостного права. Наставникомъ христіанскаго закона, какъ тогда выражались, былъ приставленъ А. А. Самборскій, женатый на англичанкѣ, бритый и щеголявшій въ свѣтскомъ костюмѣ. О воспитаніи Александра должно сказать только одно: всему онъ учился самъ, ибо выучить его ничему не могли, а старались словами внѣдрить въ него то, чего на дѣлѣ наблюсти было нельзя. Съ современной точки зрѣнія ничего не можетъ быть ужаснѣе такой школы. За время, пока онъ былъ цесаревичемъ in spe, ему не было возможности пріобрѣсти какія-либо серьезныя и прочныя знанія; вмѣсто науки господствовала фраза, вмѣсто спокойной и разумной обстановки — кипучее разнообразіе, безконечная интрига и ни-

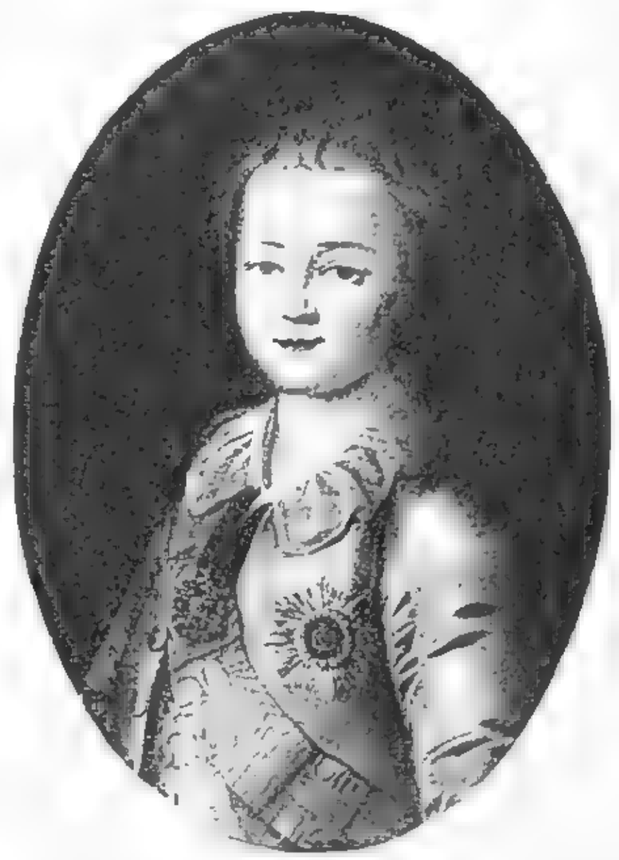
чѣмъ не прикрытый цинизмъ временщической знати и ея прислужниковъ... Сама императрица далеко не обманывалась относительно возможныхъ результатовъ дворцоваго флирта и рано завязала сношенія съ Западомъ по части подысканія нѣмецкой супруги для Александра. Еще 7 сентября 1783 г., когда „будущему вѣнценосцу“ пошелъ только седьмой годъ, баденскій повѣренный въ дѣлахъ, кавалеръ Кохъ, представилъ императрицѣ записку о прелестяхъ пяти маленькихъ дочерей наслѣднаго принца Баденскаго, изъ которыхъ Лунзѣ пошелъ четвертый годъ. По словамъ Коха, у неї были всѣ качества: „jolie, gracieuse, enjouée, elle prévient singulièrement du premier abord; la fraîcheur de son teint, ses cheveux blonds; de grands yeux bleus très-expressifs, une bouche bien formée et sur laquelle le sourire le plus agréable est niché, offre un ensemble des plus piquants“. Въ концѣ 1790 г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ графу Н. П. Румянцеву было поручено изученіе баденскаго двора и особенно принцессы Лунзы. Описывая Луизу и ея сестру Фредерику, Румянцевъ дѣлаетъ характерное замѣчаніе, что „изучать дѣтей вообще очень трудно тому, кто мало ихъ видитъ“. Румянцевъ нашелъ, тѣмъ не менѣе, что Луиза „слишкомъ развита для своихъ лѣтъ“, а Фредерика развита „гораздо менѣе, чѣмъ бы ей слѣдовало“. Деликатная миссія Румянцева была проведена съ полнымъ успѣхомъ, и 31 октября 1792 г. обѣ баденскія принцессы, и Луиза, и Фредерика, были привезены въ Петербургъ. На Лунзу палъ окончательный выборъ императрицы, и 10 мая 1793 г. по волѣ послѣдней 15-лѣтній Александръ и 14-лѣтняя Луиза были объявлены женихомъ и невѣстой. Тогда же отцу жениха, Павлу, наносилось безтактное публичное оскорбленіе: сыну назначенъ былъ большій по составу дворъ, чѣмъ бывшій у отца. Это обстоятельство не могло пройти незамѣтнымъ для наблюдательнаго Александра. Ужасъ создавшагося положенія для „будущаго вѣнценосца“ былъ нѣсколько понятенъ и для современника-воспитателя, который записалъ, что Александръ „отсталъ нечувствительно для всякаго рода упражненій, пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія; положеніе—безполезное для будущаго времени“. Другой современникъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, разсказавъ о „необыкновенной пышности“ жизни въ это время, говоритъ, что второй малый дворъ составился изъ „глупцовъ и вертопраховъ“, что „исторіямъ нѣтъ конца“ и что Александръ, „окруженный тупоумными людьми, освоился

Великій князь Александръ Павловичъ. (Музей Александра III.)

съ глупостью“... (Шильдеръ, I, 82). Тотъ же Ростопчинъ выразилъ опасеніе, какъ бы эта женитьба не повредила Александру. 28 сентября 1793 г. состоялась свадьба Александра и Елизаветы... „C'est Psyché unie à l' Amour“, писала Екатерина принцу де Линь. Нѣсколько иначе писалъ въ своихъ запискахъ А. Я. Протасовъ, помощникъ Н. И. Салтыкова: Александръ „прилѣпился къ дѣтскимъ мелочамъ, а паче военнымъ, и, слѣдуя прежнему, подражалъ брату, шалилъ непрестанно съ прислужниками въ своемъ кабинетѣ весьма непристойно; всѣмъ таковымъ непристойностямъ, сходственнымъ его лѣтамъ, но не состоянію, была свидѣтельницею супруга... Хотя я и толковалъ, что поступки благороднаго человѣка не должны были походить на поступки низкихъ людей, но все было безъ успѣха“. Александръ, продолжаетъ Протасовъ, завелъ интимные разговоры съ нѣкоторыми придворными кавалерами, которые должны были ввести его въ кругъ весьма вредныхъ вещей... „Причина сему — ранняя женитьба и что увѣрили его высочество, будто уже можно располагать самому собой“. И Ростопчинъ, и Протасовъ особенно нападаютъ на роль графини Шуваловой — „лукавѣйшая тварь, сплетница, кокетка“, женщина, чуждая какой-либо „благопристойности“ (Шильдеръ, I, 87—88). Шелъ день за днемъ, быстро миновали всякіе слѣды брачнаго угара. Елизавета начинала оставаться одна, а мальчикъ-мужъ, „совершенно отставъ отъ упражненій, назначенныхъ съ учителями, упражнялся съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ Романомъ и прочими комнатными, — несвойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ... лѣнь и нерадѣніе совершенно дѣлаютъ ему вредъ“. Отзывы Протасова и строги, и правдивы; они очень напоминаютъ забавы Петра III, но по существу они еще ничего не доказываютъ, только рисуютъ условія, среди которыхъ слагалась жизнь Александра-мальчика. Напротивъ, весьма цѣнно изучить, какъ Александръ все-таки справился со многимъ въ своей дальнѣйшей жизненной карьерѣ, не потерялся и не погибъ, подобно своему дѣду и своему отцу. Екатерина съ самаго рожденія Александра страшно боялась возможности вліянія на него отца; мальчикъ съ первыхъ проблесковъ своего сознанія долженъ былъ разрываться между Зимнимъ и Гатчинскимъ дворцами, между экзотической теплицей и военной кордегардіей, между блескомъ и величіемъ Екатерины и приниженностью своего отца, между всесильными временщиками и на все готовыми дамами. Въ Гатчинѣ воскресъ Петръ III и вдохновилъ Александра: здѣсь были свои гатчинскія войска съ 1782 г., не современныя и не русскія, а нѣмецкія; здѣсь жила старая Пруссія временъ Фридриха II.

Изъ Гатчины Александръ вынесъ увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, экзерцирмейстерствомъ, парадоманіей; это было единственное его увлеченіе въ жизни, которому онъ никогда не измѣнялъ и которое онъ бережно передалъ своему преемнику. Въ Гатчинѣ же Александръ нашелъ

свою правую руку, своего сторожевого пса и горячаго исполнителя своей воли, Алексѣя Андреевича Аракчеева, котораго однажды самъ же назвалъ подъ шумокъ мерзавцемъ. Мало того: изъ Гатчины Александръ вынесъ критику Екатерининскаго царствованія, то отрицательное къ нему отношеніе, которое сохранялъ всю жизнь... Въ Гатчинѣ же Александру говорили, что „съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками“. Съ 1780 г. отношенія Екатерины къ Павлу становились все болѣе острыми; Александру приходилось все время быть насторожѣ и лицемѣрить, лавируя между странностями отца и прихотями бабушки. Къ 90 годамъ XVIII в. Павла ненавидѣла не одна Екатерина, объ этой „ненависти и отвращеніи“ къ нему пишетъ Ростопчинъ. Въ 1791 г. ужъ былъ готовъ Екатерининскій планъ лишить Павла престола; въ 1794 г. Екатерина уже объявила о своемъ планѣ Совѣту. Павелъ не могъ не знать о намѣреніи императрицы лишить его престола въ пользу Александра; онъ сгоралъ отъ негодованія и ярости. Александръ I тоже зналъ о намѣреніи императрицы и очутился въ совершенно невѣроятномъ положеніи. Намѣренію Екатерины не сталъ содѣйствовать Лагарпъ, и его убрали изъ Россіи. Лагарпъ уѣхалъ изъ Россіи послѣ аудіенціи у Павла 27 апрѣля 1795 г. Павелъ, приходившій въ содроганіе при одномъ словѣ якобинецъ, обнялъ республиканца Лагарпа и подарилъ ему свои перчатки, чтобы тотъ могъ пройти полонезъ съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной, его женой. Лагарпъ заклиналъ Павла быть другомъ Александра, его сына, и всегда обращаться къ нему открыто и прямо, а не черезъ третье лицо. Лагарпъ плохо зналъ своего воспитанника. Воспитанникъ писалъ недурно и обольстительно. Въ письмѣ отъ 21 февраля 1796 г. Лагарпъ читалъ о намѣреніи Александра „отказаться впослѣдствіи“ отъ престола и своего званія, которое „съ каждымъ днемъ становится для меня все болѣе невыносимымъ по всему, что дѣлается вокругъ меня; непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка, это ужасно“. Та же тема повторяется въ письмѣ къ графу В. П. Кочубею отъ 10 мая 1796 г. и повторяется, если позволительно такъ выразиться, механически, нисколько не выражая сущности настроенія Лагарпова воспитанника. Особенно странно читать слова: „придворная жизнь не для меня создана“. Блистать же было несомнѣнной страстью Александра.



Великій князь Александръ Павловичъ. (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Отъ престола, писалъ онъ Кочубею, „я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ“ и, предусмотрительно указавъ, что „не могу

еще положительно назначить время сего отреченія“ (Лагарпу было сказано нѣсколько иначе, но столь же предусмотрительно), продолжалъ въ такомъ тонѣ: „въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ; при такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія?“ Стоитъ перейти отъ этого письма къ запискамъ Чарторыскаго, чтобы явственно представить себѣ, какая бездна ловкости и дипломатіи скрывалась въ Александрѣ, и навсегда отказаться отъ мысли, что у Александра будто бы не было ни желѣзной воли, ни удивительной способности обольщать людей. Само собою разумѣется, что въ бесѣдѣ съ Адамомъ Чарторыскимъ критика Екатерининской политики была столь же рѣзка, насколько горяча была его страсть къ великой Польшѣ и къ ея славному герою Костюшко. Князь Адамъ въ первое время такихъ бесѣдъ просто почувствовалъ себя находящимся въ какомъ-то невѣроятномъ чаду. И какъ горько онъ долженъ былъ разочароваться гораздо позднѣе! Правда, онъ уже тогда слышалъ восторженные возгласы Александра: это по-нашему, по-гатчински. Какъ эти слова въ устахъ Александра не согласовались съ его фразой о дачѣ на Рейнѣ и тихой сельской обстановкѣ! Въ перепискѣ и бесѣдахъ была одна несомнѣнная правда: Александръ I отрицательно относился къ Екатеринѣ: онъ былъ сыномъ своего отца и слишкомъ хорошо помнилъ судьбу своего дѣда. Екатерина революціоннымъ путемъ вступила на престолъ въ 1762 г.; въ 1796 г. она умирала, обдумывая новый революціонный шагъ и предпринимая уже надлежащія дѣйствія. 16 сентября она объясняла Александру всю необходимость въ интересахъ государства лишить престола Павла, его отца, и представила ему на просмотръ всѣ бумаги, относящіяся къ дѣлу. Александръ вмѣсто Павла долженъ былъ стать цесаревичемъ и 24 сентября 1796 г. отвѣчалъ Екатеринѣ письмомъ съ выраженіемъ своей глубокой признательности за дарованныя ему императрицей милости, т.-е. выражалъ свое согласіе на устраненіе Павла, его отца, отъ престола и на предоставленіе престола непосредственно ему мимо отцовской очереди.

6 ноября 1796 г. не стало Екатерины, на престолъ вступилъ измученный, перепуганный, истерзанный сомнѣніями и страхами Павелъ; Александръ сталъ цесаревичемъ на 19-мъ году своей жизни... Эта недолгая жизнь среди водоворота, бурлившаго между Екатериной и Павломъ, научила Александра очень многому; при императорѣ Павлѣ образованіе его характера было закончено. Съ 7 ноября 1796 г. вахтъ-парадъ или разводъ, по словамъ Шильдера (I, 140), „пріобрѣлъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ“. Цесаревичъ Александръ съ жаромъ и страстью отдался вахтъ-

Гр. П. А. Каподистріа.

Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Гр. II. А. Калиоанчиць.

Моск. Арх. Инн. Иностр. Архив

парадному дѣлу, работая на этомъ поприщѣ вмѣстѣ съ „гатчинскимъ капраломъ“, генераломъ Аракчеевымъ; Александръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ полковникомъ Семеновскаго полка, сыгравшимъ въ его біографіи столь большую роль. А. С. Шишковъ съ негодованіемъ писалъ: „Все пошло на прусскую стать—мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерцпръ-гаузы, шлагбаумы и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч. Сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III“. Увлекаясь самъ марсоманіей, Александръ очень и очень наблюдаетъ окружающее его общество и чутко прислушивается къ его голосу, справедливо подмѣчая въ этомъ голосѣ угрожающіе тона. Уже 27 сентября 1797 г. онъ пишетъ Лагарпу письмо, которое лишній разъ подчеркиваетъ любовь Александра къ фразѣ, которая могла бы обольщать, и къ манерѣ вѣчно казаться чѣмъ-то, чѣмъ угодно, но только не самимъ собой. Письмо драгоцѣнно, какъ первоисточникъ, по которому можно судить о настроеніяхъ, бродившихъ тогда среди петербургскихъ круговъ, какъ свидѣтель опредѣлившагося разрыва между отцомъ и сыномъ. Сынъ вспомнилъ слова нелюбимой имъ бабушки Екатерины: Павелъ царствовать не можетъ. Александръ пишетъ Лагарпу, что посылаетъ къ нему Н. Н. Новосильцова „съ исключительною цѣлью повидать васъ и спросить вашихъ совѣтовъ и указаній въ дѣлѣ чрезвычайной важности—объ обезпеченіи блага Россіи при условіи введенія въ ней свободной конституціи“. „Вамъ извѣстны, — писалъ далѣе Александръ, — различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ; они увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть... Мой отецъ по вступленіи на престолъ захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще. Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ — благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть,

Великій князь Александръ Павловичъ въ 1787 г.

которая все творитъ шиворотъ-навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены". Особенно знаменательна дальнѣйшая фраза, которая своимъ несоотвѣтствіемъ съ истинными вкусами Александра бьетъ въ глаза черезчуръ рѣзко. „Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составлявшимъ мое любимое времяпрепровожденіе". Протасовъ категорически заявляетъ, что Александръ никакимъ научнымъ занятіямъ не предавался, интересуясь совсѣмъ другимъ... Еще характернѣе дальнѣйшая фраза... О дачѣ на Рейнѣ ни слова. Напротивъ, цесаревичъ отрекается отъ своей прежней мысли, точнѣе отъ своей прежней фразы „покинуть свою родину". Онъ жаждетъ престола, жаждетъ власти и абсолютнаго первенства. „Въ настоящее время, — пишетъ онъ Лагарпу, — я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставляетъ придать моимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей". Итакъ, „даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи — вотъ мое единственное желаніе". Важно не содержаніе этого письма, а его практическое послѣдствіе. Съ момента появленія на свѣтъ этого письма Павелъ былъ въ очевидной опасности. Его устраненіе отъ престола стало простымъ вопросомъ дня. Вѣдь еще во время коронаціонныхъ торжествъ цесаревичъ Александръ поручилъ князю Адаму Чарторыскому составить проектъ манифеста на случай вступленія на престолъ Александра съ возвѣщеніемъ его намѣреній измѣнить политическій строй Россіи. Одновременно съ фразами о конституціи росла дружба съ Аракчеевымъ: „гатчинскій капралъ" такъ много трудился за шефа Семеновскаго полка, что не могъ не быть для цесаревича, рвавшагося всею душой къ престолу, безусловно необходимымъ. Въ письмахъ цесаревичъ неизмѣнно называлъ Аракчеева своимъ любезнымъ

другомъ, а на парадѣ 1 октября 1799 г. въ виду всеобщей радости по случаю отставки Аракчеева онъ публично назвалъ его иначе. Узнавъ отъ П. А. Тучкова, что вмѣсто Аракчеева назначенъ Амбразанцевъ, цесаревичъ заявилъ: „Ну, слава Богу, эти назначенія настоящая лотерея, могли бы напасть опять на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ“. Ровно черезъ двѣ недѣли цесаревичъ изъ Гатчины писалъ Аракчееву письмо (отъ 15 октября 1799 г.), гдѣ называлъ его своимъ другомъ и увѣрялъ его въ своей „непрестанной дружбѣ“. Спустя немного времени цесаревичъ Александръ при Павлѣ очутился въ роли цесаревича Павла при Екатеринѣ. Павелъ открыто сталъ приближать къ себѣ принца Евгенія Вюртембергскаго, племянника императрицы Маріи Ѳеодоровны, и довѣрилъ барону П. П. Дибичу свое намѣреніе усыновить принца Евгенія, а сыну Александру лично напомнилъ исторію царя Петра I и царевича Алексѣя Петровича. Этою бесѣдой Павелъ открыто разрывалъ съ сыномъ. Въ 1800 г. возможность заговора противъ Павла была очевидной, и графъ Н. П. Панинъ говорилъ о томъ съ цесаревичемъ. Цесаревичъ, казалось, жилъ незамѣтно среди рѣзко крѣпчавшихъ волнъ ропота и недовольства и всего больше сходился съ офицерами Семеновскаго полка, который какъ разъ сыгралъ главную роль въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. Вознесенный милостями Павла с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ П. А. фонъ деръ Паленъ становился все ближе и ближе къ цесаревичу... и послѣдній далъ Палену carte blanche дѣйствовать по его усмотрѣнію. Такъ Александръ вступилъ на путь, обычный для XVIII вѣка и не разъ испробованный русскимъ дворцомъ этого вѣка. Но о дальнѣйшемъ не разсказать лучше, чѣмъ то сдѣлано великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ (въ книгѣ „Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Спб. 1912); относительно этого усмотрѣнія Палена въ названной книгѣ говорится вполнѣ ясно: „Что это означало? Да просто согласіе наслѣдника на исполненіе заговора. Разъ заговоръ былъ рѣшенъ, началась серія жуткихъ дней, потому что безъ вѣдома Александра графъ Паленъ дѣйствовать не собирался. Наглядн ѣйшимъ примѣромъ ихъ отношеній служитъ слѣдующій эпизодъ... Ночное наступленіе на Михайловскій замокъ было рѣшено предварительно въ ночь съ 9 на 10 марта. Когда о семъ было доложено Александру, онъ замѣтилъ Палену, что 9 марта было бы рискованно дѣйствовать, ибо въ дворцовомъ карауле находятся преданные государю преображенцы, а что съ 11 на 12 марта будетъ тамъ по очереди караулъ отъ 3-го баталіона семеновцевъ, за

Великій князь Константинъ Павловичъ.

преданность которыхъ ему, Александру, онъ ручается... Графъ Паленъ не сразу согласился отложить назначенное предпріятіе и заявилъ наслѣднику, qu'il y vait de vos jours, и что весь заговоръ можетъ быть раскрытъ за эти два дня. Но Александръ стоялъ на своемъ, и Паленъ, признавъ доводы основательными, согласился отложить злополучное дѣло до ночи 11 марта. Тѣмъ не менѣе, и Паленъ оказался отчасти правымъ, такъ какъ 10 марта Александръ вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ были арестованы во дворцѣ домашнимъ арестомъ. Словомъ, для каждаго было ясно, что готовилось что-то необычное...“ (стр. 7 и 9). Далѣе авторъ категорически утверждаетъ, что Александръ „зналъ всѣ подробности заговора, ничего не сдѣлалъ, чтобы предотвратить его, а, напротивъ того, далъ свое обдуманное согласіе“... Результатомъ заговора были смерть императора Павла и вступленіе на престолъ Александра I.

II.

Императоръ Александръ вступилъ на престолъ 12 марта 1801 г. на 24-мъ году своей жизни; онъ прошелъ въ совершенствѣ дворцовую школу XVIII в. и гатчинскую выправку. Царь Александръ родился въ Петербургѣ, долго жилъ среди нѣмецкихъ и интернаціональныхъ впечатлѣній; онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты изучить Россію и русскихъ и навсегда сохранилъ о послѣднихъ воззрѣнія довольно отрицательныя. Царь былъ отличный дипломатъ, умѣлъ не растеряваться при всякихъ обстоятельствахъ, умѣлъ пользоваться людьми въ своихъ исключительно интересахъ; онъ любилъ и обожалъ свое собственное я, охранялъ его всѣми способами, которыми только можно было; отъ бабушки онъ перенялъ страсть къ блеску, отъ дѣда—увлеченіе военщиной; отъ отца перешло къ нему незамѣтное для современниковъ свойство: никто не могъ положиться на него безнаказанно и безконечно. Кажется, только одинъ графъ Аракчеевъ чуялъ это послѣднее свойство и до конца скрывалъ отъ Александра свою душу, не переставая льстить безумно и недостойно унижаться, несмотря на всѣ милости. У Александра не было и тѣни сколько-нибудь прочнаго элементарнаго научнаго образованія; у него не было ни времени, ни желанія что-нибудь изучить серьезно; люди, общество, государство существовали или должны были существовать только для него или ради него. Жить безъ славы и безъ блеска, жить безъ всеобщаго преклоненія, поклоненія и дифирамбовъ было для него непонятно и ненужно. Ради нихъ все приносилось въ жертву. Никакого личнаго укола онъ не переносилъ, а ради апоѳеоза я и его сохраненія Александръ могъ идти на уступки и скрывать свою ненависть къ лицамъ подъ маской очаровательной улыбки.

Молодые люди и женщины были отъ него безъ ума. Царь любилъ красоту и внѣшній порядокъ. Надо, чтобы жизнь была красивой, чтобы

красива была вся обстановка, надо безудержно смести съ дороги все, что могло нарушить эту красоту. При вступленіи на престолъ Александръ отнюдь не былъ неопытнымъ, не установившимся въ своихъ воззрѣніяхъ молодымъ человѣкомъ. Царь Александръ былъ неизмѣнно гордъ, отличался удивительно блестящимъ въ извѣстныхъ предѣлахъ умомъ, былъ художникомъ въ умѣньѣ строить свою жизнь. О немъ нельзя сказать, чтобы онъ чувствовалъ когда-нибудь біеніе общественнаго пульса, но онъ всегда умѣлъ и могъ пріостановиться, когда замѣчалъ въ обществѣ громаду физической силы, могущей его раздавить. Онъ умѣлъ не столько выбирать людей, сколько пользоваться ими; использовавъ, онъ начиналъ тяготиться и отбрасывать отъ себя ненужный матеріалъ смѣло и съ достоинствомъ. Онъ не выносилъ никакихъ проявленій внѣшней несогласованности дѣйствій и порядка; преслѣдовалъ за это неумолимо и безконечно, доходя до невѣроятной щепетильности и мелочности. Въ достиженіи поставленной цѣли онъ былъ упоренъ, какъ никто; его нельзя было остановить какими-либо соображеніями; его воля представлялась ему божественной силой, предъ которой должно было присмирѣть все. Онъ такъ и умеръ, не признавъ всей тщеты затѣи военныхъ поселеній, на которой сгубилъ окончательно остатки своей репутаціи графъ Аракчеевъ. Александръ чувствовалъ къ толпѣ горделивое отвращеніе, къ возраженіямъ знати—крайнее презрѣніе и болѣзненно развитое обожаніе своихъ прерогативъ. Признавая вначалѣ извѣстную сумму необходимой съ своей стороны дѣятельности въ сферѣ государственнаго управленія и устройства, онъ позднѣе уже не считалъ этого своей непремѣнной обязанностью и сумѣлъ главную массу государственной работы перенести на Аракчеева, который закрылъ своею фигурой царя и вынесъ на своихъ плечахъ всѣ удары неблагодарнаго населенія. Аракчеевъ сыгралъ и другую роль. Переживъ своего „батюшку“ и „благодѣтеля“, онъ продолжалъ нести на себѣ грѣхи Александра, которые только въ новѣйшей исторіографіи получаютъ надлежащее освѣщеніе. До самаго послѣдняго момента нѣсколько болѣе свободнаго научнаго изслѣдованія на Аракчеева лишь нападали, а Александра безудержно славословили или причисляли къ разряду неразгаданныхъ натуръ. Нельзя не признать, что положеніе царя Александра въ началѣ XIX в. было не изъ легкихъ, тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ удержаться на престолѣ и проявилъ немало такта,

Императоръ Александръ I. Вуаля. (Музей Александра III).

ловкости и лукавства въ сношеніяхъ со множествомъ лицъ, его окружавшихъ. А. С. Пушкинъ замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что царь первое время „былъ окруженъ убійцами своего отца“ и что онъ „долженъ былъ терпѣть и прощать“. Пушкинъ правъ, что царь „долженъ былъ терпѣть“, и царь прекрасно умѣлъ терпѣть, пока то было необходимо; до насъ не дошло, къ сожалѣнію, документовъ, чтобы въ то же время Александръ умѣлъ и прощать. Александръ долженъ былъ соблюдать наружное спокойствіе, полное самообладаніе, тактъ. Правда, князь В. М. Яшвиль былъ удаленъ къ себѣ въ деревню съ воспрещеніемъ появляться въ обѣихъ столицахъ, но онъ никогда не былъ прощенъ, а такъ и умеръ у себя въ деревнѣ. Фельдмаршалъ Кутузовъ поручилъ одинъ отрядъ, сформированный большею частью изъ ополченія, князю Яшвилю. Когда объ этомъ узналъ царь, онъ собственноручно и немедленно, въ опасные дни 1812 года, написалъ фельдмаршалу выговоръ: „съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я изъ одного изъ рапортовъ вашихъ, что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля, невзирая на донесеніе, которымъ губернаторъ извѣстилъ васъ, что онъ подъ присмотромъ. Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю, что поставляю вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить и отправить его въ Симбирскъ подъ строгій надзоръ къ губернатору“. Посылая эту бумагу для направленія по адресу графу Аракчееву, царь написалъ карандашомъ на обложкѣ: какое канальство! Въ книгѣ великаго князя Николая Михайловича (стр. 16—18) высказано предположеніе, что князь Яшвиль навлекъ на себя опалу государя своимъ вызывающимъ письмомъ къ послѣднему; это письмо—живой показатель того, при какихъ условіяхъ произошло вступленіе царя на престолъ и до чего могли доходить нѣкоторые изъ членовъ заговора 1801 г. По словамъ великаго князя Николая Михайловича (стр. 17), Яшвиль, между прочимъ, писалъ: „Богъ правды знаетъ, что наши руки обагрялись кровью не изъ корысти. Пусть жертва не безполезна. Поймите ваше великое призваніе: будьте на престолѣ, если возможно, честнымъ человѣкомъ и русскимъ гражданиномъ! Поймите, что для отчаянія есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели. Человѣкъ, который жертвуетъ жизнію для Россіи, въ правѣ вамъ это сказать“. Если можно еще представить себѣ письмо впавшаго въ экзальтацію князя Яшвиля, то какой безтактностью отдаетъ отъ письма Лагарпа, очевидно, не сумѣвшаго понять ни умоначертанія, ни психологіи своего воспитанника. Лагарпъ въ письмѣ отъ 30 октября 1801 года говоритъ царю о необходимости суда надъ участниками злодѣянія. „L'assassinat d'un Empereur au milieu de son palais, dans le sein de sa famille, ne peut demeurer impuni sans fouler aux pieds les lois divines et humaines, sans compromettre la dignité impériale, sans exposer la nation à devenir la proie des mécontents assez audacieux pour se venger du monarque, disposer de son

trône et forcer son successeur à leur accorder l'impunité". Александръ прочиталъ это письмо, не могъ не признать отвлеченной правоты утвержденій Лагарпа, но не пошелъ по опасному для него пути совѣтовъ пылкаго швейцарскаго гражданина. Тѣмъ не менѣе, подобнаго рода посланія не могли не быть тяжелыми психологическими ударами для Александра, и даже сохраненіе внѣшняго самообладанія могло быть моментами крайне затруднено. Царь получалъ, однако, посланія, которыя соотвѣтствовали ходячимъ тогда представленіямъ о его либерализмѣ. Въ данномъ случаѣ въ Александрѣ многіе современники видѣли лишь то, что имъ хотѣлось видѣть, но провозглашать его какимъ-то официальнымъ глашатаемъ либерализма въ Россіи по меньшей мѣрѣ неосторожно.

III.

Начало XIX столѣтія является на европейскомъ континентѣ ареной крупныхъ событій. То было время, когда въ разныхъ формахъ пытались подвести итоги Великой революціи, оперируя въ значительной степени старыми средствами въ измѣнившейся соціально-экономической обстановкѣ. Продолжая стоять такъ или иначе на политическихъ основаніяхъ, стремились двинуть въ ту или другую сторону разрѣшеніе совершенно новыхъ назрѣвавшихъ или назрѣвшихъ соціально-экономическихъ вопросовъ. И писатели, и правительство, которые вели политическую игру, все-таки не переставали вращаться въ области послѣднихъ, а тѣмъ или другимъ ихъ рѣшеніемъ, или обсужденіемъ вступали въ характерныя теченія, получившія прозванія *реакціи* и *либерализма*. Именно съ этого времени начинается та безконечная и шумная игра терминами реакція и либерализмъ,—игра, которая въ конечномъ счетѣ немало содѣйствовала потемнѣнію общественнаго сознанія, прежде чѣмъ послѣднему удалось разстаться съ ними и заговорить открытымъ и выразительно-яснымъ языкомъ борьбы классовыхъ интересовъ,—борьбы за соціальное равенство и экономическую свободу. Либерализмъ самъ по себѣ, какъ теченіе въ сторону политической и религіозной свободы, какъ теченіе, преисполненное фразами о правдѣ и законномъ порядкѣ и порица-

Княжна Іоанна Ловичъ.

ніями безправія и произвола, вездѣ равно былъ безсиленъ самъ въ себѣ и нигдѣ не могъ сдѣлаться лозунгомъ народныхъ массъ, для которыхъ хлѣбъ всегда былъ и будетъ дороже самой блестящей по красотѣ либеральныхъ идей фразы о народной свободѣ въ тускломъ освѣщеніи такъ называемаго правового порядка. Учебникъ всеобщей исторіи, трактующій новое время, начинаетъ изображеніе девятнадцатаго столѣтія съ заголовка реакція и либерализмъ, связывая съ этими терминами неоправдываемое въ дѣйствительности рѣшающее значеніе и различая ихъ на самомъ дѣлѣ формально, а не по существу. Между тѣмъ эти термины настолько сбивчивы въ своемъ различіи, что не могутъ быть мѣрою оцѣнки дѣйствительныхъ явленій. Это замѣчаніе надо признать настолько безспорнымъ, насколько осязательно то, что въ одномъ и томъ же лицѣ могутъ мирно уживаться оба эти теченія, и притомъ одновременно. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно цѣннымъ объектомъ для историческихъ наблюденій является россійскій либерализмъ начала XIX в.

Въ романтическіе дни первыхъ мгновеній царствованія Александра къ нему обратился съ длиннымъ и трескучимъ посланіемъ дворянинъ В. П. Каразинъ. Посланіе Каразина было найдено царемъ 22 марта 1801 г. на его рабочемъ столѣ въ кабинетѣ. Оставляя въ сторонѣ лирическую сторону посланія, вылавливаемъ сущность Каразинскаго либерализма. Авторъ глубоко вѣритъ въ творческую силу правительства: что оно захочетъ, то и сдѣлаетъ изъ насъ. „Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были. Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердныхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ Первый желалъ видѣть насъ слѣпыми подражателями иностранным: къ несчастію, мы съ излишествомъ таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовывать россіянъ. Александръ, любимецъ народа, довершитъ великое сіе дѣло“. Такъ какъ правительство все можетъ, а Александръ хочетъ благотворить отечество, то послѣднее безусловно вѣритъ, что царь продолжитъ и завершитъ образованіе россіянъ изъ сорока милліоновъ человѣкъ, „искони привыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства; одного взора ихъ помазанниковъ часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, каковымъ только человѣкъ на землѣ наслаждаться можетъ“. Царь, конечно, окружаетъ себя „сонмомъ мужей мудрыхъ“, но такъ какъ онъ единственный источникъ всего, единственная надежда, то авторъ не могъ не „повергнуть“ этого посланія передъ царемъ, какъ „лепту вдовы въ сокровищницу“. Итакъ, царь „раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины“. Далѣе Каразинъ спѣшитъ раскрыть передъ царемъ эту книгу судьбы нашей, которую нельзя здѣсь представить иначе, какъ

Пэншонъ. Императрица Елизавета Алексѣевна.

Музей Александра III.

въ подлинныхъ словахъ самого автора посланія: всякій пересказъ смылъ бы колоритъ и краски эпохи. Александръ, пишетъ Карамзинъ, „дастъ намъ непреложные законы, клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ онъ ихъ въ роды родовъ, онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, нерушимый вовѣки!.. И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта“. Столь сложное политическое преобразованіе, какъ смѣна самодержавной деспотіи монархіей, не можетъ произойти сразу; медленность должна обусловиться тѣмъ, что царь „вопроситъ совѣта у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, которыхъ гласъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ; онъ вопроситъ о ней у законодателей міра древнихъ и новыхъ: съ свѣтильникомъ безпристрастія пройдетъ творенія ихъ, сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ своего вѣка напослѣдокъ; онъ составитъ коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставивъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества. Онъ вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію непремѣнныхъ законовъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія. Онъ положитъ единожды твердое основаніе государственному достоянію, изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній, опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ всякаго состоянія и скажетъ: „спмъ обязаны вы взаимно между собою, спмъ обязаны казнѣ, спмъ обязаны престолу моему—ни болѣе, ни менѣе, кромѣ чрезвычайныхъ нуждъ государства“. Не средства къ новымъ на народъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія доходовъ, но съ благоволеніемъ приметъ тѣ, коп клониться будутъ къ уменьшенію расходовъ. Онъ ограничитъ издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ блеска вѣнца его: уменьшитъ дворъ свой, изженетъ изъ него сонмы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достоянія имперіи имъ принадлежатъ, и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы... Вообще будетъ онъ доро-

Баронесса Ю. Крюднеръ.

жить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую, и моральное изящество будетъ первѣйшимъ его предметомъ". Политическая программа Карамзина изложена здѣсь темно по внѣшности, но опредѣленно и ясно по существу. Символически рисуетъ авторъ образъ конституціонной монархіи и не замѣчаетъ, какъ рѣзко впадаетъ онъ въ противорѣчіе съ самимъ собой: онъ исповѣдуетъ абсолютную вѣру въ абсолютное правительство и въ то же время умоляетъ отставить самодержавіе. Изложеніе Карамзина пестритъ конкретными и выразительными намеками на отрицательныя детали существующаго строя; авторъ далекъ отъ того, чтобы ограничиться мечтами о „непреложныхъ законахъ" и „коренномъ учрежденіи"; онъ пытается набросать картину внутренней и внѣшней политики россійскаго конституціоннаго монарха, лишеннаго уже „желѣзнаго своенравія скипетра". Царь, взываетъ Карамзинъ, „не удостоитъ занять себя подробностями и иждивать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ всеобщія попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ; дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, и всѣ прочія потекутъ правильно". Для новаго политическаго строя, для пониманія всей красоты законности необходимо народное образованіе. Надъ народомъ, какъ, съ излишней самоувѣренностью, полагалъ Карамзинъ, „наиболѣе силы" имѣетъ духовенство, вслѣдствіе чего на послѣднее надо обратить вниманіе, „учреждая для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и предоставляя отличія и награды не тѣмъ изъ проповѣдниковъ, которые съ піитическимъ восторгомъ станутъ его (т.-е. царя) величать въ городскихъ храмахъ, но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка-гражданина. Такимъ образомъ, не жезлъ, денно-нощно властію поднятый, заставитъ исполнять законы, но, гораздо дѣйствительнѣе, собственное увѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ, законы будутъ охраняемы нравами и нравы—законами". По вопросу соціальному Карамзинъ менѣе ясенъ: въ своемъ посланіи царю онъ не идетъ далѣе смѣны рабовладѣнія крѣпостнымъ правомъ, отражая этимъ воззрѣнія большого круга лицъ, не исключая либерально настроенныхъ. Царь, пишетъ Карамзинъ, „обезпечитъ существованіе помѣщичьихъ крестьянъ, поставивъ предѣлы ихъ зависимости, и симъ дастъ имъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, пить-ямъ, оглушающимъ чувства, и другимъ пріемамъ, свойственнымъ отчаянію и неключимому рабству". Въ области экономической политики Карамзинъ рекомендуетъ покровительственные пріемы правительства примѣнительно къ земледѣлію и промышленности. Широко и разумно должна быть поставлена колонизація страны, отнюдь „не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ

и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ въ страны, по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя льготами". Земледѣльцевъ надо поощрить назначеніемъ „торжественныхъ наградъ". Пусть такія награды получаютъ тѣ земледѣльцы, которые „отличились ихъ рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ способовъ, или, наконецъ, засѣвомъ и возрощеніемъ растеній, до того чуждыхъ ихъ странѣ". „Рукодѣлія,—продолжаетъ Карамзинъ,—и здѣсь, какъ и во всемъ его изложеніи, сквозятъ конкретные намеки на отрицательныя стороны существующаго, — возбуждать онъ (т.-е. царь) станетъ не самовластнымъ скоропостижнымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно сохранить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ), но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, какія теперь еще существуютъ, наипаче жъ снятіемъ налоговъ, разоряющихъ ихъ и отнимающихъ охоту заводить новыя. И тогда внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, въ теченіе немногихъ лѣтъ, сама собою, безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу и, уменьшивъ надобность въ иностранныхъ товарахъ, возвыситъ достоинство россійскихъ и, слѣдовательно, цѣну россійскихъ денегъ". Конечно, для всѣхъ успѣховъ въ области промышленности и торговли необходимо „сохранить миръ съ державами". Не разрѣшая соціальнаго вопроса, не создавая условій для развитія вольно-наемнаго труда, нельзя было ожидать и категорическаго роста торговли и промышленности, и въ данномъ случаѣ Карамзинъ здѣсь возвращается къ своей предпосылкѣ, что доброжелательное и разумное правительство можетъ создать все.

Архимандритъ Фотій.

Такова была дворянская программа Карамзина. Либеральный царь, еще прежде чѣмъ прочитать эту программу, открылъ цѣлый потокъ указовъ и

повелѣній, о которыхъ подобно Екатеринѣ II въ 1762 г. Александръ I въ 1801 г. могъ бы сказать, что они единственно склонялись „къ возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядкавкоренилося“. Съ исторической точки зрѣнія прямо цѣнно перечислить всѣ эти плоны либеральничанья тогдашняго правительства „по желанію всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, а наипаче лейбъ-гвардіи полковъ“, какъ выразилася бы чистосердечно императрица Елизавета. Вотъ этотъ характерный потокъ правительственныхъ распоряженій:

14 марта 1801 г.: снятіе запрещенія на вывозъ разныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи.

15 марта: возстановленіе дворянскихъ выборовъ и амнистія бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ, съ преданіемъ забвенію всѣхъ ихъ винъ, кромѣ смертоубійства.

16 марта: снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

17 марта: отмѣна въ губернскихъ городахъ ратгаузовъ, а въ уѣздныхъ ордонансъ-гаузовъ.

19 марта: предписаніе, чтобы полицейскіе чиновники отнюдь изъ границъ своей должности не выходили, а „тѣмъ не менѣе не дерзали причинять никому никакихъ обидъ и притѣсненій“.

22 марта: о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24 марта: отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31 марта: отмѣна запрещенія ввозить изъ-за границы книги и музыкальныя ноты; повелѣніе распечатать частныя типографіи, закрытыя указомъ 5 іюня 1800 г., и дозволеніе имъ печатать книги и журналы.

2 апрѣля распубликовано пять манифестовъ: о возстановленіи жалованной граматы дворянству; о возстановленіи жалованной граматы городамъ; о свободномъ пропускѣ россійскихъ произведеній за границу и объ оставленіи сбора пошлинъ съ нихъ на прежнемъ основаніи; объ улучшеніи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій до 1000 руб.; объ уничтоженіи Тайной экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, въ ней производившихся, въ Сенатѣ, ибо въ благоустроенномъ государствѣ „всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона“. Въ манифестѣ объ уничтоженіи Тайной экспедиціи сказано, что въ благоустроенномъ государствѣ „всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона“. Надлежитъ поручить „единому дѣйствію закона охраненіе имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества и злобы“.

8 апрѣля: уничтоженіе висѣлицъ, поставленныхъ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ, чтобы прибивать къ нимъ имена провинившихся лицъ.

22 мая: „священниковъ и діаконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ и судомъ обличенныхъ, отъ тѣлеснаго наказанія освободить“.

18 мая: генералъ-прокуроръ А. А. Беклешовъ сообщилъ президенту Академіи Наукъ указъ, дабы „объявленіе о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было“.

18 января 1802 г.: Военной коллегіи объявлено, чтобы „отнынѣ впредь употребляемую комиссіями военныхъ судовъ въ нѣкоторыхъ приговорахъ рѣчь, нещадно, касательно наказанія, въ приговорахъ не употреблять“.

Приведенный перечень требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Въ немъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь серьезной политической мѣры по существу. Все это мѣры, предпринятыя въ интересахъ дворянскаго хозяйственнаго и частью культурнаго благополучія. Дворянство устремилось, сколь можно шире, воспользоваться первыми днями Александровскаго царствованія, пока еще не исчезъ тяжелый призракъ ночи съ 11 на 12 марта 1801 г. Для народа въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, конечно, ничего не было сдѣлано, да и не могло быть что-нибудь сдѣлано при тогдашнихъ условіяхъ. Для дворянства и городовъ было возстановлено дѣйствіе Екатерининскихъ граматъ 1785 г. Рабовладѣніе не могло лишиться своихъ ужасовъ только благодаря тому, что въ академической газетѣ не стали принимать объявленій о продажѣ крестьянъ безъ земли; полиція не могла измѣнить своихъ традиціонныхъ отношеній къ обывателю только потому, что какой-то указъ, забытый въ день его распубликованія, рекомендовалъ никому не причинять никакихъ обидъ и притѣсненій; неприкосновенность личности не получила реальнаго бытія оттого, что теперь стало дозволительнымъ выписать изъ-за границы ноты новаго романса; уничтоженіе Тайной канцеляріи было однимъ лицемѣріемъ, ибо скоро (5 сентября 1805 г.) появился особый „Комитетъ для совѣщанія по дѣламъ, относящимся

Архимандритъ Фотій.

къ высшей полиціи", который долженъ былъ имѣть попеченіе „о сохраненіи общественнаго спокойствія и тишины", получать „немедленно и исправно свѣдѣнія" о подозрительныхъ людяхъ и собраніяхъ, о „разглашаемыхъ въ городѣ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе и тревогу наводящихъ", а также „чрезъ сношенія съ дирекціею почтъ получать немедленныя и вѣрныя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ". Комитетъ этотъ былъ учрежденъ совершенно секретно и по инструкціи долженъ былъ дѣйствовать такъ, чтобы никто и не подозрѣвалъ объ его существованіи. „Я желаю,—сказалъ императоръ Александръ въ 1805 г.,—чтобъ учреждена была la haute police, которой мы еще не имѣемъ и которая необходима въ теперешнихъ обстоятельствахъ". Указомъ Сенату отъ 13 января 1807 г. учрежденіе это было преобразовано въ постоянный „Комитетъ охраненія общей безопасности", въ составъ котораго вошли князь П. В. Лопухинъ, Н. Н. Новосильцевъ и А. С. Макаровъ, который былъ когда-то преемникомъ Шешковскаго по Тайной экспедиціи. Н. Н. Новосильцовъ былъ какъ разъ сочинителемъ записки, положенной въ основу учрежденія, вѣдавшаго политическую полицію. Комитетъ, между прочимъ, долженъ былъ вѣдать такія дѣла:

1) О лицахъ, подозрѣваемыхъ въ перепискѣ съ непріятелемъ и зловредныхъ разглашеніяхъ.

2) О разглашаемыхъ слухахъ относительно возстановленія Польши.

3) Возбужденіе народа слухами о вольности крестьянъ.

4) О распространяющихъ въ народѣ ложные и вредные слухи по поводу военныхъ событій (иначе говоря, запрещалось интересоваться подробностями Аустерлицкаго боя).

5) Составленіе и распространеніе возмутительныхъ воззваній, вредныхъ сочиненій и проч.

6) О тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ.

7) О различныхъ представляемыхъ правительству проектахъ побѣды надъ непріятелемъ, расширенія владѣній, открытія людей злонамѣренныхъ и проч.

8) О вредныхъ книгахъ.

Комитетъ уже 19 февраля 1807 г. заявилъ о необходимости особой канцеляріи, дѣлъ много, „ибо начинаютъ присылать ихъ изъ всѣхъ мѣстъ". Такова была обратная сторона правительственнаго либерализма начала XIX в., которая станетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что въ 1801 и 1802 г.г., когда изливался перечисленный выше потокъ указовъ, императоръ Александръ уже съ 13 марта 1801 г. продолжалъ неизбѣжный утренній вахтъ-парадъ въ Павловскомъ стилѣ; онъ не рѣшился уничтожить солдатскія косы и только разрѣшилъ обрѣзать букли. Военный генералъ, историкъ Александровской эпохи, Н. К. Шильдеръ не безъ ироніи замѣчаетъ, что „для войскъ была придумана новая форма": „широкіе и длинные прус-

скаго образца мундиры были перешиты въ узкіе и чрезъ мѣру короткіе; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того высокими, что голова казалась точно въ ящикѣ и трудно было ее поворачивать; тѣмъ не менѣе, всѣ восхищались новою обмундировкою". Только спустя слишкомъ годъ послѣ Аустерлицкаго погрома Александръ рискнулъ на столь рѣшительную мѣру, какъ уничтоженіе солдатскихъ косъ. 2 декабря 1806 г. Военной коллегіи было предписано „всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, исключая гвардіи и гусарскихъ полковъ, обрѣзать косы подъ гребенку".

Царь въ манифестѣ, изданномъ въ день коронаціи 15 сентября 1801 г., говорилъ, что, „отвергнувъ ужасы Тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы; уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновниками и всякаго званія людьми, вовлеченными въ преступленіе заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами, облегчили мы судьбу ихъ безъ ослабленія силы закона". Въ тотъ же день была учреждена особая комиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, а 23 сентября были изданы „къ единственному ея свѣдѣнію разсужденія", на основаніи которыхъ комиссія должна была дать новый и значительный матеріалъ для амнистіи, составивъ его изъ трехъ категорій „политическихъ" жертвъ Павловскихъ порядковъ. Наконецъ, 27 сентября появился указъ о томъ, чтобы „нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія.... чтобы самое названіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было

Д. П. Трощинскій. (Музей Александра III.)

навсегда изъ памяти народной“. Фактическимъ плюсомъ момента коронаціи надо признать только одинъ фактъ, а именно, что въ столь торжественный день вовсе не было роздано крестьянъ, и всѣ, мечтавшіе получить въ свое владѣніе то или другое количество крестьянъ, должны были жестоко разочароваться. Но разочарованіе на самомъ дѣлѣ получило своего рода національный характеръ. Екатерина II издала жалованныя граматы дворянству и городамъ. Александръ манилъ своихъ сотрудниковъ мечтой издать въ день коронаціи всемилостивѣйшую грамату, русскому народу жалуемую. Чуть ли не подъ непосредственнымъ руководствомъ графа А. Р. Воронцова былъ написанъ и проектъ такой граматы, по которому чуть-чуть прошлась рука Сперанскаго и который разсматривался въ собраніяхъ такъ называемаго Негласнаго Комитета 15 и 23 іюля 1801 г. Грамата начиналась увѣреніемъ, что „всегда первый и единый нашъ предметъ будетъ: благополучіе, спокойствіе и сохраненіе цѣлости россійскаго государства и народа; не менѣе правиломъ себѣ ставляемъ признать сію истину, что не народы сдѣланы для государей, а сами государи установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ; а потому узаконяемъ и обѣщаемъ императорскимъ нашимъ словомъ за насъ и преемниковъ нашихъ, яко кореннымъ закономъ, слѣдующія статьи“. Такихъ статей въ проектѣ значилось двадцать шесть. Въ первой группѣ статей подтверждались и возобновлялись въ прежней силѣ: дворянская грамата и городовое положеніе; право свободнаго выѣзда за границу; общія права собственности, личной безопасности и давности гражданской и уголовной; уничтоженіе конфискаціи и обращеніе имѣнія наказанныхъ гражданскою смертію, во всякомъ случаѣ, къ законнымъ наслѣдникамъ; обращеніе всякихъ исковъ сперва къ имѣнію, а потомъ уже къ лицу, и право послѣдняго владѣльца въ родѣ свободно располагать своимъ имѣніемъ. Эта группа статей представляетъ мало интереса и значенія. Цѣннѣе вторая группа, по которой вновь постановлялось: 1) что обвиняемый въ преступленіи, пока онъ не объявленъ по законному приговору виновнымъ, долженъ сохранять неприкосновенно всѣ свои права; 2) что каждому подсудимому дозволяется избрать себѣ защитника и, сверхъ того, въ дѣлахъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, отвергнуть по законнымъ причинамъ своихъ судей; 3) что тотъ, кто, бывъ задержанъ, въ теченіе трехъ дней отъ задержанія не будетъ представленъ къ суду для допроса, можетъ требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго своего освобожденія; 4) что наказанія за оскорбленіе величества должны быть прилагаемы къ однимъ только прямымъ дѣяніямъ, но отнюдь не къ словамъ и сочиненіямъ; 5) что никто не можетъ быть вторично потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое былъ уже однажды судомъ оправданъ; 6) что казна, по тяжбамъ съ частными лицами, подчиняется въ порядкѣ судопроизводства совершенно одинаковымъ съ послѣдними правиламъ; 7) что впредь никакіе подати и налоги не могутъ быть учре-

ждены иначе, какъ по именному указу, обнародованному черезъ Сенатъ. Все, что въ граматѣ по существу было новымъ для Россіи, такъ и осталось никогда не приведеннымъ въ исполненіе какимъ-либо отдѣльнымъ указомъ. Осталось особенно забытымъ обѣщаніе свободы вѣры, мысли, слова, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны.

Въ тѣ же романтическіе дни первыхъ мгновеній своего царствованія Александръ немедленно приступилъ къ административнымъ мѣропріятіямъ, излагая ихъ языкомъ, въ которомъ чувствовался своего рода либерализмъ момента. Указомъ 30 марта 1801 г. былъ учрежденъ Непремѣнный совѣтъ „для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій“; согласно наказу 5 апрѣля ему принадлежала одна только „сила соображенія“. Царь присутствовалъ въ немъ только одинъ разъ 16 мая 1801 г. при разсужденіяхъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли. Уже Сперанскій отмѣтилъ, что „установленіе сіе не достигло предположенной цѣли“ и не стало своего рода источникомъ законности. 5 іюня того же года послѣдовалъ новый указъ: Сенату велѣно представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ для утвержденія оныхъ силою закона на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Сенатъ долженъ былъ собрать и въ докладѣ царю представить „все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было“. Царь предполагалъ „права сіи и преимущества Правительствующаго Сената поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ“, а въ особомъ рескриптѣ на имя графа В. П. Завадовскаго при назначеніи его главой комиссіи о составленіи законовъ говорится: „поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ го-

Гр. А. А. Аракчеевъ.

сударствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки,... я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т.-е. въ теченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянства въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія". Незыблемая роль закона выдвигается Александромъ и въ письмѣ отъ 7 августа 1801 г. на имя княгини М. Г. Голицыной, просившей остановить взысканіе долговъ, законность которыхъ была удостовѣрена подписью ея мужа. „Я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала", писалъ ей Александръ. Печать не осталась глухой къ словесно-либеральному акту 5 іюня, и Шторхъ въ періодическомъ сборникѣ Russland unter Alexander dem Ersten разсказалъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ актомъ на общественныя верхушки. „Если,—писалъ Шторхъ,—нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно смягченіе самодержавія и приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія". И вотъ, по словамъ Шторха, Сенатъ вмѣсто того, чтобы „ограничиться историческими объясненіями о томъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ Сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало политическія мнѣнія своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ могъ бы быть собственно при новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много такихъ, которыя были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи". Иностранные наблюдатели (напр., Дюмонъ) открыто признавали, что въ Россіи нѣтъ людей для неуклоннаго проведенія политической реформы, и отъ ихъ взора порою ускользало прежде всего то, что самъ Александръ никогда не былъ способенъ на серьезную политическую реформу. Вигель не даромъ далъ въ своихъ запискахъ такую характеристику Александра: „Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный русскимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи былъ онъ совершенно русскій человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣностію и безпечностію". — „Императоръ любилъ наружныя формы свободы подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами; ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго

вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность,—однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ". Тогдашніе критики момента совершенно не понимали того, что въ Россіи начала XIX столѣтія совершенно не было почвы для какихъ-либо политическихъ реформъ, ибо не существовало класса, на который онѣ могли бы опереться. Подъ либеральными фразами дѣльцовъ начала XIX вѣка и англоманскими вкусами часто скрывалось не болѣе тѣхъ истинныхъ желаній, которыми пропитано было боярство, посадившее на московскій престолъ князя Василія Шуйскаго, или попытки создать аристократію, скрытую отъ взоровъ націи верховной властью царя. 8 сентября 1802 г. было издано два указа, изъ коихъ однимъ учреждались восемь министерствъ и въ сущности комитетъ министровъ, а другимъ устанавливалось расширеніе правъ Сената. Говоря, что „власть Сената ограничивается единою властью императорскаго величества, иной же высшей власти онъ надъ собою не имѣетъ", указъ въ особой статьѣ предоставляетъ ему право ремонстраціи, т.-е. въ данномъ случаѣ право представлять царю о такихъ указахъ, которые въ исполненіи сопряжены съ великими неудобствами, или несогласны съ прочими узаконеніями, или же неясны. „Введеніе въ указъ 8 сентября этой статьи, утвержденной не безъ нѣкотораго колебанія,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—имѣло въ виду ограничить произволъ министровъ, имѣвшихъ возможность испрашивать высочайшія повелѣнія помимо Сената, нисколько не сообразуясь съ существовавшими законами. Однако при всей скромности содержанія этой статьи, она, на первыхъ же порахъ, оказалась мертвою буквой. Александръ, къ удивленію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, не замедлилъ обнаружить полную нетерпимость къ самому умѣренному и законному проявленію самостоятельности взглядовъ этого верховнаго мѣста въ имперіи". Сенатъ въ началѣ 1803 г. сдѣлалъ попытку примѣнить на практикѣ указанную статью закона 8 сентября 1802 г., чѣмъ привелъ Александра въ настоящую ярость, и статья погибла навсегда. Поступая, быть-можетъ, правильно съ точки зрѣнія общей политики, Александръ въ то же время попиралъ законы, имъ же самимъ установленные: указъ 5—12 декабря 1801 г. появлялся вопреки манифесту 2 апрѣля 1801 г., по докладу министра, а осуществленіе права ремонстраціи Сената произошло вопреки закону 8 сентября 1802 г. Тѣмъ не менѣе, самодержецъ не въ силахъ

Г. Р. Державинъ.

былъ провести на практикѣ указъ 5—12 декаяря 1801 г., встрѣтивъ громкую оппозицію со стороны дворянства. Среди преувеличенно пышныхъ фразъ по адресу дворянства и Сената въ указѣ 21 марта 1803 г. Сенату ставилось на видъ, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло, и что извѣстная статья указа 8 сентября 1802 г. могла бы касаться лишь законовъ, изданныхъ до появленія на свѣтъ означеннаго указа. Таковъ финалъ либеральнаго закона. Равнымъ образомъ министры въ силу порядка своего назначенія и положенія при государѣ очень скоро сбросили съ себя всякій верховный надзоръ Сената. 14 мая 1803 г. Александръ призвалъ А. А. Аракчеева и назначилъ его инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона. Шильдеръ, военный генералъ, историкъ эпохи Александра, съ нескрываемымъ отрицаніемъ отнесся къ этому возвращенію Аракчеева, усмотрѣвъ въ немъ окончательное пораженіе всѣхъ благихъ начинаній. За нимъ сравнительно скоро утвердилась „слава самоотверженнаго служенія на болѣе безопасномъ кровавомъ полѣ — на полѣ военныхъ экзекуцій“. Безусловное презрѣніе Александра къ общественному мнѣнію, быстро сдавшему въ своей либеральной смѣлости, развертывалось во-всю: 13 января 1808 г. графъ Аракчеевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Это былъ рѣшительно брошенный вызовъ арміи и дворянству. Позднѣе, пишетъ Вигель, „на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ (т.-е. Александръ) съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало“. Объ Аракчеевѣ въ обществѣ говорили, какъ о „людоѣдѣ“. „Сначала, — продолжаетъ Вигель, — былъ онъ употребленъ имъ (т.-е. Александромъ), какъ исправительная мѣра для артиллеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи, и подъ конецъ, какъ мщеніе всему русскому народу“.

IV.

Подтвержденіе завоеванной у Швеціи Финляндіи ея конституціи не примиряло общественнаго мнѣнія съ призрачностью либеральныхъ начинаній Александра. Внутри государства продолжали жить однѣми надеждами, потокъ казавшихся либеральными указовъ не освѣжилъ страны, и дымъ пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣщавшихъ Петербургу Фридрихсгамскій миръ, сумѣлъ навсегда затмить попытку конституціонной реформы по плану Сперанскаго... Въ октябрѣ 1809 г. на столѣ императора Александра лежалъ этотъ планъ всеобщаго государственнаго образованія, въ которомъ авторъ писалъ: „Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы“. Сперанскій съ его проектами политической реформы, лишенной надлежащаго соціальнаго

подспорья, можетъ быть названъ правительственнымъ либераломъ начала XIX вѣка. „Геніальный секретарь“ и „великій бюрократъ“ въ теченіе всей своей политической карьеры превосходно отражалъ въ своихъ писаніяхъ всѣ этапы, всѣ интимныя модуляціи, черезъ которыя прошелъ тогда въ Россіи процессъ правительственнаго либерализма. Если прочитать начальныя строки такъ называемаго пермскаго письма Сперанскаго императору Александру, то нетрудно будетъ признать ихъ точно выражающими смыслъ паденія Сперанскаго, осложненнаго чѣмъ-то черезчуръ личнымъ въ отношеніяхъ большого барина и слуги. „Въ самомъ началѣ царствованія,—пишетъ Сперанскій,—Ваше Императорское Величество постановили себѣ правиломъ послѣ толикихъ колебаній нашего правительства составить, наконецъ, твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно. Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія ваши,—учрежденія, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе. Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый поперемѣнно, въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще въ будущемъ. Невзирая на сіе, черезъ 12 лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣреніе оставались непремѣнными. До 1808 г. я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ спхъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1808 г. Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ черезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ преобразованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ. Въ концѣ 1808 г., послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ вошедшія, и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ-быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ

Кн. П. М. Волконскій.

всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы. Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и исправленій, Ваше Величество положили, наконецъ, приводить его въ дѣйствіе. Блистательнѣе, можетъ-быть, было бы всѣ установленія сего плана пріуготовить вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вокругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уповленій". Изъ дальнѣйшей части письма видно, что императоръ Александръ, ссылая Сперанскаго, лично ставилъ ему въ вину три пункта: 1) что финансовыми дѣлами онъ старался разстроить государство, 2) привести налогами въ ненависть правительство и 3) отзывы о правительствѣ. Справедливо не придавая значенія этимъ пунктамъ обвиненія, Сперанскій съ горестью пишетъ, что „сіе жестокое предубѣжденіе о связахъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія (а паче въ Пермь), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія". Клевета и доносъ — вотъ орудія, путемъ которыхъ, по мнѣнію самого пострадавшаго, онъ былъ низвергнутъ и брошенъ императоромъ Александромъ. Но „отчего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Оттого, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним". Чуть ли не это единственное мѣсто въ письмѣ Сперанскаго обратило на себя особенное вниманіе Александра I, позднѣе отославшаго это письмо графу Аракчееву. Оправдательное письмо Сперанскаго превращалось подъ его острымъ перомъ въ обвинительный актъ императора Александра, который долженъ былъ теперь почувствовать правоту обвиненій, а въ свое время сожалѣть, что нашелъ въ Сперанскомъ черезчуръ ревностнаго исполнителя своихъ пожеланій, предназначенныхъ лишь для бойкой дворцовой бесѣды. Царь охотно прислушивался къ тому, что было противно предначертаніямъ Сперанскаго. По словамъ Шильдера, царю нашептывали, что

Сперанскій хитро подкопался подъ самодержавіе, и государь, въ свою очередь, началъ говорить, что онъ обязанъ самодержавіе всецѣло передать своимъ наслѣдникамъ, что учрежденіе министерствъ есть ошибка; онъ высказывалъ даже сожалѣніе, что согласился на учрежденіе Государственнаго Совѣта и вообще сталъ какъ бы забывать, что Сперанскій въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ подчинялся самому царю.

Политическая роль Сперанскаго открылась „запискоій объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденіи въ Россіи“ въ 1803 г., когда чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея императоръ Александръ, немало мечтавшіи о приведеніи въ порядокъ съ формальной стороны устройства и управленія имперіи, далъ порученіе Сперанскому составить соотвѣтственный проектъ. Проектъ былъ составленъ, дошелъ до насъ, практическаго значенія не имѣлъ никакого и, кажется, даже не былъ прочитанъ Александромъ. „Записка“ Сперанскаго интересна не тѣмъ, что она предлагаетъ, а что она отражаетъ. По ней легко можно судить о хаосѣ воззрѣній, которыя приходилось объединять Сперанскому; изъ нея видно, что тогда уже говорилось въ сферахъ о конституціи, но какъ будто были убѣждены въ томъ, что и безъ конституціи можно привести въ порядокъ имперію, для чего надо сдѣлать то то въ сферѣ полиціи, то то въ сферѣ юстиціи, да посравнить съ иными порядками, которые зовутся конституціонными. „Составивъ себѣ сей отвлеченный образецъ монархическаго управленія,—пишетъ Сперанскій,—надлежало опредѣлить, можно ли ввести его въ Россіи“. „Для сего должно было изслѣдовать: 1) настоящій образъ правленія въ Россіи и ея конституцію; 2) показать несходство ея съ образцомъ правленія монархическимъ и невозможность его ввести; 3) установить свойства, какія должно имѣть управленіе въ Россіи, чтобы оно было сколь можно близко къ монархическому и не разрушало бы, однакоже, настоящаго порядка“. Итакъ, проектъ 1803 года открываетъ собою цѣлый рядъ попытокъ XIX вѣка произвести реформы, не дотрогиваясь до основъ управленія, не взрыхляя соціально-экономической почвы, безъ измѣненія которой невозможна прочная политическая реформа. Безпорядочность управленія и суда въ Россіи правительство Александра I, несомнѣнно, сознавало и сознавало явственно, но какъ только старались приложить руку къ исцѣленію язвъ, такъ принуждены были останавливаться предъ неосуществимостью задачи. Составивъ себѣ „отвлеченный образецъ монархическаго управленія“, т.-е. обрисовавъ типъ конституціонной монар-

Великій князь Константинъ Павловичъ.

хіи, въ трехъ раздѣлахъ второй части „Записки“ (о составѣ монархическаго правленія вообще, о главныхъ началахъ монархической организаціи и объ отвѣтственности), Сперанскій обрисовываетъ „единое понятіе, которое можно себѣ сдѣлать о государственномъ управленіи въ Россіи“. Вотъ это единственное понятіе, которое можно имѣть о политической формѣ Россіи начала XIX вѣка: „Верховное начало въ Россіи есть государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства. Начало сіе не имѣетъ никакихъ вещественныхъ предѣловъ. Но оно имѣетъ нѣкоторыя умственныя границы, мнѣніемъ, привычкою и долголѣтнимъ употребленіемъ постановленныя въ томъ, что власть сего начала не иначе приводится въ дѣйствіе, какъ всегда единообразнымъ порядкомъ и установленными формами. Сей порядокъ, коимъ власть государя изливается къ народу въ законодательствѣ и въ частяхъ управленія, вмѣщается разными отдѣленіями въ сенатѣ, совѣтѣ и министерствѣ“. Упоминая въ другомъ мѣстѣ „Записки“ совѣтъ, сенатъ, комитетъ и министровъ, Сперанскій говоритъ, что „ни одно изъ сихъ мѣстъ собственной политической силы не имѣетъ... ни одно изъ нихъ тѣломъ политическимъ, а тѣмъ менѣе законодательнымъ признано быть не можетъ... ни правъ, ни преимуществъ, свойственныхъ государственнымъ установленіямъ, въ отношеніи къ первому ихъ началу (т.-е. къ единой волѣ и мановенію силы самодержавной) имѣть они не могутъ“ и что, наконецъ, „различія существеннаго между собой они не имѣютъ, ибо различіе сіе можетъ быть только двояко: 1) въ предметахъ и 2) въ правилѣ дѣйствій, но предметы во всѣхъ сихъ мѣстахъ одинаковы... правило дѣйствія въ нихъ также одинаково... все различіе состоитъ только въ разности канцелярскаго обряда“. Таковъ политическій фактъ русской дѣйствительности въ его теоретической формулировкѣ. Политическая форма, сейчасъ описанная, создаетъ на практикѣ чрезвычайный безпорядокъ и величайшій произволъ. Это удостовѣряетъ самъ носитель верховной власти; это подтверждаетъ и „Записка“, формулируя свою мысль въ сдержанныхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Сенатъ, совѣтъ и министерство, пишетъ Сперанскій, „по недостатку связи ихъ между собою, по неточному разграниченію ихъ предметовъ, по разнообразности и несовершенству ихъ формъ, въ существенномъ отправленіи дѣлъ великія представляютъ неудобства“ и „неудобства сіи умножаются, когда установленія сіи разсматриваются въ отношеніяхъ ихъ къ мѣстамъ губернскимъ“. Хаосъ управленія налицо, съ нимъ надо бороться путемъ реформы. Здѣсь начинаются неустранимыя затрудненія. Усовершенствованіе губернскаго управленія немыслимо безъ усовершенствованія управленія государственнаго; начавъ реформу послѣдняго, надо послѣдовательно идти по прямой линіи, идти до конца, а это значитъ произвести переворотъ, установить конституціонную монархію. Пору-

ченія начертать основы конституціонной монархіи за Сперанскимъ не числилось. Правительство хотѣло произвести реформу безъ коренной ломки государственнаго строя, и жизнь оказывалась сильнѣе его. Никакой реформы нельзя было начинать иначе, какъ съ низовъ, т.-е. съ отмѣны крестьянскаго рабства, а этого сдѣлать онъ не смѣлъ. Тѣмъ не менѣе, „великій бюрократъ“ долженъ былъ придумать реформу: такъ было приказано, и развитое діалектическое искусство дало Сперанскому возможность продолжать свои соображенія, простительныя по формѣ и недостаточно „благонадежныя“ по существу, ибо гдѣ-то въ страшномъ далекѣ они все-таки предполагаютъ наступленіе царства политической свободы подобно древней еврейской надеждѣ на появленіе Мессіи. Сперанскій писалъ: „вопросъ объ усовершеніи настоящаго управленія въ Россіи не въ томъ состоитъ, какимъ образомъ можно превратить его въ истинное управленіе монархическое, но въ томъ, какимъ образомъ составить образъ управленія, который бы соединялъ въ себѣ слѣдующія свойства:

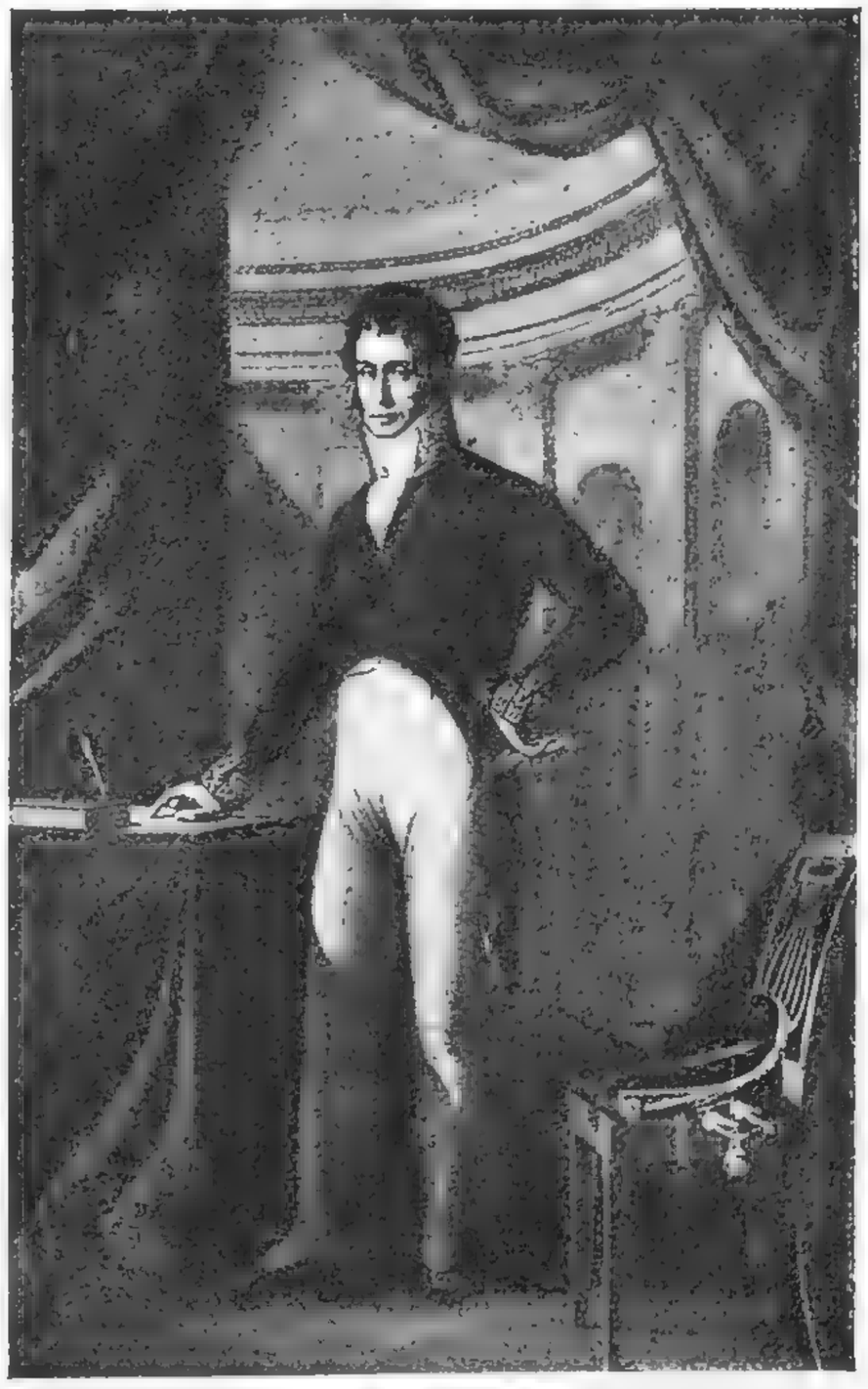
Кн. Ж. А. Ловичъ.

1) Онъ долженъ быть весь расположенъ на настоящей самодержавной конституціи государства, безъ всякаго раздѣла власти законодательной отъ власти исполнительной. 2) Онъ долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія. 3) Онъ долженъ сколь можно быть приближенъ къ образцу монархическаго управленія, выше изложеннаго. 4) Онъ долженъ содержать въ себѣ разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управленіе и приспособляли бы къ нему духъ народный“. Можно вовсе обойти разсужденія Сперанскаго о наилучшемъ образованіи государственнаго управленія при господствѣ самодержавнаго принципа. Необходимымъ представляется отмѣтить, что это образованіе управленія, по словамъ Сперанскаго, временное и преходящее, это—приготовительная школа для поступленія въ высшіе классы политической зрѣлости. Роль этой школы заключается въ постепенномъ пріуготовленіи духа народнаго къ воспріятію идей конституціонной монархіи. По этой извилистой тропинкѣ постепеновщины Сперанскій, направляемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, полагалъ правильнымъ пустить страну, издыхавшую отъ золъ помѣщичьихъ порядковъ, достаточно отставшихъ отъ нормальныхъ запросовъ народнаго хозяйства момента. Здѣсь еще таилась присущая либерализму эпохи какая-то наивная вѣра въ идеи, кои движутъ народами, въ какой-то народный духъ, пониманіе котораго давно стало

политической привилегіей помѣщиковъ и чиновниковъ, наконецъ, въ высшую роль логическихъ построеній на бумагѣ и стройныхъ юридическихъ установленій въ законѣ. Такимъ-то образомъ устройство государственнаго управленія, которое предлагаетъ авторъ „записки“, представляется „правильнымъ и основаннымъ на твердыхъ началахъ“. Не безъ нѣкоторой торжественности Сперанскій излагаетъ поэтому такія положенія. Порядокъ государственнаго управленія, предлагаемый въ „запискѣ“, основанъ „на недѣлимости власти самодержавной, — ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя; въ существѣ своемъ они суть непосредственное только его орудіе и собственной силы не имѣютъ“. „Между тѣмъ, — продолжаетъ Сперанскій, — наружною важностью своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній; но самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, если не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то въ мнѣніи, въ увѣренности, въ привычкахъ народныхъ, особливо когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе всегда было признаваемо важнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и, можетъ-быть, лучшею гарантіею закона. Сей образъ управленія (т.-е. изложенный въ „Запискѣ“) столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція (т.-е. самодержавная) Россіи можетъ сіе позволить, не вводя великихъ переломовъ. Но то, что довершаетъ убѣжденіе въ его пользу, состоитъ въ удобности, какую сей образъ управленія имѣетъ, чтобы со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Въ самомъ дѣлѣ, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его

Гр. Н. С. Мордвиновъ.

къ другому порядку. Когда приспѣетъ время, т.-е. когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить по другой лучшей системѣ, переименовать сенатъ судебный высшимъ судомъ и, основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему". Такъ удивительно просто и легко геніальное бюрократическое перо начала XIX вѣка разрѣшало на бумагѣ вопросъ, который практически не разрѣшенъ въ Россіи еще и во второмъ десятилѣтіи XX вѣка.



Кн. А. А. Чарторыскій.

Приведенный рядъ выдержекъ изъ „Записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи", изготовленной Сперанскимъ въ 1803 г., цѣликомъ исчерпываетъ и ея принципіальную сторону, и сущность ея либеральныхъ построеній. Она цѣнна, какъ показатель того, до какихъ высотъ поднималась тогда либеральная бюрократическая мысль съ ея классическимъ пренебреженіемъ къ самодѣятельности народныхъ массъ, съ ея вѣрой въ хорошіе законы и учрежденія, съ ея признаніемъ возможности политической реформы при условіи черепашьей постепенности и незамѣтности ея наступленія. „Записка 1803 г." нѣсколько незаслуженно игнорируется въ литературѣ, о ней обыкновенно говорятъ вскользь и спѣшатъ перейти къ плану 1809 г. А между тѣмъ этотъ послѣдній въ своихъ основахъ становится понятнымъ лишь послѣ детальнаго изученія „Записки". Само собою разумѣется, что говорить здѣсь объ эволюціи политическихъ взглядовъ Сперанскаго не приходится; это вопросъ во всякомъ случаѣ праздный. И въ 1803 и въ 1809 г. Сперанскій пишетъ не по собственной иниціативѣ, а по порученію правительства; въ 1803 г. онъ былъ еще подчи-

ненным Кочубея, а въ 1809 г.—Александра I и первымъ послѣ Александра человѣкомъ въ государствѣ. Записка 1803 г. передаетъ достаточно искреннія намѣренія правительства, а планъ 1809 г. являлся довольно лицемѣрной игрой. „Планъ всеобщаго государственнаго образованія“ былъ заранѣе обреченъ на крахъ: онъ появился ранѣе практической возможности въ Россіи конституціоннаго строя, не могъ быть ни оцѣненъ современниками, ни выполнимъ по своей бюрократической сложности и вслѣдствіе неподготовленности соціальнаго организма; наконецъ, не могъ онъ увлечь и императора Александра. Государственная Дума проекта Сперанскаго при иныхъ условіяхъ и въ иныхъ формахъ нашла себѣ мѣсто въ циклѣ русскихъ государственныхъ учрежденій лишь сто лѣтъ спустя послѣ перваго своего формальнаго выраженія въ проектѣ, вышедшемъ непосредственно изъ правительственныхъ нѣдръ. Планъ 1809 года написанъ болѣе рѣзко и смѣло, чѣмъ записка 1803 г.; видно, что авторъ его чувствовалъ подъ своими ногами крѣпкую почву, а потому и осмѣлился писать вещи, которыя могли причинить и въ концѣ, а не только что въ началѣ XIX вѣка, весьма крупныя непріятности. Пермское письмо Сперанскаго очень выразительно вскрываетъ именно эту сторону Плана и категорически подтверждаетъ абсолютную „неблагонадежность“ послѣдняго, возлагая вину за это исключительно на волю и повелѣнія императора Александра. Нѣтъ возможности пересказать содержаніе Плана 1809 г. такъ, чтобы оно было вполнѣ ясно для лицъ, не читавшихъ его подлиннаго текста. Всего надежнѣе познакомить съ Планомъ возможно такимъ путемъ: представить программу Плана въ подлинныхъ выраженіяхъ самого автора, а затѣмъ оговорить особо основные принципы и нѣкоторыя техническія подробности.

Вотъ прежде всего выразительная программа Плана 1809 года.

Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ.

(Планъ всеобщаго государственнаго образованія).

I.

Планъ и распредѣленіе предметовъ, входящихъ въ составъ государственнаго уложенія.

О планѣ уложенія:

A. О свойствѣ законовъ государственныхъ.

B. Предметы коренныхъ законовъ: { a. О державной власти. b. О законѣ. c. О правахъ подданныхъ. d. Законы органическіе.

[1]) „Предметъ и свойства государственныхъ коренныхъ законовъ есть опредѣлить образъ, коимъ силы государственныя сопрягаются и дѣйствуютъ въ ихъ соединеніи“.

II.

Начала и разумъ, въ коемъ государственное уложеніе составлено.

О разумѣ государственнаго уложенія [1]).

A. Объ общемъ разумѣ преобразованія.

Б. О разумѣ законовъ въ державной власти:

- a. О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ:
  - α) Въ предложеніи закона.
  - β) Въ уваженіи закона.
- b. О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ исполнительномъ [2]).
- c. О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ судномъ [3]).

В. О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи закона.

Г. О разумѣ законовъ въ правахъ подданныхъ:

- a. Причины раздѣленія состояній:
  - α) Права гражданскія общія.
  - β) Права гражданскія особенныя.
- b. Права состояній:
  - α) Права и составъ дворянства.
  - β) Права и составъ средняго состоянія.
  - γ) Права и составъ народа рабочаго.

Д. О разумѣ законовъ органическихъ

- a. Порядокъ законодательный (волостная дума, окружная дума, губернская дума и государственная дума).
- b. Порядокъ судный.
- c. Порядокъ исполнительный.
  - α) Управленіе государственное (министерства)
  - β) Губернское управленіе.
  - γ) Управленіе окружное.
  - δ) Управленіе волостное.

---

[1]) Авторъ даетъ здѣсь, между прочимъ, сжатый очеркъ политической исторіи Россіи со времени „удѣльныхъ владѣній князей“ до времени Александра I включительно. Интересно замѣчаніе о Петрѣ. Петръ „во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу политической свободы, но онъ отверзъ ей двери тѣмъ самымъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ“.

[2]) Въ извѣстныхъ „предѣлахъ отвѣтственности власть державная, дѣйствуя въ исполненіи закона, всегда будетъ освѣщаема мнѣніемъ народнымъ и, слѣдовательно, будетъ дѣйствовать съ достовѣрностью и безъ всякаго вниманія къ слухамъ постороннимъ“.

[3]) „Дѣйствіе власти державной въ судѣ должно быть ограничено однимъ установленіемъ власти, надзирающей и охраняющей судные образы“.

Записка 1803 г. выражала глубокое убѣжденіе въ томъ, что Россія непремѣнно придетъ къ конституціонно-монархическому строю, но что въ настоящее время, т.-е. въ 1803 г., нѣтъ наличности реальныхъ условій для политической реформы, а, стало-быть, и безъ таковой возможно упорядочить управленіе и судъ. Иначе смотритъ на дѣло Планъ 1809 г., оперируя тѣми же логическими и отвлеченными пріемами. Авторъ исходитъ изъ понятія о благоустроенномъ государствѣ вообще: „во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны быть начала законодательства положительныя, постоянныя, неподвижныя, съ коими бы всѣ другіе законы могли быть соображаемы. Сіи положительныя начала суть коренные государственные законы. Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ сихъ силъ въ народѣ, ибо онѣ не что другое суть, какъ нравственныя и физическія силы въ отношеніи къ общежитію. Соединенное дѣйствіе сихъ силъ составляетъ державную власть“. Россія не есть государство благоустроенное; это — деспотія, въ которой всѣ подданные представляются рабами государя, а часть населенія (крестьяне), и притомъ очень значительная, не имѣетъ свободы располагать своей личностью, не имѣетъ собственности, составляя рабовъ помѣщиковъ-дворянъ. Россія, какъ государство, представляетъ собою аномалію. „Еслибы права державной власти были неограниченны, еслибы силы государственныя соединены были въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, тогда государство было бы въ рабствѣ, и правленіе было бы деспотическое. Рабство сіе можетъ быть двояко: политическое вмѣстѣ и гражданское, или одно только политическое. Перваго рода рабство бываетъ,

Архимандритъ Фотій.

когда подданные не только не имѣютъ никакого участія въ силахъ государственныхъ, но и, сверхъ того, не имѣютъ и свободы располагать лицомъ ихъ и собственностью въ связи ихъ съ другими. Рабство второго рода бываетъ, когда подданные, не участвуя въ силахъ государственныхъ, имѣютъ свободу въ лицѣ ихъ собственности". Итакъ, деспотизмъ—аномалія, права державной власти не должны быть неограниченными. Россія въ своемъ развитіи вышла уже изъ предѣловъ, въ которыхъ безнаказанно для порядка деспотизмъ можетъ существовать. Время постепенно сдѣлало свое дѣло. „Время,—пишетъ Сперанскій,—есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ духомъ времени несообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ. Посему первый и главный вопросъ, который въ преддверіи всѣхъ политическихъ перемѣнъ разрѣшить должно, есть благовременность ихъ начинаній". Въ 1803 г. полагали, что политическая реформа была бы неблаговременной; въ 1809 г. утверждали, что такое время настало. Въ 1803 г. приводились свои мотивы въ пользу несвоевременности; въ 1809 г. подобраны были мотивы въ пользу благовременности политической реформы, которая должна направиться въ сторону конституціонной монархіи. Нынѣ, т.-е. въ 1809 году, Россія „имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ", рядъ признаковъ даетъ несомнѣнное къ тому показаніе. Сперанскій, во-первыхъ, усматриваетъ перемѣну въ предметахъ народнаго уваженія. Правительство дѣйствовало когда-то на народное воображеніе при посредствѣ чиновъ и почестей. „Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ ихъ въ надлежащей высотѣ, дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ. Но какъ скоро по стеченію обстоятельствъ сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезаетъ. Чины и почести въ семъ положеніи могутъ быть еще лестны, но въ одномъ только томъ отношеніи, что они служатъ знаками довѣрія или милости; внутренняя же ихъ очаровательная сила, впечатлѣніе на народъ мало-по-малу изглаждается и пропадаетъ", ибо „когда разумъ начинаетъ распознавать цѣну свободы, онъ

Князь В. П. Кочубей.
(Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.)

отметаетъ съ небреженіемъ всѣ дѣтскія, такъ сказать, игрушки, коими забавлялся онъ въ своемъ младенчествѣ“. Второй признакъ Сперанскій усматриваетъ въ ослабленіи власти. „Если физическая власть, по его словамъ, осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла... Съ горестію, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія... Образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія“. Указанія Сперанскаго на другіе два признака еще характернѣе; онъ прибѣгаетъ здѣсь къ пріему, который очень эффектно использованъ въ Запискѣ 1803 г., но для доказательства противоположнаго. Никакія частныя исправленія въ старой системѣ теперь не признаются уже возможными. Такъ дальше жить нельзя, хочетъ сказать Сперанскій... „Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее? Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія“. Что русская жизнь представляла собой тогда сплошную жалобу на все и на всѣхъ, въ этомъ Сперанскій, конечно, правъ, но выводы, которые онъ отсюда дѣлаетъ, никуда не годятся. Всего яснѣе эта отвлеченность сужденія и это классическое непониманіе роли соціально-экономической стороны сказываются при формулировкѣ четвертаго признака своевременности политической реформы,—реформы въ томъ смыслѣ, чтобы „правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ“. О какой конституціонной монархіи можетъ идти рѣчь, можно было бы спросить автора Плана, разъ не поставленъ ребромъ вопросъ о немедленномъ крестьянскомъ освобожденіи? Авторъ не замѣчалъ этихъ тисковъ дворянства и бюрократіи, въ которыхъ была сжата верховная власть.

Князь А. Н. Голицынъ.

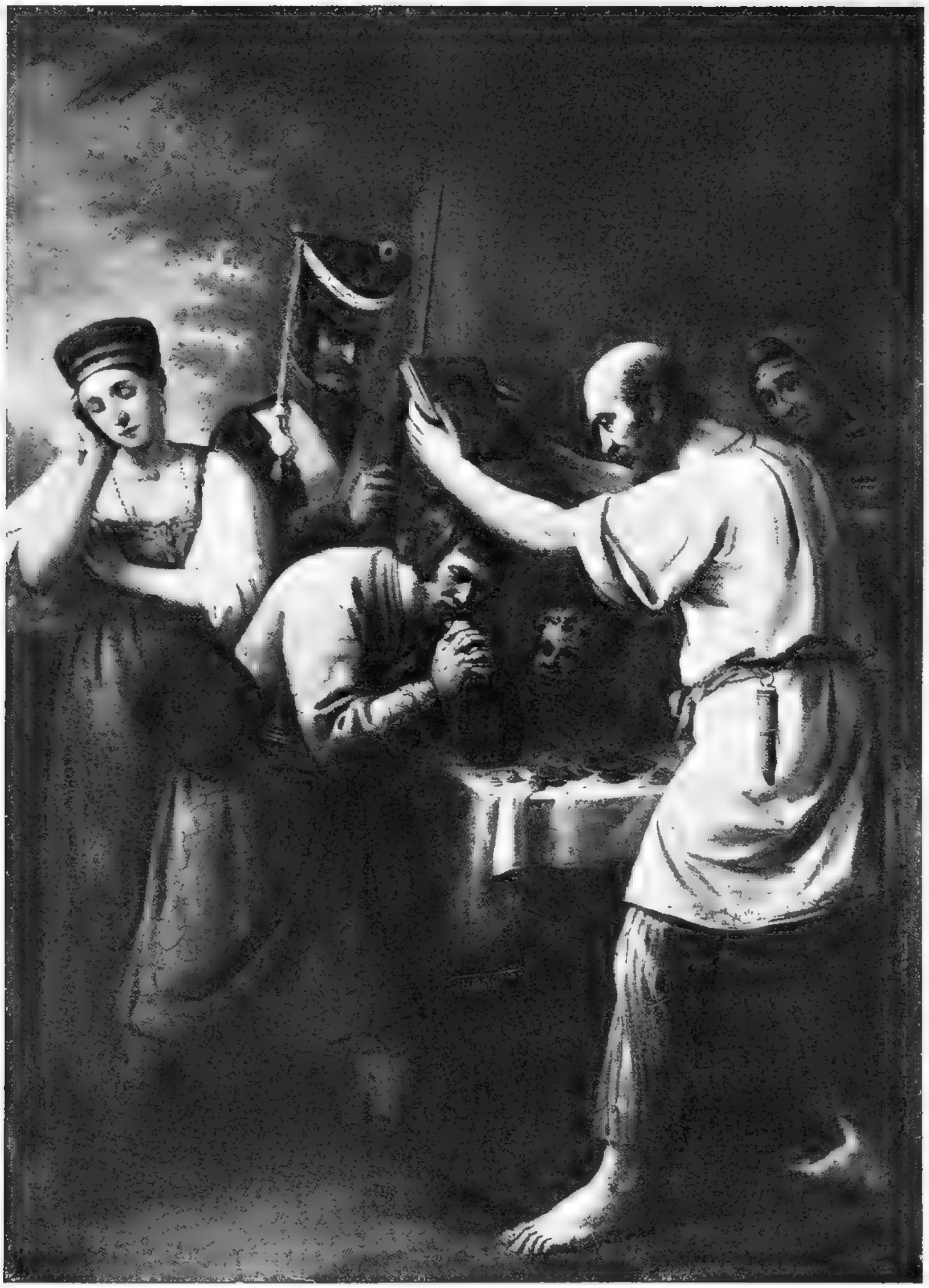
Почему Сперанскій такъ яростно расписался въ Планѣ на тему о своевременности для Россіи политическаго освобожденія и почти вовсе замол-

Лучининовъ. Благословеніе на ополченіе 1812 г.

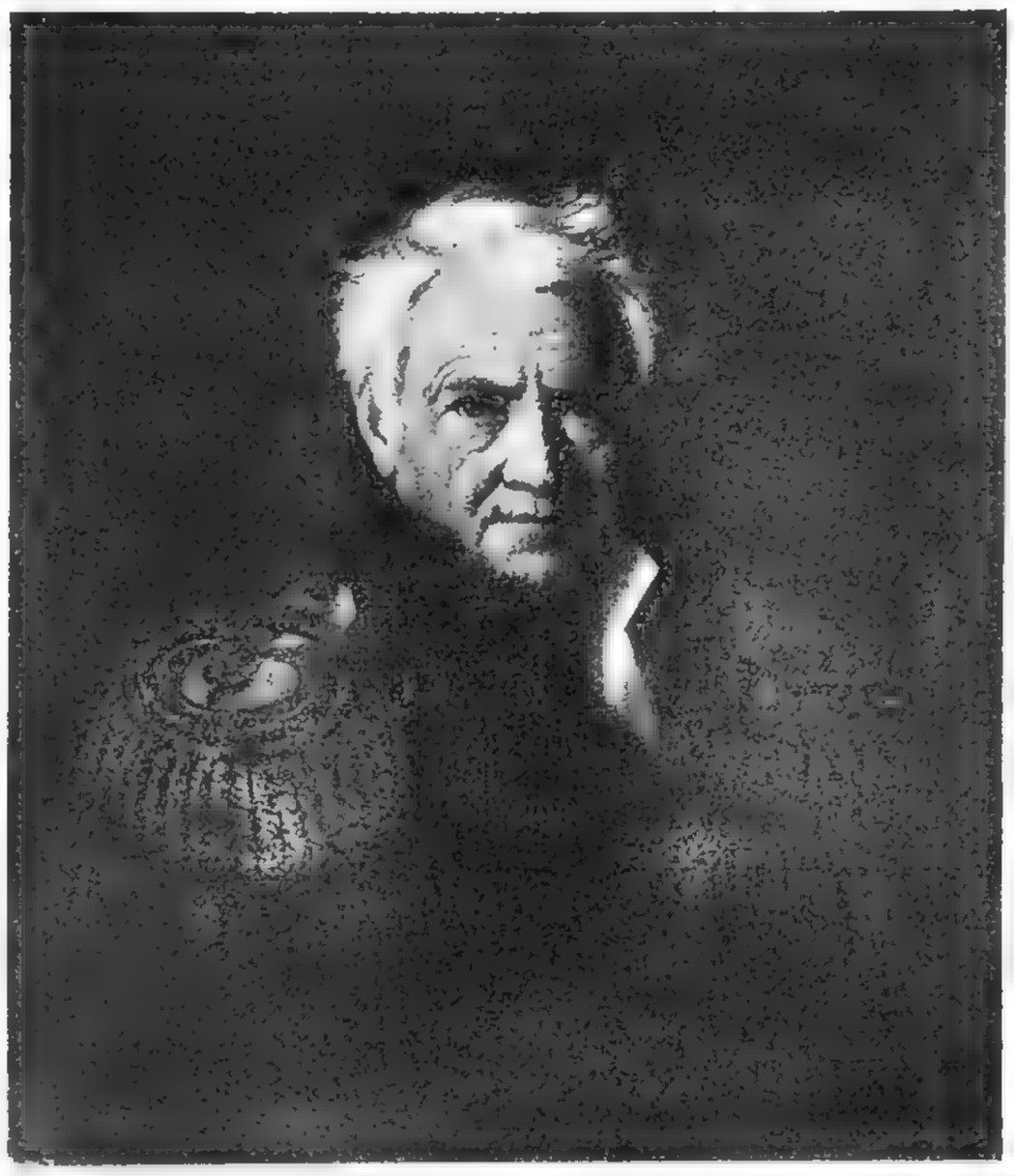
Музей Александра III.

ДАГЕРОТИПЪ НА ОЛИОУЧЕНИЕ 1845 Г.

Царуването на Александър III.



чалъ о необходимости уничтожить нынѣ же крестьянское рабовладѣніе? Первое было приказано написать, о второмъ самъ самодержецъ долженъ былъ молчать, и есть основаніе предположить, что Сперанскій сознавалъ нелѣпость проектировать конституцію безъ крестьянскаго освобожденія, а, стало-быть, лично онъ былъ ближе къ формулировкѣ 1803 года, вращаясь въ заколдованномъ кругу: безъ крестьянской свободы не можетъ быть конституціи, безъ конституціи не можетъ быть упорядоченія правленія,—и онъ проектпровалъ реформу правленія безъ конституціи и конституцію безъ крестьянскаго освобожденія. Планъ 1809 г. долженъ былъ отразить дворянско-помѣщичью Россію; помѣстное дворянство, достаточно обюрокраченное, безраздѣльно царитъ въ Планѣ, который другіе классы только терпитъ, какъ неизбѣжное зло. Соціальный элементъ Плана 1809 г., представляя большой историческій интересъ, превосходно отражаетъ какъ пустоту тогдашняго политическаго либерализма, такъ и явственный деспотизмъ правящаго класса. Какъ смотритъ Планъ на дворянство, видно изъ одного очень цѣннаго замѣчанія Сперанскаго, что „каждый дворянинъ, въ существѣ своего состоянія, представляетъ потомство тѣхъ родовъ, кои нѣкогда обладали частію народа самодержавно и зависѣли отъ великихъ князей болѣе словомъ, нежели дѣломъ“. Сперанскій, конечно, правъ, когда говоритъ о феодализмѣ московскоій Руси, но пониманіе этого термина ему слабо дается, онъ забываетъ старое верстанье въ дворяне изъ холоповъ и мужиковъ, онъ забываетъ возведеніе въ потомственное дворянство любого подьячаго, или, какъ говорили когда-то, представителя кропивнаго сѣмени, согласно Петровскоій табели о рангахъ. Происхсжденіе дворянства онъ представляетъ себѣ неправильно, такъ же какъ и происхожденіе крестьянскоій крѣпости: для него это все разные оттѣнки юридическоій терминологіи, не больше. „Крѣпостные люди,—читаемъ въ Планѣ 1809 г.,—вначалѣ имѣли нѣкоторую степень гражданскихъ правъ. Они могли имѣть собственность и право перехода съ однѣхъ земель на другія. Но



А. С. Шишковъ. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.)

впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ отъ удѣльныхъ владѣльцевъ права политическія переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданскія сего послѣдняго класса, какъ бы въ вознагражденіе первыхъ, переходили къ ихъ помѣщикамъ и, наконецъ, разными обстоятельствами, особенно же системою составленія военныхъ нашихъ силъ, бывъ укрѣплены къ землѣ, потеряли какъ личную, такъ и вещественную свободу". Что касается общественнаго класса купцовъ, мѣщанъ и проч., то, говоритъ Сперанскій, онъ „основался переходомъ и постепеннымъ освобожденіемъ изъ третьяго". Едва ли слѣдуетъ говорить о фантастичности соціальныхъ построеній Сперанскаго, это понятно само собой, но ихъ необходимо подчеркнуть, такъ какъ его справки въ области русской соціальной исторіи всегда идутъ въ дѣло при обрисовкѣ проекта государственнаго преобразованія. Рабы всегда и вездѣ существовали и, по мнѣнію Сперанскаго, въ „самыхъ республикахъ число ихъ почти равнялось числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, нежели въ монархіяхъ". Итакъ, отчего же и не быть рабамъ въ проектируемой конституціонной монархіи на восточно-европейской равнинѣ? Возможность этого рабства тѣмъ болѣе ясна Сперанскому, что онъ и не предполагаетъ, и даже не понимаетъ равенства состояній, демократическаго равенства всѣхъ гражданъ; напротивъ, въ его Планѣ 1809 г. намѣченъ строго сословный строй съ кореннымъ различіемъ людей въ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Рабство можно и должно потерпѣть, хотя, снисходительно замѣчаетъ Планъ, не надо думать, чтобы „рабство гражданское было-необходимо" и „чтобы въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры, но чтобы мѣры сіи были дѣйствительны, онѣ должны быть постепенны". Въ Планѣ 1809 г. по вопросу о реформѣ соціально-экономической видимъ ту же проповѣдь постепеновщины, какую видѣли по вопросу о реформѣ политической въ запискѣ 1803 г. Исторически вполнѣ понятно, что легче установить призракъ политической свободы, чѣмъ пробить брешь въ стѣнѣ соціально-экономическаго рабства. Планъ 1809 г., напротивъ, старательно занятъ тѣмъ, чтобы всячески оградить твердыню соціально-экономическаго рабства отъ покушеній бѣдняка. Это значило, что Планъ выработалъ разнообразныя конституціонныя детали въ системѣ представительства и выборовъ, охраняя земельныхъ собственниковъ и поддерживая командующее значеніе этого класса. У Сперанскаго выходитъ все это и красиво, и либерально. Онъ начинаетъ съ довольно спорныхъ истинъ: „законъ составляется въ защиту лица и собственности... самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе... въ общемъ исчисленіи человѣкъ, имѣющій собственность, по уваженію собственныхъ своихъ пользъ, болѣе пріемлетъ участія въ добротѣ закона и болѣе соединяетъ вѣроятностей къ правильному его усмотрѣнію,

нежели человѣкъ безъ собственности или бобыль“. На этихъ спорныхъ, но ходячихъ истинахъ построенъ выводъ, что только собственники должны быть допущены къ участію въ правахъ политическихъ. Бѣднота, въ которой предполагается отсутствіе разума и трудолюбія, не можетъ имѣть политическихъ правъ. Планъ 1809 г. идетъ и дальше, онъ говоритъ: „сверхъ сего, есть въ обществѣ положенія, кои по образу жизни и воспитанія не заставляютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ихъ занимающихъ, къ участію въ составленіи закона. Таковы суть состоянія домашнихъ слугъ, ремесленныхъ и рабочихъ людей и поденщиковъ, хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ состоящую“. Тенденція понятна—первая роль въ государствѣ должна принадлежать помѣстному дворянству: вѣдь у него только и могутъ быть и разумъ, и трудолюбіе, и любочестіе. По проекту Сперанскаго дворянство превращается въ своего рода касту. Потомственному дворянину становится легче превратиться въ личнаго дворянина, чѣмъ личному стать потомственнымъ; личное дворянство не превращается въ потомственное однимъ совершеніемъ службы; такое превращеніе можетъ состояться лишь по особому пожалованію императора при условіи особенныхъ заслугъ. Стоитъ какому-нибудь захудалому потомственному дворянину поступить въ лакеи или дворецкіе графа М. М. Сперанскаго, и онъ тѣмъ самымъ теряетъ принадлежность къ дворянству вообще, ибо одна изъ статей Плана прямо говоритъ, что „вообще дворянство теряется вступленіемъ въ классъ людей рабочихъ“. Любопытно, что Планъ 1809 г. давалъ помѣстному дворянству все то, чего оно страстно домогалось еще въ половинѣ XVIII в. Планъ, подтверждая въ пользу дворянства „особенное право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя“, говорилъ, что „всѣ свободные промыслы, дозволенные закономъ, открыты дворянству; оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія“ (кромѣ упомянутаго выше случая вступленія въ классъ людей рабочихъ). Статья Петровской табели о рангахъ, предоставлявшая права потомственнаго дворянства за выслугу, косвенно отмѣнялась, взамѣнъ чего на дворянство возлагалась обязанность „непремѣнно отправлять службу въ гражданскомъ или воинскомъ званіи не менѣе десяти лѣтъ по своему выбору, но безъ перехода, исключая случаевъ, особеннымъ закономъ опредѣленныхъ“. Въ связи съ указанной обязанностью въ проектъ

Кн. А. Н. Голицынъ. К. П. Брюллова. (Румянц. музей.)

были введены особыя статьи, которыми опредѣлялось, что „дѣти дворянина потомственнаго до совершенія положенныхъ лѣтъ службы суть дворяне личные“ и что „дѣти личныхъ дворянъ суть люди средняго состоянія“. Указанная черта проекта Сперанскаго обращаетъ на себя, несомнѣнно, значительное вниманіе, и она не могла не вызвать дворянской оппозиціи, ибо дворянство очень дорожило своею такъ называемой „вольностью“, т.-е. правомъ не служить и жить исключительно даровымъ трудомъ своихъ рабовъ. За этотъ принципъ временно обязательной дворянской службы императоръ Александръ держался очень цѣпко, но провести его въ дѣйствительную жизнь не смогъ. Включая въ составъ с р е д н я г о состоянія купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и всѣхъ поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ, Планъ не предоставлялъ купцамъ права владѣть населенными имѣніями,—права, котораго купцы очень домогались въ 1767—8 годахъ. Что касается „народа рабочаго“, то о немъ (потомственный дворянинъ, попадая въ него, какъ видно изъ предыдущаго, лишался всякихъ дворянскихъ правъ абсолютно) говорится въ Планѣ 1809 г. только слѣдующее:

1) Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ.

2) Переходъ изъ сего класса въ слѣдующій всѣмъ отверстъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, коими обязанъ былъ по прежнему состоянію.

3) Къ классу рабочаго народа причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги“. Проектъ предоставляетъ народу рабочему скромно желать политическихъ правъ и „надѣяться отъ труда и промышленности“. Рабочихъ въ собственномъ смыслѣ Планъ 1809 г. не упоминаетъ, ихъ приходится косвенно включить въ упомянутое третье состояніе,—и весь либерализмъ Плана сводится къ тому, что народу рабочему разрѣшается вообще только желать про себя, скромно ждать и надѣяться. При этомъ Сперанскій спѣшитъ освятить свои предложенія авторитетомъ Запада: никто же въ самомъ дѣлѣ и на Западѣ не признавалъ, чтобы у рабочихъ были разумъ и трудолюбіе! Любопытно, что о д у х о в е н с т в ѣ, какъ особомъ состояніи, нѣтъ никакого упоминанія въ проектѣ Сперанскаго. Планъ 1809 г. возвелъ прежде всего твердую и прочную стѣну государственнаго устройства изъ дворянства и бюрократіи, бросивъ небольшую кость крупному капиталисту и оградившись отъ напора бѣдноты, рабовъ и рабочихъ лишеніемъ ихъ всякихъ политическихъ правъ. Оставалось увѣнчать зданіе постоянствомъ „органическихъ коренныхъ законовъ“, которыми были бы опредѣлены четыре установленія: совѣтъ, законодательное сословіе, сенатъ и министерства съ верховной властью императора во главѣ. Авторъ Плана 1809 г. признаетъ, что „установленія законодательныя по существу своему требуютъ содѣйствія многихъ лицъ въ сужденіи и единства въ утвер-

жденіи“ и что введеніе новаго политическаго порядка требуетъ и новаго раздѣленія имперіи, сообразуясь съ расположеніемъ государственныхъ силъ. Предполагалось раздѣлить имперію на губерніи и пять областей, которыя, какъ отдѣльныя части, по пространству и населенію своему не могутъ войти въ общій распорядокъ управленія. Вотъ эти пять областей съ особеннымъ устройствомъ: 1) Сибирь, 2) Астрахань и Кавказъ съ Грузіей, 3) Оренбургскій край, 4) Область войска Донского и 5) Новороссія. Вся остальная часть имперіи дѣлится на губерніи, каждая губернія—на округи, а округъ—на волости. Въ непосредственной связи съ этимъ дѣленіемъ и находится организація знаменитой государственной думы Плана Сперанскаго, долго стоявшей внѣ круга предметовъ, доступныхъ для изученія ученому русскому историку. Обращаясь къ государственной думѣ Сперанскаго, необходимо прежде всего припомнить основные принципы, какими онъ руководился въ своемъ проектѣ, а именно: „Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное. — Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежали правительству.— Власть исполнительная должна быть вся исключительно ввѣрена правительству; но поелику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія законовъ не только могла бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить ее въ отвѣтственности власти законодательной“. Эти принципы, при неуклонномъ ихъ примѣненіи, могли бы создать опредѣленныя конституціонныя формы. Планъ 1809 г. предполагаетъ, что государственная дума собирается „по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ“ и обсуждаетъ дѣла по предложенію „отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта“, при чемъ изъ сего исключаются: 1) представленія о государственныхъ нуждахъ, 2) представленія объ уклоненіяхъ отъ отвѣтственности и 3) представленія о мѣрахъ, нарушающихъ государственные коренные законы. Что касается такъ называемаго роспуска государственной думы, то онъ производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ актъ могъ или отсрочить засѣданія думы до слѣдующаго сентября, или уволить всѣхъ членовъ думы; въ послѣднемъ случаѣ тотъ же актъ долженъ былъ означить новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ. Не входя въ излишнія подробности, остается показать, какъ

Гр. Д. А. Гурьевъ.

выбирались депутаты въ государственную думу. Процессъ этихъ выборовъ является до чрезвычайности сложнымъ и составляетъ весьма слабое мѣсто въ Планѣ 1809 г. Необходимо прежде всего припомнить проектъ указаннаго выше раздѣленія имперіи, тогда только этотъ сложный процессъ можетъ представиться нѣсколько яснымъ.

I. „Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе, подъ названіемъ волостной думы“. Волостная дума выбираетъ депутатовъ въ окружную думу (въ количествѣ не больше двухъ третей всего числа землевладѣльцевъ) и составляетъ „списокъ двадцати отличнѣйшихъ обывателей, волость населяющихъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ были въ отсутствіи“.

II. „Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ думы окружной“. Окружная дума выбираетъ депутатовъ въ губернскую думу (въ количествѣ, не превышающемъ двухъ третей окружной думы) и изъ списковъ, представленныхъ отъ волостныхъ думъ, составляетъ списокъ двадцати отличнѣйшихъ обывателей округа, при чемъ отсутствующіе не исключаются.

III. „Изъ депутатовъ окружныхъ думъ составляется въ губернскомъ городѣ каждые три года собраніе подъ именемъ губернской думы“. Губернская дума выбираетъ членовъ въ государственную думу изъ обоихъ сословій, политическія права имѣющихъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всѣ члены губернской думы непремѣнно землевладѣльцы. Число членовъ, выбираемыхъ въ государственную думу, по каждой губерніи назначается закономъ. Губернская дума также составляетъ списокъ двадцати отличнѣйшихъ въ губерніи обывателей по спискамъ окружнымъ, не исключая и отсутствующихъ. Любопытно, что планъ называетъ членовъ думы не гражданами, а обывателями. Каждая изъ предшествующихъ думъ послѣдовательно представляетъ о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ. Предсѣдатель губернской думы представляетъ на имя канцлера государственной думы, т.-е. предсѣдателя государственной думы, списки членовъ, избранныхъ въ законодательное сословіе, и отличнѣйшихъ губерніи обывателей вмѣстѣ съ представленіемъ объ общественныхъ нуждахъ губерніи.

Изложенный выше Планъ 1809 г. никогда не былъ осуществленъ въ дѣйствительности, да и не могъ бы быть осуществленнымъ безъ коренной переработки, такъ какъ на многіе необходимые вопросы онъ не давалъ никакого отвѣта. Въ его основаніяхъ покоится, конечно, немало заимствованій изъ западно-европейскаго конституціоннаго и литературнаго матеріала. Кромѣ того, въ составленіи Плана въ смыслѣ предварительной подготовки данныхъ принималъ участіе чиновникъ М. А. Балугьянскій, та или другая значительность роли котораго покуда недостаточно выяснена въ литературѣ. Планъ

1809 г. въ связи съ цѣлымъ рядомъ тогдашнихъ условій подготовилъ паденіе Сперанскаго 17 марта 1812 г., когда онъ внезапно, послѣ продолжительной бесѣды съ императоромъ Александромъ, былъ отправленъ въ ссылку и 23 сентября того же года прибылъ въ Пермь въ сопровожденіи частнаго пристава. Если Планъ 1809 г., съ одной стороны, являлся превосходной уликой въ политической неблагонадежности Сперанскаго, то, съ другой,—онъ готовилъ ему положительную ненависть дворянства и духовенства. Послѣднее осталось внѣ политическихъ правъ, ибо Планъ умолчалъ о самомъ его существованіи. Первое, подобно Александру, могло бы сказать, что онъ хитро подкопался подъ самое его существованіе. Помимо обѣщанія въ отдаленномъ будущемъ отнять у него даровой трудъ рабовъ, Планъ 1809 г. всѣхъ дворянскихъ сыновей превращалъ въ личныхъ дворянъ, разъ они не прошли устанавливаемой теперь десятилѣтней службы вопреки жалованной граматѣ 1785 г., а дѣти этихъ послѣднихъ становились уже людьми средняго состоянія. Это было логическимъ развитіемъ мысли Александра I, но дворянство не простило бы Сперанскому подобнаго новшества. Высоко цѣня общественное мнѣніе на бумагѣ, Сперанскій, какъ „великій бюрократъ“, мало стѣснялся съ нимъ на практикѣ, какъ не стѣснялся порою зло посмѣиваться надъ самимъ императоромъ Александромъ I. Ко времени Сперанскаго относятся два либеральныхъ указа, которые сдѣлали его предметомъ жгучей общественной ненависти, именно указы отъ 3 апрѣля и 6 августа 1809 года: первый вызвалъ негодованіе противъ Сперанскаго въ аристократическихъ кругахъ, второй вообще въ чиновничествѣ. II указъ о придворныхъ званіяхъ, и указъ объ экзаменахъ чиновниковъ, жаждущихъ чинопроизводства, не могли улучшить положенія страны, впавшей въ особый родъ самодержавной анархіи. Сперанскій былъ наказанъ все-таки прежде всего, какъ авторъ хартіи, изображенной имъ въ „Планѣ“ 1809 г.: „1) Безъ суда никто не можетъ быть наказанъ. 2) Никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого. 3) Всякій можетъ располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; безъ суда никто собственности лишенъ быть не можетъ. 4) Никто не обязанъ отправлять вещественной службы иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другого“. Въ 1810 и 1811 г.г. паденіе Сперанскаго уже носилось въ воздухѣ. Въ іюлѣ и августѣ 1811 г. въ Государственномъ Совѣтѣ разсматри-

Кн. А. Н. Голицынъ.
(Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

вался проектъ Правительствующаго и Судебнаго Сената, составленный Сперанскимъ. Въ этомъ проектѣ современниковъ должны были поражать два пункта: 1) что рѣшенія Сената — окончательныя и что никакія жалобы на рѣшенія общаго собранія Сената не должны быть допускаемы; 2) что часть членовъ Сената должна быть выборной. Въ Государственномъ Совѣтѣ оба пункта были поняты, какъ косвенное нападеніе на незыблемость самодержавія, и вызвали противъ себя рѣшительное возраженіе. Графъ Кочубей, напротивъ, находилъ недостаточнымъ либерализмъ автора проекта и сомнѣвался въ возможности по тогдашнимъ „жестокимъ“ нравамъ министрамъ и членамъ Государственнаго Совѣта быть сенаторами по своему званію. Часто видѣлъ, говоритъ Кочубей, большую храбрость, когда не было министра, по части коего дѣло производилось, но лишь только являлся онъ, то слѣдовало молчаніе или самое „подлое“ снисхожденіе. Пунктъ объ опредѣленіи въ Сенатъ по выборамъ собралъ въ Совѣтѣ 15 голосовъ за и семь противъ; запрещеніе жалобъ на рѣшенія Сената собрало 9 голосовъ за и 13 голосовъ противъ; царь утвердилъ мнѣніе меньшинства, но законъ о Сенатѣ по проекту Сперанскаго никогда имъ не былъ изданъ, и въ Совѣтѣ яростными возражателями и защитниками незыблемости самодержавія были люди очень близкіе къ царю: графъ Н. И. Салтыковъ и князь А. Н. Голицынъ. Ихъ возраженія не могли быть сильными по существу, но ихъ упорство и наивная нагота могли только льстить несомнѣнному властолюбію Александра. Хотя проектъ и прошелъ такимъ образомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, оставалось только распубликовать его, какъ законъ, хотя Александръ два раза внималъ мнѣнію меньшинства, тѣмъ не менѣе, политическая репутація Сперанскаго въ августѣ 1811 г. уже была подорванной: элементарный конституціоналистъ могъ казаться тѣмъ опаснѣе, что онъ находилъ пути подходить къ конституціи незамѣтными и скрытыми шагами. Въ этомъ Александръ могъ видѣть только личную обиду, глухое нападеніе на самого себя,—словомъ, то, чего онъ никогда бы не могъ простить. Понятіе о конституціи было для него кабинетной игрушкой, красивымъ словцомъ для пышной многообѣщающей рѣчи, отнюдь не понятіемъ глубоко продуманнымъ и подлежащимъ осуществленію.

V.

Непрочность Сперанскаго, какъ лица, изображавшаго въ своихъ запискахъ и планахъ словесныя предначертанія тогдашняго правительства, является не только результатомъ печальныхъ свойствъ личности императора Александра, но прежде всего неустойчивости настроеній правительства, его неподготовленности къ реформамъ и полнаго отсутствія соціальной среды, которая могла бы вынести на своихъ плечахъ политическую реформу. Быть-

Видъ въ Кремлѣ въ началѣ XIX в.

Историческій музей.

Вид в Кремль в начале XIX в.

Исторический музей.

можетъ, еще болѣе характернымъ фактомъ въ этомъ отношеніи представляется то правительственное раздвоеніе, которое наблюдается въ началѣ царствованія императора Александра и къ которому Сперанскій имѣлъ косвенное отношеніе. Это — появленіе такъ называемаго Комитета Общественнаго спасенія или Негласнаго комитета. Первое засѣданіе этого комитета состоялось 24 іюня 1801 г., послѣднее 9 ноября 1803 г., при чемъ съ 12 мая 1802 г. по 26 октября 1803 г. комитетъ не собирался вовсе, а всего засѣданій комитета было сорокъ. „Негласный комитетъ“—созданіе графа П. А. Строганова; кромѣ послѣдняго и самого императора, въ его составъ входили гр. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцовъ и князь А. А. Чарторыскій. Сперанскому приходилось имѣть дѣло съ нѣкоторыми документами, исходившими изъ Негласнаго комитета, а Лагарпу — давать нѣкоторые совѣты императору Александру. Строгановъ полагалъ, что „необходимо составить планъ реформъ и уяснить себѣ цѣль ихъ, чтобы труды наши не зависѣли ни отъ чьего произвола, точно установивъ, чего мы желаемъ добиться отъ императора, необходимо опредѣлить его характеръ, чтобы сообразно этому составить нашъ планъ атаки, если я смѣю такъ выразиться“. Неправильно оцѣнивая личность императора Александра, Строгановъ полагалъ, что группѣ благонамѣренныхъ и благожелательныхъ реформамъ лицъ возможно захватить волю правительства и повести Россію по пути реформъ благодѣтельныхъ, осторожныхъ и постепенныхъ. „Императоръ,—писалъ гр. Строгановъ,—вступилъ на престолъ съ наилучшими намѣреніями возможно большихъ усовершенствованій. Этому препятствуютъ только его неопытность и его характеръ, мягкій и лѣнивый. Для достиженія доброй цѣли необходимо, слѣдовательно, преодолѣть эти три препятствія. Такъ какъ у него мягкій характеръ, то его должно поработить, чтобы имѣть необходимое на него вліяніе. Вслѣдствіе чистоты его принциповъ, наиболѣе вѣрный способъ порабощенія его заключается въ приведеніи всего къ чистымъ принципамъ, въ справедливости которыхъ онъ не могъ бы сомнѣваться. Эта мягкость его характера существенно обязываетъ не терять время, чтобы другіе не предупредили насъ, о чемъ они, несомнѣнно, должны стараться и чѣмъ значительно затруднятъ нашъ трудъ.

Князь П. М. Волконскій.

По лѣности своего характера, онъ естественно долженъ предпочитать тѣхъ, которые легко схватываютъ его мысль, способны выразить ее такъ, какъ онъ самъ того желалъ бы и, избавляя его этимъ отъ труда отыскивать желательное имъ выраженіе, способны ясно и даже, если возможно, изящно изложить его мысль. Это условіе избавленія его отъ труда существенно необходимо. Такъ какъ неопытность заставляетъ его быть недовѣрчивымъ къ самому себѣ, то, чтобы укрѣпить его и указать, съ чего начать, необходимо предоставить ему возможность обозрѣть однимъ взглядомъ всѣ отрасли управленія, для чего потребно представить ему краткую картину положенія имперіи въ тотъ моментъ, когда онъ принялъ бразды правленія". Безъ этого письма графа Строганова не понять условій возникновенія Негласнаго комитета, вмѣстѣ съ тѣмъ оно цѣнно для характеристики тогдашнихъ воззрѣній на Александра, какъ главу правительства, и представленій о пріемахъ, путемъ которыхъ, казалось, возможно было данной группѣ овладѣть внутренней политикой. Строгановъ, сравнительно, былъ и наиболѣе либеральнымъ, и наиболѣе убѣжденнымъ изъ всѣхъ членовъ Негласнаго комитета Въ періодъ, когда еще были надежды на реформу, Строганову пришлось высказаться и по вопросу о конституціи, и по вопросу крестьянскому. Строгановъ такъ изъяснялъ la valeur du mot constitution: „Конституція есть законное признаніе правъ народа и тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ можетъ осуществлять эти свои права. Для укрѣпленія дѣйствительности этихъ правъ необходимо имѣть обезпеченіе, что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Гдѣ нѣтъ такого обезпеченія, которое воздерживало бы правительство отъ мѣръ, противныхъ интересамъ народа, тамъ нѣтъ и конституціи". Въ первомъ засѣданіи Негласнаго комитета 24 іюня 1801 г., дѣятельность котораго должна была оставаться безусловно неизвѣстной современному обществу, была формулирована задача его работъ; въ конечномъ счетѣ эти работы должны были увѣнчать россійскую имперію конституціей, основанной на „истинно русскомъ духѣ". Въ указанный день лица, облеченныя довѣріемъ императора, начали совѣщанія pour coopérer en quelque sorte à un travail régulier de la réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'empire. Новосильцовъ, читаемъ далѣе въ Строгановскихъ протоколахъ, предложилъ точно опредѣленный порядокъ занятій. Прежде всего надлежало узнать дѣйствительное положеніе вещей въ странѣ, потомъ произвести реформу различныхъ частей управленія и увѣнчать эти разнообразныя учрежденія конституціей, основанной на истинномъ духѣ націи. Итакъ, прежде всего надо представить картину дѣйствительнаго положенія страны. Надо начать съ характеристики положенія имперіи въ отношеніи внѣшней обороны на морѣ и на сушѣ (nos moyens de défense contre nos voisins), затѣмъ перейти къ уясненію природы отношеній имперіи къ иностраннымъ державамъ и системы, которой въ этихъ отношеніяхъ

слѣдовали, и уже потомъ, послѣ изученія внѣшняго положенія Россіи, перейти къ ея внутреннему состоянію, которое можно было бы представить съ двухъ сторонъ—статистики и управленія. Въ первомъ случаѣ естественно пришлось бы дать картину состоянія въ Россіи торговли, путей сообщенія. земледѣлія и промышленности, во второмъ—собственно управленія, юстиціи, финансовъ и законодательства. Стройная по внѣшности, программа Новосильцова хоронила Негласный комитетъ скорѣе, нежели онъ могъ бы умереть естественною смертью. Обзоръ протоколовъ комитета показываетъ, что, съ одной стороны, не существовало рѣзкой принципіальной разницы между группой сенаторовъ, прозванныхъ консерваторами, и членами Негласнаго комитета, прослывшими почему-то либералами, и что, съ другой стороны, между комитетомъ и императоромъ отнюдь не было надлежащей солидарности. И консервативные сенаторы, и либеральные совѣтчики комитета равно казались непріятными Александру, когда они въ той или другой формѣ пытались, какъ казалось императору, умалить его прерогативы самодержца. Поговоривъ о конституціи, о правахъ русскаго народа, о гарантіяхъ политической свободы, Негласный комитетъ примирялся съ мыслью о такихъ преобразованіяхъ, которыя совмѣщали бы въ себѣ незыблемость самодержавнаго строя съ установленіемъ въ странѣ началъ политической свободы. И Сенатъ, и комитетъ стояли за преобразованія, но за преобразованія не по существу, а въ смыслѣ той или другой формы усовершенствованія техники государственныхъ учрежденій. Первый выдвигалъ историческую роль Сената, второй проектировалъ рядъ учрежденій. Комитетъ обсуждалъ и реформу Сената, и учрежденіе министерствъ, заговаривалъ о государственномъ совѣтѣ и кабинетѣ министровъ, обсуждалъ грамату вольности россійскому народу и очень заинтересовался тайной полиціей. Дѣйствительная политическая роль Негласнаго комитета едва ли не равняется нулю; императоръ выслушивалъ прѣнія, вмѣшивался въ споры и всегда стоялъ на своемъ настолько, что уходившіе изъ негласнаго собранія члены, такъ называемые друзья императора, не могли себѣ ясно представить ни мнѣнія послѣдняго, ни того, что онъ можетъ предпринять. Классовая подоплека Негласнаго комитета претила иногда самому самодержцу въ вопросѣ о положеніи дворянскаго класса, и, можетъ-быть, всего характернѣе открывается надлежащая физіономія комитета въ преніяхъ по крестьянскому вопросу. Царствованіе императора Александра въ цѣломъ очень небогато мѣропріятіями въ дѣлѣ устройства крестьянскаго населенія. Правительство вовсе не было заинтересовано въ томъ, чтобы поддержать на практикѣ распоряженіе Павла о трехдневной работѣ на помѣщика и о воскресномъ отдыхѣ рабовъ; дворяне не имѣли никакихъ побужденій соблюдать ненавистный имъ законъ; въ царствованіе Александра, особенно въ первое время, ничто Павловское вообще не могло встрѣтить поддержки, и русская дѣйствительность въ силу желѣзныхъ экономическихъ условій развивалась въ

сторону крайней эксплуатаціи дарового крестьянскаго труда. Въ академической газетѣ перестали, какъ указано выше, принимать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли [1]); во время коронаціи императора Александра I не было пожаловано ни одной крестьянской души; наконецъ, былъ изданъ напрасно нашумѣвшій и праздно разсердившій дворянъ именной указъ 20 февраля 1803 года „объ отпускѣ помѣщикомъ крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ“. Представляется цѣннымъ отмѣтить, что и въ этомъ указѣ, имѣвшемъ до чрезвычайности ничтожныя практическія послѣдствія, виновато не правительство, а графъ Сергѣй Румянцевъ, изъявившій „желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель“. Румянцевъ просилъ царя, чтобы такія „условія, добровольно заключаемыя, имѣли то же законное дѣйствіе и силу, какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоено“, и чтобы „крестьяне такимъ образомъ уволенные могли оставаться въ состояніи свободныхъ земледѣльцовъ, не обязываяся входить въ другой родъ жизни“. На основаніи этой просьбы графа Румянцева и появился указъ о свободныхъ земледѣльцахъ или свободныхъ хлѣбопашцахъ. Историческій интересъ указа заключается не въ томъ, что было позволено на тѣхъ или другихъ условіяхъ отпускать крестьянъ на волю или даже отпускать на волю съ землей, а въ томъ, что указомъ предрѣшалось образованіе свободнаго сельскаго состоянія съ правомъ владѣть землей на основахъ полной собственности. Надо замѣтить, что по существу указъ 20 февраля 1803 г. поддерживалъ ту правительственную тенденцію, которая сказалась еще въ именномъ указѣ 12 декабря 1801 г., по которому предоставлено было „не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу“. Этотъ вопросъ о правѣ пріобрѣтенія земель не дворянами былъ предметомъ обсужденія въ Негласномъ комитетѣ; его настроеніе легло въ основу указа 12 декабря 1801 г. и отразилось позднѣе въ указѣ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ устанавливаетъ отпускъ крестьянъ на волю съ землей на извѣстныхъ условіяхъ между помѣщиками и крестьянами каждый разъ съ высочайшаго соизволенія. Сущность указа достаточно опредѣляется двумя его статьями, а именно: „4) Крестьяне и селенія, отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые,

---

[1]) 29 сентября 1822 г. былъ изданъ указъ, согласно которому предписывалось „публикаціи въ Сенатскихъ объявленіяхъ о продажѣ людей безъ земли. остановить впредь. до воспослѣдованія о семъ положенія въ Государственномъ Совѣтѣ“.

если не пожелаютъ выйти въ другія состоянія, могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ. 5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселѣ отпущаемы были лично на волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцевъ, если пріобрѣтутъ себѣ въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ, пріемля на себя и всѣ обязанности онаго“. Вотъ и все законодательство о крестьянахъ времени императора Александра, который, не жалуя населенныхъ земель вновь, вопреки мнѣнію Негласнаго Комитета склонялся въ сторону мнѣнія разрѣшить не дворянамъ пріобрѣтеніе населенныхъ земель, что отчасти и проскользнуло въ указѣ 18 октября 1804 года, разрѣшавшемъ купцамъ, получившимъ классные чины до VIII-го включительно, владѣть крестьянскими душами. Просьба графа Румянцова вызвала негодованіе противъ него помѣщичьяго класса; указъ 18 октября 1804 г. не былъ благопріятенъ для популярности Александра I среди послѣдняго. Негласный Комитетъ имѣлъ цѣлью поработить волю Александра, но жестоко въ томъ ошибся. При петербургскомъ дворѣ Александра не могъ обосноваться Карамзинъ, очень быстро долженъ былъ разсыпаться кружокъ друзей „Негласнаго Комитета“, попалъ въ ссылку Сперанскій и неизмѣнно сохранялся одинъ только Аракчеевъ, взявшійся такъ или иначе взрастить Александровскую мечту о военныхъ поселеніяхъ. Безуспѣшно пытался сыграть вліятельную роль при дворѣ Александра и Н. М. Карамзинъ.

А. Ѳ. Лабзинъ. Боровиковскаго. (Рум. музей).

15 марта 1811 года императоръ Александръ посѣтилъ въ Твери свою сестру Екатерину Павловну; она вручила ему съ надписью à mon frère seul записку Н. М. Карамзина „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“. Записка Карамзина цѣнна, какъ удивительно стройный взглядъ на исторію Россіи въ цѣломъ и какъ блистательный классовый памфлетъ; ея публицистическій элементъ въ высокой степени прямолинеенъ и выразителенъ; не будь въ ней узко классовой критики царствованія Александра I, послѣдній былъ бы отъ нея совсѣмъ въ восторгѣ. Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, восклицалъ Карамзинъ. Россія не можетъ существовать безъ самодержавія; колебался въ

Россіи самодержавный строй, и она начинала гибнуть, какъ, напр., во время смуты ...„Но бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцемъ, монархомъ неограниченнымъ... Князья московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ“. Авторъ ненавидитъ аристократію, противъ ея политической роли, ибо „самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя и гражданскія пользы“. За эту именно записку, а не за „Исторію Государства Россійскаго“ авторъ получилъ, по свидѣтельству графа Д. Н. Блудова, въ мартѣ 1816 г. анненскую ленту, но, несмотря на эту записку, онъ былъ принятъ императоромъ Александромъ 15 марта 1816 года, только прогулявшись „по тернистому пути“ апартаментовъ графа Аракчеева, къ заступничеству котораго долженъ былъ прибѣгнуть и Сперанскій. Въ январѣ 1818 г. Карамзинъ подноситъ Александру первые восемь томовъ своей исторіи въ отпечатанномъ видѣ, сообщая П. П. Дмитріеву, что „былъ у него (т.-е. императора) въ кабинетѣ, имѣлъ счастіе обѣдать“. 15 марта 1818 г. послѣдовало торжественное открытіе перваго польскаго сейма. Александръ, развертывая передъ поляками charte constitutionelle, произнесъ рѣчь, многихъ смутившую въ Россіи: трудно быть въ одно и то же время самодержцемъ въ Россіи и конституціоннымъ монархомъ въ Польшѣ. „Варшавскія новости,—писалъ 8 и 23 апрѣля Карамзинъ Дмитріеву,—сильно дѣйствуютъ на умы молодые... Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ; спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать... Но будетъ, чему быть“. Въ 1819 г. Александръ все еще не оставлялъ мысли возстановить Польшу въ ея прежнихъ восточныхъ границахъ и бесѣдовалъ по этому вопросу съ Карамзинымъ въ Царскомъ Селѣ. 17 октября 1819 года Карамзинъ пилъ у Александра въ царскосельскомъ кабинетѣ чай и представилъ свои возраженія по вопросу о возстановленіи Польши въ особой запискѣ, извѣстной подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина“. „Мы пробыли вмѣстѣ,—писалъ Карамзинъ по этому поводу,—съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... Но мы душою разстались, кажется, навѣкъ“... Однако въ одной замѣткѣ 1825 г. Карамзинъ писалъ такъ: „Въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ. Онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ... Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановни-

ковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затменія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные". Совѣтовъ Александръ вообще не слушалъ, ограничиваясь развѣ ихъ выслушиваніемъ, и Карамзинъ позднѣе былъ правъ, когда, выслушавъ въ ноябрѣ 1824 г. намеки на то самого Александра, писалъ: „Россія удержала свои польскія области, но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго". Если никто не спрашивалъ совѣтовъ Карамзина въ вопросѣ польскомъ, то его усиленно вызывали на краснорѣчивое описаніе красотъ военныхъ поселеній. Послѣдними принужденъ былъ увлечься даже Сперанскій въ особой брошюрѣ „О военныхъ поселеніяхъ" (Спб. 1825). Карамзинъ сумѣлъ миновать этотъ подводный камень. Говорятъ, что въ разговорѣ съ царемъ онъ не разъ „скорбѣлъ о горькой участи, которой подвергала крестьянъ жестокая система управленія военныхъ поселеній". Говорятъ, что царь старался объяснить ему, что военныя поселенія „были учреждены съ цѣлью избавить народъ отъ тягости рекрутства"; говорятъ, что царь выражалъ желаніе, чтобы Карамзинъ самъ побывалъ въ поселеніяхъ, и „тогда онъ, конечно, убѣдится въ своемъ заблужденіи". Аракчеевъ и призванъ былъ спасти Карамзина отъ этого непріятнаго заблужденія. „Желаніе мое показать вашему превосходительству самому военныя поселенія,—писалъ Карамзину „истинно-русскій неученый дворянинъ",—то я и прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ Грузино въ будущій четвергъ, то-есть 16-го числа іюля, къ обѣду, откушать у меня деревенскаго хлѣба-соли, а послѣ обѣда мы отправимся вмѣстѣ съ вами въ военное поселеніе". Три дня наслаждался Карамзинъ военными поселеніями и любезностями графа Аракчеева. Угощеніе послѣдняго, повидимому, было очень внушительнымъ. Во-первыхъ, самъ хозяинъ оказался далеко не поклонникомъ химеры военныхъ поселеній. „Къ удивленію моему,—разсказывалъ потомъ Карамзинъ,—я не могъ не замѣтить, что графъ самъ въ числѣ недовольныхъ". А, во-вторыхъ, его гость потерялъ свое даровитое перо, налюбовавшись поселеніями, и не написавъ о нихъ ни одной прекрасной строки. Только въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 31 іюля 1825 г. изъ Царскаго Села Карамзинъ писалъ такъ: „Зная милостивое расположеніе ко мнѣ государя, графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ.

А. Д. Балашовъ.

Тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но русскій путешественникъ уже старъ и лѣнивъ на описанія". И гость, и хозяинъ не могли не остаться довольными другъ другомъ. Хозяинъ не убѣдилъ гостя, и гость къ высокому удовольствію хозяина не могъ выиграть больше въ глазахъ царя. Гость понялъ тенденцію хозяина и не сдѣлалъ неугоднаго послѣднему, да къ тому же выигралъ нѣчто въ глазахъ не всегда взирающаго далеко вглубь потомства. 28 августа 1825 г. Карамзинъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ Александромъ отъ 8 до $11^1/_2$ часовъ вечера. „Государь,—патетически замѣтилъ Карамзинъ,—ваши годы сочтены. Вамъ нечего болѣе откладывать, а вамъ остается еще столько сдѣлать, чтобы конецъ вашего царствованія былъ бы достоинъ его прекраснаго начала". Царь, очевидно, мало слушалъ своего собесѣдника, когда „движеніемъ головы и милою улыбкой" выразилъ одобреніе, прибавивъ, что „непремѣнно все сдѣлаетъ" и „дастъ коренные законы Россіи". Не понимавшій въ данномъ случаѣ Александра Карамзинъ впалъ въ наивность и написалъ Дмитріеву: „Мы разстались не безъ чувства, привязанность моя къ нему сердечная и вѣчная". Въ письмахъ того же времени Карамзинъ, которому, по его словамъ, царь довѣрилъ тайну своихъ наслѣдственныхъ распоряженій, писалъ Дмитріеву относительно поведенія Аракчеева послѣ убійства въ Грузинѣ дворовыми И. Ф. Минкиной: „Важный государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ; какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ немного. Министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ и морского. Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще менѣе. Впрочемъ, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь".

„Мнѣніе русскаго гражданина" — коротенькая записочка, смѣсь политическихъ грезъ и близорукаго патріотизма съ дѣтской мотивировкой очень серьезнаго положенія, съ едва скрытой рѣзкостью разсердившагося консерватора, за которой могли слѣдовать кружки либеральничавшаго дворянства. „Захотѣвъ быть христіанами-политиками,—говоритъ Карамзинъ,—впадемъ въ противорѣчія и несообразности". Царь долженъ быть двуликимъ, долженъ раздѣлять въ себѣ христіанина и политика. Царь можетъ быть добродѣтельнымъ „единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества", во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ силою, забывъ въ себѣ христіанина. Авторъ и грозитъ, и умоляетъ, и переходитъ на властный нѣсколько тонъ землевладѣльца, которому нуженъ царь для охраны его классовыхъ интересовъ. „Вы думаете,—писалъ царю исторіографъ,—возстановить древнее королевство польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости?

Коломенскій дворецъ въ XVIII в.

Историческій музей.

Исторический музей

Коломенский дворец вр XVIII в.

Во-первыхъ, не говоря о Пруссіи, спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли вы, творецъ Священнаго Союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости, ибо вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлороссію, Литву, Волынію и Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, еслибы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ Россіи. Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло, но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новогородскую республику, великое княжество рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и постарымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію; но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите“. Усердный историографъ грозитъ далѣе, что, если царь ради „рукоплесканія“ поляковъ возстановитъ Польшу, русскіе никогда его за то не простятъ, лишатъ его своей любви, видя свое отечество „игралищемъ самовластнаго произвола“, болѣе того „возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу“. „Нѣтъ, государь,—заключаетъ Карамзинъ,—никогда поляки

Гр. А. А. Аракчеевъ.

не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи“. Итакъ, пусть остается Польша, „какъ она есть нынѣ“, и пусть благоденствуетъ Россія, „какъ она есть“, а „поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе поляковъ-россіянъ“. Едва ли Александру могли понравиться намеки Карамзина на „самовластный произволъ“, „самовольство“ и на возможность его „беззаконныхъ“ поступковъ

Изложеннымъ исчерпывается вопросъ о правительственномъ либерализмѣ начала XIX в., поскольку царь Александръ и его сотрудники являлись выразителями этого либерализма. Ни по своей природѣ, ни по существу своихъ воззрѣній царь Александръ никогда не былъ сколько-нибудь либераломъ въ старомъ смыслѣ этого слова, но когда надо, онъ въ совершенствѣ владѣлъ всей шумихой либеральныхъ фразъ въ цѣляхъ общественнаго гипноза. Будучи убѣжденнымъ самодержцемъ, совершенно не понимая и принципіально отрицая роль конституціоннаго монарха, онъ тяготился ролью дворянскаго царя, вслѣдствіе чего и не былъ сторонникомъ исключительнаго развитія дворянскихъ правъ, и еслибы могъ, рѣзко сузилъ бы таковыя. Мистицизмъ Александра I и противорѣчія всѣхъ его воззрѣній послѣ 1812—1815 гг. могутъ быть понятны только на этой почвѣ его преклоненія предъ идеей величія самодержавія, для котораго только и должны дышать не только страна и народъ, но и вообще всѣ страны и всѣ народы.

Василій Сторожевъ.

Гр. А. П. Тормасовъ.

Императоръ Александръ I и великая княгиня Екатерина Павловна.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла, была щедро одарена природой. Она была умна, талантлива, красива и граціозна, обладала живымъ энергичнымъ характеромъ и рѣдкой способностью обаятельно дѣйствовать на окружающихъ. Къ этой характеристикѣ прибавимъ еще широкое образованіе, развитую любознательность и интересъ къ общественной жизни. Она была баловнемъ въ царской семьѣ, сумѣла достигнуть извѣстной независимости отъ своей матери, сурово и деспотически относившейся къ другимъ членамъ императорской фамиліи; императоръ Александръ не скрывалъ передъ ней своего чувства обожанія. Передъ вел. кн. Екатериной Павловной открывалось широкое поле дѣятельности, но роль ея, хотя была блестяща, однако далеко не такъ значительна, какъ можно было бы ожидать, потому что характеръ ея не былъ чуждъ очень существенныхъ недостатковъ. Первымъ было чрезмѣрное честолюбіе. Она постоянно стремилась играть выдающуюся роль, ничѣмъ не была довольна и, гоняясь за недостижимымъ, мало использовала ту силу и значеніе, которое ей было доступно. Даже императрица Марія Ѳеодоровна, слѣпо ее любившая и въ ея претензіяхъ обыкновенно видѣвшая только оригинальность и талантливость, однажды не могла удержаться отъ восклицанія: „Не понимаю, чего еще хочетъ Екатерина! Она имѣетъ самыя лучшія въ Россіи губерніи, а все не-

довольна". Конечно, трехъ губерній было мало, чтобы удовлетворить честолюбіе той, кому видѣлся въ перспективѣ тронъ. По словамъ Сенъ-Жюльена, австрійскаго посла при русскомъ дворѣ, в. к. Екатерина Павловна подготовлялась къ тому, чтобы послѣдовать примѣру своей бабушки и рано или поздно занять императорскій тронъ. Дѣйствительно, судьба не разъ приближала ее къ власти и жестоко обманывала. Какъ извѣстно, императоръ Павелъ относился къ своимъ сыновьямъ съ большимъ недовѣріемъ. Незадолго до своей смерти онъ носился съ мыслью устранить сыновей отъ престола и назначить своимъ наслѣдникомъ принца Евгенія Вюртембергскаго, женивъ его на вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Невѣстѣ въ то время было только 13 лѣтъ, но она уже была преисполнена чувствомъ собственнаго достоинства и не понравилась жизнерадостному и нѣсколько легкомысленному жениху, который далъ ей такую характеристику: „Мрачная и скрытная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она отталкивала меня своей чопорностью". Преждевременная кончина императора разстроила этотъ планъ.

Когда вел. кн. Екатерина Павловна достигла 18-лѣтняго возраста, то мать ея, императрица Марія Ѳеодоровна, стала искать достойной партіи для своей любимой дочери. Она поручила послу въ Вѣнѣ кн. Куракину позондировать почву, нельзя ли устроить бракъ вел. кн. Екатерины Павловны съ императоромъ австрійскимъ Францемъ. Болѣе блестящую партію найти было трудно, и великая княжна горячо приняла къ сердцу этотъ проектъ, хотя ради удовлетворенія честолюбія ей пришлось бы принести не малую жертву: императоръ былъ уже вдовцемъ и пользовался за свои личныя качества очень нелестной репутаціей. Напрасно имп. Александръ указывалъ на недостатки жениха и убѣдительно отговаривалъ отъ рискованнаго шага, вел. кн. Екатерина Павловна настаивала на своемъ и доказывала, что недостатки императора несущественны: „Говорятъ, что онъ старъ, но ему нѣтъ и 38 л.; безобразенъ, но я никогда не обращала вниманія на красивое мужское лицо; грязенъ—я его вымою". Очевидно, здравый смыслъ и личное достоинство могли быть принесены въ жертву честолюбію. И этотъ планъ разстроился по той простой причинѣ, что императоръ Францъ и не собирался просить руки вел. кн. Екатерины Павловны. Одно время она могла имѣть виды сдѣлаться женой Наполеона, императрицей французовъ, но подобный проектъ не могъ осуществиться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непопулярности союза съ Наполеономъ. Внѣшняя политика императора Александра вызывала такое раздраженіе среди родовой аграрной аристократіи, что иностранные послы писали тревожныя донесенія о возможности въ Россіи новаго дворцоваго переворота. Общая молва приближала теперь вел. кн. Екатерину Павловну уже къ русскому престолу: замѣнить императора Александра однимъ изъ братьевъ нельзя — они болѣе солдаты, чѣмъ правители, императрица мать неспособна къ правленію, и только вел. кн. Екатерина Па-

Великая княгиня Екатерина Павловна.

вловна способна возстановить славное прошлое. Недовольство, однако, не разрослось до открытаго бунта и ограничилось одними разговорами.

Не нашедши себѣ жениха среди крупныхъ владѣтельныхъ особъ, вел. кн. Екатерина Павловна принуждена была ограничиться незначительнымъ принцемъ. 1 января 1809 г. она была помолвлена съ генералъ-майоромъ русской службы принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ, занимавшимъ въ качествѣ младшаго сына незначительнаго нѣмецкаго князя очень скромное положеніе. Человѣкъ очень посредственныхъ талантовъ, не блестящій и некрасивый, онъ зато былъ корректенъ, скроменъ, услужливъ и уступчивъ,—словомъ, былъ очень удобенъ для честолюбивой великой княжны, которая такъ любила повелѣвать и играть первую роль. Къ тому же она могла

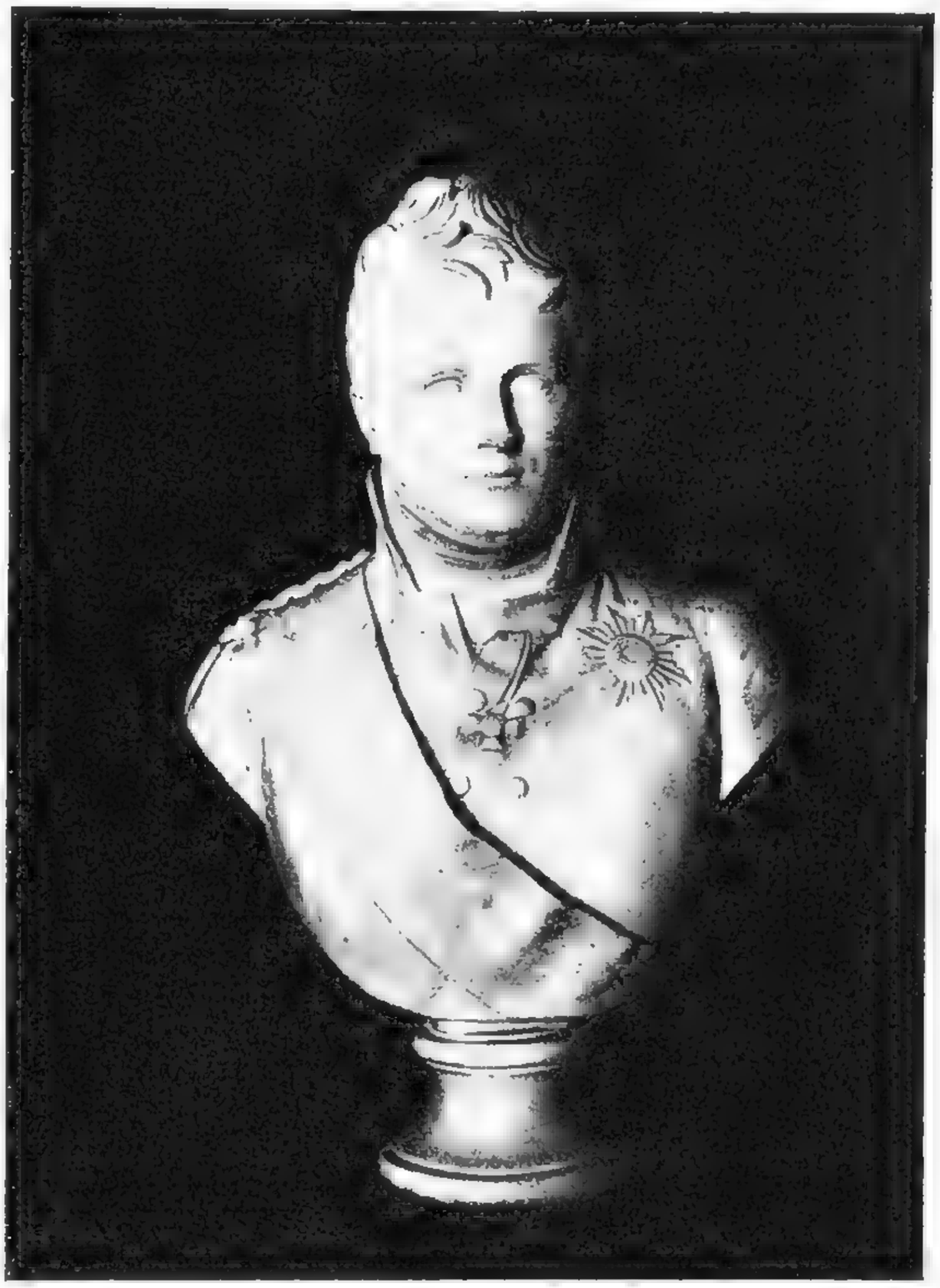
остаться въ Россіи, гдѣ дѣятельность для нея была шире, а вліяніе значительнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ княжествѣ. Принцъ Ольденбургскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новгородской, Тверской и Ярославской губерній и главнымъ директоромъ водяныхъ коммуникацій съ резиденціей въ г. Твери. Честолюбивые планы великой княгини видѣть себя на престолѣ не осуществились.

Другимъ ея недостаткомъ была способность поддаваться увлеченіямъ. И сердечныя увлеченія, и увлеченія какой-либо идеей, симпатіей или антипатіей у ней были сильны, хотя и не всегда продолжительны. Подъ вліяніемъ страсти или захватившей ее мысли она могла надѣлать немало ошибокъ, при противодѣйствіи быть рѣзкой и упрямой, а при неудачѣ скоро утѣшиться. Въ 1808 г. она сильно увлеклась кн. Долгорукимъ и даже собиралась выйти за него замужъ, забывъ всѣ свои честолюбивые планы. Еще раньше у нея было увлеченіе кн. Багратіономъ, сильно шокировавшее императрицу Елизавету Алексѣевну. Она увлекалась также страстно вопросами внутренней и внѣшней политики, и эта страстность придавала ея вліянію на окружающихъ, и благодѣтельному, и вредному, особую силу и убѣдительность, но подчасъ вызывала излишнюю суетливость и неугомонную торопливость. Прибавимъ къ этому, что она была русской патріоткой, хотя послѣ 1813 г. жила за границей и рѣдко посѣщала свое отечество; была покровительницей русской науки и литературы, хотя русская рѣчь представляла для нея значительныя затрудненія.

Такова была вел. кн. Екатерина Павловна, имѣвшая на своего брата императора вліяніе большее, чѣмъ обѣ императрицы или кто-либо другой изъ родственниковъ. Но это вліяніе не надо преувеличивать. Императоръ Александръ подчинялся обаянію ея личности преимущественно тогда, когда имѣлъ ее передъ глазами, на него дѣйствовала ея живость, увлеченіе и красота. Онъ боготворилъ сестру и писалъ ей такія письма, которыя напоминаютъ переписку влюбленныхъ. При личныхъ свиданіяхъ, подчиняясь обаянію великой княгини, императоръ совѣтовался съ ней по самымъ разнообразнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и даже предварительно составлялъ программы бесѣдъ, чтобы не оставить безъ вниманія ничего важнаго, но въ письмахъ онъ не такъ откровененъ и иногда посылаетъ ничего не значащія записочки въ то время, какъ былъ всецѣло занятъ важными мыслями и заботами. Нѣкоторую роль тутъ играло и недовѣріе къ почтѣ, которая не избавляла отъ перлюстрацій даже императорскія письма. Чувствуя себя часто одинокимъ, императоръ Александръ любилъ побесѣдовать съ сестрой, хотя бы письменно, сообщить ей свои радости и огорченія, но совѣта онъ просилъ очень рѣдко.

До 1809 г., года замужества, вел. кн. Екатерина Павловна врядъ ли оказывала замѣтное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. По крайней

мѣрѣ, переписка ея съ императоромъ носитъ игривый характеръ обмѣна комплиментами и поверхностной передачи своихъ впечатлѣній. Серьезныя ноты звучатъ только въ тѣхъ письмахъ, въ которыхъ обсуждаются проектъ брачнаго союза съ императоромъ Французомъ и отношенія императора Александра къ Наполеону. Въ горячемъ письмѣ отъ 27 іюня 1807 г. вел. кн. Екатерина Павловна заклинаетъ брата отстаивать передъ Наполеономъ интересы Россіи, чтобы заставить ее уважать не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Съ своей стороны и импера-



Императоръ Александръ I. Гишара. (Акад. Худ.)

торъ Александръ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него бесѣдами съ Наполеономъ.

Переселившись въ Тверь, великая княгиня, вдали отъ шумнаго петербургскаго двора съ постоянными празднествами и церемоніями, получаетъ все большій вкусъ къ общественнымъ дѣламъ, честолюбіе ея отъ брачныхъ вопросовъ съ владѣтельными особами обращается къ тому, чтобы и въ сравнительно скромномъ положеніи жены провинціальнаго генералъ-губернатора играть видную роль въ центрѣ. Она довольно часто видалась съ императоромъ, такъ какъ подолгу гостила въ Петербургѣ, и неоднократно принимала брата въ своемъ тверскомъ дворцѣ. Бесѣды ихъ стали носить болѣе дѣловой характеръ, переписка стала гораздо содержательнѣе. Вліяніе и сила великой княгини становились все замѣтнѣе. Всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что въ Твери не разъ обсуждались и рѣшались назначенія на отвѣтственные посты, что расположеніе вел. княгини открыло быструю карьеру многимъ честолюбцамъ, а неудовольствіе ея равнялось царской опалѣ. Московскія власти прислушивались, что говорятъ въ тверскомъ дворцѣ. Такъ, П. П. Голенищевъ-Кутузовъ, попечитель Московскаго университета, иногда пренебрегалъ прямыми указаніями министерства, если великая княгиня съ ними не

соглашалась. Ея вліяніе было извѣстно и за границей, и прусскіе агенты, хлопотавшіе о бракѣ вел. кн. Анны Павловны съ прусскимъ принцемъ, сочли долгомъ прежде всего посѣтить Тверь и посовѣтоваться съ вел. кн. Екатериной Павловной.

Вокругъ великой княгини составился тѣсный кружокъ опредѣленно консервативнаго направленія, и самымъ желаннымъ гостемъ въ Твери былъ Н. М. Карамзинъ. Она считала конституцію „совершеннымъ вздоромъ“, а самодержавіе полезнымъ не только въ Россіи, но и въ западно-европейскихъ

Императоръ Александръ I. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

государствахъ, и достаточно, думала она, государю показать свою личную энергію, чтобы завладѣть неограниченной властью. Она охотно подписала бы свое имя подъ извѣстнымъ разсужденіемъ Карамзина „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи“, подъ этой горячей проповѣдью самодержавія и осужденія либеральныхъ реформъ. Это сочиненіе вел. кн. Екатерина Павловна передала императору во время одного изъ его визитовъ въ Тверь. Какъ извѣстно, императоръ Александръ держался иныхъ взглядовъ и принялъ подношеніе довольно холодно. Другимъ частымъ посѣтителемъ Твери и постояннымъ корреспондентомъ великой княгини былъ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ. Онъ сообщаетъ ей послѣднія новости,

ходатайствуетъ за своихъ друзей и ведетъ бесѣды на политическія темы. Гр. Ростопчинъ пришелся ко двору, и вел. кн. Екатерина Павловна провела его на высокій постъ московскаго главнокомандующаго.

Такъ какъ основные политическіе взгляды императора Александра и вел. кн. Екатерины Павловны были слишкомъ различны, то вліяніе великой княгини на брата въ томъ случаѣ, когда вопросъ касался организаціи новыхъ учрежденій и реформы старыхъ, было едва ли особенно сильно. Правда, императоръ продолжаетъ бесѣды съ сестрой на политическія темы и посылаетъ

Императрица Елизавета Алексѣевна. Орта.
(Музей Александра III.)

ей на разсмотрѣніе проектъ переустройства Сената, но ниоткуда не видно, чтобы мнѣнія великой княгини имѣли рѣшающее значеніе. Но ей удалось другое — вмѣстѣ съ группой вліятельныхъ лицъ добиться ссылки либерального реформатора, гр. Сперанскаго, котораго она считала „преступникомъ“, овладѣвшимъ волей слабохарактернаго монарха. Помимо идейнаго антагонизма, къ этой враждѣ, быть-можетъ, примѣшивалось и личное нерасположеніе къ человѣку, который заслонялъ ее отъ императора и не разъ становился ей поперекъ дороги. Сперанскій имѣлъ смѣлость высказаться противъ кандидатуры Карамзина на постъ министра народнаго просвѣщенія, выдвинутой вел. кн. Екатериной Павловной послѣ смерти Завадовскаго, и отка-

залъ въ поддержкѣ той шведской политической партіи, которая прочила на шведскій престолъ мужа вел. княгини, принца Ольденбургскаго. Конечно, много было существенныхъ основаній политическаго и личнаго характера, почему императоръ Александръ долженъ былъ разстаться съ Сперанскимъ, но, несомнѣнно, вражда вел. кн. Екатерины Павловны имѣла въ этомъ случаѣ немалое значеніе.

Въ тяжелое время Отечественной войны великая княгиня оказалась на высотѣ положенія. Среди всеобщей растерянности и уныніе она одна изъ немногихъ стояла за продолженіе войны съ Наполеономъ до послѣдней крайности и въ этомъ смыслѣ писала императору горячія, одушевленныя истиннымъ патріотизмомъ письма. Конечно, императоръ Александръ не считалъ сестру компетентной въ военномъ дѣлѣ и не искалъ у нея совѣтовъ, но зато обращался къ ней за моральной поддержкой и находилъ искреннее сочувствіе. Но великая княгиня сама проявила свою инціативу въ созданіи военныхъ силъ имперіи и едва ли не первая высказала мысль о повсемѣстной организаціи ополченій. Изъ своихъ крѣпостныхъ она составила особый баталіонъ, который содержала на свои средства до самаго конца войны съ Наполеономъ. Ей хотѣлось бы проявить еще большую дѣятельность, она сожалѣла, что родилась не мужчиной и мечтала видѣть своего мужа героемъ, увѣнчаннымъ военными лаврами. Но принцъ откровенно признавался, что не чувствуетъ къ военному дѣлу особой склонности и хотя отправился къ дѣйствующей арміи въ свитѣ императора, но игралъ въ ней незавидную роль и вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ покинулъ армію. Великая княгиня не хотѣла съ этимъ помириться; она докучала брату письмами съ требованіемъ командировать принца на театръ военныхъ дѣйствій, допускала даже рѣзкій тонъ, но успѣха не имѣла. Принцъ, нося военный мундиръ, оставался гражданскимъ чиновникомъ. Онъ вмѣстѣ съ супругой немало заботился объ устройствѣ госпиталей для раненыхъ, лично вникалъ во всѣ мелочи и при посѣщеніи больныхъ заразился тифомъ и скончался.

Горе вел. кн. Екатерины Павловны было глубоко и искренне, хотя императрица Елизавета Алексѣевна, бывшая съ великой княгиней въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ, ядовито замѣтила, что она утѣшилась слишкомъ скоро. Пошатнувшееся здоровье и желаніе забыться въ новой обстановкѣ заставили ее выѣхать за границу для лѣченія водами. Тутъ она увлеклась вопросами внѣшней политики и со всей своей страстностью окунулась въ море дипломатическихъ интригъ и переговоровъ. Она даетъ императору подробные отчеты о своихъ бесѣдахъ съ иностранными принцами и министрами и исполняетъ довольно сложныя дипломатическія порученія. Такъ, она подготовляла присоединеніе Австріи къ коалиціи противъ Наполеона. Но играть выдающуюся роль ей удалось только въ 1814 г., во время своего продолжительнаго пребыванія въ Англіи. Съ перваго же дня своего пребы-

ванія въ Лондонѣ она стала дѣлать ошибку за ошибкой. Принцъ-регентъ ей очень не понравился, и она стала относиться высокомѣрно и крайне нетактично и къ нему, и къ правительственной торійской партіи, была очень любезна съ опальными принцессами и съ руководителями вигской партіи и такъ раздражила англійское правительство, что русскій посолъ кн. Ливенъ долженъ былъ сдѣлать ей серьезныя представленія. Но сломить ее упрямство было нелегко; русская великая княгиня перестала разговаривать съ русскимъ посломъ. Когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ Лондонъ съ цѣлью завязать болѣе дружественныя отношенія съ англійскимъ дворомъ, то подпалъ вполнѣ подъ вліяніе сестры, въ отелѣ которой остановился, и не только не поправилъ дѣла, а совершилъ новый рядъ безтактностей и грубыхъ дипломатическихъ ошибокъ. Англійскіе представители на Вѣнскомъ конгрессѣ не забыли этого и заняли позицію, враждебную русскимъ интересамъ.

Великая княгиня была и въ Вѣнѣ во время конгресса, но играла ли какую-либо политическую роль, пока неизвѣстно. Врядъ ли она ограничилась только участіемъ въ блестящихъ празднествахъ. Послѣ конгресса вліяніе вел. кн. Екатерины Павловны на брата, повидимому, все болѣе ослабѣваетъ. Она увлеклась наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ и, несмотря на убѣжденія матери, отдала ему руку. Это сердечное увлеченіе врядъ ли было счастливо. По наблюденіямъ современниковъ, принцъ обращался съ ней довольно грубо и, вѣроятно, смотрѣлъ на этотъ бракъ только какъ на выгодную политическую комбинацію. Скоро она сдѣлалась королевой, наконецъ, увидѣла себя на тронѣ, но рожистое воспаленіе прервало ея еще молодую жизнь. Она умерла 28 декабря 1818 г. только тридцати лѣтъ отроду.

С. Богоявленскій.

С. П. Гамалѣя.

Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе императора Александра I.

I.

Въ послѣдніе мѣсяцы трагически оборвавшагося царствованія Павла курсъ русской внѣшней политики подвергался такимъ же рѣзко импульсивнымъ воздѣйствіямъ, какъ и всѣ дѣла тогда въ Россіи. Война съ Англіей и союзъ съ первымъ консуломъ, разрывъ съ Австріей и сближеніе съ Пруссіей—главныя событія послѣдняго періода Павловской политики — ставили Россію на новый путь, глубоко противорѣчившій общему настроенію вліятельныхъ круговъ. Но если во внутреннихъ дѣлахъ нѣсколькими указами и повелѣніями можно было удовлетворить руководящіе слои общества, повергнувъ правительственную политику въ прежнее русло, для международныхъ отношеній Россіи вопросъ рѣшался не такъ легко и просто. Нетрудно было возстановить порванныя Павломъ традиціонныя связи, но, съ другой стороны, едва ли было безопасно и выгодно для Россіи круто порвать со всѣмъ, что имъ было сдѣлано. Большинство дѣятелей, возстановившихъ или вновь получившихъ въ эту пору вліяніе на правительственныя дѣла, стояли, однако, за полный переломъ въ русской политикѣ. При всѣхъ различіяхъ взглядовъ между братьями Воронцовыми, гр. А. К. Разумовскимъ, гр. В. П. Кочубеемъ, гр. Н. П. Панинымъ, кн. Ад. Чарторыскимъ и другими руководителями русской дипломатіи, всѣ они одина-

ково твердо были убѣждены въ необходимости для Россіи вернуться къ ея прежнимъ союзнымъ отношеніямъ, принимая всѣ послѣдствія этого шага. Такой взглядъ былъ прежде всего основанъ, конечно, на господствовавшемъ въ русскомъ обществѣ недовѣріи къ Франціи, у однихъ, какъ носительницѣ революціонныхъ идей, у другихъ, либеральныхъ молодыхъ друзей Александра, какъ къ грозной нарушительницѣ европейскаго равновѣсія. Но наибольшій вѣсъ этимъ убѣжденіямъ верховъ общества давало то, что въ основѣ ихъ лежали дѣйствительные интересы государства.

Какъ и во всѣхъ экономически отсталыхъ странахъ Европы, для народнаго хозяйства Россіи сыгралъ чрезвычайно важную роль подъемъ англійскаго промышленнаго производства, совершившійся во второй половинѣ XVIII вѣка. Быстрое увеличеніе промышленнаго, т.-е. городского населенія въ Англіи вызвало столь же быстрый ростъ спроса и поднятіе цѣнъ на сырые матеріалы и сельско - хозяйственные продукты. Создавшіяся вслѣдствіе этого благопріятныя условія для развитія отпускной торговли продуктами сельскаго хозяйства, съ одной стороны, значительно улучшили торговый балансъ Россіи, а съ другой—повысили противъ прежняго зависимость русскаго хозяйства отъ внѣшней торговли рынка. Эта внѣшняя воспріимчивость русскаго народнаго хозяйства — истинное начало новѣйшаго періода нашей исторіи — очевидно, предопредѣляла и направленіе симпатій русскаго общества въ основной политической проблемѣ эпохи, въ великой англо-французской борьбѣ, которую лордъ Чатамъ такъ исчерпывающе ясно опредѣлилъ знаменитой формулой: „единственное, чего Англіи слѣдуетъ бояться, это превращенія Франціи въ морскую, торговую и колоніальную державу“. Въ первые годы XIX вѣка громадная часть нашего вывоза шла въ англійскіе порты, весьма крупная доля потреблявшихся въ Россіи товаровъ была англійскаго происхожденія; между обѣими странами существовала, такимъ образомъ, крѣпкая экономическая связь, внѣ которой нельзя было прочно ставить вопроса объ ихъ взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, правильная оцѣнка англо-французскаго соперничества не позволяла разсчитывать на возможность занять сколько-нибудь нейтральную позицію. Генералъ Бонапартъ возстановилъ самую глубокую и жизненную традицію французской политики, взявъ въ свои руки борьбу съ Англіей; положивъ въ основу своей дипломатической дѣятельности экономическіе интересы

Гр. К. А. Поццо-ди-Борго.

Франціи, онъ обезпечивалъ себѣ могущественнѣйшее орудіе владычества и силы. У тѣхъ, кто вполнѣ сознавалъ это въ то время, не могло быть оптимистическихъ взглядовъ на европейскій миръ.

Гр. А. К. Разумовскій, возстановленный въ званіи русскаго посла въ Вѣнѣ, черезъ недѣлю послѣ воцаренія Александра въ обширной докладной запискѣ доказывалъ необходимость воскресить Екатерининскій „троїственный“ противо-революціонный союзъ. То, что онъ предлагалъ, сводилось къ заново обоснованному, но наиболѣе привычному для Россіи курсу: австро-русскому союзу съ поддержкой Англіи противъ Франціи и Пруссіи. Также возвращенный на свой прежній постъ, посолъ нашъ при англійскомъ дворѣ гр. С. Р. Воронцовъ настаивалъ на томъ, что непосредственнаго примиренія съ Англіей — перваго шага Александра — недостаточно; онъ возставалъ противъ началъ вооруженнаго нейтралитета, противъ созданнаго Россіей для борьбы съ Англіей союза съ Швеціей и Даніей,—словомъ, выступалъ яркимъ сторонникомъ наступательнаго и оборонительнаго англо-русскаго союза. Самъ офиціальный руководитель русской внѣшней политики гр. Н. П. Панинъ стоялъ также за тѣсное сближеніе съ Англіей, но въ сочетаніи съ Пруссіей и Портой, чтобы „обуздывать честолюбіе Австріи политикой Екатерины II и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей“. Наконецъ, многіе изъ „молодыхъ“, напр., Строгановъ и Ад. Чарторыскій, были выразителями яркаго антп-французскаго теченія.

II тѣмъ не менѣе, первыя же выступленія русскаго правительства показали, что ни общее настроеніе руководящихъ круговъ, ни болѣе отграниченныя теченія, такъ близко сходившіяся въ главномъ, не опредѣляютъ новаго курса. Это сказалось и въ объясненіяхъ съ уполномоченнымъ перваго консула ген. Дюрокомъ, и въ циркулярной инструкціи посламъ 5 іюля 1801 г., и въ сужденіяхъ неофиціальнаго комитета. Александръ не предпринялъ ничего рѣшительнаго; не отвергнувъ ни одной изъ предлагавшихся ему программъ, онъ не далъ хода ни одной изъ нихъ.

Онъ внимателенъ къ гр. А. К. Разумовскому, но до осени не пускаетъ его въ Вѣну; онъ мягко возражаетъ гр. С. Р. Воронцову, но даетъ ему понять, что то, въ чемъ посолъ упрекаетъ гр. Н. Панина, исходитъ отъ императора, и спокойно ставитъ его въ самое тягостное положеніе передъ англійскимъ дворомъ. Мало-по-малу всѣ дѣйствія дипломатіи сводятся къ одному, еще не для всѣхъ исполнителей ясному, для многихъ крайне непріятному курсу. Его задачи: „сдерживать честолюбіе Франціи, не компрометируя себя“, использовать взаимную вражду „естественныхъ союзниковъ“ Россіи, Австріи и Пруссіи, выходя изъ нейтралитета лишь тогда, когда этого потребуютъ выгоды Россіи, сохранять, пока можно, союзныя отношенія съ „есте-

ственными же“ врагами, Швеціей и Турціей, и, наконецъ, въ основномъ вопросѣ, о позиціи Россіи между Англіей и Франціей, держаться по возможности самостоятельно, т.-е. искать, пока позволяютъ обстоятельства, позиціи нейтральной. „Я особенно постараюсь слѣдовать національной системѣ, т.-е. системѣ, основанной на выгодахъ государства, а не на пристрастіяхъ къ той или иной другой державѣ, какъ это часто случалось“, пишетъ Александръ С. Р. Воронцову.

Этой программѣ—программѣ императора Александра—съ рѣдкой послѣдовательностью отвѣчаютъ дѣйствія направляемой имъ дипломатіи. Онъ заключаетъ миръ съ Англіей, но не отказывается ни отъ одного изъ выгодныхъ для Россіи послѣдствій разрыва съ нею—соглашенія съ Швеціей, возстановленія порванной революціей связи съ Франціей; онъ посылаетъ спеціальную миссію въ Вѣну, назначаетъ туда посломъ любимца австрійскаго двора Разумовскаго, но въ то же время хлопочетъ и о поддержкѣ дружескихъ отношеній съ Пруссіей. И—самый яркій фактъ: прежде всего и больше всего его заботятъ переговоры, которые ведетъ Морковъ въ Парижѣ. Слѣдуя инструкціямъ императора, Морковъ заключаетъ мирный договоръ и конвенцію, являющіеся дѣйствительными выраженіями политики интересовъ, а не пристрастій и традицій. Вопреки требованіямъ и выгодамъ Англіи, о тѣсномъ сближеніи съ которой Воронцовъ ведетъ въ это время переговоры въ Лондонѣ, въ конвенцію включается условіе о русскомъ посредничествѣ между Россіей и Портой, потому что это обезпечиваетъ хотя бы временно сохраненіе русскаго вліянія въ Константинополѣ. Условія разрѣшенія германскаго вопроса вырабатываются на основѣ соблюденія въ Германіи равновѣсія между Габсбургскимъ и Бранденбургскимъ домами. Но наиболѣе характерной и замѣчательной чертой этихъ договоровъ является условность ихъ. Александръ признаетъ послѣдствія революціи, но лишь какъ завершившіяся; цѣль договоровъ—созданіе устойчиваго порядка, возстановленіе нарушеннаго революціонными войнами равновѣсія въ Европѣ, но равновѣсія чисто фактическаго безъ всякой реставраціонной окраски. Ни компенсаціи обездоленнымъ на лѣвомъ берегу Рейна германскимъ князьямъ, ни вопросъ о Пьемонтѣ и вознагражденіи сардинскому королю не выходятъ изъ рамокъ политики интересовъ. И то, и другое—въ интересахъ Россіи. Духъ договора обязывалъ перваго консула считаться съ европейскимъ равновѣсіемъ въ той формѣ, въ какой, по мнѣнію Александра,

Гр. И. А. Каподистріа.

оно было необходимо для Россіи: основнымъ условіемъ согласія съ Франціей было положено равновѣсіе между русскимъ и французскимъ вліяніемъ.

Этотъ первый періодъ внѣшней политики Александровскаго царствованія характеризуется большой осторожностью, постояннымъ стремленіемъ сглаживать опасныя противорѣчія, не принимать на себя никакихъ рѣшающихъ обязательствъ—и въ то же время настойчивой работой надъ опредѣленіемъ, обоснованіемъ и утвержденіемъ самостоятельнаго и вполнѣ реалистическаго курса русской политики. Въ основныхъ чертахъ, это—политика мира, но мира, основаннаго на твердой защитѣ государственныхъ интересовъ. Эти черты предрѣшаютъ и условность этой политики. Съ другой стороны, въ рядахъ русской дипломатіи, неоднородныхъ по взглядамъ и пріемамъ работы, устанавливается непривычно строгая централизація. Въ общемъ воспитывается внѣшняя гибкость политики при внутренней опредѣленности ея. И въ этихъ чертахъ вырисовывается ея основной характеръ: она глубоко отражаетъ личныя свойства молодого императора; выясняется, тогда еще, впрочемъ, для немногихъ, что руководятъ ею не славные дипломаты „Екатерининской школы“, не блестящая плеяда „молодыхъ“, а ее направляетъ желѣзная рука въ бархатной перчаткѣ,—рука самого Александра.

II.

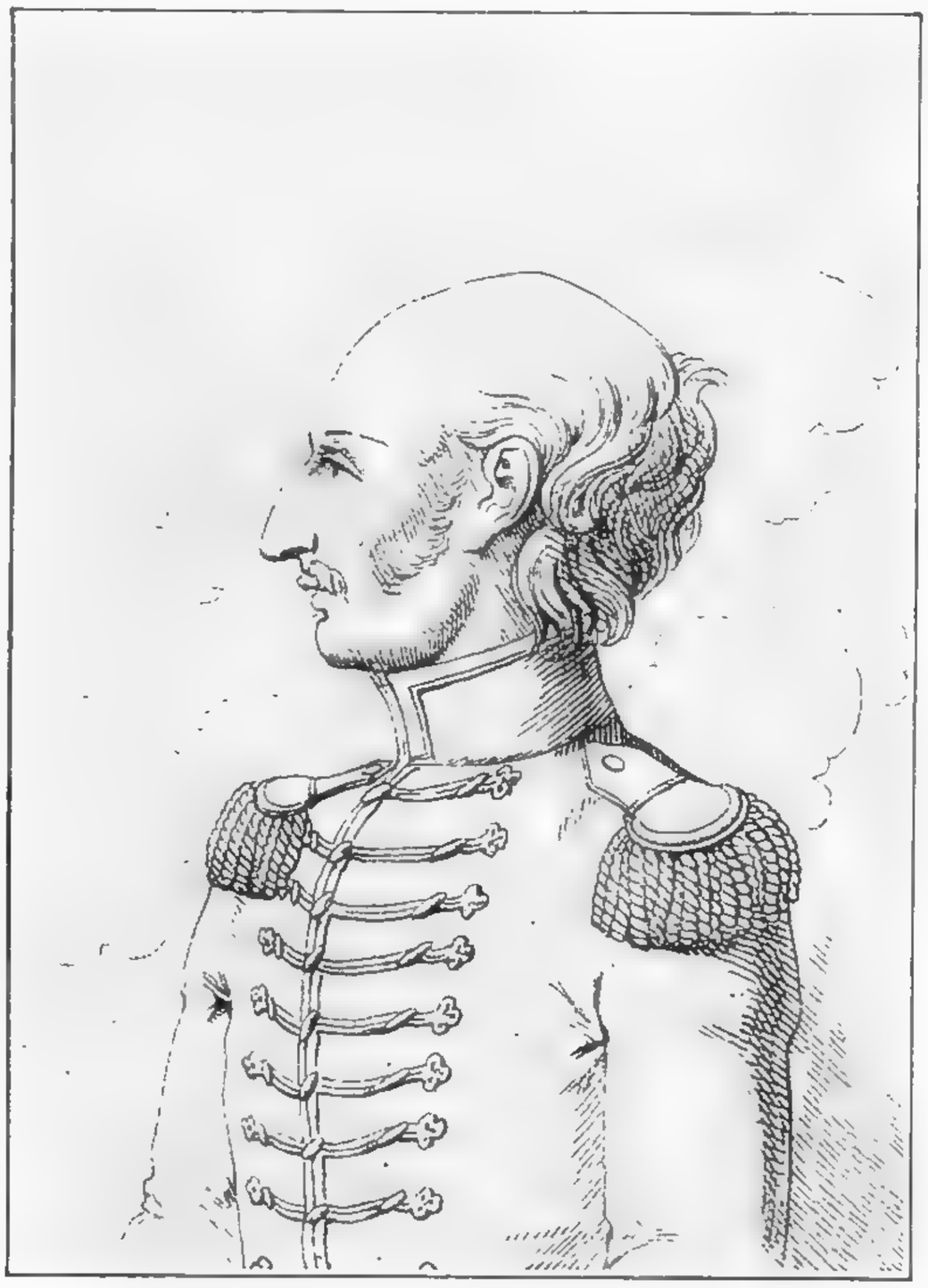
Политика Александра была въ это время опредѣленно миролюбивой. Но миръ не былъ ея исчерпывающей цѣлью. Какъ только обнаружилось, что нельзя надѣяться на точное осуществленіе заключенныхъ Морковымъ договоровъ, на соблюденіе главной цѣли ихъ, въ русской политикѣ вполнѣ послѣдовательно выступили впередъ иныя настроенія. Первымъ яснымъ симптомомъ этой перемѣны была передача вѣдомства иностранныхъ дѣлъ гр. А. Р. Воронцову, сторонніку англо-австрійскаго союза; помощникомъ его былъ назначенъ кн. Ад. Чарторыскій.

Рядъ фактовъ доставилъ безспорныя доказательства, что, сближаясь съ Россіей, первый консулъ хотѣлъ лишь использовать ее въ своихъ цѣляхъ и при этомъ отнюдь не былъ намѣренъ считаться съ русскими интересами, иначе говоря, не думалъ ни о какомъ уравновѣшеніи русскаго и французскаго вліянія въ Европѣ. Обнаружилось это и въ германскомъ, и въ итальянскомъ дѣлахъ, и въ вопросѣ о посредничествѣ Россіи въ Константинополѣ. Всѣ подозрѣнія, недомолвки, недоразумѣнія получили для русскаго правительства вполнѣ опредѣленный смыслъ, когда сталъ извѣстнымъ заключенный первый консуломъ въ маѣ 1802 г. тайный договоръ съ Пруссіей, по которому рѣшеніе германскаго вопроса опредѣлялось на особо выгодныхъ для нея условіяхъ, взамѣнъ чего Пруссія признавала итальянскую республику

Гр. М. М. Сперанскій.

и присоединеніе Пьемонта къ Франціи и принимала на себя посредничество между Франціей и Турціей. Хотя условія первой части договора были вскорѣ сообщены Александру и одобрены имъ, самый фактъ сепаратнаго и тайнаго отъ него соглашенія и особенно дальнѣйшее содержаніе его ясно указывали на истинныя цѣли французской политики. Ни дѣлить вліянія съ Россіей, ни принимать въ соображеніе предначертанныхъ ею условій мирнаго сосуществованія первый консулъ, очевидно, не хотѣлъ. Оказывалось, что такимъ путемъ сдерживать „французское честолюбіе“ нельзя.

Съ своей стороны и Наполеонъ успѣлъ убѣдиться въ тщетности надежды на союзъ съ Россіей противъ Англіи. Онъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, отвлечь Россію отъ активнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, надолго занявъ ее на Востокѣ. Онъ постоянно намекалъ Моркову на близость разложенія Турціи, наконецъ, прямо заговорилъ о возможности ея раздѣла: „Турецкая имперія готова рухнуть, и въ такомъ случаѣ сосѣднія державы, Россія и Австрія, естественно захотятъ унаслѣдовать ея развалины; я съ своей стороны ничего противъ этого не имѣю, если только Франціи будетъ предоставлена выгодная доля“. Если бы въ Петербургѣ послѣдовали этому совѣту, Россія была бы тогда же, въ 1802 г., затянута въ войну съ Турціей; первый консулъ надѣялся, что эта война должна будетъ столкнуть насъ затѣмъ и съ Австріей, искони опасавшейся расширенія Россіи на Балканахъ и на Дунаѣ. Такимъ образомъ была бы предупреждена не только возможность союза Россіи съ Англіей, но и еще бо́льшая опасность образованія коалиціи съ Россіей во главѣ. Въ Петербургѣ это прекрасно понимали и рѣшительно отвергли мысль о раздѣлѣ Турціи, извѣстивъ о предложеніи перваго консула Порту и Англію. Этотъ шагъ былъ въ сущности уже началомъ дипломатической войны.



Д. Иконникти.

Тѣмъ временемъ отношенія между Франціей и Англіей становились все болѣе натянутыми. Амьенскій миръ (25 марта 1802 г.) былъ очень непопу-

ляренъ въ Англіи: борьба съ Франціей знаменовала для англичанъ борьбу за ихъ важнѣйшіе интересы, и поэтому искусственное прекращеніе ея вызвало страстное противодѣйствіе со стороны обширныхъ общественныхъ круговъ. Это отразилось на образѣ дѣйствій англійскаго правительства: вопреки договору оно не отозвало своихъ войскъ съ о. Мальты. Возникъ очень острый конфликтъ. Не теряя надежды использовать пока еще нейтральную позицію Россіи, первый консулъ поставилъ передъ Александромъ задачу спасенія европейскаго мира, предложивъ ему принять на себя посредничество. Наша политика въ этомъ рѣшительномъ эпизодѣ отличается чрезвычайной ясностью и опредѣленностью. Русское правительство стремится остаться нейтральнымъ. Оно готово самымъ усерднымъ образомъ хлопотать объ улаженіи конфликта; но—пишетъ А. Р. Воронцовъ Моркову—„если намъ удастся добиться документа, которымъ бы Франція и Англія, съ присоединеніемъ другихъ державъ Европы, гарантировали существованіе и цѣлость оттоманской имперіи, мы покуда сдѣлаемъ все, что можно было ожидать и желать лучшаго. Еслибы можно было включить въ этотъ договоръ новую гарантію для итальянскихъ государствъ, присоединивъ сюда и нѣмецкую имперію, Голландію и Швейцарію, и обезпечить нейтралитетъ этихъ странъ, такъ сказать, заковать Францію въ ея настоящія границы, то это было бы наилучшимъ результатомъ“. Первый консулъ сдѣлалъ вторую, усиленную попытку: предложилъ Александру занять Мальту русскими войсками. Но ловушка была слишкомъ груба; стремленіе втянуть Россію въ конфликтъ съ Англіей было слишкомъ откровенно. Облеченный въ безукоризненную форму отказъ вызвалъ со стороны перваго консула рядъ рѣзкостей по отношенію къ Моркову и жалобъ на гр. С. Р. Воронцова. Морковъ былъ отозванъ и одновременно награжденъ Андреевской лентой. Въ маѣ 1803 г. война между Франціей и Англіей была объявлена.

Еще въ одномъ изъ своихъ докладовъ о мальтійскомъ конфликтѣ А. Р. Воронцовъ указывалъ, какія опасности для Россіи должна повлечь эта война. Въ стремленіи разрушить англійскую торговлю, французы—полагалъ онъ—могутъ занять рядъ пунктовъ на континентѣ, съ которыми мы связаны весьма крупными коммерческими отношеніями; эти дѣйствія должны вызвать и со стороны англичанъ крайне стѣснительныя для насъ мѣры. Его предсказанія оправдались. Осенью 1803 г. канцлеръ докладывалъ государю о громадныхъ затрудненіяхъ для русской торговли, вслѣдствіе блокады англичанами устья Эльбы и опасности, грозящей отъ французовъ Гамбургу и Любеку. Въ широкихъ кругахъ русскаго общества росло возбужденіе противъ Франціи. Воронцовъ, докладывая о несовмѣстимости съ интересами и достоинствомъ Россіи „предавать въ руки дерзкаго властолюбца сосѣдей, искони преданныхъ ей“, выражалъ общее настроеніе. Александръ рѣшилъ создать коалицію въ тѣхъ формахъ, которыя предуказалъ своими первыми же дипломатическими

шагами, т.-е. со включеніемъ въ нее какъ Австріи, такъ и Пруссіи. Въ обращеніяхъ его къ этимъ державамъ, надо отмѣтить, впервые зазвучала старая нота призыва къ борьбѣ съ революціонной страной. Но это, несомнѣнно, было лишь отзвукомъ прежнихъ коалицій, лишь дипломатическимъ пріемомъ, особенно по отношенію къ Австріи. Сверхъ ожиданія призывъ русскаго императора къ новому крестовому походу противъ дерзкаго нарушителя общаго покоя былъ встрѣченъ „искони преданными сосѣдями“ далеко не съ восторгомъ. Австрій-

Маврокордато.

ское правительство еще больше боялось перваго консула, чѣмъ ненавидѣло его. Слишкомъ свѣжи были воспоминанія о недавнихъ пораженіяхъ и почти позорномъ мирѣ. Присоединеніе Пьемонта къ Франціи и занятіе французами Гамбурга и юга Италіи довели эту боязнь до паническаго страха. Разумовскій доносилъ, что его предложенія о союзѣ выслушиваются съ ужасомъ. Австрійскіе министры даже подозрѣвали Россію въ скрытомъ намѣреніи вызвать полный разгромъ Австріи французами, чтобы затѣмъ безпрепятственно завладѣть нижнимъ теченіемъ Дуная. Австрія, однако, прямо не отказывалась отъ участія въ коалиціи, но затягивала переговоры, а въ то же время нащупывала почву для сближенія съ Франціей; между преемникомъ Тугута гр. Фил. Кобенцелемъ и Талейраномъ шла оживленная переписка. Съ другой стороны, Пруссія отнеслась вполнѣ отрицательно къ предложенію Русскаго двора. Вопреки совѣтамъ Гарденберга, предсказывавшаго вторженіе французовъ въ сѣверную Германію и возможность разрыва съ Россіей, король и слышать не хотѣлъ о коалиціи; онъ считалъ Францію своей естественной союзницей противъ Австріи и, питая широкіе планы расширенія въ Германіи, ждалъ ихъ осуществленія отъ помощи Наполеона. Пока, впрочемъ, и русское правительство дѣйствовало еще не съ окончательной рѣшимостью. Сохраненіе нейтралитета пока казалось возможнымъ. Неторопливость русской дипломатіи объяснялась и тѣмъ, что

въ Петербургѣ возникло серьезное недовольство англичанами, допустившими захватъ каперами русскихъ судовъ и блокировавшими устья Эльбы; недовольны были и дѣйствіями англійскаго посла въ Константинополѣ. Это было серьезнымъ препятствіемъ для осуществленія коалиціи, такъ какъ безъ англійскихъ субсидій трудно было бы вести войну. Такое состояніе неопредѣленности длилось бы, можетъ-быть, еще долго, если бы не совершилось поразившее какъ громомъ всю старую монархическую Европу убійство герцога Ангіенскаго, захваченнаго французскими жандармами на германской территоріи. Это роковое преступленіе оживило угасавшія чувства ненависти къ Франціи, какъ къ странѣ революціи, и въ то же время показало, до какой степени доходитъ въ центральной Европѣ паническій страхъ передъ Наполеономъ. Отчасти изъ чувства искренняго негодованія, отчасти изъ желанія использовать моментъ, чтобы создать, наконецъ, коалицію, инициативу протеста взяло на себя русское правительство. Оно обратилось къ Регенсбургскому сейму съ предложеніемъ потребовать отъ Франціи удовлетворенія за дерзкое нарушеніе границъ имперіи. Вмѣсто ожидавшагося единодушнаго выступленія германскихъ государей русская нота вызвала жалкій переполохъ. Къ русскому протесту прпсоединились только ганноверскій посланникъ и шведскій король. Франція отвѣтила Россіи крайне рѣзкой нотой, содержавшей прямыя угрозы. Хотя коалиція не была еще создана, Александръ не поколебался и потребовалъ немедленнаго очищенія сѣверной Германіи и Неаполя и вознагражденія сардинскаго короля. Наполеонъ отказалъ, и въ августѣ 1804 г. дипломатическія сношенія были прерваны.

Этотъ моментъ является для внѣшней политики Александровскаго царствованія чрезвычайно важнымъ. Съ одной стороны, у Александра, преемника побѣдоноснаго „вѣка Екатерины“ и — не слѣдуетъ забывать — великолѣпной эпопеи послѣдней Суворовской войны, была еще неприкосновенной гордая вѣра въ непобѣдимость русскаго оружія; она то и поддерживала въ немъ ту рѣшимость, которая была до сихъ поръ внутренней психической основой его дѣйствій. Съ другой стороны, онъ былъ человѣкомъ своего времени и сознавалъ, что „самое могущественное оружіе, которымъ пользовались до сихъ поръ французы и которымъ они еще угрожаютъ всѣмъ странамъ, состоитъ въ общемъ мнѣніи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благосостоянія народовъ“. Захватить это оружіе въ свои руки—какая великая цѣль! И не столько для ученика Лагарпа, сколько для реалиста-политика. Посылая Александра Новосильцева въ Лондонъ для соглашенія о коалиціи, Александръ предписывалъ ему предложить англійскому правительству соединиться съ Россіей для достиженія этой цѣли: „въ странахъ, которыя должно будетъ освободить отъ ига Бонапарта, не возстанавливать прежнихъ злоупотребленій и такого положенія дѣлъ, къ которому народы, испытавшіе формы независимости,

примѣниться не могутъ; напротивъ, надобно постараться упрочить имъ свободу, установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ“. Императоръ горячо воспринялъ этотъ планъ, созданный и разработанный двумя иностранцами, учителемъ Чарторыскаго Піатоли и сардинскимъ посланникомъ Жоз. де-Местръ. Это видно изъ того, что исполнителемъ его былъ призванъ кн. Адамъ Чарторыскій, послѣдовательно распространявшій его и на польскій вопросъ. Практическая программа, вытекавшая изъ приложенія этихъ принциповъ къ реальной политикѣ, весьма примѣчательна. Предполагалось возстановить сардинскаго короля, но съ тѣмъ, чтобы онъ далъ населенію „мудрую конституцію“, Швейцаріи и Голландіи предоставить свободно устроить свой государственный строй, Франціи объявить, что союзники ведутъ войну не съ ней, а съ ея правительствомъ, и предоставить ей полную свободу выбора правленія, въ Германіи изъять второстепенныя государства изъ-подъ вліянія Австріи и Пруссіи и образовать изъ нихъ тѣсный союзъ и, наконецъ, — по мысли Чарторыскаго, подготовлявшаго для Россіи компенсацію за польскія области, — присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію и болѣе или менѣе широко облегчить участь турецкихъ христіанъ. Очевидно, эта программа въ основныхъ чертахъ совпадала съ начальной компромиссной программой Александра, построенной, однако, на исключительно практическихъ соображеніяхъ.

Колокотронн.

Въ Англіи такъ и поняли, и такъ приняли русскія предположенія. Ничего по существу не возражая противъ предлагаемаго общаго принципа политики, Питтъ рѣшительно отказывался обсуждать его практическое примѣненіе; что же касается восточнаго вопроса, то англійскіе государственные люди не только не выказали сочувствія русскимъ планамъ, но, наоборотъ, проявили явное и рѣшительное намѣреніе имъ противодѣйствовать. Они твердо настаивали, что практическая задача момента сводится къ тому, что

Россія должна составить коалицію, а британское правительство помочь ей своими силами и средствами.

Въ началѣ 1805 г. англійскій парламентъ вотировалъ 5 милліоновъ фунтовъ на военное пособіе континентальнымъ державамъ, а 30 марта былъ подписанъ англо-русскій союзный договоръ. И въ этотъ моментъ Александръ сдѣлалъ попытку получить отъ Англіи то, что здравый политическій расчетъ не позволилъ ему принять отъ Франціи: онъ предложилъ занять о. Мальту русскимъ гарнизономъ. Въ Англіи это произвело впечатлѣніе громового удара; „я никогда не видалъ Питта въ такомъ горѣ“, писалъ С. Р. Воронцовъ. Дѣйствительно, споръ изъ-за Мальты, важной станціи между Франціей и Египтомъ, не случайно оказался поводомъ къ возобновленію англо-французской борьбы. И Англія вовсе не намѣрена была терять ради союза съ Александромъ то, что она пріобрѣла цѣной разрыва съ Портой. Тутъ начиналась область столкновенія англо-русскихъ интересовъ. На этой почвѣ соглашеніе было невозможно. Александръ это понялъ и отступилъ. Въ договорѣ было опредѣлено цѣлью союза освобожденіе Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Ганновера и сѣверной Германіи.

Въ концѣ 1804 г. австрійское правительство рѣшилось, наконецъ, опредѣлить свою политику. Его побудила къ этому жуткая тревога за участь Италіи. Казалось яснымъ, что Наполеонъ, теперь уже императоръ французовъ, не удовлетворяется званіемъ президента итальянской республики. Тревожили Австрію и возможныя осложненія на востокѣ. Въ каждый моментъ ей грозили приближеніе войны къ ея границамъ, нарушеніе ея жизненныхъ интересовъ. 6 ноября 1804 г. Австрія условно вступила въ коалицію, обязавшись выставить войска въ случаѣ покушенія Франціи на независимость Италіи или на занятіе Египта.

Въ концѣ маѣ 1805 г. Генуя была присоединена къ Франціи, а Лукка сдѣлана владѣніемъ сестры императора. 28 іюля 1805 г. Австрія присоединилась къ англо-русскому союзу. Если цѣною долгихъ и тягостныхъ хлопотъ удалось преодолѣть колебанія австрійскихъ политиковъ, людей, которые, по выраженію Питта, „всегда на годъ отставали на войско и на идею“, любимой мысли Александра относительно включенія въ коалицію и Пруссіи на этотъ разъ не суждено было осуществиться. Король болѣе чѣмъ когда-либо вѣрилъ, что дружба съ Франціей дастъ, наконецъ, желанные плоды, и Наполеонъ его горячо въ томъ завѣрялъ; съ другой стороны, и Гаугвицъ, и даже рѣшительный противникъ нейтралитета Гарденбергъ не довѣряли чистотѣ намѣреній Россіи. Можетъ-быть, тутъ сказался результатъ глухого противодѣйствія Воронцовыхъ и Чарторыскаго желаніямъ Александра. Воронцовы считали Пруссію опасной сосѣдкой для Россіи въ случаѣ расширенія ея къ сѣверу по балтійскому побережью. Чарторыскій ненавидѣлъ въ ней виновницу раздѣла Польши и мечталъ о возстановленіи Польши подъ скипетромъ

Александра путемъ присоединенія къ Россіи Познани и обмѣна Галиціи на Силезію и Баварію. При этихъ условіяхъ даже „личная дружба“ Александра съ королемъ не могла ничего измѣнить. Пруссія рѣшилась держаться вооруженнаго нейтралитета. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Пруссіи произвело очень тягостное впечатлѣніе вступленіе въ коалицію Швеціи. Явилась опасность нарушенія нейтралитета въ сѣверной Германіи. Наполеонъ использовалъ моментъ, обостривъ эти опасенія и поставивъ передъ Пруссіей реальную приманку: Ганноверъ. Россія двинула войска къ прусской границѣ.

III.

Неудача въ переговорахъ съ Пруссіей была первой серьезной дипломатической неудачей Александра. Она тяжело подѣйствовала на него. Впервые онъ обнаружилъ нерѣшительность. Положеніе было тягостное: съ одной стороны, сдѣланныя въ Вѣнѣ и Лондонѣ заявленія, что Россія принудитъ Пруссію войти въ коалицію, и настоянія Чарторыскаго, съ другой—горячіе протесты „любимаго друга“ Фридриха-Вильгельма и представленія вѣнскаго двора противъ войны съ Пруссіей. Вывелъ его изъ затрудненія императоръ французовъ.

Пока шли переговоры о коалиціи, пока Россія и Австрія медлительно вооружались, императоръ, вождь арміи, казалось, бездѣйствовалъ. Работалъ лишь великій дипломатъ, не допустившій вступленія Пруссіи въ коалицію и подготовлявшій диверсію противъ Россіи на Востокѣ. Но въ этомъ заблужденіи, которое раздѣлялось слишкомъ многими и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ, вскорѣ пришлось раскаяться. Наполеонъ, какъ теперь доказываютъ многіе военные историки, не думалъ серьезно о высадкѣ въ Англію, сосредоточивъ свои силы въ Булонскомъ лагерѣ. Онъ надѣялся принудить этой угрозой Англію къ миру. Но, помимо этого, въ Булони онъ воспиталъ свои войска. Якобы бездѣйствовавшій императоръ готовилъ Англіи ударъ на континентѣ. Почти полной неожиданностью для союзниковъ было появленіе его войскъ въ Швабіи и Франконіи уже въ концѣ сентября. Одновременно Наполеонъ предложилъ союзъ Пруссіи, затѣмъ, соглашаясь на сохраненіе ею нейтралитета, предложилъ ей взять въ залогъ Ганноверъ и выступить посредницей между нимъ и коалиціей. Онъ хотѣлъ выиграть время, потому что въ Пруссіи многое къ этому времени измѣнилось. Король и его ближайшіе совѣтники держались прежнихъ взглядовъ, но патріотическая партія, во главѣ съ королевой Луизой и принцемъ Людвигомъ, могла теперь противопоставить имъ настроеніе всей страны. Наконецъ, Наполеонъ самъ показалъ свое истинное отношеніе къ прусскому нейтралитету: когда понадобилось, онъ не задумался перевести свои войска черезъ прусскую территорію.

Между тѣмъ война началась раньше, чѣмъ союзники успѣли къ ней приготовиться. Хотя австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Макъ еще въ іюнѣ обѣщалъ въ два мѣсяца приготовить армію въ 250.000 чел., но въ дѣйствительности былъ готовъ только 80-тысячный корпусъ, который онъ и повелъ на границу Баваріи, чтобы предупредить Наполеона. Вмѣсто предположенныхъ 180.000 русскихъ войскъ къ театру военныхъ дѣйствій приближался лишь 50-тысячный корпусъ Кутузова. Наполеонъ въ нѣсколько дней трижды разбилъ австрійцевъ, перешелъ Дунай и занялъ Аугсбургъ и Мюнхенъ. Макъ, вѣрный своей системѣ предупреждать Наполеона, поспѣшилъ къ Ульму, гдѣ и былъ окруженъ. Послѣ кровопролитной побѣды Нея при Эльхингенѣ, Макъ 20 октября сдался съ 23.000 австрійскаго войска. Впечатлѣнія этихъ побѣдъ, уничтожившихъ первую австрійскую армію, до вступленія на театръ войны союзныхъ войскъ, не могла сгладить вѣсть о Трафальгарскомъ боѣ 21 октября. Въ Англіи торжествовали, но теперь континентальной коалиціи было мало утѣшенія въ ея торжествѣ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій произошло свиданіе Александра съ прусскимъ королемъ въ Берлинѣ. Пораженіе австрійскихъ войскъ еще не было пораженіемъ Россіи. Александръ явился въ Берлинъ въ еще не померкнувшемъ ореолѣ вождя коалиціи; восторженный пріемъ, оказанный ему населеніемъ, свидѣтельствовалъ о блескѣ и обаяніи этого ореола. Недаромъ прусскій король, помня Александра съ мемельскаго свиданія, теперь такъ долго уклонялся отъ личныхъ переговоровъ съ нимъ. Сильный своей еще ничѣмъ не поколебленной увѣренностью въ своей военной мощи, сильный окружавшей его общенародной симпатіей, сильный, наконецъ, своимъ личнымъ обаяніемъ, Александръ сдѣлалъ то, чего не могъ достигнуть черезъ своихъ дипломатовъ. Насилуя волю короля, онъ добился перемѣны прусской политики. Правда, Пруссія не присоединилась къ коалиціи, а лишь принимала на себя вооруженное посредничество, выставивъ и съ своей стороны тѣ требованія, которыя были положены въ основу программы союза. Но и этимъ достигалось уже многое. Наполеону грозилъ союзъ всей Европы.

Въ это время войска Кутузова пришли, вѣрнѣе, прибѣжали на Инн, гдѣ ихъ встрѣтили одушевленныя рядомъ побѣдъ и значительно болѣе многочисленныя французскія войска. Пришлось немедленно же начать отступленіе подъ натискомъ непріятеля. Славные арьергардные бои при Дюренштейнѣ и Шенграбенѣ не могли при этихъ условіяхъ ни улучшить положенія русскихъ войскъ, ни дать имъ увѣренности въ побѣдѣ. Отовсюду шли вѣсти о пораженіяхъ австрійцевъ. Французы уже заняли Вѣну. Наконецъ, у Ольмюца отступленіе прекратилось; туда подошли свѣжія войска изъ Россіи и небольшой австрійскій отрядъ. Прибыли Александръ и императоръ Францъ. До сихъ поръ Кутузовъ велъ и, отступая, спасалъ армію. Теперь онъ отошелъ на второй планъ. Эти дни были днями „молодыхъ“.

Царицынскій дворецъ.

Историческій музей.

Гарнизонный дворец.

Исторический музей.

Наполеонъ вступилъ въ Брюннъ. Союзники двинулись имъ навстрѣчу, и 20 ноября подъ Аустерлицемъ произошла губительная для нихъ встрѣча съ Наполеономъ.

„Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе!“ Въ этихъ словахъ Александра звучитъ вся горечь разочарованія въ своихъ силахъ и въ своихъ средствахъ, послѣдовавшаго за этимъ роковымъ въ его жизни днемъ.

Только теперь онъ понялъ и оцѣнилъ Наполеона. Въ слѣдующіе же послѣ Аустерлица дни онъ покинутъ своими союзниками. Австрія немедленно начала сепаратные переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся позорнымъ Прессбургскимъ миромъ (14 декабря 1805 года), по которому она уступала Наполеону Венецію, Истрію и Далмацію, допускала значительное приращеніе территоріи его союзниковъ, Баваріи, Вюртемберга и Бадена, и признавала Наполеона итальянскимъ королемъ. Англія и Швеція отозвали свои войска. Александръ почувствовалъ себя оставленнымъ всѣми въ единоборствѣ съ Наполеономъ. И это еще углубило горечь пораженія. Конфликтъ политическій принимаетъ уже личную окраску. „Дѣлайте, что хотите, но не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ“, отвѣчаетъ онъ австрійскому императору, обратившемуся къ нему послѣ Аустерлица съ предложеніемъ обсудить вопросъ о мирѣ. Онъ рѣзко отклоняетъ и настоянія Чарторыскаго принять участіе въ мирныхъ переговорахъ, чтобы спасти, насколько возможно, равновѣсіе Европы, такъ какъ съ Россіей Наполеонъ принужденъ считаться: ея войска потерпѣли пораженіе, но силы ея не тронуты. Александръ не хочетъ и слышать о какомъ-либо компромиссѣ. Все, что ему приходится переживать дальше, только усиливаетъ его упорство; а переносить приходится ударъ за ударомъ. Онъ узнаетъ, что въ арміи и въ Петербургѣ его считаютъ виновникомъ пораженія. Изъ Константинополя доносятъ, что старанія Наполеона поднять противъ Россіи Турцію, повидимому, увѣнчаются успѣхомъ; вѣсть объ Аустерлицкомъ пораженіи подорвала престижъ Россіи въ Константинополѣ. Меркнетъ и послѣдняя удача его: соглашеніе съ Пруссіей. Гаугвицъ, посланный къ Наполеону для переговоровъ о посредничествѣ, поздравляетъ его съ побѣдой. Наконецъ, подъ вліяніемъ угрозъ и обѣщаній Наполеона, 3 декабря Пруссія заключаетъ съ Франціей наступательный и оборонительный союзъ, при этомъ со включеніемъ въ договоръ прямо на-

А. С. Шишковъ.

правленной противъ Россіи статьи о гарантіи неприкосновенности Турціи. Наполеонъ передаетъ Пруссіи права на Ганноверъ взамѣнъ уступки Анспаха Баваріи и княжества Невшательскаго Франціи.

Передъ Россіей возникали новыя и серьезнѣйшія опасности: возстановленіе Польши Наполеономъ и приближеніе его по адріатическому побережью къ границамъ Турціи. Одна едва начатая кампанія, проигранная по винѣ, какъ всѣ говорили, Александра, могла стоить потери почти всѣхъ пріобрѣтеній послѣднихъ 20 лѣтъ. Императоръ чувствовалъ, что справиться съ общимъ настроеніемъ, овладѣть имъ можно, только давъ ему выходъ. Этимъ объясняется назначеніе имъ знаменитаго январскаго обсужденія европейскихъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. На постановленіяхъ его останавливаться мы не будемъ, потому что они не имѣли практическихъ послѣдствій. Императоромъ рѣшеніе было уже принято: возобновить войну съ Наполеономъ, взять реваншъ и тѣмъ спасти свое личное положеніе. Но пока Александръ скрывалъ это. 12 февраля въ рескриптѣ Разумовскому онъ пишетъ въ согласіи съ мнѣніемъ Совѣта, что его система будетъ преимущественно состоять въ защитѣ его владѣній. Онъ не отказывается и отъ веденія переговоровъ съ Франціей при посредствѣ Пруссіи; на мѣсто Чарторыскаго назначаетъ бар. Л. Л. Будберга, также сторонника соглашенія съ Франціей. Но одновременно подписываетъ тайный договоръ съ Пруссіей, въ которомъ обѣщаетъ употреблять бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы. Возобновленіе войны, несмотря на переговоры, которые Убри велъ въ Парижѣ, дѣйствительно приближалось. Инпціатива ея на этотъ разъ исходила отъ Пруссіи. Занятіе пруссаками Ганновера повлекло военное столкновеніе съ Англіей. Англійскіе корабли блокировали всѣ порты Пруссіи, болѣе 100 прусскихъ торговыхъ судовъ были захвачены англійскими каперами, къ которымъ присоединились и шведскіе. Полная пріостановка морской торговли Пруссіи, уже сильно развившейся къ этому времени, вызвала серьезный экономическій кризисъ, затронувшій интересы какъ буржуазіи, такъ и помѣщиковъ и крестьянъ, вслѣдствіе сильнаго паденія цѣнъ на главный предметъ вывоза, сельско-хозяйственные продукты. Пруссія послала Наполеону ультиматумъ. Срокомъ для отвѣта было назначено 8 октября. Въ этотъ же день французы начали наступленіе. 10-го при Саальфельдѣ прусская армія, созданіе Великаго Фридриха, примѣрное войско, образецъ для всѣхъ старыхъ монархій Европы,— встрѣтилась съ войсками Наполеона. Побѣжденная 10-го, разбитая дважды 14-го при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, образцовая армія черезъ недѣлю послѣ начала войны перестала существовать. 27-го Наполеонъ тріумфаторомъ вступилъ въ Берлинъ и предложилъ Пруссіи страшно тяжелыя условія мира. Прусскій король колебался между страхомъ передъ французами, уже занявшими Познань, и надеждой на Александра, горячо убѣждавшаго его не подпи-

сывать мира. Гаугвицъ стоялъ за миръ, но побѣдило мнѣніе меньшинства во главѣ съ Гарденбергомъ и Штейномъ. Между тѣмъ русскія войска вступили въ Пруссію. Главнокомандующій, престарѣлый гр. Каменскій, прибывъ къ войску, приказалъ отступать. Одинъ изъ двухъ подчиненныхъ ему корпусныхъ командировъ, Беннигсенъ, вопреки приказу, далъ 14 декабря удачный бой подъ Пултускомъ. Лучъ надежды мелькнулъ для Александра; онъ немедленно назначилъ Беннигсена главнокомандующимъ. Страшно кровопролитная двухдневная битва подъ Прейсишъ-Эйлау (26 и 27 января 1807 г.) была нерѣшительной. Но и это произвело громадное впечатлѣніе. Наполеонъ не потерпѣлъ пораженія, даже поле битвы осталось за нимъ, но въ первый разъ онъ не побѣдилъ въ большомъ сраженіи. Союзники преисполнились надеждъ тѣмъ болѣе, что въ Мемель прибылъ генералъ Бертранъ съ мирными предложеніями. Начались переговоры. Александръ какъ бы стряхнулъ съ себя послѣ Эйлаускаго боя охватившее его съ Аустерлица сомнѣніе въ своихъ личныхъ способностяхъ и самъ поѣхалъ въ Мемель, гдѣ его осадили различными широкими планами: возстановленія Польши, компенсаціи для Пруссіи и Россіи и т. п. 26 апрѣля была заключена Бартенштейнская конвенція, опредѣлявшая политическіе результаты побѣды. Конвенція носила явно реставраціонный характеръ, свидѣтельствуя, что пораженіе подъ Аустерлицемъ повліяло не только на образъ дѣйствій Александра: до Аустерлица онъ готовъ былъ на компромиссы, теперь онъ былъ непримиримъ. Но реваншъ былъ учтенъ слишкомъ рано, и все задуманное въ предвидѣніи побѣды не осуществилось, такъ какъ 2 іюня русскія войска потерпѣли серьезное пораженіе подъ Фридландомъ.

Продолжать войну было невозможно, хотя русскія войска не были разбиты, и къ нимъ подходилъ свѣжій корпусъ кн. Лобанова-Ростовскаго. Рядъ неустранимыхъ препятствій заставилъ Александра рѣшиться на прекращеніе войны. Прежде всего старанія Наполеона вызвать разрывъ между Россіей и Портой увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Въ декабрѣ 1806 г. русскія войска вступили въ княжества. Война съ самаго начала оказалась нелегкой и опасной потому, что немедленно вызвала рѣзкія недоразумѣнія съ Австріей и съ Англіей, затрудняя русской дипломатіи возможность искать гдѣ-либо поддержки въ дальнѣйшей борьбѣ съ Наполеономъ, такъ какъ Пруссія не могла считаться опорой. Между тѣмъ Наполеонъ стоялъ почти на границѣ Россіи, и войну, не имѣя союзниковъ, пришлось бы перенести внутрь страны, т.-е. допустить полное уничтоженіе Пруссіи и возстановленіе Польши подъ эгидой французскаго императора. Но была и другая, не менѣе серьезная причина для прекращенія войны. Не хватало денегъ для ея веденія. До сихъ поръ военныя издержки въ значительной степени покрывались англійскими субсидіями. Теперь этотъ источникъ изсякъ. Неудача двухъ коалиціонныхъ войнъ не только стоила Англіи громадныхъ непроиз-

водительныхъ затратъ на субсидіи, но имѣла матеріально тяжелый для нея результатъ: закрытіе для ея торговли всѣхъ портовъ отъ Любека до Кенигсберга, оккупированныхъ французами. Декретомъ 21 ноября 1806 года Наполеонъ создалъ „континентальную систему“, запрещавшую торговыя сношенія съ Англіей всѣмъ французамъ и союзникамъ Франціи. Англія отвѣтила дѣйствительной при ея перевѣсѣ на морѣ блокадой французскихъ портовъ и портовъ союзныхъ съ ней государствъ. Эта форма борьбы требовала крупнѣйшаго напряженія финансовыхъ силъ страны. Поэтому рѣшено было болѣе не тратить денегъ на субсидіи терпящимъ пораженіе за пораженіемъ континентальнымъ государствамъ. Въ началѣ 1806 г. Александръ обращался къ Англіи съ просьбой о займѣ и получилъ сильно оскорбившій его отказъ.

Таковы были обстоятельства, вынудившія его рѣшиться не только на переговоры съ Наполеономъ, но и на далеко идущее соглашеніе съ нимъ Не съ легкимъ сердцемъ, не съ искренней улыбкой на своемъ красивомъ лицѣ встрѣтился онъ въ Тильзитѣ съ Наполеономъ. Въ этомъ страстно честолюбивомъ и самолюбивомъ человѣкѣ все должно было кипѣть и напрягаться среди обмѣна любезностей, среди торжествъ и парадовъ, которыми вчерашній поручикъ и, что больнѣе, побѣдитель подъ Аустерлицемъ ласкалъ его, русскаго самодержца. У Александра, всегда ясно видѣвшаго ближайшія цѣли, были двѣ главныхъ задачи: спасти, что возможно, отъ раздавленной Пруссіи и не поступиться интересами Россіи въ польскомъ и восточномъ дѣлахъ. Въ первомъ вопросѣ интересы Россіи и Франціи были прямо противоположны; Наполеону важно было создать въ Германіи новыя крупныя государства въ сферѣ своего вліянія. Польскій вопросъ—любимая область политическихъ плановъ Александра—могъ при неблагопріятномъ исходѣ создать для Россіи новую опасность: образованія польскаго государства подъ эгидой французовъ. Важность интересовъ Россіи на востокѣ не допускала даже небольшихъ уступокъ. Но съ первымъ, хотя и не самымъ существенно важнымъ вопросомъ связывались мотивы личнаго самолюбія: Александръ побудилъ Пруссію къ войнѣ съ Наполеономъ, Александръ поддерживалъ надежды на побѣду, Александръ долженъ былъ ее спасти. Это было для него „вопросомъ чести“. И вопросу чести Александръ пожертвовалъ очень многимъ: не только вступилъ въ союзъ съ Наполеономъ, но и приступилъ къ явно гибельной для русской торговли континентальной системѣ, сдѣлалъ рядъ другихъ крупныхъ уступокъ: призналъ и обязался поддерживать положеніе, которое за два мѣсяца уничтожилъ на листахъ Бартенштейнскаго договора, допустилъ образованіе герцогства Варшавскаго, очевидной базы для французской арміи въ случаѣ разрыва союза, принялъ французское посредничество между Россіей и Турціей съ очень неопредѣленнымъ условіемъ о судьбѣ дунайскихъ провинцій. Все это онъ принялъ, на все

согласился и, уѣхавъ изъ Тильзита, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы убѣдить другихъ и, главное, почти убѣдить себя, что онъ доволенъ и что не только ничего не потерялъ, но и выигралъ.

IV.

Русско-французскій послѣ-тильзитскій союзъ былъ заключенъ Александромъ подъ страшнымъ гнетомъ неудачъ, разочарованія, въ унизительномъ сознаніи своего безсилія передъ врагомъ, равенства котораго съ собой— не то что превосходства— онъ не могъ даже внѣшне признать безъ тягостной внутренней борьбы. Можетъ-быть, не сознательный переломъ въ міросозерцаніи Александра, а эти дни, превратившіеся затѣмъ въ годы униженія, не разсудочный процессъ, а реакція чувства предрѣшили перемѣну въ его политическихъ взглядахъ. Эти переживанія императора отражались въ русской политикѣ этой эпохи, придавая ей особо своеобразную окраску. Съ каждымъ днемъ, протекшимъ послѣ Тильзита, можно прослѣдить усиленіе этого личнаго элемента. Путь, на который поставило императора примиреніе съ Наполеономъ, становится тѣмъ тяжелѣе для него, что возникшая вскорѣ и быстро развившаяся оппозиція придворныхъ и вообще дворянскихъ круговъ придала русско-французскому союзу парадоксальный характеръ личнаго дѣла, личнаго почина Александра. Эта оппозиція, центромъ которой являлся салонъ Маріи Ѳеодоровны, глубоко задѣваетъ его. Онъ расходится съ своими „молодыми друзьями“, основательно подозрѣвая ихъ въ сочувствіи враждебнымъ ему толкамъ и сплетнямъ. И, по справедливости, не трагично ли было его положеніе, когда единственное, чѣмъ онъ могъ и хотѣлъ оправдать союзъ въ глазахъ общества, не давалось ему, почти ускользало? Вся нервная напряженность его восточной поли-

Талейранъ.

тики въ это время, энергичное устремленіе въ сторону Персіи, желаніе, во что бы то ни стало, добиться территоріальныхъ пріобрѣтеній на Дунаѣ, непосредственно связывается съ этимъ одиночествомъ въ Россіи, на которое обрекъ его союзъ съ Наполеономъ. Великій дипломатъ, читая донесенія своего посла, не могъ не видѣть, что тильзитскія обѣщанія дали ему больше, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ хотѣлъ очаровать и увлечь русскаго императора и получилъ вліяніе на его положеніе въ его собственной странѣ, среди его двора и приближенныхъ. И онъ пользовался фальшивымъ положеніемъ Александра, какъ пользовался всѣмъ въ эту блистательную пору своей карьеры, т.-е. почти беззастѣнчиво, почти грубо. Александру необходимъ „реваншъ“ со стороны Турціи, необходимо показать русскому обществу плоды Тильзита. И недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ идутъ унылые, докучные переговоры, въ которыхъ Александръ иногда выступаетъ чуть ли не смиреннымъ просителемъ. Но Наполеонъ твердитъ одно: поступитесь вашимъ союзникомъ, Пруссіей, тогда я поступлюсь интересами Турціи. Александръ въ разговорахъ съ Савари, въ инструкціяхъ Толстому десятки разъ доказываетъ, что это невозможно, что это значило бы для него подписаться подъ собственнымъ безчестьемъ. Помимо личнаго отношенія императора къ этому вопросу, разрушеніе Пруссіи было не допустимо съ русской точки зрѣнія не только потому, что тогда Франція проникла бы на собственную почву ближайшихъ интересовъ Россіи, но съ паденіемъ Пруссіи окончательно палъ бы въ Европѣ русскій престижъ, такъ какъ это было бы полнымъ крахомъ русской политики. Отторженіе Силезіи было бы вторымъ шагомъ къ возстановленію Польши; Силезія предназначалась для Австріи въ обмѣнъ на Галицію, съ присоединеніемъ которой къ герцогству Варшавскому для поляковъ создался бы мощный центръ притяженія въ рѣшительный ущербъ интересамъ Россіи. Въ дунайскихъ княжествахъ Наполеонъ предлагалъ Александру только компенсацію. Ни допустить распаденія Пруссіи, ни отказаться отъ княжествъ Александръ не могъ и, связанный своимъ одиночествомъ, изнывалъ въ усиліяхъ добиться отъ Наполеона сколько-нибудь пріемлемаго исхода. Яркій эпизодъ—знаменитое письмо Наполеона отъ 2 февраля 1808 г.—показываетъ, какъ тяготило Александра это ложное положеніе. Онъ уже способенъ былъ терять равновѣсіе, ему уже измѣняла обычная трезвость его взглядовъ; достаточно было десятка громкихъ фразъ, почти фантастическихъ обѣщаній, чтобы онъ съ нескрываемой жадностью бросился на приманку грандіозныхъ завоеваній на Востокѣ, закрывая глаза на то, что въ предложеніяхъ Наполеона было явно, почти грубо недоговореннаго и несбыточнаго. Все, что въ этомъ историческомъ посланіи было существеннаго, сводилось къ давно уже выработанному принципу восточной политики Наполеона: создать на Востокѣ почву для политическаго расхожденія между Россіей и Австріей и экономическаго между Россіей и Анг-

ліей и, наконецъ, создать тамъ базу для нанесенія возможно чувствительныхъ экономическихъ ударовъ Англіи. Поэтому лишь дѣло дошло до реальныхъ переговоровъ, восточный „реваншъ“ оказался миражемъ. И все же, несмотря даже на это тяжелое разочарованіе, Александръ держится системы союза. Онъ почти единственный ея защитникъ въ Россіи. Съ каждымъ днемъ, однако, защита эта становится все болѣе затруднительной, чтобы не сказать опасной. Чарторыскій преувеличивалъ, намекая, можетъ-быть, на событіе 11 марта, когда писалъ императору: „Я думаю, что Ваши теперешнія отношенія съ французскимъ правительствомъ окончатся самымъ печальнымъ образомъ для Вашего Величества“. Но въ этихъ словахъ была большая доля правды. Общественное недовольство, обращенное на Александра, поддерживалось причиной, болѣе неустранимой, чѣмъ оскорбленное національное самолюбіе дворянства и легитимистское негодованіе великосвѣтскихъ салоновъ. Присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ вызвало рѣзкое пониженіе ввоза и вывоза, вздорожаніе привозныхъ товаровъ и вообще предметовъ потребленія и быстрое паденіе цѣны ассигнаціоннаго рубля. Массы населенія, помѣщиковъ, крестьянъ и даже значительной части купечества эта экономическая катастрофа не задѣла; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отклоненіяхъ для многихъ она оказалась даже выгодной. Но всѣмъ, живущимъ на жалованье, служилому классу, чиновному дворянству, офицерству приходилось переживать крайне тяжелый кризисъ. Въ 1808 г. ассигнаціонный рубль упалъ до 50 коп., т.-е. доходы чиновнаго населенія сократились наполовину. Понятно, что Петербургъ, чиновничій и живущій отъ чиновниковъ, ропталъ. Обостряемое очень болѣзненнымъ чувствомъ оскорбленнаго національнаго самолюбія, недовольство ширилось и въ арміи.

И все же Александръ не только пассивно примирялся съ союзомъ, но самъ какъ будто стремился его упрочить. Въ этомъ освѣщеніи для русскаго общества была обезцвѣчена единственная крупная удача русскаго оружія за эти годы—завоеваніе Финляндіи. Тильзитскій миръ, имѣвшій слѣдствіемъ разрывъ Россіи съ Англіей, не оставилъ Швеціи выбора политики. Около $^{7}/_{10}$ шведскаго вывоза шло въ Англію; вся морская, т.-е. вся вообще внѣшняя торговля Швеціи могла быть парализована англійскимъ флотомъ. Но, съ другой стороны, для Россіи Швеція была страной дружественной только, пока она была страной союзной. Средняго положенія быть не могло. Шведская граница проходила слишкомъ близко отъ Петербурга. И потому Александръ охотно поддался въ началѣ 1808 г. на уговоры Наполеона, желавшаго отвлечь шведской войной вниманіе и силы Россіи отъ восточнаго вопроса, въ области котораго нетерпѣніе Александра все рѣшительнѣе сталкивалось съ его видами. Завоеваніе Финляндіи, при которомъ Александръ примѣнилъ намѣченную еще до войны 1804 г. широко либеральную политику,

отвѣчало государственнымъ интересамъ и, однако, не улучшило отношеній между императоромъ и обществомъ его столицы.

Положеніе становилось нестерпимымъ, и Александръ, вѣруя въ магическую успокоительную силу восточной компенсаціи, хотѣлъ, почти просилъ личнаго свиданія съ Наполеономъ, но тотъ, очевидно, уклонялся. „Когда же мы ѣдемъ?“ нѣсколько разъ спрашивалъ Александръ Коленкура. Свиданіе состоялось, но тогда лишь, когда оно оказалось необходимымъ для Наполеона. Русскій императоръ ѣхалъ въ Эрфуртъ за дунайскими княжествами, императоръ французовъ, чтобы исправить послѣдствія своей первой серьезной неудачи, байонской капитуляціи. Въ апогеѣ могущества и величія онъ неожиданно почувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Неопровержимые признаки показывали, что пораженіе его войскъ въ Испаніи можетъ оказаться сигналомъ для всей какъ будто покорной Европы, окружавшей его блестящей свитой своихъ королей и принцевъ. Австрія къ 1809 году должна была закончить переустройство своихъ армій. Англія уже не отказывалась отъ субсидированія всѣхъ возможныхъ противниковъ Франціи. Наконецъ, если кто-нибудь не вѣрилъ въ преданность Александра союзу съ Франціей, то это Наполеонъ. И послѣ долгихъ отсрочекъ, онъ самъ вдругъ торопится согласиться очистить Пруссію, спѣша сдѣлать это раньше, чѣмъ до царя дойдетъ вѣсть о неудачѣ французскихъ войскъ. Самъ неожиданно начинаетъ торопить и свиданіе, которое, наконецъ, состоялось въ Эрфуртѣ (сентябрь 1808 г.). Александръ поѣхалъ въ Эрфуртъ вопреки запугиваніямъ Чарторыскаго и прусскаго короля, вопреки мольбамъ матери. Но недаромъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ чуткихъ и гибкихъ людей своего времени. Съ большой прозорливостью онъ учитываетъ общую перемѣну и именно въ Эрфуртѣ кладетъ первую грань послѣ-тильзитскому періоду. Онъ не только ясно, но рѣшительно высказываетъ русскія требованія. Возстановленіе Пруссіи, отказъ Франціи отъ возстановленія Польши и вмѣшательства въ вопросъ о дунайскихъ провинціяхъ — эту программу онъ настойчиво противопоставляетъ всѣмъ предложеніямъ Наполеона. Тильзитскіе переговоры протекали подъ личиной взаимныхъ дружескихъ восторговъ; Эрфуртскіе—были бурны, дѣло доходило до крупныхъ пререканій, чуть не до разрыва. Для обоихъ соперниковъ-союзниковъ моментъ былъ рѣшительный, и оба учли его за счетъ взаимнаго довѣрія. Его мало было раньше, теперь не стало совсѣмъ. Оба достигли намѣченныхъ цѣлей, но оба сдѣлали уступки, которыхъ не могли и не хотѣли ни извинить другъ другу, ни исполнить. Наполеонъ отказался отъ посредничества между Россіей и Турціей, призналъ Дунай границей Россіи, Молдавію, Валахію и Финляндію присоединенными къ ней, далъ потребованныя Александромъ обѣщанія относительно Пруссіи и Польши. Взамѣнъ Россія обязалась поддерживать Францію противъ Австріи и скрѣпила наступательный союзъ противъ Англіи.

Пожаръ Москвы въ 1812 г. (Акварель.) Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Все же цѣль, которую преслѣдовалъ, отправляясь въ Эрфуртъ, Наполеонъ, была достигнута. Демонстрація прочности русско-французскаго союза была продѣлана передъ лицомъ всей Европы, и ближайшее будущее было обезпечено главной его гарантіей, изоляціей Россіи. Самое согласіе на русскія восточныя требованія должно было углубить разрывъ Россіи съ Австріей и сдѣлать его, во всякомъ случаѣ, болѣе серьезнымъ, чѣмъ даже данное Александромъ обѣщаніе военной поддержки. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Австрія вскорѣ обратилась въ Петербургъ съ предложеніемъ союза и встрѣтила тамъ такую же уклончивость, какую сама она проявила въ 1804 г. Разбивъ въ слѣдующемъ 1809 году австрійскія войска, Наполеонъ пожалъ плоды Эрфуртскаго договора. Онъ не только затруднилъ образованіе новой коалиціи, но, взявъ иниціативу, обезпечилъ себѣ возможность разбивать въ отдѣльности возможныхъ ея участниковъ. Однако, и Александръ вернулся изъ Эрфурта если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ. Онъ снова нашелъ въ себѣ твердость и больше уже не терялъ ея.

Вліяніе канцлера гр. Румянцева, главнаго сторонника и теоретика „восточной политики“, призваннаго къ власти въ моментъ ея постановки на первый планъ, падало по мѣрѣ того, какъ блекли восточныя надежды. Удачи русскаго оружія въ Персіи, далекой и не втянутой въ кругъ интересовъ европейской политики, не могли компенсировать неудачъ въ возобновившейся войнѣ съ Турціей. Вынужденное согласіе Наполеона еще не отдавало, оказалось, Россіи дунайскихъ княжествъ. Ихъ надо было взять, надо было сломить сопротивленіе Турціи, а это дѣло шло медленно и малоуспѣшно. Съ другой стороны, обязательство оказать помощь Наполеону противъ Австріи, обязательство, рѣзко противорѣчившее настроенію двора, общества, арміи, глубоко тягостное для самого императора, оказывалось политически крайне опаснымъ. Движеніе французскихъ войскъ противъ Австріи вызвало въ Галиціи взрывъ польскихъ патріотическихъ чаяній, направленныхъ послѣ образованія

Великій князь Константинъ Павловичъ.

Варшавскаго герцогства въ сторону Наполеона. Въ Петербургѣ тревожно слѣдили за событіями въ Галиціи, опасаясь, что польское возстаніе можетъ распространиться и на русскую Польшу. Корпусъ русскихъ войскъ, двинутый въ Галицію, не только не дѣйствовалъ наступательно противъ австріицевъ, но, по приказу Александра, явно стремился парализовать или, по крайней мѣрѣ, локализировать дѣйствія польскихъ отрядовъ. Поворотъ въ русской политикѣ ярко сказался послѣ Ваграма, доказавшаго, однако, еще разъ силу Наполеона. Александръ съ большой твердостью протестовалъ противъ отторженія Галиціи отъ Австріи. Дѣйствительно, положеніе складывалось такъ, что съ русской точки зрѣнія переставало быть вопросомъ обще-европейскимъ, вопросомъ равновѣсія, а остро затрагивало самые серьезные и близкіе интересы Россіи. Присоединеніе Галиціи къ герцогству Варшавскому—это возстановленіе Польши,—возстановленіе, проведенное Наполеономъ и обезпечивающее ему сильный авангардъ и великолѣпный плацдармъ противъ Россіи. Отнынѣ польскій вопросъ становился ареной единоборства Россіи и Франціи. Для той и другой стороны рѣшеніе его будетъ представляться или побѣдой, или пораженіемъ. По Вѣнскому миру къ Варшавскому герцогству были присоединены западная Галиція и округи Кракова и Замостья. Присоединеніе къ Россіи восточной части Галиціи съ 400 тыс. жителей не могло ни удовлетворить, ни успокоить Александра. Все его вниманіе, вся его дипломатическая работа сосредоточивались на польскомъ вопросѣ. Онъ составилъ въ январѣ 1809 года вмѣстѣ съ Коленкуромъ проектъ конвенціи объ отказѣ обѣихъ имперій отъ возстановленія Польши. Наполеонъ ея не подписывалъ. Недовольство Александра росло вмѣстѣ съ тревогой за будущее. Но періодъ слабости и колебаній миновалъ. Вліяніе французскихъ неудачъ въ Испаніи, вліяніе стойкости Англіи, мужественно выдерживавшей страшный экономическій кризисъ, вызванный континентальной системой, создавали новую и бодрящую атмосферу. Александръ вновь сходится съ „англо-русской“ партіей, которую недаромъ съ момента ея возникновенія называли партіей войны. Разрывъ съ Франціей предвидятъ, о немъ громко говорятъ, и руководители внѣшней политики съ императоромъ во главѣ только оттягиваютъ рѣшительный кризисъ. Эпизодъ съ неудачнымъ сватовствомъ Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ, обострившій личныя отношенія императоровъ, былъ только характеренъ для момента: наиболѣе рѣшительнымъ противникомъ брака оказался — не явно, конечно, — Александръ, тогда какъ императрица мать колебалась.

Къ польскому вопросу, главной политической причинѣ расхожденія между Россіей и Франціей, въ началѣ 1811 г. присоединились причины экономическія, рѣзко выдвинувшія вопросъ о защитѣ русскихъ интересовъ противъ французской торговой политики. Неукоснительное проведеніе континентальной системы вызвало такое громадное развитіе контрабандной торговли колоні-

альными товарами, что Наполеонъ былъ принужденъ пойти на компромиссъ. Осенью 1810 г. имъ былъ утвержденъ такъ называемый Тріанонскій тарифъ, допустившій ввозъ колоніальныхъ товаровъ, хотя бы и отъ англійскихъ фирмъ, при высокой таможенной оплатѣ. Разрѣшался и прямой торгъ съ Англіей колоніальными товарами, но съ условіемъ ввоза въ Англію на равную сумму произведеній французской промышленности. Всѣ другіе англійскіе товары, гдѣ бы они ни оказались, во Франціи или у ея союзниковъ, должны были подвергаться истребленію. Тріанонскій тарифъ еще разъ и особенно рѣзко подчеркнулъ различіе вліянія континентальной системы для странъ съ развивающейся промышленностью и странъ, вывозящихъ сырье. Саксонія, западная Германія, Бельгія начали подъ вліяніемъ ея процвѣтать; разрѣшеніе ввоза колоніальныхъ товаровъ смягчило для нихъ послѣднія неудобства системы. Для сѣверной и восточной Германіи, для Россіи дѣйствіе ея было крайне тяжкимъ. Александръ категорически отказался принять французскій тарифъ, позволилъ вопреки требованіямъ Наполеона выгрузиться судамъ, привезшимъ въ русскіе порты англійскіе товары подъ нейтральнымъ флагомъ, и—больше того—18 декабря отвѣтилъ на Тріанонскій декретъ указомъ о новомъ русскомъ тарифѣ, установившемъ почти запретительныя пошлины на предметы роскоши, т.-е. на главную часть французскаго ввоза, рѣшительно нарушивъ, такимъ образомъ, Тильзитскій договоръ. Таможенная война предшествовала войнѣ Отечественной. На почвѣ экономической борьбы Франціи съ Англіей произошло и то событіе, которое позже было выдвинуто, какъ одинъ изъ поводовъ войны — присоединеніе къ Франціи владѣній родственника императора, герцога Ольденбургскаго. Это было сдѣлано на основаніи постановленія французскаго сената, рѣшившаго въ цѣляхъ лучшаго наблюденія за береговой полосой присоединить къ имперіи ганзейскіе города съ прилегающими территоріями.

Дальнѣйшія событія вплоть до войны были только развитіемъ этихъ основныхъ мотивовъ. И переговоры съ поляками чрезъ Чарторыскаго о возстановленіи Польши Россіей, и миссія Чернышева въ Парижъ, и спѣшное завершеніе войны съ Турціей съ отказомъ отъ княжествъ являлись прелюдіей къ рѣшенной обѣими сторонами великой и окончательной борьбѣ.

V.

„Вы надѣетесь на вашихъ союзниковъ? Гдѣ они?“ говорилъ Наполеонъ кн. А. Б. Куракину въ августѣ 1811 г. И съ нескрываемымъ самодовольствомъ указалъ на то, что онъ сдѣлалъ съ цѣлью изолировать Россію. Дѣйствительно, Россію и Австрію раздѣляли война 1809 г. и русскія пріобрѣтенія по Вѣнскому миру; отъ Пруссіи, послѣ пораженія второй коалиціи, Россія

взяла Бѣлостокъ съ округомъ; съ Англіей Россія разорвала послѣ Тильзита; у Швеціи отняла Финляндію. Предсказанія Наполеона не были преувеличенными: Россія въ началѣ 1812 г. оказалась одинокой; однако изолировали ее не чувства обиды на нее или недовѣрія къ ней (хотя въ австрійской политикѣ и этотъ мотивъ игралъ немалую роль), главной причиной ея одиночества былъ всеобщій страхъ передъ Наполеономъ. Этотъ страхъ принудилъ Пруссію заключить въ февралѣ 1812 г. союзъ съ Франціей. Вѣра въ могущество Франціи и ужасная память о трехъ позорно проигранныхъ кампаніяхъ заставили отдать Австрію ему въ жены свою эрцгерцогиню и заключить съ нимъ въ мартѣ 1812 г. союзъ. Даже Англія далеко не съ прежней готовностью отнеслась къ русскимъ предложеніямъ: она согласилась дать Россіи денежныя средства только позже, уже въ началѣ войны. Удалось заключить союзъ лишь съ Швеціей, для которой борьба противъ Франціи была, прежде всего, борьбой съ убійственной для страны континентальной системой. Наконецъ, удачный поворотъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ далъ возможность заключить въ маѣ миръ съ Турціей, хотя и съ пожертвованіемъ почти всѣхъ результатовъ семилѣтней борьбы. Тѣмъ не менѣе, Россія оставалась изолированной, но ждать лучшихъ обстоятельствъ не приходилось. Дальнѣйшая отсрочка войны могла быть полезной Россіи, и поэтому Наполеонъ спѣшно двинулся къ русской границѣ [1]).

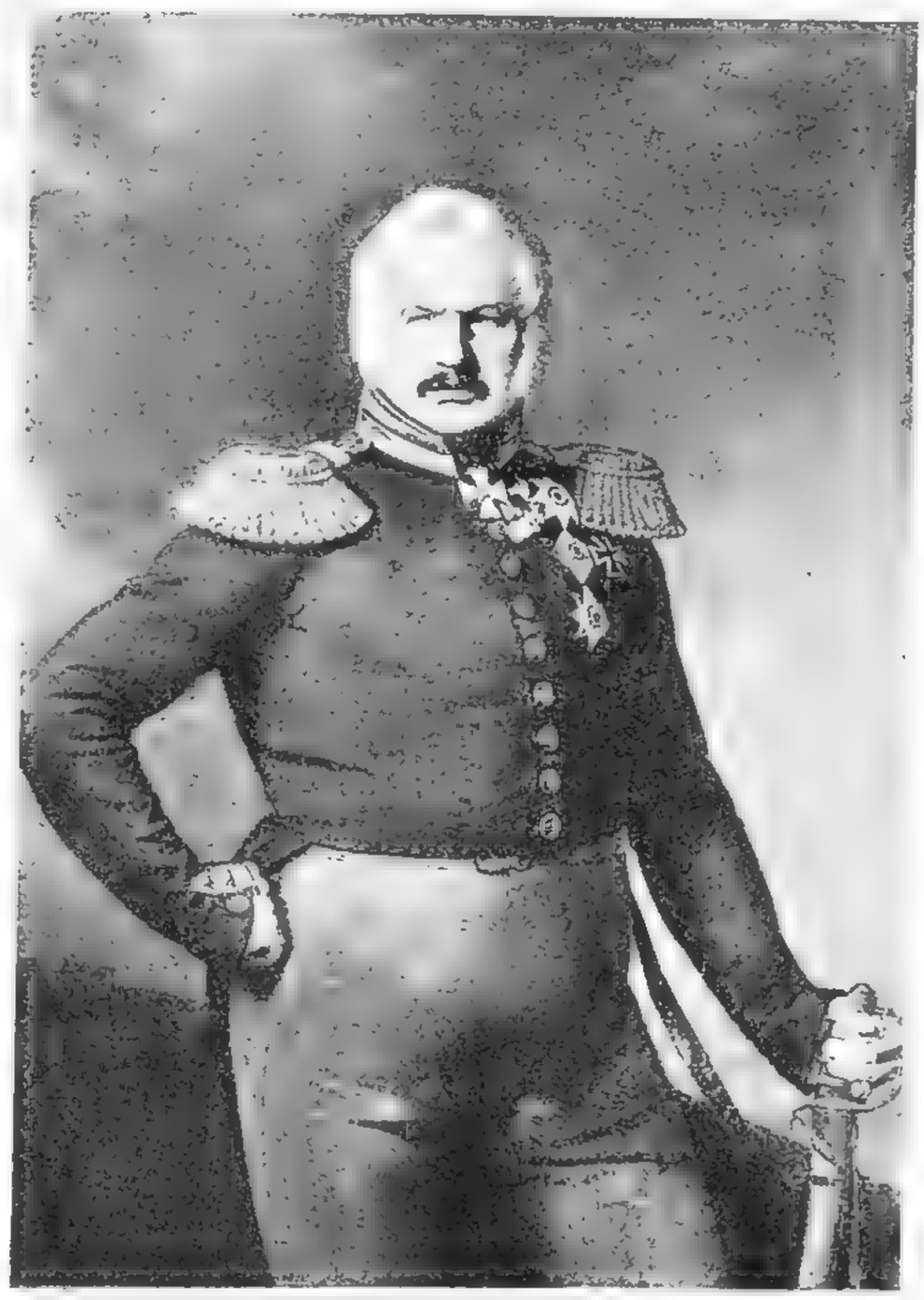
Съ переходомъ войскъ Наполеона черезъ Нѣманъ русская внѣшняя политика какъ бы раздваивается. Въ ней ясно намѣчаются и послѣдовательно проводятся два курса, двѣ линіи. Одна—неразрывно связана съ фактомъ вторженія Наполеона въ предѣлы Россіи, только этимъ фактомъ и опредѣляется, имъ однимъ исчерпывается. Отечественная война — борьба съ непріятелемъ въ предѣлахъ страны—была не войной правительственной; это была война народная,—война, цѣли которой опредѣлилъ народъ, вождя которой выдвинула народная воля, духъ и формы которой создали массы, борьба инстинктивная, стихійная, сразу ставшая внѣ контроля власти. Отъ Смоленска до Москвы, отъ Москвы до Березины развертывалась цѣпь событій, ускользавшихъ отъ всякаго верховнаго руководительства и тѣмъ болѣе отъ воздѣйствія дипломатіи. Войну велъ народъ, чтобы извергнуть изъ своихъ предѣловъ чужеземное нашествіе. Эта единственная побудительная причина народнаго порыва, эта единственная цѣль его, естественно, была самодовлѣющей, неизбѣжно—самой въ себѣ ограниченной. Съ точки зрѣнія народныхъ требованій внѣшняя политика Россіи, отношенія ея къ другимъ государствамъ

---

[1]) Въ сжатомъ изложеніи хода русской внѣшней политики во время царствованія Александра I мы не можемъ останавливаться на исторіи великой войны, какъ таковой. Военныя событія Александровскаго царствованія ярко обновлены въ памяти русскаго общества въ прошлый юбилейный годъ, и мы позволяемъ себѣ поэтому касаться ихъ лишь тогда, когда это необходимо для освѣщенія внѣшней политики Россіи.

сводились только къ вопросу о помощи въ тяжкой борьбѣ. Поэтому полученіе англійскихъ субсидій было дипломатическимъ актомъ, стоявшимъ въ органической связи съ характеромъ войны. Рѣшительный отпоръ совѣтамъ Кэстльри и Меттерниха вступить въ мирные переговоры съ Наполеономъ, пока онъ былъ еще въ предѣлахъ Россіи, былъ поэтому же неизбѣженъ. Но послѣ Березины, послѣ изверженія непріятельской арміи изъ страны, для народнаго сознанія дѣло было завершено. Ранѣе миръ былъ невозможенъ, теперь для народа онъ сдѣлался логичнымъ: Отечественная война была кончена.

Другая политическая линія, частично совпадавшая съ обрисованной, но всегда по духу обособленная отъ нея, воплощалась въ личной политикѣ Александра. Уѣхавъ въ сентябрѣ 12 г. отъ арміи, императоръ сознательно уступалъ общественному мнѣнію, жертвуя и честолюбіемъ своимъ, и самолюбіемъ. Жертва тяжелая для каждаго человѣка — для него она была безмѣрной. Отходя на второй планъ, онъ уступилъ необходимости, но не покорился ей. Со свойственнымъ ему тонкимъ чувствомъ дѣйствительности онъ точно оцѣнивалъ стихійный характеръ борьбы и избралъ единственное достойное положеніе для себя лично: не мѣшать активнымъ дѣйствіямъ народа. Извѣстная всѣмъ твердость духа его во время самыхъ серьезныхъ военныхъ неудачъ объясняется, однако, не тѣмъ, что онъ думалъ и чувствовалъ едино съ народомъ. Казалось, что онъ исчерпывалъ свою дипломатическую дѣятельность рѣшительнымъ противодѣйствіемъ всѣмъ попыткамъ начать переговоры о мирѣ; это совпадало съ народной волей, выражало ее, окружало Александра тѣмъ же ореоломъ, какой для народныхъ массъ осіялъ уже образъ Кутузова. Но Александръ въ народной борьбѣ видѣлъ только эпизодъ своей личной борьбы, въ народныхъ побѣдахъ только начало своей побѣды, въ народной политикѣ только этапъ своей политики. Его дѣло начнется, когда кончится дѣло Кутузова. Отодвинув-



Генералъ А. П. Ермоловъ. Захарова.
(Музей Александра III).

шись на задній планъ, уйдя въ тѣнь, онъ въ дѣйствительности энергично готовился къ своему дѣлу, чуждому народной стихіи, поднявшейся на спасеніе русской земли,—онъ готовился къ „спасенію Европы“.

Отъ начала войны до назначенія Кутузова государь принималъ ближайшее участіе въ распоряженіи военными дѣйствіями. Онъ лично боролся съ Наполеономъ, руководя Барклаемъ. Вынужденный назначить Кутузова главнокомандующимъ, онъ прежде всего былъ отстраненъ именно отъ личной борьбы, а между тѣмъ онъ былъ полонъ личнаго мстительнаго чувства къ Наполеону, наросшаго за года ихъ унизительнаго для него союзничества. Эти два элемента—честолюбіе, манившее его ролью спасителя Европы, и уязвленное самолюбіе—обусловили поражавшую современниковъ твердость его даже въ дни самыхъ тяжелыхъ военныхъ неудачъ и создали въ немъ рѣшимость довести борьбу до полнаго уничтоженія противника: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Во время Отечественной войны, для него — прелюдіи къ настоящему дѣлу, онъ твердо направлялъ внѣшнюю политику Россіи къ этой своей цѣли. Но пусть это было личнымъ дѣломъ Александра — исторія оправдала его: его личная политика не противорѣчила государственнымъ интересамъ. Миръ съ Наполеономъ послѣ Березины, несомнѣнно, былъ бы только перемиріемъ.

Склонность Александра къ широкимъ планамъ, къ почти всеобъемлющимъ политическимъ построеніямъ, проявлялась и теперь, даже въ болѣе, чѣмъ когда-либо, мечтательныхъ по внѣшности формахъ. Но какъ всегда, глубокій реализмъ, лежавшій въ основѣ его характера, переводя эти планы на почву дѣйствительности, умѣрялъ ихъ словесный размахъ обдуманностью дѣйствія. Яркій примѣръ тому—эпизодъ съ миссіей адм. Чичагова, посланнаго имъ поднять славянъ и венгровъ противъ Австріи и имъ же остановленнаго, какъ только Александръ увидалъ опасныя стороны этого полуфантастическаго плана. Такъ и въ мечтахъ о „спасеніи Европы“ государь не сходилъ съ реальной почвы. Въ самые тяжелые дни войны онъ не переоцѣнивалъ своего положенія, полагая, что съ его судьбой связана судьба Европы. Именно такъ смотрѣли на дѣло и на Западѣ, ждавшемъ въ страшной тревогѣ исхода борьбы въ предѣлахъ Россіи. Гарденбергъ спрашивалъ у Меттерниха, возможно ли спасеніе для Европы, если „геній Наполеона“ одержитъ верхъ надъ „слабохарактернымъ Александромъ“. И Меттернихъ отвѣтилъ, что не разсчитываетъ „ни на какую твердость со стороны Александра, ни на какую связность въ настоящихъ и будущихъ планахъ его кабинета“; онъ предвидѣлъ только „потерю европейскаго существованія Россіи“. Но, если Пруссія съ отчаяніемъ слѣдила за отступленіемъ русскихъ войскъ передъ Наполеономъ, если Англія черезъ своего агента Вильсона старалась ободрять „слабохарактернаго“ Александра, то Меттернихъ готовился „спасать Европу“, предполагая выступить посредникомъ — между Франціей и Россіей. На раз-

валинахъ Европы за счетъ униженной Россіи онъ разсчитывалъ разрѣшить польскій и турецкій вопросы въ пользу Австріи. Но уже отказъ Александра вступить въ мирные переговоры послѣ Москвы оказалъ громадное дѣйствіе на руководителей европейской политики. О „безхарактерности“ Александра перестаютъ говорить. Съ нимъ уже считаются не въ однѣхъ лишь фразахъ личныхъ и дипломатическихъ сношеній, но и въ затаенныхъ разсчетахъ. Бѣгство великой арміи довершило перемѣну. „Пришло время, когда я могу доказать императору французовъ, что я такое!“ такъ великолѣпно выразилъ императоръ Францъ чувство злораднаго и мстительнаго торжества, охватившаго европейскихъ вѣнценосцевъ и дипломатовъ. „Слабохарактерный“ Александръ правильно предугадывалъ результаты народной побѣды и своей личной твердости: глаза всей Европы обратились на него. Первой примкнула къ нему Пруссія: вспомогательный корпусъ Іорка отдѣлился отъ великой арміи. Король еще колебался, боясь французскихъ войскъ, занимавшихъ Пруссію; но всю страну охватило непреодолимое возбужденіе. Меттерних и императоръ Францъ искали способовъ учесть перемѣну судьбы Наполеона съ возможной выгодой для австрійскихъ интересовъ. И Александру, и Наполеону расточались предложенія австрійской поддержки, но въ плохо прикрытой формѣ торга съ переторжкой. Наполеонъ былъ еще страшенъ, но страшнымъ становился и Александръ. Положеніе осложнялось польскимъ вопросомъ. Мечты Александра относительно возстановленія Польши ни для кого не были тайной. Раздражая Австрію, эти планы отпугивали отъ сближенія съ Россіей и Пруссію. Александръ съ обычной трезвостью политическаго взгляда уже рѣшилъ пока отказаться отъ возстановленія Польши, чтобы не толкнуть Австрію и Пруссію къ Наполеону и, отвѣчая въ этомъ смыслѣ на представленія Чарторыскаго, самъ предупредилъ тѣ совѣты, которые ему давали позже Нессельроде и Новосильцевъ. Какъ и въ 1804 г., какъ въ 1806 г., онъ выказалъ способность подчинять главной цѣли свои желанія. И примѣчательно, что именно въ эту переходную эпоху, когда онъ начиналъ свою „романтическую“, по выраженію Меттерниха, дѣятельность, онъ рѣшилъ разстаться съ Румянцевымъ и приблизилъ къ себѣ человѣка, вполнѣ чуждаго всякому романтизму, графа Нессельроде.

16 февраля 1813 г. въ Калишѣ былъ подписанъ союзный договоръ. Въ новую коалицію вступили Россія и Пруссія. Англія обязалась субсидировать союзниковъ; Швеція, которой Александръ обѣщалъ Норвегію, выставляла вспомогательный корпусъ. Одна Австрія продолжала колебаться. Но ея двуличная политика отразила происшедшую перемѣну. Уже не у Александра, а у Наполеона требуетъ она вознагражденій; она уже грозитъ Наполеону. И въ то же время ищетъ средствъ спасти его отъ конечнаго крушенія. Въ австрійскихъ государственныхъ кругахъ ощущали въ этотъ моментъ особаго рода тревогу: слѣдуя принципамъ, провозглашеннымъ еще

при посылкѣ Новосильцева въ Лондонъ, Александръ, а за нимъ и Пруссія, облекли для Германіи свой союзъ освободительно-либеральнымъ характеромъ, и это приводило въ ужасъ вѣнскихъ политиковъ. Призракъ германскаго національнаго освободительнаго движенія уже стоялъ передъ Вѣной. Отнынѣ Меттернихъ главную часть своей дипломатической работы направилъ на борьбу съ „тлетворной заразой“. Національное движеніе въ Германіи пугало Австрію больше, чѣмъ угроза Наполеона — предложить Александру Польшу и „раздѣлъ міра“; въ Вѣнѣ правильно учитывали, что между Россіей и Франціей больше не можетъ быть соглашенія. Цѣль австрійской политики въ этотъ моментъ — прекращеніе войны, грозящей „революціонными комитетами въ Германіи“, миръ, но при посредствѣ Австріи, т.-е установленіе такой системы равновѣсія между Россіей и Франціей, гдѣ бы Австрія навсегда явилась охранительницей его и, слѣдовательно, повелительницей средней Европы. Александръ, слишкомъ хорошо знавшій методы австрійской дипломатіи, чтобы обманываться насчетъ плановъ Меттерниха, не терялъ изъ вида своей единственной цѣли: изолировать Наполеона, чтобы низвергнуть его. И потому, какъ бы идя навстрѣчу Меттерниху, онъ отказался вступить въ переговоры съ Наполеономъ иначе, чѣмъ при посредствѣ Австріи. Наполеонъ принялъ это посредничество послѣ кровопролитной битвы при Бауценѣ, хотя кончившейся для него побѣдой, но при условіяхъ, показавшихъ, что одной — двумя побѣдами судьбы борьбы ему не рѣшить. Одновременно Австрія обязалась вступить въ коалицію, если Наполеонъ не приметъ ея условій. Стороны собрались на конгрессъ въ Прагѣ. Занятія конгресса не кончились ничѣмъ; австрійскія предложенія не были приняты Наполеономъ, и Австрія вступила въ коалицію. Этотъ моментъ предрѣшилъ торжество Александра, еще до занятія Парижа обезпечилъ ему первенствующую роль въ Европѣ. Дѣйствительно, отказываясь отъ отдѣльнаго мира съ Наполеономъ, Александръ отвергалъ именно тотъ компромиссъ, котораго страстно желала Австрія; съ другой стороны, принимая ея посредничество, онъ зналъ, что оно заранѣе обречено на неудачу. Ибо чего желала Австрія? Сохраненія французской имперіи въ видѣ противовѣса Россіи, слѣдовательно, въ зависимости отъ Австріи. Такого мира, такого положенія Наполеонъ не могъ принять. Онъ не могъ вернуться во Францію побѣжденнымъ и униженнымъ: „я солдатъ — мнѣ нужны честь и слава... я долженъ оставаться великимъ и славнымъ!“ Личное униженіе—конецъ власти Наполеона. Александръ къ этому и велъ дѣло; Меттернихъ этого именно и боялся. Но русскій императоръ лучше понималъ положеніе Наполеона, чѣмъ его австрійскій тесть и Меттернихъ. Неудача Пражскаго конгресса была не только рѣшеніемъ судьбы Наполеона, она была крушеніемъ австрійскихъ плановъ и личнымъ торжествомъ Александра. „Двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ; посмотримъ, что она заговоритъ теперь!“ сказалъ онъ Ермолову.

Башня Симонова монастыря. Историческій музей.

Дамир Самойлов жонглирует. Исполняет жанр!»

19 марта 1814 года послѣ трудной кампаніи, проведенной, наконецъ, имъ лично въ качествѣ признаннаго главы коалиціи, Александръ вступилъ въ Парижъ, окруженный по-наполеоновски блестящей свитой государей-союзниковъ. Солнце Аустерлица, наконецъ, померкло.

VI.

Къ времени вступленія въ Парижъ, на русской дипломатіи лежалъ рядъ очень серьезныхъ обязательствъ. Первому изъ вступившихъ въ коалицію государствъ, Швеціи, была обѣщана Норвегія; въ 1813 г. Бернадотъ уже использовалъ это обѣщаніе и оттягалъ Норвегію отъ Даніи. Норвегія была компенсаціей за Финляндію. Пруссія была увлечена въ коалицію народнымъ движеніемъ. Какъ всякій освободительный порывъ въ Германіи того времени, и движеніе 1813 г. принимало объединительный характеръ. Становясь во главѣ его, Пруссія выдвигалась на первое мѣсто въ Германіи и могла разсчитывать, что, съ изгнаніемъ Наполеона за Рейнъ, это мѣсто не будетъ ею потеряно. Въ то же время Пруссія не могла не тревожиться изъ-за польскаго вопроса; рѣшеніе его должно было опредѣлить и ея отношенія съ Россіей, и самую сущность русской политики вообще. Поэтому на русской дипломатіи лежала обязанность найти такое удовлетвореніе Пруссіи, которое дало бы возможность не поступиться русскими планами при рѣшеніи польскаго вопроса. Не менѣе сложно было положеніе относительно Австріи. Вступая въ коалицію, Австрія принесла въ нее опредѣленно-реакціонный элементъ. Одинъ изъ главныхъ побудительныхъ мотивовъ ея присоединенія къ союзникамъ—испугъ передъ національнымъ движеніемъ въ Германіи и возможностью политическихъ успѣховъ Пруссіи—опредѣлялъ и ея дальнѣйшее стремленіе: связать реставрацію съ реакціей, внѣшнее устройство Европы съ внутреннимъ воздѣйствіемъ на ея народы. Наконецъ, Англія не удовлетворялась уничтоженіемъ континентальной системы и возстановленіемъ французскихъ границъ 1792 г.; не желая допустить возвращенія Испаніи возмутившихся противъ нея и объявившихъ себя республиками американскихъ колоній, англійская дипломатія, въ противоположность австрійской, была противъ принципіальной реставраціи. Одинаково Александръ ради одной изъ главныхъ цѣлей своей политики хотѣлъ воспользоваться несомнѣннымъ слѣдствіемъ революціи и Наполеоновскихъ войнъ, возстаніемъ поляковъ про-

Гр. И. А. Остерманъ-Толстой.

тивъ своихъ законныхъ государей. Еще перенося войну въ Европу, онъ рѣшительно заявлялъ кн. Ад. Чарторыскому, что не допуститъ новаго раздѣла и, сохранивъ въ цѣлости герцогство Варшавское и сливъ его съ русской Польшей, возстановитъ королевство — для себя. Онъ только временно отсрочилъ исполненіе этого проекта. Теперь Александръ готовился повторить то, что такъ легко удалось Наполеону: воспользоваться польскимъ патріотизмомъ, чтобъ создать для себя военный авангардъ, и, кромѣ того, обезвредивъ польскій вопросъ для себя, осложнить его для Пруссіи въ Познани и для Австріи въ Галиціи. Вытекавшія изъ такого положенія противорѣчія между союзниками не могли еще сказаться, пока Наполеонъ былъ въ Германіи. Въ договорѣ 13 августа 1813 г. была только въ общихъ чертахъ намѣчена ликвидація французскихъ завоеваній. До Лейпцигской битвы договоръ оставался только предварительнымъ соглашеніемъ на случай побѣды. Но къ моменту перехода Наполеона за Рейнъ и перенесенія войны въ предѣлы Франціи, когда конечный успѣхъ казался уже почти несомнѣннымъ, разногласія между союзниками быстро стали опредѣляться. Судьба Наполеона была предрѣшена волей русскаго императора. Онъ одинъ — противъ Кэстльри, противъ Шварценберга, противъ императора Франца — настаивалъ на продолженіи войны до занятія Парижа и низложенія Наполеона. 1 марта 1814 г. въ Шомонѣ союзники подписали договоръ на двадцатилѣтній срокъ о ликвидаціи завоеваній французской имперіи и о военномъ надзорѣ за Франціей. Первое основное несогласіе между союзниками проявлялось въ вопросѣ о судьбѣ Франціи. Александръ, вѣрный давнему принципу своей политики, склоненъ былъ предоставить самой странѣ рѣшить вопросъ о будущемъ образѣ правленія. Предварительное рѣшеніе, принятое 25 января въ Лангрѣ,—вернуть Бурбоновъ, — было основано на убѣжденіи, что Наполеонъ не можетъ согласиться на миръ, который бы вернулъ Францію къ предѣламъ 1792 г. Въ февралѣ Бурбоны вступили во Францію слѣдомъ за войсками коалиціи. Но для Александра январское рѣшеніе не казалось обязательнымъ. Онъ колебался до послѣдней минуты, и только въ Парижѣ рѣшился признать провозглашеніе Бурбоновъ въ Бордо за голосъ Франціи. Нерѣшительность русскаго императора вытекала изъ глубоко практическаго пониманія того положенія, которое должно было создаться по окончаніи войны. Его политическая программа — возвышеніе Пруссіи, возстановленіе Польши и дальнѣйшее расширеніе русскихъ предѣловъ на востокѣ — неизбѣжно должно было нарушить согласіе между нимъ, Австріей и Англіей. Естественной союзницей для Россіи являлась бы въ этомъ случаѣ Франція. Поэтому задача его двоится: съ одной стороны, онъ хочетъ оградить себя и Европу отъ повторенія Наполеоновскихъ нашествій, съ другой — создать почву для будущаго сближенія съ Франціей. И не кто иной, какъ Александръ, противъ Меттерниха, противъ другихъ союзниковъ, настаиваетъ на под-

писаніи Фонтенеблосскаго договора, сохранившаго за Наполеономъ титулъ императора и на два года отсрочившаго его ссылку за океанъ; не кто, какъ онъ, настаиваетъ на сохраненіи во Франціи конституціоннаго строя; наконецъ, при составленіи мирнаго договора 30 мая онъ является единственнымъ защитникомъ Франціи отъ хищническихъ посягательствъ другихъ союзниковъ. Съ другой стороны, онъ же возобновилъ въ Лондонѣ (29 іюня) Шомонскій договоръ четырехъ державъ, устанавливавшій какъ бы политическій карантинъ для Франціи.

Чисто-монархическій принципъ реставраціи видоизмѣнился на Вѣнскомъ конгрессѣ подъ вліяніемъ политическихъ интересовъ различныхъ державъ въ принципъ компенсаціи. Съ перваго же засѣданія это прекрасно поняли самые нетерпѣливые изъ его участниковъ, пруссаки: „при чемъ тутъ международное право!“ воскликнулъ Гумбольдтъ въ отвѣтъ на упоминаніе Талейрана о принципахъ международнаго права: „Вы мнѣ не говорите о какихъ-то принципахъ; международное право для меня—ничто; я его не признаю“, сказалъ на конгрессѣ же Александръ.

Австрія съ первыхъ же дней засѣданій начала борьбу противъ Россіи, опираясь на поддержку Англіи. Меттерних предложилъ Пруссіи владѣнія союзника Наполеона, Саксонскаго короля, взамѣнъ обязательства воспрепятствовать возстановленію Александромъ Польши. Цѣль Австріи была разссорить Россію съ Пруссіей, изолировать ее. Отдавать Саксонію Пруссіи Меттерних не собирался; онъ разсчитывалъ опереться на протестъ Баваріи. Въ этомъ съ нимъ былъ солидаренъ Талейранъ. Вырисовывались очертанія новой коалиціи: на этотъ разъ противъ Россіи. Александръ тогда рѣшилъ форсировать положеніе: исполнить свои намѣренія и обѣщанія, не ожидая санкціи ихъ конгрессомъ. Русская армія очистила Саксонію, прусская—вступила въ нее; великій князь Константинъ Павловичъ занялъ герцогство Варшавское и обратился къ полякамъ съ призывомъ встать на защиту ихъ національности. Австрія въ отвѣтъ на это двинула свои войска къ границамъ; ея рѣшимость поддерживалась протестомъ германскихъ государей противъ прусскаго захвата. Одновременно Меттерних и Кэстльри вступили въ переговоры съ Талейраномъ о включеніи Франціи въ соглашеніе противъ Россіи и Пруссіи. 3 января 1815 г. ихъ тройственный союзъ былъ подписанъ. Самой важной стороной этого факта было возвращеніе только что разбитой Франціи къ активной ролп — въ соглашеніи съ Австріей. Александръ былъ глубоко смущенъ тѣмъ, что Австріи удалось предупредить его въ этомъ отношеніи и, по обыкновенію, поступился менѣе важнымъ для важнѣйшаго. Онъ пошелъ на уступки. Въ слѣдующей стадіи сдѣлокъ — о судьбѣ Италіи — Александръ поддерживалъ Францію противъ Австріи. Онъ хотѣлъ французскимъ вліяніемъ уравновѣсить въ Италіи австрійское.

Возвращеніе Наполеона, на три мѣсяца повергшее союзниковъ въ страшную тревогу, обострило реакціонный характеръ ихъ соглашеній. Уже 12 мая въ докладѣ Гентца, секретаря конгресса, было ясно формулировано основное положеніе Священнаго Союза: „союзники признаютъ общественную свободу Франціи, но настолько, насколько она совмѣстима съ ихъ безопасностью и общимъ спокойствіемъ Европы“. Этотъ принципъ былъ позже только расширенъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ возвращенія Наполеона было возобновленіе четверного союза (25 марта 1815 г.). „Сто дней“ имѣли и другое послѣдствіе: дипломатическій успѣхъ Австріи. Второстепенныя государства Германіи выставили свои войска противъ общаго врага, но послѣ того лишь, какъ имъ было обѣщано, что союзная конституція не затронетъ ихъ суверенитета. Возникшій отсюда „Союзный актъ“, создавшій „Германскій союзъ“, былъ торжествомъ австрійской программы. Третьимъ слѣдствіемъ возвращенія Наполеона было спѣшное завершеніе работъ конгресса. 9 іюня 1815 г. былъ подписанъ „Окончательный актъ“. Въ результатѣ вѣнскихъ совѣщаній въ Европѣ возникла политическая система, носившая въ самой себѣ зародыши скораго разложенія. Франція, возвращенная къ границамъ 1792 г., униженная послѣ столькихъ годовъ безпримѣрнаго величія, подвергнутая международному надзору, остается непримиренной и непримиримой. Англія, остановивъ морское и колоніальное развитіе Франціи, переходитъ къ повсемѣстному расширенію сферы своей имперіалистической политики, что неизбѣжно должно было столкнуть ее на востокѣ съ Россіей. Австрія, установивъ свою гегемонію въ Германіи, входитъ въ конфликтъ съ Пруссіей; утвердившись въ Италіи, она обращаетъ противъ себя итальянскій патріотизмъ. Въ славянскомъ и турецкомъ вопросахъ для нея неминуемы столкновенія съ русской политикой. Пруссія, возстановленная, но географически и стратегически разорванная на двѣ части, возвращается къ своей традиціонной германской политикѣ, объединительной и противоавстрійской. Наконецъ, Россія, разрѣшивъ польскій вопросъ, открыла на конгрессѣ свою игру, отказавшись гарантировать неприкосновенность Пруссіи. Александръ, освободившись отъ Наполеона, хочетъ теперь вновь попытаться достигнуть того, чего ему не далъ Тильзитъ.

Недолгій и непрочный миръ сулили такія взаимоотношенія союзниковъ. Ихъ разъединили противорѣчія интересовъ; только общимъ интересомъ же можно было ихъ объединить. Провозглашеніемъ такой объединяющей монарховъ формулы и явилась знаменитая Парижская декларація Александра 26 сентября 1815 г. королю прусскому и императору австрійскому. Сквозь мистическое содержаніе этого документа, полагающаго правила вѣры въ основу управленія государствами и догматъ Божественнаго водительства въ обоснованіе монархической власти, ясно просвѣчиваетъ призывъ трехъ абсолютныхъ государей ко всѣмъ остальнымъ монархамъ объединиться, чтобы

„во всѣхъ случаяхъ и во всякомъ мѣстѣ“ защищать абсолютизмъ. Непосредственный практическій выводъ изъ этого документа—защита всѣми монархами каждаго изъ нихъ отъ народныхъ движеній—отвѣчалъ личнымъ и династическимъ интересамъ европейскихъ государей и долженъ былъ ихъ объединить. Кромѣ англійскаго принца-регента, всѣ монархи Европы присоединились къ этому акту, къ „Священному Союзу“. Ближайшимъ приложеніемъ провозглашенныхъ принциповъ долженъ былъ быть, какъ всѣ понимали, надзоръ за Франціей и общая гарантія ея реставрированной законной монархіи. Что касается лично Александра, то въ это время онъ придавалъ Священному Союзу только узко практическое значеніе; авторъ Парижской декларации не задумывался, когда того требовали интересы Россіи, пользоваться либеральной идеей, какъ политическимъ орудіемъ. Въ 1815 г. онъ еще разъ настоялъ на томъ, чтобы Франціи была дана конституціонная хартія; въ ноябрѣ 1816 г. ввелъ, согласно Вѣнскому договору, подобіе національнаго конституціоннаго устройства въ русской Польшѣ, отъ чего уклонились прусскій король и австрійскій императоръ; поддерживалъ либеральную агитацію въ Германіи и Италіи; наконецъ, поощрялъ революціонныя движенія славянъ и грековъ противъ султана. Взгляды и намѣренія Александра очень опредѣленно сказались въ опубликованномъ въ февралѣ 1816 г. актѣ Священнаго Союза. Создавалось не только объединеніе монарховъ, но провозглашалось и объединеніе христіанскихъ державъ Европы. Турція исключалась изъ европейской политической семьи.

Всѣ державы распускали значительную часть своихъ войскъ, одна Россія оставила въ полномъ составѣ свою армію. Было ясно, что Александръ рѣшилъ возобновить прерванную нашествіемъ Наполеона восточную войну.

VII.

До окончательной побѣды надъ Наполеономъ восточная политика Александра не могла быть самостоятельной. Отношенія между Россіей и Турціей съ точностью зеркала отражали всѣ эпизоды русско-французскихъ отношеній. Въ первый періодъ царствованія, когда Александръ искалъ компромиссныхъ соглашеній, русская дипломатія въ силу договора 1798 г., благодаря египетской войнѣ, обладала почти безграничнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ. Основной задачей русской политики было сохраненіе этого авторитета. Пораженіе подъ Аустерлицемъ подорвало престижъ Россіи на Востокѣ, и Порта быстро подпала подъ французское вліяніе. По внушенію Наполеона турецкое правительство перестало считаться съ русскими требованіями. Съ своей стороны и Россія измѣнила свою политику на Востокѣ: русскіе агенты волновали христіанскихъ подданныхъ Турціи; русская поддержка давала силу и

возстанію сербовъ, и греческому движенію. Война оказалась неизбѣжной. До Тильзита русско-турецкая война играла для Наполеона роль диверсіи, отвлекавшей русскія силы и русское вниманіе отъ европейскихъ дѣлъ. Въ по-тильзитскій періодъ до Эрфурта, восточный вопросъ, какъ мы видѣли, былъ въ рукахъ Наполеона средствомъ личнаго вліянія на Александра. Въ Эрфуртѣ русскій императоръ воспользовался испанскими затрудненіями Наполеона, чтобы, прежде всего, высвободить свою восточную политику отъ давленія Франціи. Вторая кампанія на Дунаѣ началась уже въ предвидѣніи великой войны съ Наполеономъ и поэтому велась торопливо, затруднялась необходимостью отвлечь отъ сближенія съ Наполеономъ Австрію, ревниво слѣдившую за дѣйствіями русскихъ войскъ на Дунаѣ, и закончилась спѣшно подписаннымъ Бухарестскимъ миромъ, при заключеніи котораго Александръ принужденъ былъ близостью войны съ Франціей пойти на уступки. Удачная война съ Персіей, законченная выгоднымъ Гюлистанскимъ миромъ, была только отдаленнымъ эпизодомъ, не входившимъ въ схему восточныхъ чаяній императора. Теперь, освободившись отъ воздѣйствія Наполеона, онъ считалъ, что пришло время ихъ исполнить.

Съ 1816 года русская дипломатія явно начала искать поводовъ къ разрыву съ Турціей, не только не исполняя нѣкоторыхъ пунктовъ мирнаго договора и настаивая на исполненіи Портой другихъ его статей, но и ведя дѣятельную агитацію среди сербовъ и грековъ. Но вскорѣ же Александру пришлось убѣдиться, что сверженіе Наполеона не развязало ему рукъ на Востокѣ. Противодѣйствіе Англіи, проявлявшееся только эпизодически до этого времени, стало главнымъ препятствіемъ для политическаго и экономическаго расширенія русскаго вліянія на Востокѣ. Въ декабрѣ 1816 г. Александръ предложилъ европейскимъ державамъ начать борьбу противъ корсаровъ на Средиземномъ морѣ; въ мартѣ 1817 г. онъ пытался путемъ тайнаго договора съ Испаніей получить Портъ-Магонъ. Англія усмотрѣла въ этихъ шагахъ стремленіе Россіи захватить морскія станціи на Средиземномъ морѣ; вопросъ о пути въ Индію, создавшій англо-русское соперничество, окрасившее всю дальнѣйшую политическую исторію Европы до XX вѣка, грозно всталъ передъ англійскимъ правительствомъ. Русская агитація среди придунайскихъ славянъ волновала Австрію, и Англія нашла въ ней немедленную поддержку. Кэстльри и Меттернихъ уже начали подготовлять коалицію противъ Россіи, стараясь привлечь къ ней Пруссію. Но Александръ уступилъ. Однако, очертанія будущей русской политики ясно опредѣлились для него. Уничтоживъ французскую экономическую конкуренцію и французское политическое преобладаніе на материкѣ, Англія становилась теперь на пути развитія русской мощи. Отступивъ въ восточномъ вопросѣ, чтобы предупредить опасность коалиціи, русская дипломатія не отказалась отъ борьбы съ Англіей, перейдя только на болѣе безопасную почву испано-

американскаго дѣла. Испанскія колоніи южной Америки были подъ непосредственнымъ вліяніемъ Великой революціи охвачены мятежнымъ движеніемъ. Занятая войной съ Наполеономъ, Испанія была безсильна усмирить возставшія заокеанскія провинціи. Англія, давно уже съ вожделѣніемъ смотрѣвшая на громадныя колоніальныя владѣнія Испаніи, всячески поддерживала американскихъ революціонеровъ. Кромѣ того, въ пограничномъ конфликтѣ, возникшемъ въ южной Америкѣ между Испаніей и Бразиліей, Англія рѣшила выступить противъ Испаніи. Въ началѣ 1817 г. Александръ, опираясь на „принципы международнаго права“, предложилъ державамъ Священнаго Союза отдать Испаніи Португалію въ вознагражденіе за захватъ Бразиліей испанскихъ владѣній въ Америкѣ или въ залогъ ихъ возвращенія, при чемъ совѣтовалъ не останавливаться передъ вооруженнымъ занятіемъ королевства. Англія энергично протестовала, но въ то же время поспѣшила уничтожить и самый поводъ, использованный русской дипломатіей: она настояла передъ бразильскимъ дворомъ на возвращеніи Испаніи спорной территоріи. Александръ черезъ своего мадридскаго посла Татищева побудилъ тогда испанскаго короля обратиться къ Священному Союзу за помощью противъ его мятежныхъ подданныхъ во имя монархическаго принципа (лѣтомъ 1817 г.); въ январѣ 1818 г. царь поддержалъ его особой нотой къ великимъ державамъ, настаивая именно на принципіальной сторонѣ вопроса. Англійское правительство было на этотъ разъ поставлено въ очень затруднительное положеніе, но все же нашло выходъ, предложивъ Испаніи свое посредничество съ тѣмъ, чтобы изъ возставшихъ колоній было образовано нѣсколько независимыхъ монархій съ испанскими принцами во главѣ. Предложеніе было для Испаніи непріемлемо, но „принципіальное“ вмѣшательство Россіи оказалось парализованнымъ.

Другимъ важнѣйшимъ предметомъ русской политики были французскія дѣла. Разсчитывая на Францію, какъ на будущую союзницу противъ Австріи и Англіи, Александръ былъ сильно озабоченъ ея внутренними обстоятельствами. Роялистскій терроръ и реакціонная дѣятельность „безподобной“ палаты грозили новой революціей, т.-е. новымъ ослабленіемъ Франціи. Ни того, ни другого Александръ не желалъ. Подъ прямымъ его воздѣйствіемъ Людовикъ XVIII распустилъ осенью 1816 г. палату и призвалъ къ власти умѣренно-либеральное и конституціоналистское правительство во главѣ съ лично близкимъ русскому императору герцогомъ Ришельё. Вслѣдъ за тѣмъ по настоянію Россіи былъ уменьшенъ международный оккупаціонный корпусъ.

Абсолютистъ въ испанскомъ вопросѣ, конституціоналистъ по отношенію къ Франціи, Александръ одновременно поддерживалъ и опредѣленно революціонныя движенія. Онъ дѣлалъ это не только въ Турціи, гдѣ мятежъ противъ законнаго государя отчасти оправдывался въ глазахъ даже легитимистской Европы искони борьбой христіанъ противъ мусульманскаго ига,

но и въ Италіи, потаенно обнадеживая карбонаріевъ. Германскіе родственники царя вводили или обѣщали умѣренно-либеральныя, но все же болѣе или менѣе конституціоналистскія реформы. Наконецъ, самъ онъ, давъ Польшѣ органическій законъ, испугалъ монархическую Европу заявленнымъ публично въ Варшавѣ намѣреніемъ даровать конституцію и Россіи. Для Австріи, оплота реакціи, для Меттерниха, паладина реакціонной идеи, это положеніе казалось грознымъ. Меттернихъ выступилъ на борьбу. Легко овладѣвъ довѣріемъ прусскаго короля, Меттернихъ сломилъ вліяніе умѣренно-либеральныхъ дѣятелей, Штейна, Гумбольдта и Гарденберга, настаивавшихъ на дарованіи обѣщанной въ 1815 г. конституціи, и увлекъ Пруссію на путь активной борьбы съ освободительными идеями. Усиленіе гнета вызвало естественное противодѣйствіе въ Германіи. Съѣздъ въ Вартбургѣ (октябрь 1817 г.) по случаю 300-лѣтія Реформаціи превратился въ противоправительственную демонстрацію. Видя основную опасность въ русской политикѣ, Меттернихъ началъ правильную кампанію съ цѣлью воздѣйствовать на Александра. Онъ легко нашелъ союзниковъ. Прусскій король, англійская дипломатія, графъ д'Артуа, наконецъ, петербургская придворная бюрократія соединили свои усилія, чтобы напугать царя призракомъ грядущей революціи. Поколебался ли Александръ, или опять осторожно отступилъ, не желая остаться изолированнымъ, но онъ почти немедленно далъ монархической Европѣ доказательство своей „лойяльности“: посовѣтовавъ Ришельё измѣнить выборный законъ 1817 г., съ цѣлью сузить избирательныя права буржуазіи.

Въ апрѣлѣ 1818 года четыре союзныхъ державы рѣшили вывести свои войска изъ Франціи. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ этого рѣшенія было небезосновательное опасеніе, что офицеры и солдаты заразятся во Франціи освободительными идеями. Для разсмотрѣнія этого дѣла и связанныхъ съ нимъ вопросовъ въ сентябрѣ былъ созванъ въ Аахенѣ конгрессъ. Александръ предложилъ пригласить на совѣщаніе всѣ державы Европы; онъ разсчитывалъ вновь поднять испано-американскій вопросъ. Но планъ его былъ угаданъ Англіей, и ему не удалось побороть ея противодѣйствія. На конгрессѣ были представлены только четыре союзныхъ державы и Франція.

Отправляясь въ Аахенъ, Александръ зналъ, что встрѣтитъ тамъ затаенное недовѣріе, глухую и завистливую враждебность. Онъ былъ убѣжденъ, что между Австріей и торійскимъ англійскимъ кабинетомъ существуетъ формальное соглашеніе съ цѣлью ограничить вліяніе Россіи во Франціи, устранить ее отъ пиренейскихъ и итальянскихъ дѣлъ и парализовать ее на Востокѣ; онъ подозрѣвалъ тайный планъ вооруженія противъ Россіи германской федераціи. Всѣ реакціонныя силы объединились противъ него, „освободителя Европы“ и „покровителя слабыхъ“. И онъ прекрасно понималъ основу этой тайной коалиціи: Австрію и Англію, а съ ними и Пруссію объединила неувѣренность въ его планахъ, очевидность его отношенія къ

Шукаевъ. Изъ войны 1814 г. Музей Александра III.

Photos

Священному Союзу, какъ къ политическому средству, къ его условіямъ, какъ къ обязательнымъ для другихъ и необязательнымъ для него. Въ Аахенѣ союзъ могъ рухнуть. Между тѣмъ Александръ хотѣлъ преобразовать его, расширить въ Великій союзъ всѣхъ христіанскихъ державъ; въ такомъ случаѣ Россія, какъ наиболѣе могущественная изъ его участницъ, легко могла бы комбинировать свое вліяніе на мелкія государства съ задачами своей политики. И еще разъ онъ уступилъ, чтобы ослабить нарождавшееся соглашеніе противъ Россіи и спасти отъ крушенія Священный Союзъ. Для русской политики эта политическая комбинація представлялась единственной гарантіей сохраненія того доминирующаго положенія, которое Россія заняла въ Европѣ послѣ 1812 г. Предсѣдательствуя въ „совѣтѣ монарховъ“, Александръ всегда обновлялъ для себя незабвенный день вступленія въ Парижъ. Эти два стимула, государственный и личный, заставляли его, реалиста, идти на всевозможныя уступки и жертвы, по внѣшности во имя „идеи“ союза, въ дѣйствительности, ради его сохраненія. При первомъ явномъ признакѣ разложенія союза—въ Аахенѣ, онъ сдѣлалъ первый шагъ по этой наклонной плоскости, первый шагъ на томъ пути, который привелъ его къ краху его личной политики и къ ущербу для русскаго престижа, не сохранивъ все же Священнаго Союза. Въ Аахенѣ Александръ не только согласился на сохраненіе прежней формы союза, настоявъ лишь на возвращеніи реставрированной французской монархіи политическаго равноправія, но постарался разсѣять предубѣжденіе противъ его личной дѣятельности. Онъ завѣрилъ своихъ союзниковъ, что не намѣренъ ни сближаться съ Франціей въ ущербъ своей связи съ ними, ни измѣнять характера и цѣлей союза, ни поддерживать революціонный духъ въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ еще одну попытку обходнымъ путемъ обратить союзъ въ болѣе поддающееся личному вліянію, въ болѣе прочное орудіе гегемоніи для сильнѣйшей державы континента: онъ настаивалъ на еще большемъ укрѣпленіи союза принятіемъ союзниками обязательства собираться періодически на конгрессы. Это предложеніе, развивавшее Священный Союзъ въ личную федерацію монарховъ великихъ державъ, въ совмѣстное управленіе дѣлами Европы, встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе со стороны англійскаго правительства, предвидѣвшаго, что это приведетъ къ росту вліянія Россіи на материкѣ и

Памятникъ гр. Платову въ Новочеркасскѣ.

потому неизбѣжно слишкомъ затянетъ и Англію въ континентальныя дѣла, лишая ея выгодъ ея островной изолированности. Въ результатѣ занятій конгресса Франція была эвакуирована и условно—подъ прежней угрозой вооруженнаго вмѣшательства — принята въ европейскій концертъ. Былъ подтвержденъ и консервативный характеръ союза. Декларація 15 ноября говорила, между прочимъ, что государи рѣшили озаботиться подъемомъ „религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ, упадокъ которыхъ такъ рѣзко отмѣченъ печальными событіями послѣдняго времени“. Секретарь конгресса Гентцъ писалъ, что монархи согласились предохранить отъ крушенія власть путемъ борьбы съ заблужденіями народовъ. Александръ „реабилитировалъ“ себя въ глазахъ Меттерниха и его англійскихъ единомышленниковъ. И Кэстльри, и австрійскій дипломатъ убѣдились, наконецъ, что либерализмъ и конституціонализмъ для Александра представляютъ только политическія средства, орудіе наступленія или защиты, его „государь-идеологъ“ является меньше всего борцомъ за идеи. Какъ и „международное право“ для него, по мнѣнію Меттерниха, убѣдившагося въ этомъ еще раньше Гентца, „не существуютъ никакія препятствія, останавливающія другихъ государей, какъ, напримѣръ, конституціонныя формы, общественное мнѣніе и проч.“. Онъ, прежде всего, практикъ, расчетливый и холодный; его политика—политика личныхъ интересовъ и личнаго самолюбія. Выводъ ясенъ: необходимо доказать ему, что его интересы совпадаютъ съ общими, и тогда у революціоннаго движенія не будетъ болѣе страшнаго врага.

Эту задачу—заинтересовать Александра въ борьбѣ съ революціоннымъ духомъ и сдѣлать дѣло реакціи въ Европѣ его личнымъ дѣломъ—Меттерниху облегчали, казалось, многія обстоятельства, и, прежде всего, постепенно совершившаяся перемѣна въ настроеніи самого царя. Доложенная ему въ Аахенѣ записка Стурдзы о революціонномъ движеніи въ Европѣ встрѣтила уже давно подготовленную почву. „Реабилитируя“ себя передъ Меттернихомъ, Александръ былъ, конечно, болѣе искреннимъ, чѣмъ въ своихъ либерально-конституціональныхъ выступленіяхъ предшествовавшаго года. Не забудемъ, что съ 1817 г. онъ слѣдилъ за освободительнымъ движеніемъ въ Германіи черезъ такого освѣдомителя, какъ извѣстный реакціонеръ Коцебу. Убійство этого агента студентомъ Зандомъ (мартъ 1819 г.) не могло не подѣйствовать на него. Понятно поэтому, что въ томъ же 1819 г., когда прусскій король, напуганный растущей популярностью даровавшихъ или обѣщавшихъ своимъ подданнымъ конституціи герцога саксенъ-веймарскаго, баварскаго и вюртембергскаго королей, задумалъ исполнить свое обѣщаніе 1815 г., и Меттернихъ энергично возсталъ противъ такой „якобинской“ мысли, Александръ не оказалъ никакой поддержки либеральному теченію. Но Меттернихъ, освободившись отъ одного заблужденія — вѣры въ либерализмъ Александра, слишкомъ склоненъ былъ впасть въ противоположную

ошибку: повѣрить въ прочность его реакціоннаго настроенія. Эта ошибка не замедлила выясниться.

Въ концѣ іюля Меттернихъ свидѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Теплицѣ и безъ труда убѣдилъ его не только отказаться отъ введенія конституціи въ Пруссіи, но и добиваться вмѣстѣ съ Австріей отмѣны конституціоннаго режима повсемѣстно въ Германіи. 7 августа въ Карлсбадѣ Австрія и Пруссія потребовали отъ представителей девяти крупнѣйшихъ германскихъ государствъ принятія и неуклоннаго проведенія ряда рѣшительныхъ реакціонныхъ мѣръ по надзору за преподаваніемъ, за союзами и собраніями и за печатью. За санкціей этихъ постановленій Меттернихъ обратился къ Александру. Ему представлялось прежде важнымъ, чтобы русскій императоръ, „августѣйшимъ именемъ котораго часто злоупотребляютъ демагоги“, публично одобрилъ карлсбадскія постановленія. Но Меттернихъ ошибся въ расчетѣ. Онъ не предвидѣлъ, что въ карлсбадскомъ совѣщаніи Александръ учтетъ, прежде всего, давленіе Австріи и Пруссіи на мелкія германскія государства и въ силу постояннаго принципа своей политики будетъ противодѣйствовать облеченію стоящаго подъ австро-прусскимъ вліяніемъ сейма диктаторской властью, хотя бы и во имя борьбы съ революціей. Англійская дипломатія ясно понимала причину противодѣйствія Россіи и, тѣмъ не менѣе, высказалась за полное невмѣшательство во внутреннія германскія дѣла. Въ Англіи боялись именно того, чего въ пылу борьбы съ революціей хотѣлъ Меттернихъ: публичнаго оказательства авторитета русскаго императора въ Германіи; англійское правительство небезосновательно, можетъ-быть, думало, что это создастъ прецедентъ для непосредственнаго вмѣшательства. Но Александръ вовсе не былъ намѣренъ ограничиться пассивнымъ воздержаніемъ, какъ совѣтовала ему Англія. Въ октябрѣ онъ благосклонно принялъ въ Варшавѣ своего шурина, Вюртембергскаго короля, обнародовавшаго вопреки карлсбадскимъ рѣшеніямъ конституцію, и, не обнаруживая прямо враждебныхъ намѣреній, перевелъ въ Польшу значительныя массы войскъ. Въ декабрѣ онъ открыто поддерживалъ оппозицію южно-германскихъ государствъ, доказывая этимъ, что ради сохраненія партикуляризма въ Германіи онъ такъ же готовъ пожертвовать абсолютистской идеей, какъ въ другихъ случаяхъ ради другихъ интересовъ—идеей освободительной. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ позиціи, занятой Россіей, прошли вѣнскія совѣщанія германскихъ государей (съ 25 ноября 1819 г. по 15 мая 1820 г.). Англія, боявшаяся осложненій на Востокѣ въ случаѣ русско-австрійскаго столкновенія, категорически отказала Меттерниху въ поддержкѣ, и онъ принужденъ былъ пойти на компромиссъ, получившій выраженіе въ „заключительномъ актѣ“ 15 мая, обращенномъ черезъ три недѣли во Франкфуртѣ въ основной законъ Германской имперіи, надолго обезпечившій сохраненіе въ ней партикуляризма.

Случай какъ бы намѣренно все ярче выказывалъ основныя тенденціи русской политики. Въ томъ же 1819 г. между Россіей и Франціей возникъ конфликтъ вслѣдствіе того, что Людовикъ XVIII, стремясь освободиться отъ черезчуръ стѣснительнаго русскаго вліянія, замѣнилъ Ришельё Деказомъ и, прямо наперекоръ совѣтамъ Александра, ввелъ рядъ либеральныхъ реформъ; между прочимъ, позволилъ многимъ сподвижникамъ Наполеона, частью революціонерамъ 1789—92 гг., вернуться во Францію. Александръ воззвалъ къ „принципамъ“ и предложилъ державамъ вмѣшаться во французскія дѣла на основаніи союзнаго соглашенія. Но Англія вовсе не желала содѣйствовать возстановленію русскаго вліянія въ Парижѣ и рѣшительно отвергла русское предложеніе. Даже для Австріи „принципы“ не могли въ этомъ случаѣ пересилить политическихъ соображеній. Предложеніе Александра не было принято. Но послѣдовавшее вскорѣ убійство герцога Беррійскаго вернуло къ власти Ришельё; онъ измѣнилъ избирательный законъ согласно желаніямъ Александра и вообще далъ внутренней политикѣ королевства угодное Россіи умѣренно-реакціонное направленіе.

1 января 1820 г. въ Испаніи вспыхнула революція. 7 марта король принужденъ былъ принять демократическую конституцію 1812 г. Александръ немедленно сообщилъ державамъ-союзницамъ, что онъ считаетъ испанскія событія за несомнѣнный casus foederis. Едва ли не самое характерное доказательство внутренней несостоятельности Священнаго союза дало отношеніе союзниковъ къ этому заявленію императора. Англія учла въ революціи паденіе русскаго вліянія въ Мадридѣ и отказалась поэтому отъ вмѣшательства. Австрія, а за нею и Пруссія отклонили предложеніе потому, что вооруженное вмѣшательство могло бы быть поручено только Франціи, что значительно подняло бы ея авторитетъ; кромѣ того, содѣйствіе Франціи подавленію революціи въ Испаніи имѣло бы косвеннымъ послѣдствіемъ возстановленіе тамъ русскаго вліянія, что создало бы новую почву для русско-французскаго сближенія. Наконецъ, даже французское правительство уклончиво и сдержанно встрѣтило русскій планъ; для Франціи представлялось, конечно, очень выгоднымъ выступить въ роли уполномоченной Европы, но Ришельё и вмѣстѣ съ нимъ король опасались, что открытое содѣйствіе абсолютизму вызоветъ въ странѣ противо-правительственное возбужденіе.

Испанская революція нашла откликъ въ Италіи, стонавшей подъ деспотическимъ гнетомъ большинства возстановленныхъ въ 1815 г. государей. Въ іюлѣ 1820 г. вспыхнуло возстаніе въ Неаполѣ. Въ Вѣнѣ это вызвало сильнѣйшую тревогу; тамъ основательно опасались, что мятежное движеніе приметъ національстическую окраску и, охвативъ всю Италію, обратится, прежде всего, противъ иноземнаго владычества. Въ Ломбардію были двинуты австрійскія войска. Къ неаполитанскимъ событіямъ не могла остаться без-

участной и Франція. Людовика XVIII связывало съ королемъ Фердинандомъ родство; поддерживать его противъ его подданныхъ французское правительство не могло изъ боязни общественнаго мнѣнія, но оно не хотѣло допускать и австрійскаго вмѣшательства. Ришельё предложилъ Фердинанду посредничество Франціи между нимъ и его народомъ. Меттернихъ, желая, во что бы то ни стало, преградить французскому вліянію доступъ въ Италію, перенесъ дѣло на обсужденіе Священнаго Союза.

Съ этой цѣлью 25 октября 1820 г. въ Троппау вновь собрался конгрессъ. Съ первыхъ же засѣданій обнаружилось, что Священному Союзу вновь грозитъ распаденіе. Александръ возобновилъ свое предложеніе о привлеченіи къ союзу всѣхъ христіанскихъ государствъ, о созданіи Великаго Союза монарховъ, облеченнаго верховнымъ правомъ вмѣшательства во внутреннія дѣла всякаго государства въ случаѣ несоблюденія имъ договоровъ или въ случаѣ, если въ немъ совершатся событія, грозящія „порядку“. Онъ предлагалъ немедленно ввести этотъ принципъ въ жизнь и въ силу его уполномочить Австрію подавить неаполитанскій мятежъ. Кэстльри отъ имени Англіи заявилъ рѣшительный протестъ. Англія — объяснилъ онъ — разсматриваетъ Священный Союзъ, только какъ соглашеніе съ цѣлью охранять европейское равновѣсіе, установленное въ 1815 г. Кромѣ особо предусмотрѣнныхъ случаевъ, напримѣръ, возвращенія Бонапартовъ на французскій престолъ, никакое вмѣшательство во внутреннія дѣла государствъ не можетъ входить въ задачи союза. Австрія имѣетъ полное право силой подавить движеніе, грозящее ея интересамъ и соблюденію договора 12 іюня 1812 г.; но это ея дѣло, а не дѣло союза. Въ виду этого Англія рѣшительно отказалась присоединиться къ предложенной царемъ деклараціи. Представители Франціи не хотѣли раздражать Александра и въ то же время изъ соображеній внутренней политики не могли принять его предложенія; они также уклонились отъ присоединенія къ нему, но въ условной формѣ. Присоединеніе Австріи пришлось купить распространеніемъ полицейскаго контроля на монарховъ, добровольно сдѣлавшихъ конституціонныя уступки, т.-е. на южно-германскихъ государей, и согласіемъ на возстановленіе абсолютизма въ Неаполѣ. 9 декабря русское правительство опубликовало принятую тремя державами декларацію о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла государствъ, принимающихъ участіе въ европейскомъ союзѣ, въ случаѣ измѣненія въ нихъ образа правленія путемъ возстанія или даже инымъ путемъ, если эта перемѣна будетъ признана опасною для другихъ членовъ союза. Казалось, планъ Александра близокъ къ осуществленію. Но англійское правительство протестовало противъ этой деклараціи, заявляя свое несогласіе съ принципомъ вмѣшательства. Затѣмъ и французское правительство объявило, что Людовикъ XVIII не можетъ присоединиться къ деклараціи, такъ какъ въ ней не оговорены его обязанности конституціон-

наго государя. Священный союзъ, вмѣсто того, чтобы, по мысли Александра, охватить всю христіанскую Европу, сузился; фактически въ немъ остались три абсолютныхъ государя. Неудача Александра была не въ паденіи идейнаго плана, она была чисто практической. „Великій Союзъ“ прежде всего далъ бы возможность вмѣшаться въ испанскія дѣла. Въ Троппау, съ другой стороны, ясно обнаружилось, что Александръ опредѣленно переходитъ къ реакціоннымъ взглядамъ. Извѣстный эпизодъ съ сообщеніемъ ему Меттернихомъ о бунтѣ въ Семеновскомъ полку сыгралъ въ этомъ нѣкоторую роль. „Съ 1814 г. я ошибался относительно общественнаго настроенія; теперь считаю ложнымъ то, что считалъ ранѣе за правду; я сдѣлалъ много зла, но теперь постараюсь это исправить“, говорилъ онъ, между прочимъ, Меттерниху. Это не помѣшало, однако, Александру сказать черезъ немного недѣль французскому уполномоченному въ Лайбахѣ Ла-Ферроннэ: „чѣмъ я былъ, тѣмъ и остаюсь, и останусь навсегда; я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно ли давать ихъ безъ различія всѣмъ народамъ?“ Но теорія у Александра послѣдовательно расходилась съ дѣломъ; и если что-нибудь въ словахъ этихъ заслуживаетъ вниманія, то развѣ лишь оговорка. Поддерживая рушившееся зданіе Священнаго союза, какъ формы и гарантіи русскаго престижа, Александръ силою обстоятельствъ былъ принужденъ постепенно отступать отъ требованій реальной политики и подчинять свои мнѣнія и интересы интересу, казавшемуся ему высшимъ, т.-е. сохраненію союза. Эта двойственность его политической позиціи была какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ его личной двойственности, ея неизбѣжной внутренней карой. Паденіе созданной имъ неустойчивой системы уже готовилось. Его внѣшнимъ поводомъ былъ греческій вопросъ. Пока Александръ поддерживалъ греческое движеніе, все еще надѣясь выдѣлить свою восточную политику изъ опутавшей его европейской конъюнктуры. Самымъ приближеннымъ совѣтникомъ его былъ въ это время грекъ Каподистріа; его справедливо считали либераломъ, и Меттернихъ, напримѣръ, многіе поступки императора приписывалъ его вліянію. Между тѣмъ правильнѣе было бы заключить, что и самое приближеніе Каподистріи и сочувствіе его либерализму имѣли причиной то, что онъ былъ живою связью государя съ греческой гетеріей, живымъ орудіемъ русской восточной политики.

Для окончательнаго рѣшенія неаполитанскаго вопроса представители великихъ державъ еще разъ съѣхались въ Лайбахѣ, куда были приглашены и король Фердинандъ, и другіе итальянскіе владѣтели. Еще по пути въ Лайбахъ изъ Ливорно Фердинандъ послалъ союзнымъ государямъ заявленіе, что согласіе его на перемѣну образа правленія было вынуждено. Это укрѣпило позицію, занятую Меттернихомъ, и Александръ безъ труда согласился на вооруженное австрійское вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла, несмотря на

убѣжденія Каподистріи и недовольство Франціи. Уже въ мартѣ неаполитанскія владѣнія были заняты австрійцами, внесшими туда безудержный реакціонный терроръ. Но конгрессъ еще не успѣлъ разойтись, какъ пришли извѣстія о провозглашеніи конституціи въ Піемонтѣ и о вторженіи греческихъ отрядовъ подъ предводительствомъ генерала русской службы кн. Ипсиланти въ дунайскія княжества. Для Меттерниха это было громовымъ ударомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Александръ хочетъ воспользоваться итальянскими затрудненіями Австріи, чтобы обрушиться на Турцію. Англія также чрезвычайно встревожилась. Вновь налаженный тройственный союзъ уже готовъ былъ распасться. Александру опять пришлось считаться съ возможностью столкновенія съ половиной Европы. Онъ поспѣшилъ успокоить Меттерниха: предложилъ ему русскую помощь противъ Піемонта, въ чемъ Австрія вовсе не нуждалась, и публично объявилъ, что не имѣетъ ничего общаго съ безразсуднымъ и мятежнымъ предпріятіемъ Ипсиланти. Въ маѣ, уѣзжая изъ Лайбаха, представители трехъ державъ вновь циркулярно объявили о принципіальной цѣли своего соглашенія. Франція и Англія все болѣе отдѣлялись отъ союза. Но зато Меттернихъ торжествовалъ. Онъ добился въ Италіи того, чего хотѣлъ, раздѣлилъ Россію и Францію и думалъ, что предупредилъ новое движеніе Россіи на Востокъ.

VIII.

Между тѣмъ греческое возстаніе развивалось все шире и шире. Изъ дунайскихъ княжествъ турки выгнали повстанцевъ и свирѣпствовали надъ мирнымъ населеніемъ. Но вся Морея, всѣ греческіе острова поднялись противъ турокъ. Къ январю 1822 г. въ Греціи была уже организована центральная власть. Все, что было либеральнаго въ Европѣ, съ восторгомъ привѣтствовало возрожденіе Эллады. Въ Россіи греческое возстаніе вызывало всеобщее сочувствіе, основанное на исконномъ покровительствѣ единовѣрцамъ и вообще на традиціяхъ русской восточной политики. Турція съ неслыханной жестокостью мстила христіанамъ за успѣхи грековъ. Александръ безъ всякаго затрудненія отказался отъ публично заявленнаго имъ взгляда на греческое возстаніе, какъ на мятежъ противъ законнаго государя. При этомъ онъ, вопреки его же собственнымъ недавнимъ заявленіямъ, опирался на „принципы Священнаго союза“; недаромъ онъ такъ настойчиво съ 1815 г. подчеркивалъ его христіанскій характеръ. Въ ультиматумѣ Турціи (28 іюня) онъ говорилъ, что „Порта ставитъ христіанскія государства въ необходимость задать себѣ вопросъ, могутъ ли они спокойно смотрѣть на уничтоженіе цѣлаго православнаго народа и допускать существованіе государства, угрожающаго нарушить миръ, купленный Евро-

пой цѣной столькихъ жертвъ". Въ случаѣ неисполненія русскихъ требованій, сводившихся къ удаленію турецкихъ войскъ изъ княжествъ и дарованію христіанской райѣ ряда гарантій, государь грозилъ объявить Турцію „врагомъ христіанскаго міра". 4 іюля онъ заявилъ Австріи, Пруссіи, Англіи и Франціи, что его образъ дѣйствій вполнѣ послѣдователенъ и вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ и принципамъ союза, такъ какъ цѣль его прекратить революцію на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ предлагалъ поручить Россіи возстановить порядокъ въ Греціи, а въ то же время, указывая на возможность противодѣйствія Порты, запрашивалъ, какъ отнесутся державы къ войнѣ между Россіей и Турціей и каковы ихъ взгляды на возможное уничтоженіе турецкаго владычества. Въ августѣ, дѣйствительно, дипломатическія отношенія между Россіей и Турціей были прерваны, и русскія войска стягивались къ границѣ княжествъ.

Можно считать несомнѣннымъ, что Александръ имѣлъ въ виду, дѣйствительно, не поддержку греческаго возстанія, отталкивавшаго его своимъ демократическимъ характеромъ, а раздѣлъ Турціи, при чемъ будущее ея христіанскихъ народовъ представлялось ему въ образованіи подвластныхъ Россіи вассальныхъ княжествъ. Онъ готовъ былъ обсуждать вопросъ о компенсаціяхъ. „Выбирайте отъ Гибралтарскаго пролива до Дарданеллъ то, что вамъ нравится", говорилъ онъ французскому послу.

Въ Европѣ русская нота вызвала понятное волненіе. Не спѣша офиціальнымъ отвѣтомъ, Меттернихъ немедленно снесся съ Англіей и совмѣстно съ Кэстльри пытался убѣдить Александра, что содѣйствіе грекамъ есть содѣйствіе революціи. Въ октябрѣ король Георгъ IV прибылъ въ Ганноверъ, Меттернихъ поспѣшилъ туда, и тамъ было рѣшено всемѣрно противиться русскимъ проектамъ. Къ концу года для Александра выяснилось, что онъ не можетъ разсчитывать ни на Пруссію, вполнѣ подчинившуюся австрійскому руководительству, ни на Францію, слишкомъ занятую испанскими дѣлами. 1 января 1822 г. греческое національное собраніе приняло чрезвычайно демократическую конституцію, что дало Александру благовидный поводъ согласиться на предложеніе Меттерниха разрѣшить греческій вопросъ на конференціи въ Вѣнѣ. Въ доказательство своей искренности онъ вскорѣ удалилъ даже Каподистрію. Все лѣто 1822 г. Англія и Австрія затягивали вѣнскіе переговоры, чтобы успѣть за это время найти почву для примиренія между Россіей и Турціей. Съ этой цѣлью была продѣлана очень сложная дипломатическая комедія, которой Александръ какъ будто легко поддался. Въ дѣйствительности, онъ уступалъ необходимости и хотѣлъ только выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Пока же онъ безъ особыхъ затрудненій согласился (сентябрь 1822 г.) приступить къ переговорамъ о возобновленіи дипломатическихъ отношеній съ Турціей на легкихъ для нея условіяхъ.

Императоръ Александръ I.

Λιμπεράκης Δανελάκης Ι.

Главное его вниманіе было опять привлечено испанскими дѣлами. Революціонное движеніе тамъ не ослабѣвало, что, по мнѣнію царя, способствовало развитію возникшаго и во Франціи опаснаго броженія. Отправляясь на Веронскій конгрессъ, созванный въ октябрѣ для окончательнаго рѣшенія итальянскаго вопроса, онъ хотѣлъ вновь поднять испанскій вопросъ, какъ орудіе противъ Англіи, надѣясь въ то же время вмѣшательствомъ въ испанскія дѣла и подавленіемъ революціи на Пиренейскомъ полуостровѣ укрѣпить французское правительство, чтобы обезпечить себѣ въ немъ будущаго союзника въ восточномъ вопросѣ. Французское правительство, во главѣ котораго стоялъ осторожный Вилѣль, ничего въ принципѣ не имѣло противъ вмѣшательства въ испанскія дѣла, но боялось, что это испортитъ отношенія съ Англіей и, кромѣ того, вызоветъ внутреннія осложненія. Но представители Франціи въ Веронѣ, Монморанси и Шатобріанъ, не выполнили его инструкцій, а прямо пошли навстрѣчу желаніямъ Александра. Меттернихъ на этотъ разъ особенно старался не раздражать императора,

А. П. Ермоловъ. Рамазанова. (Музей Александра III.)

и потому представитель Англіи, Георгъ Каннингъ, остался одинъ противникомъ карательной экспедиціи; она была рѣшена. Въ итальянскомъ вопросѣ Меттернихъ потерпѣлъ серьезное пораженіе. Онъ предложилъ учредить въ Піаченцѣ слѣдственную комиссію для надзора за революціонной пропагандой. Тайнымъ планомъ его было преобразованіе Италіи въ подобный Германіи федеративный союзъ съ Австріей во главѣ. Но въ этомъ онъ столкнулся съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ какъ итальянскихъ государей, такъ и Франціи. Россія не поддержала его; Александръ не могъ согласиться на такое усиленіе Австріи. Меттерниху пришлось уступить. Зато въ вос-

точномъ вопросѣ онъ взялъ рѣшительный реваншъ. Упорное желаніе Александра сохранить Священный Союзъ и свою первенствующую роль вовлекло его въ гибельную ошибку. Демократическій характеръ греческаго движенія, опредѣленно революціонные отголоски его на Балканахъ раздражали его, что побудило его открыто заявить себя солидарнымъ съ Австріей и другими союзниками, признавшими грековъ, какъ мятежниковъ, недостойными сочувствія. Довершая эту ошибку, онъ принялъ посредничество Англіи и Австріи между собой и Портой. „Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое дѣло Петра и всѣхъ его преемниковъ“—такъ оцѣнилъ свою удачу Меттерниха. Но эта же удача подорвала и самое значеніе союза для Австріи, какъ средства воздѣйствія на русскую политику. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Александръ понялъ свою ошибку. Посредничество Австріи и Англіи, конечно, не было такимъ, чтобы удовлетворить его. Между тѣмъ восточная торговля Россіи, въ значительной степени производившаяся греками, была подорвана. Въ то же время стало обнаруживаться, что Англія начинаетъ принимать активное участіе въ событіяхъ на ближнемъ Востокѣ, переходя отъ выжидательнаго положенія къ дѣятельной поддержкѣ грековъ. Въ январѣ 1824 г. въ Лондонѣ Греція заключила свой первый государственный заемъ. Австрія напрягала усилія, чтобы окончательно примирить Александра съ Портой. Цѣль была ясна. Россія оказывалась въ положеніи главнаго противника освободительнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ. Александръ потребовалъ уже въ 1823 г. выясненія дѣла. Съ этой цѣлью онъ свидѣлся въ Черновицахъ съ австрійскимъ императоромъ, а Нессельроде отправился къ Меттерниху въ Вѣну. Рѣшено было созвать конференцію державъ въ Петербургѣ. Меттернихъ между тѣмъ повелъ двойную игру. Опасаясь русско-турецкой войны и не сочувствуя поддержкѣ Англіей греческаго возстанія, австрійская дипломатія способствовала заключенію турецко-египетскаго соглашенія (въ началѣ 1824 г.); съ помощью Мехмеда-Али турки, разсчитывали въ Вѣнѣ, раздавятъ грековъ, и вопросъ падетъ самъ собой, а престижъ Россіи останется подорваннымъ. Англія поставила условіемъ своего участія въ конференціи, чтобы Александръ предварительно сообщилъ свой планъ устройства Греціи. Это была ловушка, и Александръ въ нее попался. Въ секретной нотѣ онъ объяснилъ, что имѣетъ въ виду образованіе трехъ вассальныхъ княжествъ наподобіе дунайскихъ. Эту ноту англійскіе дипломаты сообщили и въ Константинополѣ, и въ Навпліи, чѣмъ окончательно испортили русско-турецкія отношенія и укрѣпили въ Греціи недовѣріе къ Александру. Александръ скоро окончательно убѣдился, что ни на какую поддержку онъ разсчитывать не можетъ, и что его обманываютъ, обманываютъ уже давно, съ Вероны. Это было для него страшнымъ ударомъ, можетъ-быть, вторымъ Аустерлицемъ, съ той разницей, что

теперь уже силы его падали. „Дѣло его жизни“ рушилось. Въ порывѣ гнѣва онъ грозилъ, что „Россія будетъ дѣйствовать, сообразуясь только съ своими взглядами“, т.-е. внѣ соображеній о принципахъ Священнаго Союза. Въ іюнѣ Англія опубликовала русскій проектъ устройства Греціи. Временное греческое правительство въ августѣ заявило рѣшительный протестъ противъ русской политики. Въ ноябрѣ Англія офиціально поддержала этотъ протестъ, чѣмъ въ сущности признала Грецію воюющей стороной, т.-е. признала ея государственное бытіе. Негодованіе Александра не знало предѣловъ.

Въ февралѣ, наконецъ, начались петербургскіе переговоры. Императоръ предложилъ потребовать прекращенія военныхъ дѣйствій на полуостровѣ, а, въ случаѣ неповиновенія, примѣнить силу. Въ сущности онъ повторялъ свое старое предложеніе поручить Россіи вооруженное вмѣшательство. Австрія отвѣтила на это, что принужденіе можетъ быть примѣнено только въ видѣ признанія независимости Греціи. Австрія этого не имѣла въ виду и сама, но, зная, что Александръ никогда на это не согласится, она ставила его въ необходимость еще разъ раскрыть свои планы. Сильно оскорбленный государь циркуляромъ 16 апрѣля предложилъ непосредственно монархамъ, „своимъ союзникамъ и друзьямъ“, исполнить его желаніе. Но и эта попытка кончилась неудачей. Тогда Александръ, повидимому, рѣшилъ покончить съ „Священнымъ союзомъ“. Осенью на представленія Меттерниха онъ съ открытою почти враждебностью заявлялъ, что намѣренъ самъ вести свою восточную политику. Онъ явно готовился къ войнѣ съ Турціей. Въ сентябрѣ онъ уѣхалъ на югъ. Русскія войска стягивались къ Пруту. Между тѣмъ Англія спасла Грецію, пригрозивъ Мехмеду-Али своимъ вмѣшательствомъ. Возникъ вопросъ о замѣщеніи греческаго престола, сразу принявшій непріятный для Россіи оборотъ. Тогда Александръ рѣшился на рискованный дипломатическій маневръ: онъ предложилъ Англіи посредничество въ греко-турецкомъ вопросѣ. Каннингъ, полагая, что цѣль царя скомпрометировать Англію на Востокѣ, отказался и заявилъ, что, если русскія войска перейдутъ черезъ Прутъ, англійскій флотъ займетъ Морею и острова Архипелага. Казалось, событія принимаютъ такой грозный оборотъ, что миръ Европы вновь будетъ потрясенъ. Но судьба готовила неожиданный исходъ: 1 декабря Александръ I скончался...

Въ итогѣ 25 почти лѣтъ дипломатической работы этого блестящаго царствованія остались только сожалѣнія объ утерянномъ, разбитыя иллюзіи и назидательные уроки печальныхъ увлеченій. Грандіозный идейный опытъ либеральнаго абсолютизма выродился въ реакцію, съ одной стороны, въ политиканство—съ другой, и рухнулъ, похоронивъ всѣ былые успѣхи своего творца.

Л. Гальберштадтъ.

Финансы въ царствованіе Александра I.

Правительство XVIII вѣка оставило послѣ себя весьма тяжелое финансовое наслѣдство. Форсированная внѣшняя политика, безцеремонное расходованіе народныхъ денегъ на содержаніе двора, поражавшаго своею роскошью и развращенностью даже современниковъ-иностранцевъ, привыкшихъ къ великолѣпію и развращенности французскаго Версаля, потребовали большого финансоваго напряженія, которое не могло быть удовлетворено текущими доходными поступленіями. Образовавшіеся въ бюджетѣ дефициты приходилось покрывать или внѣшними займами, пока кредитъ Екатерининскаго правительства стоялъ высоко на денежномъ рынкѣ Европы, или новыми выпусками ассигнацій, благодаря которымъ постепенно падала цѣнность ассигнаціоннаго рубля. Къ концу XVIII вѣка внѣшніе займы достигли довольно значительной суммы—33.678 т. р., а общее количество ассигнацій, находившихся въ обращеніи, доходило до 212.689.335 руб. при курсѣ въ $66^1/_4{}^0/_0$. Конечно, чрезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ производилъ большія опустошенія въ народномъ хозяйствѣ, разрушалъ и сбивалъ всѣ хозяйственные разсчеты и планы населенія. Но государственные дѣятели Екатерининскаго и Павловскаго царствованія все время жили съ закрытыми глазами и предпочитали катиться по наклонной плоскости, не утруждая себя думами о будущемъ, а только заботясь объ удовлетвореніи финансовыхъ потребностей даннаго момента. Отъ преемника Екатерины и Павла государственное хозяйство требовало большой осторожности, какъ въ расходованіи народныхъ средствъ, такъ и въ изысканіи новыхъ источниковъ денежныхъ поступленій. Александру и его министрамъ была не чужда мысль о необходимости и своевре-

менности бережливости, но это сознаніе было чисто платоническимъ. На практикѣ финансовая политика Александра мало чѣмъ отличалась отъ политики бабушки и отца. Александръ велъ также чрезвычайно интенсивную внѣшнюю политику, потребовавшую колоссальныхъ средствъ и чрезвычайно напрягшую платежныя силы населенія.

Правительство Александра I не сумѣло быть бережливымъ даже въ первые годы его царствованія. Въ сравненіи съ Екатерининскимъ царствованіемъ значительно увеличился расходный бюджетъ. Параллельно этому росъ и доходный бюджетъ. Тѣмъ не менѣе, смѣту на 1801 годъ все-таки пришлось свести съ дефицитомъ въ количествѣ 7.069.794 руб. И въ послѣдующіе годы финансовая смѣта сводилась съ дефицитомъ, такъ что послѣдній сталъ хроническимъ явленіемъ въ бюджетѣ первой четверти XIX вѣка.

Въ общемъ за первыя восемь лѣтъ новаго царствованія дефицитъ равнялся 306.600.274 р., при чемъ дефициты прогрессивно увеличивались съ 1806 года. На ихъ увеличеніе вліяли и участіе Россіи въ коалиціяхъ противъ Наполеона, и введеніе континентальной системы, уменьшившей таможенныя поступленія, и шведско-русскія и турецко-русскія войны, и уменьшеніе общаго количества косвенныхъ сборовъ. Благодаря этому, дефицитъ 1802 года, равнявшійся 5.548.572 руб., уже въ 1807 году достигъ 26.228.198 руб., въ 1808 г.—124.017.530 руб., а въ 1809 г.—143.361.514 руб.

Конечно, при такихъ хронических дефицитахъ все вниманіе правительства было сосредоточено на покрытіи ихъ. Дѣлалось это безъ всякаго плана и системы, такъ какъ имѣлось въ виду исключительно лишь удовлетвореніе нуждъ текущаго момента. Обыкновенно для покрытія дефицитовъ вмѣсто сокращенія расходовъ и упорядоченія системы налоговъ, падавшей всею тяжестью на крестьянскую массу, правительство прибѣгало къ весьма простому способу—заимствованіямъ изъ кредитныхъ установленій, а также изъ свободной наличности другихъ правительственныхъ учрежденій, къ внутреннимъ займамъ, наконецъ, къ форсированному выпуску ассигнацій. Нельзя было обратиться къ помощи внѣшнихъ займовъ: неудача коалиціи противъ Наполеона подорвала довѣріе къ кредитоспособности Россіи, да и сами европейскіе банкиры въ виду всемогущества Наполеона съ большой осторожностью снабжали деньгами воюющія державы... Однако не всѣ финансовые эксперименты правительства дали положительные результаты. Такъ, правительство потерпѣло рѣшительную неудачу съ выпускомъ въ 1809 году внутренняго займа изъ 7% на 5 лѣтъ. Его реализація шла очень медленно, и за два года было реализировано облигацій на 3.285.558 р. Конечно, неудачу съ внутреннимъ займомъ можно объяснить отсутствіемъ у населенія свободныхъ денегъ, благодаря общимъ экономическимъ условіямъ Россіи, недостаточной развитости внутренняго и внѣшняго рынковъ, но, несомнѣнно, и само населеніе, преимущественно, купечество, относилось безъ всякаго до-

вѣрія къ финансовой политикѣ правительства. Какъ могло купечество и дворянство подписываться на внутренній заемъ, когда торговая политика правительства нанесла значительные убытки и оптовикамъ-купцамъ, и поземельному дворянству, связавшему себя крѣпкими нитями съ англійскимъ рынкомъ? Зато правительство не стѣснялось съ выпускомъ ассигнацій. Съ 1801 года по 1810 г. ассигнацій было выпущено на сумму 366.694.540 р., такъ что всего состояло въ обращеніи ассигнацій на сумму 579.373.880 руб. Неудивительно, что курсъ бумажнаго рубля очень понизился и составлялъ только $22^2/_5\%$ его нарицательнаго достоинства. Такое паденіе ассигнаціоннаго рубля, конечно, было угрожающимъ, и на него нельзя было не обратить вниманія. Правительству волей-неволей приходилось отказаться отъ безсистемнаго веденія государственнаго хозяйства и приняться за упорядоченіе финансовъ.

Составленіе общаго плана реформы финансоваго хозяйства было поручено М. М. Сперанскому, представившему довольно скоро проектъ предполагаемыхъ реформъ въ финансовомъ вѣдомствѣ. Сущность его плана заключалась въ желаніи не только сначала приподнять цѣнность ассигнацій, но также и возвысить ихъ до ихъ нарицательнаго достоинства. Согласно его проекту всѣ ассигнаціи объявлялись государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ достояніемъ государства. Для поднятія ихъ курса рекомендовалось уменьшеніе общаго количества ассигнацій, находившихся въ обращеніи. Съ этой цѣлью предполагалось прекращеніе дальнѣйшихъ выпусковъ ассигнацій. Для погашенія находившихся въ обращеніи ассигнацій рекомендовалось приступить къ распродажѣ части государственныхъ имуществъ, а также установить новые налоги, а, главное, сократить вообще расходы вмѣстѣ съ установленіемъ правильнаго контроля надъ государственными издержками. Во исполненіе плана Сперанскаго высочайшимъ манифестомъ на погашеніе ассигнацій были отведены государственныя имущества, предполагалось сокращеніе расходнаго бюджета на 20 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы суммы, полученныя отъ сокращенія, шли на погашеніе налоговъ, затѣмъ были увеличены подушная подать и оклады съ купцовъ и мѣщанъ, возвышались таможенныя пошлины, увеличивалась цѣна на соль и т. д. Но эта реформа не достигла цѣлей: а) распродажа государственныхъ имуществъ шла очень медленно и не дала желательныхъ результатовъ; б) сокращеніе расходовъ осталось только однимъ платоническимъ пожеланіемъ въ виду приготовленій къ войнѣ съ Наполеономъ; с) министръ финансовъ отказался вводить новые налоги для погашенія ассигнацій, указывая, что они ненужны для покрытія текущихъ расходовъ; д) хотя правительство и отказывалось отъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, тѣмъ не менѣе, дефицитъ 1810 года заставилъ обратиться къ выпуску ассигнацій и въ этомъ году. Всего было выпущено ассигнацій на сумму 46.172.580 руб. Правда, этотъ выпускъ правительство объявило послѣднимъ. На дѣлѣ онъ таковымъ не былъ: въ 1811 году было выпущено ассигнацій на 2.020.520 руб.,

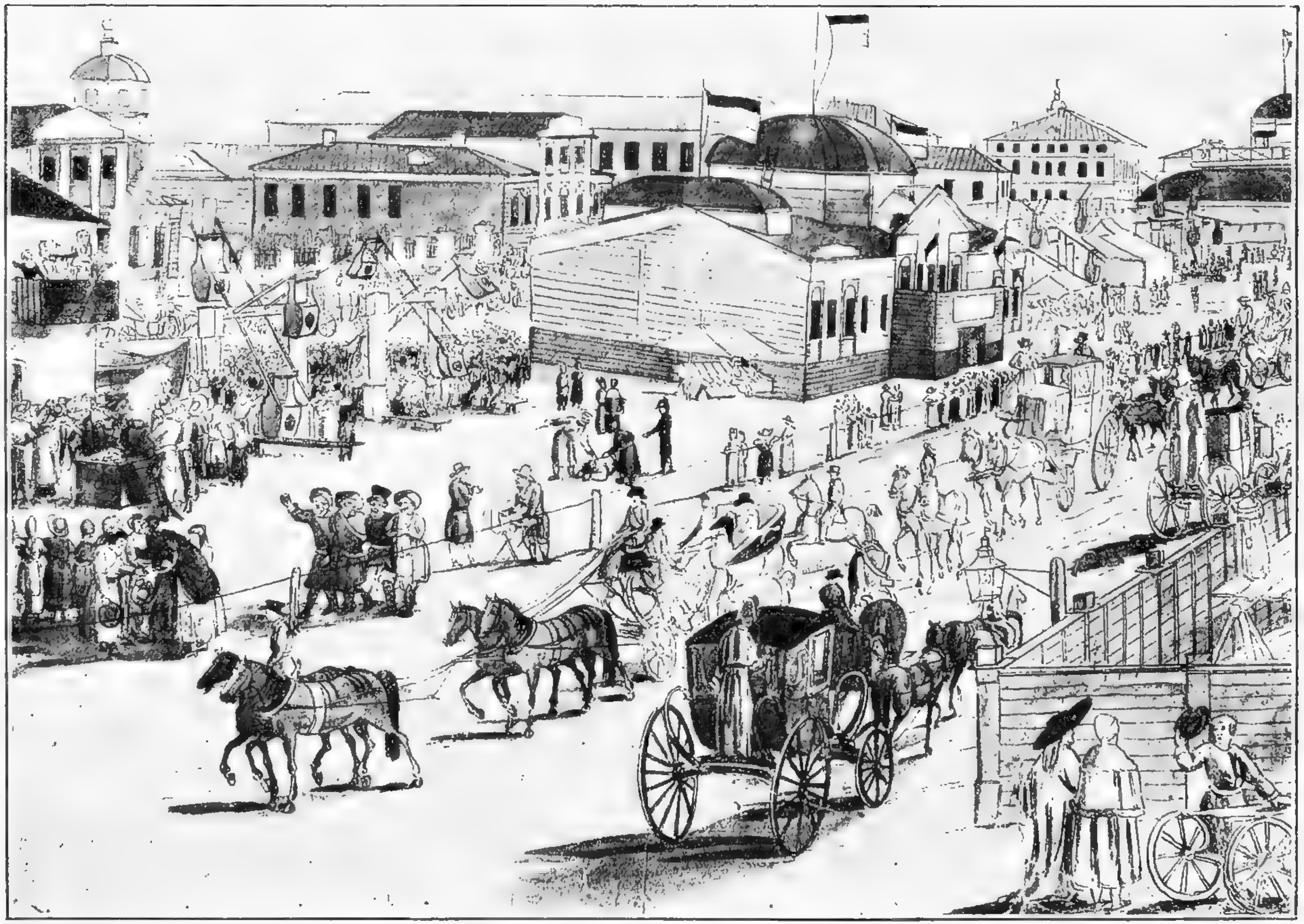
а въ 1812—1813 гг. на сумму—167.240.000 р., тогда какъ общее количество выкупленныхъ ассигнацій равнялось только 5 милліонамъ рублей. Но Сперанскому удалось немного поднять цѣнность бумажнаго рубля, благодаря отказу правительства отъ принциповъ континентальной системы и переходу къ покровительственному таможенному тарифу. Но такое повышеніе цѣнности ассигнаціоннаго рубля оказалось недолговѣчнымъ. Благодаря выпуску новыхъ ассигнацій курсъ ихъ сразу понизился, такъ что въ 1814 году курсъ ассигнаціоннаго рубля составлялъ только 20% его нарицательнаго достоинства. Съ удаленіемъ въ отставку Сперанскаго финансовая политика правительства совершенно уклонилась въ сторону отъ „плана“ Сперанскаго, а начавшіяся въ 1812 году военныя дѣйствія являлись только оправданіемъ несочувствія планамъ Сперанскаго. Къ началу 1812 года положеніе Россіи въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи было весьма неблагопріятнымъ. Благодаря выпуску бумажныхъ денегъ и обильнымъ позаимствованіямъ изъ кредитныхъ учрежденій смѣту 1811 года удалось свести не только безъ дефицита, а даже съ нѣкоторымъ остаткомъ въ размѣрѣ 83.398.279 рублей. Очевидно, этотъ бюджетный остатокъ былъ необходимъ въ виду близости военныхъ дѣйствій. Плохо же было состояніе финансовъ, если для образованія военнаго фонда приходилось прибѣгать къ такимъ своеобразнымъ финансовымъ пріемамъ. Помимо этого, и народное хозяйство было мало удовлетворительно. Въ 1811 году горѣли города и села. Населеніе, и безъ того разоренное финансовой политикой правительства, терпѣло многомилліонные убытки. Въ большинствѣ черноземныхъ губерній былъ неурожай. Поэтому можно удивляться той чрезмѣрной безпечности, съ какой правительство Александра I стремилось довести себя до разрыва съ Наполеономъ, совершенно не озабочиваясь вопросомъ, въ какомъ положеніи находилась страна. При такихъ плохихъ предзнаменованіяхъ приходилось составлять смѣту на 1812 годъ, на который расходы на армію и флотъ были увеличены на 43 милл. въ сравненіи съ бюджетомъ предыдущаго года. Затѣмъ въ виду войны были сдѣланы кое-какія сокращенія въ расходахъ: такъ, министерство финансовъ сократило свои расходы на 32 милл. руб., министерство внутреннихъ дѣлъ—на $1^1/_2$ милл., по министерству полиціи были сдѣланы сокращенія на 500 т. р. и т. д. Словомъ, подъ угрозой войны, правительство въ концѣ-концовъ

Графъ М. А. Милорадовичъ.

рѣшилось на то, что раньше предлагалъ Сперанскій, и на чемъ онъ такъ рѣшительно настаивалъ. Смѣта на 1812 годъ была составлена съ небольшимъ дефицитомъ, но война 1812 года разстроила всѣ смѣтныя предположенія: при расходѣ въ 342.192.564 руб. и доходѣ въ 270.981.872 руб. получился дефицитъ въ 91.210.692 руб. Для покрытія необходимыхъ военныхъ расходовъ правительство примѣняло тѣ же средства, что и раньше. Были выпущены ассигнаціи на сумму 64.500.000 руб. и были сдѣланы позаимствованія изъ разныхъ кредитныхъ установленій. Кромѣ того, были выпущены краткосрочныя обязательства сначала на сумму 6 милл., потомъ 10 милл. изъ 6% годовыхъ. Пришлось прибѣгнуть также и къ увеличенію прямыхъ налоговъ.

Крестьянское населеніе должно было платить теперь подушную подать въ размѣрѣ трехъ рублей. Одновременно была увеличена подушная подать съ цеховыхъ и мѣщанъ. Параллельно увеличенію подушной подати росли также и оброчные сборы, размѣры которыхъ, по мнѣнію правительства, не соотвѣтствовали дѣйствительной доходности съ разныхъ угодій, о чемъ можно было судить на основаніи оброка помѣщичьихъ крестьянъ, дѣйствительно сильно увеличившагося къ концу XVIII вѣка. Для этой цѣли еще въ 1806 году была организована особая комиссія, которая „разобрала бы не только губерніи и уѣзды, въ коихъ коренные крестьяне жительствуютъ, но колико возможно ближе и самыя въ нихъ волости населенія, узнала каждую изъ нихъ, выгоды и невыгоды и въ чемъ они передъ другими преимуществуютъ, сравнила оныя съ помѣщичьими крестьянами, какой они въ тѣхъ мѣстахъ оброкъ платятъ, и такимъ образомъ, раздѣливъ крестьянъ казенныхъ по различію мѣстнаго ихъ положенія, промысловъ и другихъ выгодностей, составила изъ того общій планъ или опредѣленіе, кого въ какой окладъ ввести, по мѣрѣ ихъ выгодностей и въ сравненіи съ помѣщичьими крестьянами“. 2 февраля 1810 года было велѣно взимать съ казенныхъ крестьянъ сверхъ существующей оброчной подати — дополнительные сборы въ 3 р., 2 р. 50 к. и 2 руб. съ ревизской души; при этомъ всѣ губерніи были раздѣлены на 4 класса. Въ 1812 году по манифесту 11 февраля „для утвержденія и возвышенія государственнаго кредита“ оброчная подать съ казенныхъ крестьянъ была вновь увеличена на 2 рубля, такъ что крестьянамъ по отдѣльнымъ губерніямъ, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому классу, приходилось на одну ревизскую душу платить оброка: 10 р., 9 р., 8 р. и 7 р. 50 копеекъ.

Установленные такимъ образомъ оклады оставались безъ всякаго измѣненія до конца царствованія Александра I. Въ поискахъ денегъ правительство не оставило безъ вниманія и купечество, освобожденное еще въ Екатерининское царствованіе отъ платежа подушной подати и вносившее вмѣсто нея 1% съ объявленнаго капитала. Уже во время второй коалиціи правительство Александра I повысило размѣры гильдейскихъ капиталовъ и одно-



Гулянье подъ Новинскимъ въ Москвѣ въ началѣ XIX в.

Историческій музей.

временно увеличило взимаемый съ нихъ процентный сборъ. Въ 1812 году по манифесту 11 февраля съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ было предписано взимать 3% дополнительно и, кромѣ того, была установлена ежегодная пошлина съ листа купеческихъ книгъ. Увеличивая промысловое обложеніе для купечества, правительство постановило, чтобы и крестьяне, занимающіеся торговлей, брали особыя свидѣтельства на производство торговли съ уплатою за нихъ 2.500 руб., 1.000 и 400 руб.

Для увеличенія доходныхъ рессурсовъ правительство въ 1812 году рѣшилось даже на героическую мѣру. Оно рѣшило обложить помѣщичьи доходы, такъ какъ „къ уплатѣ государственныхъ долговъ всѣ состоянія

Пораженіе Даву при Краснымъ, Шебуева. (Музей имп. Александра III.)

имѣютъ равную обязанность участвовать по мѣрѣ ихъ достоянія“. Къ сбору были привлечены удѣльныя имѣнія, а также принадлежавшія особамъ императорской фамиліи. Обложенію подлежалъ весь доходъ, получаемый со всѣхъ доходныхъ статей.

Такимъ образомъ, всѣ предпринятыя правительствомъ финансовыя мѣропріятія не вносили ничего новаго въ характеръ доходнаго бюджета. Онъ оставался такимъ же, какимъ былъ въ XVIII вѣкѣ послѣ введенія подушной подати. Попрежнему подушная подать и разнаго рода оброчные платежи составляли основную часть доходнаго бюджета. Косвенные налоги, конечно, въ бюджетѣ занимали второстепенное мѣсто, но и они сравнительно съ началомъ вѣка значительно были увеличены. Такъ, были

увеличены почти вдвое питейные сборы, вслѣдствіе производства новыхъ торговъ на откупа. Благодаря этому въ 1811—1814 году питейныхъ сборовъ поступило всего на сумму $70^1/_2$ милл. руб., тогда какъ въ 1810 году поступленіе съ питейныхъ сборовъ выразилось въ размѣрѣ 31.647 т. руб. Съ возвратомъ къ протекціонизму и по мѣрѣ возстановленія нормальныхъ торговыхъ сношеній постепенно увеличивался таможенный доходъ, выражавшійся въ 1810 году въ суммѣ 11.185 т. руб., а въ 1813 г.—31. 599 т. руб., въ 1817 году—43.226 т. руб., въ 1824 году—50.226 т. руб. Изъ косвенныхъ налоговъ важную часть бюджета составлялъ соляной налогъ. Правительство, заботясь о его увеличеніи, отказалось отъ патентной продажи соли и разрѣшило вольную ея продажу. Возлагаемыя правительствомъ надежды на вольную ея продажу вполнѣ оправдались: въ 1812 году соляной доходъ давалъ 11.336 тыс. руб., въ 1813 г. — 17.781 тыс. руб., въ 1814 г. — 19.695 тыс. руб.

Такимъ образомъ, чтобы увеличить размѣры доходнаго бюджета, правительство обратилось ко всѣмъ имѣвшимся въ его распоряженіи средствамъ и тѣмъ самымъ до крайности напрягло платежныя силы населенія. Казалось, благоразуміе требовало отъ него возможно скорѣйшаго заключенія мира. Къ сожалѣнію, его у правительства не оказалось. Александръ I перенесъ войну въ Европу и своей форсированной внѣшней политикой довелъ государственное хозяйство до полнаго банкротства. Бюджетная смѣта послѣ 1812 г. всегда сводилась съ значительнымъ дефицитомъ. Такъ, въ 1813 году дефицитъ достигъ суммы — 117.122.275 руб., въ 1814 году онъ равнялся 151.190.100 руб., а въ 1815 г.—64.175.332. Словомъ, въ теченіе трехъ бурныхъ лѣтъ дефициты выразились въ колоссальной суммѣ, покрыть которую было возможно только путемъ усиленнаго выпуска ассигнацій. Съ 1812 г. по 1815 годъ пришлось выпустить ассигнацій на сумму 244.429.300. Благодаря такому обильному выпуску ассигнацій курсъ ассигнацій еще болѣе палъ. Помимо выпуска ассигнацій — дефицитъ покрывался взносами, уплачиваемыми, вмѣсто рекрутства, внутренними займами, субсидіями отъ Англіи, позаимствованіями изъ разныхъ кредитныхъ установленій и т. д.

Для уменьшенія размѣровъ дефицита пришлось въ концѣ-концовъ обратиться къ средству, рекомендованному еще Сперанскимъ, и сократить доходы по важнымъ статьямъ, преимущественно по смѣтѣ Минист. Внутреннихъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Но и это не помогало. Дефициты стали хроническимъ явленіемъ въ бюджетѣ эпохи Александра I. Истощенная страна была не въ сплахъ покрывать его текущими поступленіями, благодаря этому и ежегодный дополнительный выпускъ ассигнацій сталъ самымъ обыкновеннымъ правительственнымъ пріемомъ для покрытія дефицитовъ, такъ что къ 1818 году находилось въ обращеніи ассигнацій на сумму 836 милл. руб. Низкій курсъ ассигнацій показалъ, что дальнѣйшій выпускъ ассигнацій можетъ

привести государственное хозяйство къ весьма печальнымъ результатамъ Поэтому не только было необходимо прекратить дальнѣйшій ихъ выпускъ, но слѣдовало бы принять радикальныя мѣры къ сокращенію ихъ наличности. Забросивъ въ 1811 году планъ Сперанскаго о выпускѣ ассигнацій, Министерство Финансовъ должно было опять къ нему возвратиться. Съ большими усиліями министру финансовъ, Гурьеву, удалось уменьшить ихъ количество на сумму 229,3 милл. руб.

Нѣкоторое уменьшеніе количества ассигнацій и улучшеніе торговаго баланса въ связи съ поворотомъ въ сторону запретительныхъ тарифовъ подняли курсъ ассигнаціоннаго рубля до $28^1/_3{}^0/_0$ его нарицательнаго достоинства. Такимъ образомъ, благодаря форсированной тратѣ народныхъ денегъ, въ странѣ установилось бумажно-денежное обращеніе, чрезвычайно разорительное для народнаго хозяйства и сильно стѣснившее развитіе нашего международнаго товаро-обмѣна. Разъ государственное хозяйство находилось въ столь плачевномъ состояніи, то неудивительно, что у правительства не было денегъ на удовлетвореніе культурныхъ нуждъ народа. Почти весь доходъ поглощали войско и флотъ, проценты по займамъ, содержаніе двора, расходы по содержанію министровъ,—словомъ, расходный бюджетъ по своему характеру напоминалъ бюджеты Екатерининскаго царствованія.

В. Пичета.

Гр. М. П. Платовъ.

Идеалистическіе кружки двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Двадцатые годы, темные Александровскіе годы... пора тупой и злобной реакціи, мистики, обскурантизма, солдатчины, сыска, тяжелое пробужденіе послѣ чудныхъ освободительныхъ грезъ и народнаго подъема, пора тайнаго собиранія силъ для отпора, скрытыхъ организацій, обществъ и заговоровъ, томительный канунъ декабрьскаго взрыва... Воздухъ насыщенъ тревогой, борьбой. Для „сладкихъ звуковъ и молитвъ“, для умозрѣнія, философскаго созерцанія не время, не мѣсто. Но въ тайникахъ старозавѣтной, дворянской Москвы именно въ эту пору зарождается литературно-философское содружество, избравшее своимъ девизомъ не политику, не общественность, не работу для широкихъ народныхъ массъ, но „любомудріе“ и свѣтлое, облагораживающее художество,—словно оазисъ, островокъ блаженныхъ, на который люди спасаются отъ суетъ, пороковъ и золъ низменной жизни. Впереди—у него внушительное потомство, кружки и группы, которыми такъ богата была потомъ первая половина прошлаго вѣка; для нихъ это родоначальникъ, пращуръ, съ своевольной семьей потомковъ, далеко его обогнавшихъ, молившихся другимъ богамъ. Позади—связи и корни, входящіе въ глубь Екатерининской эпохи. Пусть на первомъ русскомъ философскомъ кружкѣ,—лейпцигской дружинѣ Радищева,—свободно соединявшемъ интересы знанія съ ревностью къ общественной работѣ, съ подготовкой къ труду просвѣтителей-народниковъ, лежитъ отпечатокъ исключительности, обособленности его зарожденія,—несомнѣнная филіація идетъ отъ человѣколюб-

цевъ и проповѣдниковъ нравственнаго совершенствованія, съ Новиковымъ во главѣ, отъ Дружескаго Ученаго Общества, въ которомъ такъ мало было строгой учености и такъ много идеализма, къ молодой группѣ на рубежѣ двухъ вѣковъ, Дружескому Литературному Обществу, аренѣ Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ, возникшаго подъ сѣнью масонскаго по духу и преданіямъ Благороднаго Пансіона при Московскомъ университетѣ, и приводитъ къ любомудрамъ, связаннымъ большею частью по воспитанію и первымъ умственнымъ возбужденіямъ съ этимъ же очагомъ гуманизма или съ культурнымъ вліяніемъ немногихъ лучшихъ силъ университета. Въ смѣнѣ одного поколѣнія другимъ постепенно тускнѣла, отходила вдаль активно-просвѣтительная сторона цѣлей и задачъ, но культъ идеализма всецѣло перешелъ къ позднимъ преемникамъ. Они вступали въ жизнь, воодушевленные проповѣдью тѣхъ поклонниковъ и пропагандистовъ нѣмецкой идеалистической философіи, которые встрѣтили ихъ съ новымъ учительнымъ словомъ въ высшей школѣ, нарушая этой жизненной струей ея почтенный квіетизмъ. Слѣдуя за своими, одиночно дѣйствовавшими еще, наставниками-новаторами, въ чью непогрѣшимость увѣровали, за такими людьми, какъ Пв. Давыдовъ или Мих. Гр. Павловъ, совсѣмъ не творцами, созидателями, а только убѣжденными апостолами, шли они на борьбу противъ постылаго французскаго раціонализма, вступили въ очарованный міръ Шеллинговской философіи, узнавая всѣ его чудеса, упиваясь высокими радостями философскихъ исканій,—тогда какъ воздушные замки романтизма стали для нихъ, большихъ словесниковъ, обѣтованной областью въ литературѣ.

А. И. Герценъ.

Пансіонское или университетское товарищество, совмѣстная служба-синекура цѣлой юношеской дружины въ тихой и сонной обители Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, какъ-то сподобившагося стать родиной философскаго и литературнаго новаторства, притяженіе, по духовному сродству, свободныхъ и сочувствующихъ силъ извнѣ, не все изъ одной Москвы, опредѣлили составъ первыхъ организацій. Барчуки-философы и эстетики, составляя большинство, сходились въ нихъ съ интеллигентами-разночинцами,

Одоевскіе, Веневитиновы, Кирѣевскіе, съ семинаристомъ Раичемъ, сыномъ дворовaго Погодинымъ, прежніе однокашники-пансіонеры или студенты, продолжавшіе послѣ школы свои философскіе подвиги, съ волонтерами науки и поклонниками поэзіи, подошедшими къ нимъ съ воли, испытавъ въ большей или меньшей степени (какъ Веневитиновъ) вліяніе каѳедры, но располагая помимо того и свободно добытымъ, среди барскаго приволья, развитіемъ. Вырастая, дифференцируясь, переходя частями изъ одной группы въ другую, образуются три кружка, — идеалисты-художники, сошедшіеся вокругъ Раича, друзья Рожалина съ ихъ сильнымъ уклономъ къ философіи, и вѣнецъ всего движенія, немноголюдный, интимный, но богатый дарованіями и сильнымъ подъемомъ мысли, кружокъ „любомудровъ“, съ такими руководителями, какъ Владиміръ Одоевскій, какъ Веневитиновъ.

Это было въ 1823 году. Общественно-политическое движеніе пережило тогда уже начальныя, сокровенныя свои формы, Союзъ Спасенія, Союзъ Благоденствія, и воплотилось въ двухъ большихъ обществахъ, покрывшихъ своею сѣтью и сѣверъ, и югъ Россіи. Въ духѣ времени любомудры образуютъ также тайный союзъ, хотя для цѣлости и блага государства ни философія природы, ни изученіе „основъ, на которыхъ зиждутся и знанія, и религія“, ни высокій культъ „добродѣтели“, ни эстетическія священнодѣйствія не представляли никакой опасности. Когда насталъ разгромъ декабризма, любомудры поспѣшили уничтожить всѣ свои бумаги и протоколы. Но это—лишь отраженіе той паники, которая охватила тогда всѣ общественные слои, вызывая безотчетные поступки самосохраненія и галлюцинаціи слѣпо разящаго все и всѣхъ палачества. Дрогнуло, быть-можетъ, у многихъ изъ молодыхъ философовъ сердце при видѣ крушенія цѣлаго поколѣнія, полнаго самоотверженной преданности народу и его освобожденію; для иныхъ оно вырывало изъ жизни близкихъ, дорогихъ людей, — но свѣтлой лампадой горѣла и послѣ декабрьской трагедіи передъ престоломъ Истины, Добра и Красоты вѣра идеалистовъ-мечтателей, и не въ политической, бурной борьбѣ видѣли они путь къ торжеству Свѣта.

Въ то время, какъ общественная среда, придавленная реакціею, не дерзала обращать свои взоры за предѣлы, очерченные повседневностью, эти люди, выдѣляясь большою интенсивностью мысли, полные возбужденій, вызванныхъ въ нихъ такими могучими ея двигателями въ новѣйшей Германіи, какъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ, вдохновленные величіемъ нѣмецкаго поэтическаго творчества и геніемъ Гёте, шли послѣдовательнымъ путемъ черезъ первичное настроеніе ревностнаго Шеллингіанства и высшій эстетизмъ не только къ философской проповѣди, призванной поднять и облагородить жизнь, но и къ вызову живыхъ творческихъ силъ, которыя осуществятъ и для народа своего, и для человѣчества, подобно Гётевской поэзіи и откровеніямъ германскихъ философовъ, идеалъ совершеннаго

искусства и глубокой мысли,—и къ постановкѣ насущныхъ вопросовъ русской культуры.

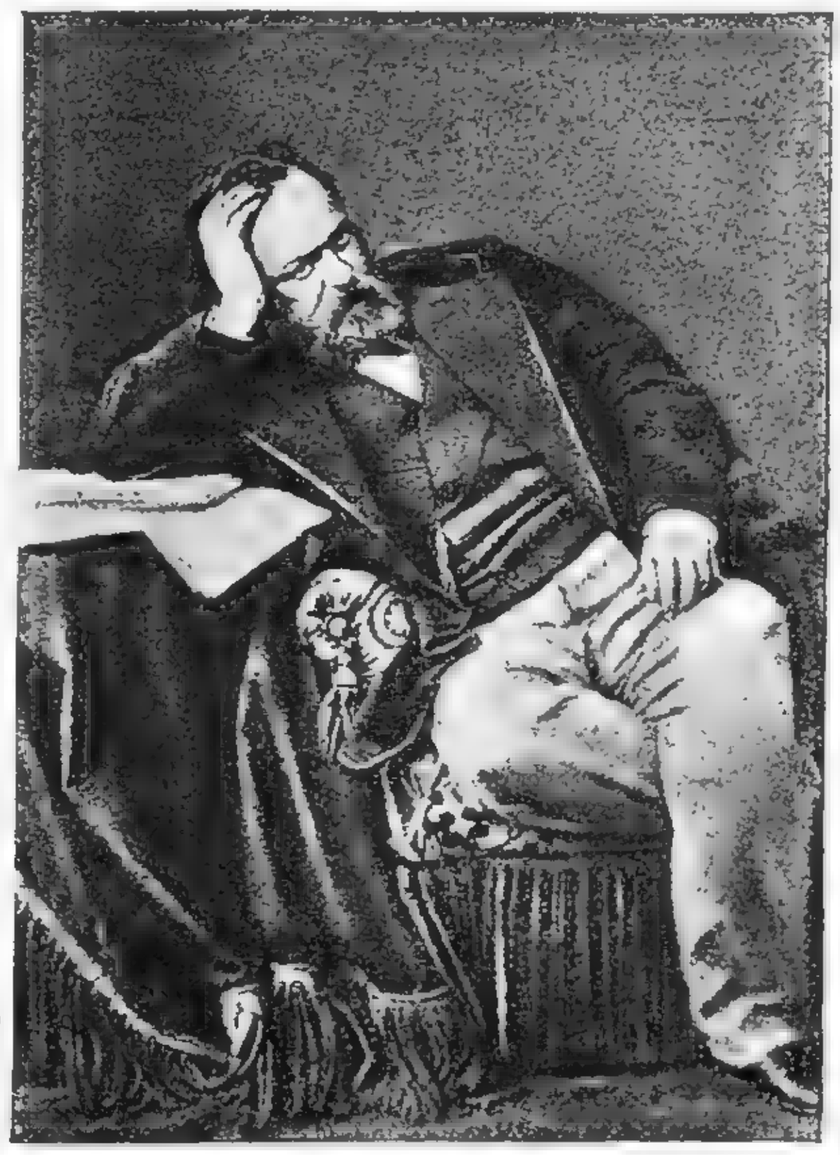
Порою мудреная, невыработанная, книжная рѣчь философскихъ статей перваго органа любомудровъ, сборника „Мнемозина“, полна еще ученическаго увлеченія нѣмецкой философіей. Издатели способны даже утверждать, что „главнѣйшая цѣль изданія была распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи, обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставить говорить о нихъ“. И этотъ усердный философскій дилетантизмъ, конечно, очень своеобразно встрѣчался на тѣхъ же столбцахъ съ живыми сатирическими нападками и на отжившую, лживую науку французскаго матеріалистическаго пошиба, и на чуждое всякой наукѣ, затхлое и невѣжественное русское общество,—съ картинами современной культуры запада,—наконецъ, съ чудесными поэтическими вкладами Пушкина. Но отъ „Мнемозины“, съ характерной двойчаткой ея редакторовъ, ретиваго философа-пропагандиста Одоевскаго, бредившаго Шеллингомъ и Океномъ, обращавшаго благоговѣйный взоръ своей къ „странѣ древнихъ Тевтоновъ, странѣ возвышенныхъ помысловъ, въ которой заблистаетъ свѣтъ невечерній“, и будущаго участника въ декабрьскомъ заговорѣ, Кюхельбекера, публицистика любомудровъ въ своей эволюціи придетъ къ сложнымъ задачамъ, поставленнымъ ими „Московскому Вѣстнику“ (1827). Вступительная статья въ этомъ журналѣ, написанная Веневитиновымъ, явилась точно манифестомъ новаго направленія мысли, вполнѣ незаписимымъ, провозглашая необходимость самостоятельнаго національнаго, общественнаго и литературнаго развитія для Россіи. Прилагая Шеллинговское философско-историческое ученіе къ задачамъ, предстоящимъ отечеству, и исходя изъ основного положенія, что каждая культурно-правоспособная раса призвана внести въ духовную жизнь человѣчества присущую ей отличительную идею, Веневитиновъ предвидѣлъ въ вѣчномъ круговоротѣ вліяній, въ которомъ въ данное время первенство за Германіей, выставившей Гёте, Шиллера, великихъ мыслителей, славную очередь, которая настанетъ для русско-славянскаго племени, и хотѣлъ бы устремить всѣ его лучшія силы, всю національную энергію на проявленіе важнѣйшаго нашего духовнаго достоянія. Но сознаемъ ли мы, въ чемъ оно заключается, какая сущность русскаго духа, проявлявшагося во всей нашей многовѣковой исторіи? Мы слишкомъ долго подражали, жили чужимъ, слишкомъ много произвели, и оттого страдаемъ. Нужно остановиться, вглядѣться внутрь себя, въ нѣдра своей народности, и изъ всего, что создалъ народъ, изъ его историческихъ судебъ, изъ его нравственныхъ устоевъ, изъ народной думы и откровеній творчества, раскроется то, что опредѣлитъ путь для самостоятельной русской дѣятельности, призванной войти, съ полнымъ равенствомъ, въ кругъ развитія и взаимодѣйствія величайшихъ культурныхъ племенъ. И въ

роскошной культурной грезѣ отразился не только пылъ идеалиста, но, на основѣ философскаго германофильства, чуть не космополитизма, воздвиглась національная идея, нашедшая дальнѣйшее свое развитіе уже въ позднемъ потомствѣ любомудровъ...

Полный свѣтлыхъ порывовъ, шелъ впереди небольшой, но сплоченной и убѣжденной рати Веневитиновъ. Превышая всѣхъ своихъ сверстниковъ дарованіями мыслителя (его юношескія работы,— разборъ ученія Платона и „письмо о философіи“, уже примѣчательны), вдумчивый поэтъ, критикъ, искусно опиравшійся на опытъ міровой литературы, публицистъ, способный волновать умы, горячо преданный идеѣ и неспособный на компромиссы, онъ призванъ былъ, казалось, оставить глубокій слѣдъ въ своей современности; идеализмъ воинствующаго любомудрія воплотился въ немъ. Одоевскій дѣлилъ съ другомъ своимъ руководство въ кружкѣ и кипучей своей дѣятельностью популяризатора философіи, критика, сатирика, бытописателя, автора глубокомысленныхъ апологовъ и ѣдкихъ „характеровъ“, въ которыхъ закалялось и развивалось рѣдкое слоговое мастерство боевого и начинавшаго уже волновать умы публициста, котораго новѣйшій его біографъ могъ назвать (въ обстановкѣ его времени) „Грибоѣдовымъ прозы“, — всей своей сложной журнальной работой и въ органахъ кружка, и въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго, и въ „Московскомъ Телеграфѣ“, и въ „Атенеѣ“, являлся выдающеюся двигательной силой кружка. Благородный образъ Ивана Кирѣевскаго съ рано проявившимся философскимъ складомъ ума, исканіями нравственнаго и религіознаго смысла жизни, мечтами о великомъ призваніи русской народной культуры, которую общеніе съ европейской цивилизаціей должно привести къ всемірно-исторической роли, — образъ этого непонятаго, непризнаннаго, затерявшагося впослѣдствіи въ мистикѣ, печально замолкшаго наканунѣ новой просвѣтительной поры, мыслителя выдѣляется за вожаками группы. Дальше идутъ въ ней менѣе выдававшіяся личности участниковъ и единомышленниковъ. Жизнь увела ихъ потомъ на иные пути, внушила имъ и развила другія идеи. Погодина и Шевырева она сдѣлала проводниками и защитниками доктрины „официальной народности“, научила соединять дѣятельность каѳедры съ усердной публицистикой націонализма. Титова ожидала дѣловая карьера русскаго дипломата на востокѣ, Кошелева—своеобразнѣйшее сочетаніе идейной работы съ предпріимчивымъ финансизмомъ, даже откупщичествомъ, ревности къ земскимъ нуждамъ, оппозиціонной дѣятельности зарубежнаго русскаго публициста, какъ будто идущаго слѣдомъ за Герценомъ, съ мастерскими пріемами усовершенствованнаго гоголевскаго Костанжогло или гончаровскаго Штольца, бойкаго „хозяина“ и дѣльца-практика. Но всѣ они вступали въ жизнь подъ священной хоругвью идеализма, всѣ были полны тогда божественнаго огня его философіи, которымъ хотѣли возродить жизнь, всѣ проходили школу

европейской мысли, чтобы служить потомъ высшимъ задачамъ своего народа; иные устремлялись — какъ братья Кирѣевскіе — на Западъ, припадая къ ея источнику, усвоивая ея завѣты.

Идейное возбужденіе кружка было такъ сильно, такъ настойчиво, что сохраняло вліяніе свое и продолжало развиваться среди неблагопріятныхъ условій, разобщавшихъ адептовъ и во времени, и въ пространствѣ, и въ (относительной) свободѣ существованія. Въ крѣпостныхъ казематахъ и въ деревенской ссылкѣ Кюхельбекеръ остался въ непреклонно работавшей своей мысли любомудромъ. Сверстникъ Веневитинова по воспитанію, связанный съ Московскимъ университетомъ своимъ (правда, математическимъ) патентомъ, свидѣтель первыхъ шаговъ, начала работъ кружка, Хомяковъ вѣренъ его идеямъ и исканіямъ среди петербургскаго душевнаго холода, въ долгихъ странствіяхъ по Европѣ, подъ военной амуниціей добровольнаго борца за славянское освобожденіе. Невинная, безгрѣшная организація любомудровъ, словно приправнивая себя къ опасному тайно-политическому обществу, кончаетъ самоубійствомъ, но не замираетъ возбужденная ею дѣятельность мысли. Привычная неразрывность кружкового состава можетъ разстроиться. Случайности жизни могутъ отдалить, увести изъ его среды важнѣйшихъ двигателей умственной работы, но Одоевскій, Веневитиновъ и въ Петербургѣ сохраняютъ живѣйшія связи съ нею, руководятъ, направляютъ. „Московскій Вѣстникъ“, его новыя рѣчи, всемірно-историческіе и національные взгляды, философская и эстетическая проповѣдь — факты уже по ту сторону пережитаго страною глубокаго перелома.



А. И. Герценъ.

Зрѣетъ и вырабатывается, чуждое исключительности, народнаго самодовольства и мессіанизма, полное равенства и соревнованія съ другими факторами европейской культуры, ученіе о русскомъ поступательномъ движеніи. Силѣ поэтическаго творчества указано въ немъ могущественное воздѣйствіе, идейное, нравственное, эстетическое. Возлѣ геніальнаго блеска Гёте, передъ которымъ благоговѣйно преклоняются друзья, издававшіе съ его благословенія и свой „Московскій Вѣстникъ“, засвѣтилось уже солнце русской поэзіи въ творчествѣ Пушкина,—и лучезарною чудится славная будущность поэта,

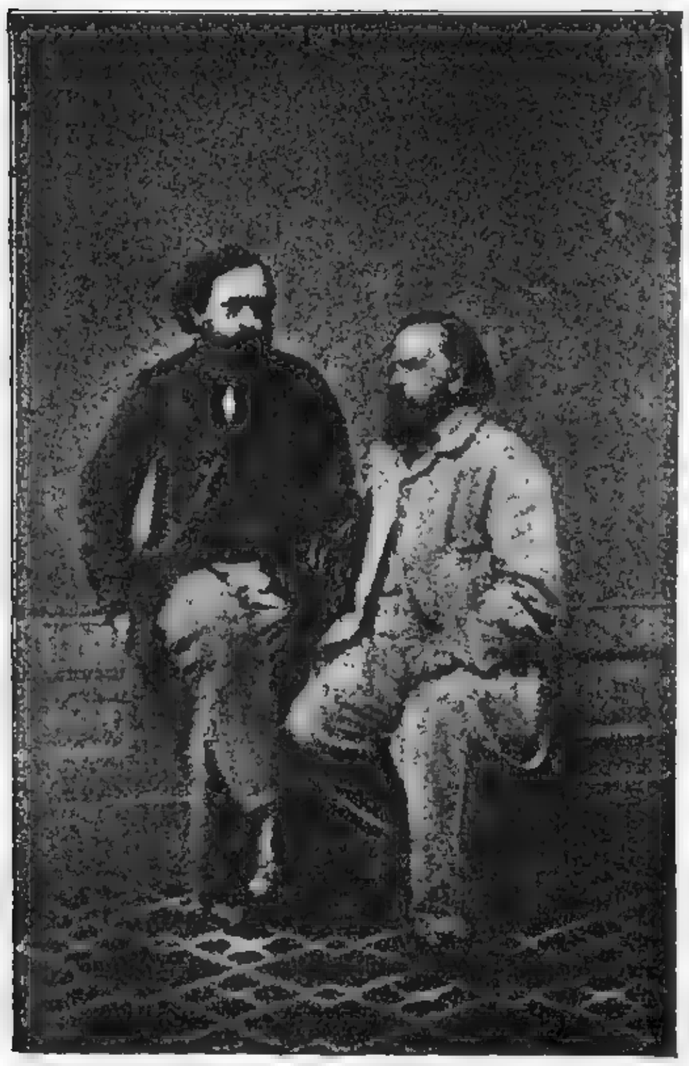
лучшаго выразителя нашей народной стихіи. Горячо и сочувственно подошли къ нему, среди охлажденія и враждебности общественнаго большинства къ прежнему кумиру, примирившемуся съ новымъ строемъ, неизмѣнные поклонники Прекраснаго, увлекая за собою любимаго поэта въ область чистаго, свѣтлаго, независимаго отъ ядовитыхъ влеченій міра, поэтическаго искусства, внушая свою теорію высшаго художественнаго объективизма. Они цѣнили по достоинству пережитый поэтомъ наплывъ байроническаго протеста и борьбы,—не допуская и сравненія съ потрясающимъ оригиналомъ,—но восторгались поворотомъ къ народности, чародѣйствомъ оживленія старины, чудесами „Годунова“, красотой мысли и формы въ Пушкинской лирикѣ. Съ культомъ Пушкина, этого рыцаря духа, будущаго русскаго Гёте, соединилось сочувствіе Мицкевичу, мыкавшему свою опалу и ссылку среди „героическаго въ своей неволѣ“ русскаго народа, признаніе выдающагося, феноменальнаго дарованія въ бардѣ родного славянскаго племени, не считавшееся ни съ старой племенной враждой, ни съ религіозной рознью. И на почвѣ этого свободнаго славянскаго общенія возникалъ уже, задуманный Мицкевичемъ при участіи его русскихъ друзей и польскихъ интеллигентныхъ силъ, органъ единенія, взаимнаго пониманія и изученія, двуязычный журналъ „Ирида“, задушенный въ зародышѣ мстительнымъ недовѣріемъ высшей политической полиціи,—первый опытъ свободной постановки вопроса о славянствѣ, проникшаго въ сводъ убѣжденій идеалистическаго кружка и начинавшаго уже волновать умы отдѣльныхъ его сторонниковъ, слѣдомъ за Хомяковымъ, послѣ странствій по славянскому міру, ставшимъ первымъ піонеромъ этой идеи.

Интенсивная работа мысли, ревность идеалистической проповѣди, зовущей къ возрожденію и облагороженію жизни, сильное, возбуждающее вліяніе нѣмецкой философіи и романтики, поднимавшее самостоятельные запросы и построенія, проникнутые духомъ народности, воспитывающій опытъ мірового творчества, отлагавшійся опять въ грезахъ о славѣ русскаго народнаго генія, наконецъ, первые проблески славянской идеи, далеко увели первыхъ любомудровъ и примкнувшихъ къ нимъ впослѣдствіи адептовъ отъ исходной точки движенія. Начинали съ философскаго и эстетическаго катихизиса, въ которомъ откровенія Шеллинга встрѣчались еще съ разными доисторическими авторитетами, проникшими въ научные храмы Благороднаго Пансіона и университета или въ улучшенное, подкрѣпленное обыкновенно университетскими же силами, домашнее воспитаніе, выпадавшее на долю немногихъ баловней судьбы,—вступали въ жизнь съ гуманными, честными, но отжившими свой вѣкъ преданіями Дружескаго Ученаго Общества, съ налетомъ масонскаго добротолюбія, и могли потомъ проходить почти безучастно мимо общественныхъ страданій и торжествующаго гнета, какъ воздымающіеся надъ жизнью книжники-мыслители, но передъ ними раскрылось

призваніе истинныхъ просвѣтителей и подвижниковъ культуры, свободная мысль устремилась къ новому идейному горизонту, творческая работа соединяла уже скудныя еще численно, но сплоченныя и воодушевленныя силы единомышленниковъ. То былъ расцвѣтъ, то было увѣнчаніе любомудрія,—но дальше пойти въ развитіи своемъ, не выходя изъ испытанныхъ на дѣлѣ нормъ, ему не было суждено.

Безжалостно ранняя смерть Веневитинова лишила его главнаго вдохновителя, Одоевскій въ неутомимыхъ своихъ запросахъ и исканіяхъ ушелъ на время, и, казалось, всецѣло, въ иную сторону, и идеалистическій мистицизмъ, новая переходная стадія его нескончаемой эволюціи, овладѣлъ имъ. Изъ похода своего за знаніемъ на Западъ Кирѣевскіе возвратились, укрѣпившись въ рѣшимости служить руководящимъ завѣтамъ кружка, соединяя просвѣщеніе европейское, въ высшихъ его проявленіяхъ, философскомъ, нравственномъ, эстетическомъ подъемѣ, съ широкимъ развитіемъ русскихъ народныхъ началъ, своего „Европейца“ (1832) хотѣли сдѣлать органомъ основныхъ своихъ идей, собравъ въ немъ съ наличными силами стараго кружка цвѣтъ современной литературы, — но грубое насиліе прервало ихъ рѣчь на полу-словѣ, „Европеецъ“, оклеветанный, злостно непонятый, былъ закрытъ за маскированное будто бы сочувствіе іюльской революціи, Кирѣевскіе были вырваны изъ общественной среды, надолго осуждены на деревенское отшельничество, и, когда они покинутъ его наконецъ, не традиціи любомудрія и философски понятаго славянизма, но выводы сложнаго процесса мысли, пережитаго въ одинокой созерцательной жизни, отразятся въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности искреннихъ и убѣжденныхъ славянофиловъ. Хомяковъ, сильно возбужденный и личными впечатлѣніями народнаго возрожденія, словно благовѣстіе возвѣщеннаго съ начала столѣтія на весь славянскій міръ энергической кучкой пражскихъ вожаковъ — народниковъ, ученыхъ и мыслителей, ставшихъ агитаторами патріотизма и независимости, и урокомъ миновавшей русско-турецкой войны, прерванной, казалось, наканунѣ освобожденія турецкаго славянства, насыщаетъ отнынѣ широко поставленной народной идеей и вѣрою въ призваніе родного племени, просвѣтленнаго самосознаніемъ и возрожденіемъ завѣтовъ старины, свое исповѣданіе, отъ старой философской доктрины отклоняется навсегда къ дѣлу проповѣдника и пророка славянскаго народничества, и сначала выступая почти одиноко въ русской средѣ, словно сѣятель, вышедшій на посѣвъ свой до зари, соберетъ вокругъ себя современемъ новую группу единовѣрцевъ. У другихъ, меньшихъ, идейно слабѣйшихъ членовъ стараго кружка жизнь охладила начальное возбужденіе, развела ихъ по сторонамъ, указала практическіе пути личнаго благополучія, научила оппортюнизму, умѣнью ладить съ господствующимъ строемъ.

Былое любомудріе распалось, отошло въ прошлое, внѣшніе признаки существованія кружка и его работы какъ будто изгладились, доступныя только внимательному разслѣдованію историка, лѣтописца движеній и идей. Но „архивные юноши“ и ихъ друзья сдѣлали все же свое цѣнное дѣло, завѣты и запросы ихъ не замерли, традиція установилась, и по слѣду, проложенному этими предтечами, прошли, призванные къ долгому, животворному вліянію на умы, ихъ преемники, выставленные новымъ молодымъ, еще болѣе чуткимъ, жизнеспособнымъ поколѣніемъ. Идеалисты Александровской эпохи, сумрачныхъ двадцатыхъ годовъ — провозвѣстники богатыхъ и численностью, и запасомъ дарованій идеалистическихъ кружковъ годовъ тридцатыхъ. Движеніе, возобновляясь съ новою силой, вливается въ тѣ же испытанныя формы, дробясь на группы и общины вѣрующихъ, идя впередъ не сплошнымъ натискомъ иконоборцевъ и завоевателей, а дѣйствіями партизанскихъ отрядовъ. Они, эти новые кружки и группы, казались впослѣдствіи такому зоркому наблюдателю хода общественнаго прогресса, какъ Герценъ, „начальными ячейками, зародышами исторіи“, „зачинщиками Россіи будущаго“; это снова — идейные союзы учащейся молодежи, представленные „нѣсколькими мальчиками“; они организуются, собираются, расходятся, снова дѣлятся подъ вліяніемъ насущныхъ потребностей развитія, и всѣ служатъ одной и той же цѣли, храня и распространяя „общечеловѣческую науку“. Съ каѳедры слышатся такія же, попрежнему одиночно звучащія, рѣчи немногихъ ея истинныхъ проповѣдниковъ, окруженныхъ въ профессорскомъ штатѣ уродливыми жрецами старой схоластики. Тотъ же Мих. Павловъ, официально — лишь профессоръ агрономіи, встрѣчаетъ толпящееся вокругъ него юношество, которое стремится къ знанію природы прежде всего вопросомъ—что есть познаніе—и уводитъ ихъ надолго, если не совсѣмъ, отъ прямой сущности своихъ курсовъ въ свѣтлое царство нѣмецкой философіи, и тотъ же Шеллингъ является для молодежи виновникомъ ея прозрѣнія. Смежно раздается краснорѣчивое слово такого просвѣтителя, какъ Надеждинъ, сбросившій съ себя маску обличителя новыхъ литературныхъ теченій, фельетоннаго, хоть и очень остраго, колкаго охранителя старшей литературы, и вошедшаго на каѳедру съ широкимъ культурнымъ кругозоромъ, всестороннимъ философскимъ образованіемъ и мастерскими изученіями всемірнаго творчества. Такая проповѣдь будитъ,



А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ.

ведетъ впередъ, вызываетъ къ самодѣятельности. И въ студенческихъ рядахъ поднимается встрѣчное образовательное теченіе; починъ къ группировкѣ, сборной работѣ, кристаллизаціи данъ, и неизбѣжныя кружковыя ячейки обозначаются. На ихъ цѣляхъ и направленіи отражаются измѣнившіяся условія времени, подавленное состояніе жизни. Прежде впереди всего шли бы вопросы общественно-политическіе, теперь же философія, эстетика, вопросы нравственные владѣютъ молодыми умами. Потомство любомудровъ, видимо, стремится опередить ихъ, оставить далеко за собой. Пусть немногіе политически чуткіе товарищи сближаются ради обмѣна мыслей протеста и гнѣва, для усвоенія началъ истинной гражданственности и свободы, для контрабаднаго изученія первыхъ системъ соціализма, и готовятъ себя къ жизни, опираясь на опыты русской и западной реакціи и революціи, на судьбу декабризма, на бунтъ военныхъ поселеній и его усмиреніе, на іюльскій переворотъ во Франціи и польское возстаніе,—они сходились, организовывались и гибли, одни за другими, Критскіе, Сунгуровы, и только небольшая и полная страстныхъ влеченій къ активной работѣ группа студента Герцена и его товарищей осталась одна на поверхности. Пусть сходятся такіе люди и подъ знаменемъ интереса къ естествознанію, такъ слабо представленному и въ университетѣ, и въ медико-хирургической академіи, но неотразимо привлекавшему своимъ европейскимъ движеніемъ. Это—частичныя, одиночныя явленія,—но растутъ и множатся силы кружка идеалистовъ, и онъ завоевываетъ себѣ положеніе первостепенное среди молодежи. Онъ полонъ самодѣятельности и, идя по пути, указанному немногими любимыми, возбудительно дѣйствующими представителями науки, отдается всѣми своими силами самообразованію, основанному на взаимопомощи и круговой порукѣ всѣхъ, кто только входитъ въ группу; онъ становится большой лабораторіей мысли и знанія; значеніе этой самостоятельной юношеской работы скоро превысило силу прямого вліянія каѳедры. Духъ равенства, царившій въ кружкѣ, который вмѣщалъ въ себѣ наряду съ неизбѣжнымъ еще элементомъ дворянства много демократическихъ, разночинскихъ силъ, духъ дружной солидарности, выдержки и послѣдовательности, проникавшій всѣхъ участниковъ, тѣсная связь, соединявшая въ этой свободной ассоціаціи студентовъ различныхъ курсовъ, людей, уже покинувшихъ университетъ, но вѣрныхъ идейной работѣ кружка, наконецъ, волонтеровъ науки, привлеченныхъ съ воли горѣвшимъ въ немъ свѣтомъ знанія, были явленіями небывалыми среди ветхихъ, косныхъ формъ общественности. Съ умиленіемъ обращались впослѣдствіи къ тѣмъ чуднымъ днямъ воспоминанія этихъ новѣйшихъ любомудровъ, ставшихъ потомъ выдающимися дѣятелями. Константинъ Аксаковъ, на краю жизни вспоминая ея свѣтлое начало, преклонялся передъ духовной цѣльностью молодого кружка, его свободой отъ всякихъ авторитетовъ, самостоятельностью мнѣній, стремленіемъ къ „правдѣ,

серьезному дѣлу, искренности и истинѣ“, и видѣлъ въ этомъ стремленіи, которое „само въ себѣ справедливо“, „явленіе вполнѣ русское“.

Но европейская наука и творчество все же оказали на него великое вліяніе, и, какъ въ двадцатые годы, Германія стояла въ главѣ его. Послѣдовательными переходами шли отъ Шеллинга къ Фихте, чтобъ прійти къ Гегелю и надолго остаться въ его власти, слѣдили, насколько возможно было, за всѣми новыми научными явленіями германскими; Москва не на шутку дѣлалась „однимъ изъ губернскихъ городовъ нѣмецкой философіи“. Величіе, красота, вдохновляющая, гуманная сила творчества геніальныхъ поэтовъ новой Германіи дѣйствовали столь же могущественно. Поклонники ли Гёте, или горячіе сторонники Шиллера, переживавшіе нерѣдко нѣсколько переходовъ въ своихъ эстетическихъ увлеченіяхъ, чтобы обоготворить того, кто подвергнутъ былъ сначала суровому осужденію, всѣ члены кружка прошли черезъ опредѣленно выразившуюся, развивавшую ихъ духъ школу художества, и съ свѣтилами германской поэзіи могъ состязаться лишь своимъ сильнымъ вліяніемъ Шекспиръ, нашедшій тогда въ феноменальномъ самородкѣ — Мочаловѣ изумительнаго отгадчика и истолкователя, внезапными вспышками своего таланта освѣщавшаго тайники міровой поэзіи и психологіи. Вокругъ чарующей, центральной личности Станкевича, разливавшей жизнь и свѣтъ вокругъ себя, поражавшей (говоритъ снова Аксаковъ) необыкновенно „стройнымъ существомъ своего духа“, сходятся, какъ выдающіеся дѣятели кружка, такіе блестящіе своими дарованіями и высокой нравственной силой аспиранты философіи, словесности, облагораживающаго темную и печальную Русь, просвѣщенія, какъ Бѣлинскій, Аксаковъ; рефератные вечера, и у Станкевича, и въ „казенныхъ“ студенческихъ „нумерахъ“, философскія пренія, литературныя собранія, на которыхъ можетъ ураганомъ пронестись юношеская драма Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“, полная Шиллеровскихъ свободолюбивыхъ мотивовъ, первые опыты журнальныхъ статей и переводовъ, первыя выступленія на аренѣ литературной критики, еще приверженныя къ романтической теоріи искусства, переносятъ внутреннюю работу кружка въ болѣе обширные слои. Въ рядахъ товарищей проявляются незаурядныя дарованія; Клюшниковъ, Красовъ, Ефремовъ, Петровъ, будущіе поэты, мыслители, ученые, — не праздные свидѣтели совершающагося духовнаго пира, но дѣятельные его пособники; къ нему подходятъ и принимаютъ вскорѣ живое участіе во всѣхъ запросахъ и начинаніяхъ такіе дилетанты философіи, какъ отставной офицеръ Бакунинъ или, закончившій свое домашнее образованіе культурной побывкой во Франціи, Боткинъ,—и старое тверское дворянское гнѣздо, Прямухино, образовательными интересами Бакунинской семьи и ея родичей представлявшее тоже чуть не философско-идеалистическій кружокъ, и именитое московское купечество, такъ мало повинное тогда въ культурной дѣятельности, вводятъ въ

жизнь группы немалыя силы. Скоро голосъ Бакунина, вошедшаго въ нее сначала подъ знаменемъ Канта, чтобы стать затѣмъ, переживъ и увлеченіе Фихте, пламеннымъ апостоломъ Гегеля, гремитъ въ кружковыхъ собраніяхъ,—и въ предисловіи его къ переводу „гимназической рѣчи“ Гегеля звучитъ словно философское credo народившагося русскаго гегельянства. Появляются въ Телескопѣ „Литературныя мечтанія“ Бѣлинскаго, и вліяніе идеи кружка отмѣчаетъ новую эру въ литературномъ движеніи. Вліяніе это растетъ, переживаетъ неудачу самостоятельнаго органа группы, „Московскаго Наблюдателя“, перегруженнаго философіей и не поддержаннаго читающей массой, — и начальный дружескій союзъ идеалистовъ, не распавшійся и послѣ великаго урона, болѣзни и смерти на чужбинѣ Станкевича, подходитъ къ концу тридцатыхъ годовъ, когда его ждетъ обновленіе свѣжими силами, перестройка наличныхъ отношеній, пересмотръ основныхъ началъ исповѣданія, образованіе изъ традиціонныхъ кружковыхъ формъ новыхъ сочетаній и школъ, славянофильства и западничества, элементы которыхъ даны были съ первыхъ дней существованія философскихъ союзовъ. Наступали сороковые годы съ ихъ сложной, интенсивной культурной работой. Стремленія и исканія „идеалистовъ“ былыхъ временъ всегда останутся примѣчательнымъ прологомъ къ ней.

Алексѣй Веселовскій.

А. С. Грибоѣдовъ.

Писатель и книга въ Александровскую эпоху.

Послѣ цензурнаго террора Павловскаго времени, когда запрещалось употребленіе въ печати такихъ обыденныхъ словъ, какъ врачъ, обозрѣніе, граждане, общество, пособіе, отрядъ, не разрѣшалась книга, гдѣ авторъ доказывалъ, „сколько убытковъ терпятъ города отъ деревяннаго строенія“, когда изъ-за нѣсколькихъ стиховъ въ одѣ на „Рожденіе Михаила Павловича“ въ обществѣ разнесся слухъ, что Державина сошлютъ, авторъ „Ябеды“ едва не попалъ въ Сибирь, Карамзинъ признавался, что еслибъ не „экономическія обстоятельства“, онъ, „положивъ руку на алтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами“; Коцебу вынужденъ былъ исключать изъ своихъ драмъ такія „вредныя мысли“, что икра получается изъ Россіи и что Россія страна отдаленная; когда рижскій цензоръ Туманскій пытался задержать нѣмецкій переводъ „Писемъ русскаго путешественника“ и въ пьесѣ Коцебу выбрасывалъ слова безнадежно влюбленнаго сапожника: Я отправляюсь въ Россію, говорятъ тамъ холоднѣе здѣшняго! и замѣнялъ ихъ: Я уѣзжаю въ Россію, тамъ только одни честные люди; послѣ настоящаго погрома просвѣщенія, когда запрещался „выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, равномѣрно и музыку“, когда за устройство домашней библіо-

Алексѣевъ. Наводненіе 7 ноября 1824 г. въ Петербургѣ. Музей Александра III.

теки и за раздачу книгъ своимъ знакомымъ пасторъ Зейдеръ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію и сосланъ въ рудники,—„дней Александровыхъ начало“ могло, дѣйствительно, показаться прекраснымъ. Рядъ указовъ молодого монарха говорилъ о благожелательномъ отношеніи къ культурѣ, печати: 31 марта 1801 года отмѣнялось „запрещеніе на впускъ всякаго рода книгъ и музыки“, предписано было распечатать частныя типографіи, въ 1802 г. разрѣшено было открывать вольныя типографіи по Екатерининскому указу 1783 г. съ тѣмъ, чтобы цензура печатаемыхъ книгъ лежала не на Управѣ Благочинія, а на директорахъ народныхъ училищъ подъ наблюденіемъ гражданскихъ губернаторовъ, указомъ 26 января 1803 г. цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ возлагалась единственно на университеты, „коль скоро они въ округахъ учреждены будутъ“. Такимъ образомъ цензура изъ полицейскаго учрежденія перешла въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, „немысленный урядникъ благочинія“ замѣненъ былъ образованнымъ чиновникомъ „главнаго правленія училищъ“. Типъ стараго цензора, подозрительнаго, выдававшаго книгопродавцамъ даже „несумнительныя“ иностранныя книги съ предосторожностями, „осматривая каждый экземпляръ прилежно, ибо опытъ научилъ, что нельзя имѣть довольно предосторожности, поелику уже встрѣчалось, что подъ книги однѣ подкладывали другія безъ титула, что даже въ переплетныхъ начало и конецъ одной книги, а въ серединѣ совсѣмъ особая книга“, типъ такого цензора становился анахронизмомъ, когда въ главномъ правленіи училищъ при выработкѣ цензурнаго устава нѣкоторые члены говорили, что „строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія: истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія“, что „свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа“, что „истиннаго успѣха въ просвѣщеніи, прямого и прочнаго стремленія къ достижимому для человѣчества совершенству можно ожидать только тамъ, гдѣ дозволяется открыто разсуждать о важнѣйшихъ интересахъ человѣчества, объ истинахъ, наиболѣе дорогихъ человѣку и гражданину“. Немудрено, что цензурный уставъ 1804 года, составленный людьми такихъ убѣжденій, восторженно былъ встрѣченъ русскимъ обществомъ, окрылилъ надежды нашихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть болѣе благожелательнаго для печати §§ 21 и 22 новаго устава, гласившихъ, что „цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и

И. П. Тургеневъ.

сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію“, что „когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“, что „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающей успѣхи просвѣщенія“? Одинъ изъ образованнѣйшихъ журналистовъ того времени, Каченовскій, приведя въ статьѣ о книжной цензурѣ въ Россіи эти §§, пророчилъ русской словесности скорое обогащеніе памятниками изящнаго вкуса и учености... Первые годы примѣненія новаго устава, дѣйствительно, сказались небывалымъ оживленіемъ нашей печати: появилось много періодическихъ изданій; нѣкоторые журналы, какъ „Петербургскій Журналъ“ (1804—1809 гг.), „Сѣверный Вѣстникъ“ (1804—1805 гг.) касались самыхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни (по преимуществу въ переводныхъ статьяхъ изъ Бентама, Монтескьё и др.), было переведено немало цѣнныхъ сочиненій европейскихъ мыслителей и экономистовъ; писатели, по ихъ собственному признанію, высказывали вещи, о которыхъ не рѣшились бы говорить печатно въ прежнія времена[1]). Но недолго продолжалось это оживленіе, и вскорѣ литературѣ пришлось испытать всю тяжесть цензурныхъ „разъясненій“, часто сводившихъ на-нѣтъ существованіе устава, предоставлявшаго „свободу тисненія“, убѣдиться, что предварительная цензура, связанная съ личными настроеніями того или иного цензора, вкусами смѣняющихся министровъ, неизбѣжно должна вступить съ писателемъ въ состязаніе, что безъ опредѣленныхъ правовыхъ гарантій положеніе послѣдняго обречено на нѣчто неопредѣленное, неустойчивое, въ концѣ-концовъ, стѣсняющее его дѣятельность. Уже въ 1805 году цензоръ Яценковъ запретилъ драму Антона Автушкевича „Увѣнчанная Добродѣтель“ по причинѣ „несообразности съ отечественными постановленіями окончанія піесы, гдѣ самыя узнанныя и доказанныя злодѣйства остаются безъ должнаго наказанія“; въ 1808 г. цензоръ Тимковскій не одобрилъ къ напечатанію „Грамматики милымъ женщинамъ“ (Некрасова) по причинѣ „недостатка въ смыслѣ“ представленной рукописи; въ 1810 г. запрещена была комическая опера „Дидона и Эней“, такъ какъ „вся піеса преисполнена выраженій слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, особливо, если ихъ произноситъ Эней или Дидона, или другія важныя особы, напримѣръ: „вся глотка пересохла“ и

---

[1]) Сухомлиновъ. „Изслѣдованія и статьи“. Т. I, стр. 421.

пр., „а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо въ овчинку показалось“ и пр., „Охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется“. Вмѣсто того, чтобы, согласно § 21 цензурнаго устава, руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, цензора силой вещей превращались въ суровыхъ ревнителей то отечественной нравственности, то логики, то стилистики, и писателю, лишенному возможности отстаивать свое произведеніе судебнымъ порядкомъ, приходилось склоняться передъ цензурными резолюціями. Въ зависимости отъ того, кто стоялъ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, естественно мѣнялось отношеніе къ одной и той же книгѣ, къ извѣстнымъ теченіямъ мысли. Такъ, въ началѣ эпохи запрещались книги масонскія, мистическія, въ 1807 г. закрытъ былъ „Сіонскій Вѣстникъ“ Лабзина; съ вступленіемъ же въ 1816 г. въ министерство кн. Голицына мистическая литература находитъ особое покровительство у цензурныхъ властей, журналъ Лабзина вновь сталъ выходить, авторъ рѣзкаго памфлета противъ мистиковъ, Станевичъ, былъ высланъ изъ Петербурга, его книжка „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“ была отобрана изъ лавокъ и сожжена, а въ 1824 году при министрѣ Шишковѣ эта же книга была издана на казенный счетъ, „по высочайшему повелѣнію“... Различныя международныя отношенія Россіи немедленно же вызывали разнородные циркуляры цензурнаго комитета, заставлявшіе журналиста исключительно „согласоваться съ намѣреніями правительства“ и по-молчалински не смѣть свое сужденіе имѣть. То, что можно было писать о Наполеонѣ до Тильзитскаго мира, запрещалось послѣ 1807 года, а въ 1814 году предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, Уваровъ, предлагалъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы „журналисты, писавшіе въ 1812 году, иначе бы писали въ 1815 году“... Нѣсколько раньше было предписано, чтобы „цензуры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія“ (1808 г.), но событія 1812—13 гг. слишкомъ задѣвали, чтобы не откликаться на нихъ „политическими разсужденіями“, и цензурнымъ властямъ приходилось только направлять статьи подобнаго характера въ извѣстномъ направленіи. Но если по нѣкоторымъ вопросамъ предоставлялась кой-какая возможность высказываться, нѣсколько темъ совершенно было изъято изъ печатнаго обсужденія какъ въ началѣ царствованія Александра, такъ и въ концѣ, какъ въ годы „либералистовъ“, такъ и въ мрачное десятилѣтіе Аракчеева, Магницкаго и другихъ гасителей просвѣщенія. Крестьянскій вопросъ прежде всего былъ той скалой, о которую разбились попытки образованнаго меньшинства поставить его, какъ наиглавнѣйшій. Въ 1804 г. была задержана цензурой книга Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ потому, что „авторъ (по мнѣнію Комитета) съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго

паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако — заявлялъ Комитетъ — зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія... Разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную, губительную тучу". Въ 1809 году пострадалъ Анастасевичъ за переводъ брошюры Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами"; въ 1818 г. кн. Голицынъ обратилъ вниманіе попечителя Петербургскаго учебнаго округа, что „издатель Духа журналовъ помѣщаетъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ и многія другія неприличности", и предписалъ цензорамъ слѣдить за журналами и другими сочиненіями, „дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ"; въ 1820 году удаленъ былъ отъ званія цензора проф. Черепановъ за пропускъ въ „Историко-статистическомъ журналѣ" переводной статьи „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ", въ которой доказывалось, что главнымъ средствомъ къ возведенію русскаго государства на высшую степень просвѣщенія и благосостоянія является дарованіе крестьянамъ большей свободы и тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ имъ, какъ людямъ и существамъ разумнымъ. Если соціальный вопросъ относился къ „неприличностямъ", то и темы политическаго характера вызывали со стороны цензуры подозрительное или враждебное отношеніе. Въ 1814 году министръ полиціи Вязьмитиновъ нашелъ „совершенно неумѣстнымъ" желаніе издателя Духа журналовъ касаться вопроса о внутреннемъ состояніи Россіи, „великихъ ея способовъ и выгодъ, нѣкоторыхъ недостатковъ и злоупотребленій", такъ какъ „упоминаемые предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично"; въ 1818 году кн. Голицынъ подтвердилъ приказъ, чтобъ въ журналахъ не касались „матерій, касающихся до распоряженій правительства", въ 1820 году опять приказалъ цензорамъ не пропускать статей, подобныхъ статьѣ „О вліяніи правительства на промышленность" (Невскій Зритель), „въ коей дѣлаются замѣчанія правительству въ распоряженіяхъ его и даются оному наставленія весьма неприличныя ни въ какомъ отношеніи"; въ томъ же году (6 окт.) предписалъ прекратить съ 1821 г. изданіе „Духа Журналовъ" за постоянное антиправительственное направленіе журнала, выразившееся въ книжкѣ №№ 17 и 18 даже въ „явномъ порицаніи монархическаго правленія". Печатать что-либо о конституціи категорически запрещалось въ послѣдніе годы Александровской эпохи: цензурный комитетъ не одобрилъ рукописи „Нѣчто о конституціяхъ", какъ потому, что не находилъ ни нужнымъ, ни полезнымъ, ни даже приличнымъ

въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія публично разсуждать о конституціяхъ, такъ и потому, что вообще частнымъ лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ...

Такъ, подъ вліяніемъ господствующихъ политическихъ настроеній, на практикѣ примѣнялся § 22 устава 1804 года; не отмѣненный закономъ, онъ не существовалъ въ жизни, опутанной циркулярами и разъяснительными „отношеніями“. Могла ли мириться съ этой инквизиціонной опекой общественная мысль, сильно выросшая послѣ 1812—15 годовъ? Цензурныя стѣсненія, несомнѣнно, были одной изъ причинъ, усиливавшихъ общественное недовольство,—не даромъ Кюхельбекеръ показалъ на слѣдствіи, что „крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время“, вызывало въ немъ „неудовольствіе настоящимъ положеніемъ дѣлъ“, Грибоѣдовъ мечталъ о преобразованіи Россіи, желая этого для свободы книгопечатанія. Особенно невыносимо стало во вторую половину Александровской эпохи, когда походъ противъ литературы сталъ систематическимъ, принялъ рѣзко воинствующій характеръ, когда въ проявленіи свободной мысли мерещились разные ужасы, „ядъ невѣрія“, „нравственная революція“ и прочія „разрушительныя начала“. Не мало терній причинило русской литературѣ учрежденное въ 1811 г. Министерство полиціи, коему помимо наблюденія за театральными сочиненіями поручалось слѣдить и за такими книгами, которыя „хотя и были пропущены цензурою, подавали бы поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ“: о таковыхъ книгахъ министръ полиціи имѣлъ право сноситься съ министромъ просвѣщенія или представлять о нихъ съ своими замѣчаніями на Высочайшее усмотрѣніе. Новое министерство энергично „наблюдало“, нерѣдко самостоятельно, безъ вѣдома Министерства Просвѣщенія: такъ, за пять лѣтъ (1811—1816) оно запретило 53 театральныхъ сочиненія, въ 1814 году изъяло изъ обращенія романъ Нарѣжнаго „Россійскій Жильблазъ“, разрѣшенный петербургской цензурой, въ 1815 г. запретило печатать критическіе отзывы объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся въ службѣ Его Величества.

П. С. Руничъ, Боровиковскаго. (Рум. музей).

Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣзче обозначались полицейскія тенденціи и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, цензура все болѣе превращалась въ

карательное учрежденіе, предпочитавшее запрещать книгу, чѣмъ „истолковывать ее выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ“. Съ 1818 г. особенно рельефно стала опредѣляться эта система гоненій, придирокъ, оскорблявшихъ писателя, достигшая вершинъ нелѣпости, нерѣдко анекдотической, при знаменитыхъ цензорахъ Бируковѣ и Красовскомъ.

Циркулярнымъ отношеніемъ министра народнаго просвѣщенія попечителю Петербургскаго учебнаго округа 29 іюня этого года предписано было цензурнымъ комитетамъ не разрѣшать новыхъ періодическихъ изданій безъ согласія министра. Циркуляръ такъ подѣйствовалъ на членовъ комитета, что они не разрѣшили Бестужеву издавать журналъ „Зимцерла“ частью по молодости лѣтъ его, частью изъ-за трехъ орѳографическихъ ошибокъ, допущенныхъ имъ въ представленной программѣ, отказали капитанъ-лейтенанту Броневскому въ изданіи еженедѣльной газеты въ Тулѣ какъ потому, что изданіе это совершенно излишне въ Тулѣ, такъ и потому, что тамъ цензуры нѣтъ... Угнетаемые страхомъ (вѣдь за одобреніе къ напечатанію статьи Ломоносова о размноженіи и сохраненіи русскаго народа Яценкову угрожали отставкой, за пропускъ романа „Элоиза и Абельяръ, жертва любви“ Тимковскій получилъ „строжайшій выговоръ“ отъ министра, обѣщавшаго „принять мѣры, дабы всѣ экземпляры вредной книги были покупаемы на счетъ одобрившаго оную цензора и истребляемы“), цензора съ необычайнымъ усердіемъ стали выискивать опасныя мѣста и по самымъ разнообразнымъ поводамъ стремились уничтожить статью или какую-либо книгу. Кто изъ русскихъ писателей не чувствовалъ тогда цензорской опеки, кому не приходилось чувствовать обиду, раздраженіе, нерѣдко глубокое страданіе? И малоизвѣстному Олину пришлось услышать по поводу стихотворенія Стансы къ Элизѣ извѣстныя классическимъ тупоуміемъ замѣчанія Красовскаго, находившаго, напр., что стихи:

«О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству пріучаться»,

значили не что иное, какъ то, что „авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть съ своей любовницей“; и Жуковскому не сразу удалось напечатать балладу „Ивановъ вечеръ“ (Замокъ Смальгольмъ), признанную соблазнительной по содержанію и идущей въ разрѣзъ съ представленіемъ объ этомъ праздникѣ сыновъ господствующей греко-россійской церкви; и даже Карамзину чинили препятствія въ печатаніи „Исторіи Государства Россійскаго“... Благонамѣренный князь Вяземскій, раздраженный мелочными стилистическими придирками Красовскаго, писалъ въ 1822 г. А. И. Тургеневу, что еслибъ былъ въ Петербургѣ, „ударилъ бы Красовскаго въ щеку. Да и теперь готовъ выбить золотую медаль въ тысячу рублей въ честь того, который поколотитъ его или, по крайней мѣрѣ,

огрѣетъ его арапникомъ... Должно быть цензоровъ до того, что никто за милліоны и за Андреевскія не пойдетъ въ цензора“. И какъ было не взбѣситься, когда запрещались, какъ оскорбительныя для вѣры, выраженія: небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ей-Богу, когда признавались эротическими слова: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, онъ любилъ ее, нагая истина и т. п.

Пушкинъ, не разъ страдавшій отъ „угрюмыхъ сторожей“ его музы и вынужденный или печатать съ пропусками („Посланіе къ Чаадаеву“) и искаженіями („Кавказскій плѣнникъ“), или писать не для печати, то и дѣло прорывался въ письмахъ характерными выраженіями: „зарѣзала меня цензура!.. ужъ эта мнѣ цензура!.. delenda est censura“... Въ 1821 г. онъ писалъ Дельвигу: „о чемъ цензуру ни прошу, ото всего Тимковскій ахнетъ. Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанья муза чахнетъ, и рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу“... А о Бируковѣ и Красовскомъ отзывался, какъ о „невтерпежъ глупыхъ, своенравныхъ и притѣснительныхъ“ цензорахъ... Яркую фигуру Александровскаго цензора создалъ Пушкинъ въ двухъ „посланіяхъ цензору“ навсегда пригвоздивъ своихъ „давнихъ гонителей“ къ позорному столбу:

О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ» [1]), столь чистый, благородный —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ...
Глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежомъ, Куницына [2])—Маратомъ.
Рѣшилъ—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на Святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?..

Нѣтъ необходимости говорить, что Пушкинскія посланія „въ печати не бывали“ и подобно другимъ его произведеніямъ („Деревня“, „Вольность“, „Сказки“ и др.) распространялись въ рукописяхъ, пріобрѣтая автору восторженную славу среди однихъ, репутацію „корифея мятежниковъ“ среди другихъ. Что цензурное иго было невыносимо, что „безсмысленныя“ притѣсне-

---

[1]) Е. Баратынскаго.
[2]) Въ 1820 г. было запрещено его „Естественное право“...

нія стали, наконецъ, невтерпежъ, подтверждается тѣмъ, что среди писателей готовился въ 1822 г. планъ массовой жалобы на дѣйствія цензуры...

Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!..
Васъ и духъ святый робѣетъ;
Онъ, какъ мы, у васъ въ когтяхъ —

восклицалъ Дельвигъ одновременно съ Пушкинымъ, вновь указывая на „доблестныхъ подлецовъ“ эпохи кн. Голицына...

Была надежда, что Шишковъ, ставшій въ 1824 г. министромъ, облегчитъ тягостное положеніе литературы. Пушкинъ разсчитывалъ на „улучшеніе цензуры“, но вскорѣ долженъ былъ сознаться, что все „при старомъ по-старому“... Можно было бы сказать, что съ усиленіемъ реакціи послѣднихъ лѣтъ цензура еще болѣе освирѣпѣла, печати стало еще хуже: „Горе отъ ума“ не увидѣло свѣта, запрещенъ былъ „Катихизисъ“ Филарета, запрещено было касаться въ журналахъ военныхъ поселеній, чиновникамъ было предписано не издавать „сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальствъ“ и т. д., и т. д. Шишковъ, недовольный „духомъ времени“, готовилъ новый цензурный уставъ, имѣвшій задачей еще крѣпче связать писателя... Это и было сдѣлано, но уже въ слѣдующемъ царствованіи, 10 іюня 1826 года: то былъ знаменитый „чугунный“ или „алжирскій“ уставъ, представлявшійся современникамъ въ окруженіи „кнутовъ и батоговъ“, превращавшій, по словамъ Глинки, цензурный комитетъ въ инквизицію... Наступала темная ночь Николаевской цензуры, когда „плакать хотѣлось“ даже Булгарину, когда времена Магницкаго и Рунича казались „золотымъ вѣкомъ литературы“...

Н. Бродскій.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Боровиковскій. Императоръ Александръ I. Музей Александра III.

Романовский. Мишурдашов Александр I. Ивин Александр III

Pasos para solicitar tu Pasaporte

Тайныя общества и 14 декабря 1825 г.

I.

Вторая половина царствованія Александра I характеризуется обильнымъ ростомъ въ Россіи кружковъ и тайныхъ обществъ, главнымъ образомъ въ военной средѣ, между просвѣщенною частью офицерства, выросшей въ эпоху великихъ Наполеоновскихъ войнъ, подъ прямымъ воздѣйствіемъ послѣднихъ. Кружковщина стала какимъ-то эпидемическимъ явленіемъ времени: таіныя общества возникали часто внѣ всякой связи между собой. Основатели однихъ обществъ, при вербовкѣ членовъ, совершенно неожиданно наталкивались на возникшія уже самостоятельно общества; ходили слухи о таіныхъ организаціяхъ, какихъ въ дѣйствительности не было (кавказская, напр.), и существующимъ приписывали несоотвѣтствующіе размѣры. Для многихъ лицъ одна возможность упрека въ подпольной бездѣятельности была побужденіемъ къ энергичной работѣ. Тайныя общества этой поры являются продуктомъ очень сложныхъ вліяній и взаимодѣйствій. Явленія русской жизни здѣсь переплетались съ вліяніями событій Западной Европы, которая превратилась для русскаго войска на многіе годы не только въ мѣсто „постоя“, но и въ подготовительную школу политическаго міросозерцанія. Послѣднее обстоятельство и сами члены тайныхъ обществъ считали важнѣйшимъ условіемъ развитія революціоннаго міросозерцанія въ Россіи. Въ мемуарахъ декабристовъ и въ

ихъ показаніяхъ передъ слѣдственнымъ Комитетомъ разсѣяны заявленія объ этомъ. А. А. Бестужевъ (Марлинскій) писалъ Николаю I изъ крѣпости: „Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то русскій народъ впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: „свобода, освобожденіе“. Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона... Войско отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ (изъ Зап. Европы), только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ“.. Этого мало,—нужно не забывать бурныхъ событій Западной Европы того времени, чтобъ представить себѣ неотразимость ихъ впечатлѣній даже на неподготовленнаго зрителя. „Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ и предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, — писалъ Пестель слѣдственному Комитету, — показали столько престоловъ низверженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія знакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать“ (fait bouillir les esprits).

Клокотаніе это поддерживалось не одними впечатлѣніями отъ событій Западной Европы, но и серьезной книгой, которой сталъ удѣлять вниманіе русскій офицеръ.

По словамъ бар. Розена, въ это время „между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученіями, картами и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ становились рѣже, и вмѣсто нихъ все чаще слышались сужденія о политической экономіи Сэя, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто неугасимой трубки вытѣснила на нѣсколько часовъ въ день книга и перо, — и вмѣсто билета въ театръ стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотекъ“. Не говоря уже о произведеніяхъ такихъ западныхъ писателей, какъ Адамъ Смитъ, Монтескьё, Дэтю де-Траси, на которыхъ ссылались декабристы, какъ на своихъ руководителей въ области политическаго мышленія, русская литература этого времени давала пищу взволнованнымъ умамъ и своими выпадами, чаще всего аллегорическими, производила сильное впечатлѣніе на умы. Въ этомъ отношеніи характерно свидѣтельство современниковъ, что даже

тотъ томъ Карамзина, гдѣ исторіографъ обрушился на чудовищнаго тирана XVI в., Ивана Грознаго, производилъ сенсацію въ усердныхъ читателяхъ, усмотрѣвшихъ въ энергическихъ выраженіяхъ „исторіографа“ выпады противъ современности, вопреки сознательнымъ намѣреніямъ автора.

Мы не будемъ останавливаться на томъ громовомъ впечатлѣніи, которое произвели на читающую публику стихотворенія Рылѣева „Къ временщику“ или Пушкина „Вольность“...

Впрочемъ, и заграничныя впечатлѣнія, и политическая литература, развивавшія политическій кругозоръ русскаго общества, не могли бы подвинуть его на революціонныя выступленія, еслибы въ самой русской жизни не было явленій, остро отражавшихся въ сознаніи чуткихъ людей.

П. И. Пестель.

Русская политическая и общественная жизнь не только не выдерживала сравненія съ видѣннымъ на Западѣ, но, казалось, шла назадъ даже отъ того состоянія, которое было осуждено самимъ Александромъ, какъ форма народной жизни, не отвѣчающая духу времени. Всѣмъ извѣстны были либеральные взгляды Александра, высказываемые имъ и въ частныхъ разговорахъ, и въ актахъ общеевропейской важности, и въ рѣчи, при введеніи конституціи въ Польшѣ.

Въ этой рѣчи, называя „законносвободныя учрежденія“ „предметомъ непрестанныхъ своихъ помышленій“, Александръ I выражалъ надежду „распространить (ихъ) и на всѣ страны“...

Напрасно ожидало русское общество „законно-свободныхъ учрежденій“, вмѣсто которыхъ получило Аракчеева съ всесильнымъ произволомъ этого тупого временщика. Несоотвѣтствіе подаваемыхъ съ трона надеждъ съ тяжелою дѣйствительностью ярко выражено въ письмѣ декабриста П. Каховскаго къ Николаю I изъ крѣпости. „Императоръ Александръ,—читаемъ мы,—много нанесъ намъ бѣдствій... Не имъ ли раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы

и не имъ ли она была послѣ такъ жестоко удавлена не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ! Онъ помогъ Фердинанду задавить законныя права народа Испаніи и не предвидѣлъ зла, тѣмъ причиненнаго всѣмъ тронамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ голосъ воскликнула: нѣтъ договора съ царями!.. Въ войну съ Наполеономъ что цари не обѣщали, и кто же изъ нихъ что исполнилъ?.. Кончилась война, мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ, съ нетерпѣніемъ ждали закона „постановительнаго“ и преобразованія судопроизводства нашего, и что же? Черезъ 12 лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ... Покойный императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска. Мѣстное начальство старалось представить Его Величеству все въ лучшемъ видѣ, чѣмъ есть оно на самомъ дѣлѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора императора. Были частныя лица за притворное привѣтствіе награждаемы, а несчастный народъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ Его Величество, разорялся тяжкими земскими повинностями. И общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли,—что составятъ для насъ штыки внутри государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ“.

„Что винить министровъ? Они что значатъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный совѣтъ — игрушка! Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаются. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть Сената. Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества. Мы не можемъ страшиться внѣшнихъ враговъ, но у насъ внутренніе враги терзаютъ государство: отсутствіе закона, справедливости, убытокъ торговли, тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность...“

Безпристрастная оцѣнка фактовъ оправдываетъ дышащій искренностью тонъ приведенной цитаты. Безпорядокъ и гнетъ управленія, игнорированіе поставленныхъ жизнью важныхъ вопросовъ въ области соціальныхъ (крѣпостное право) и государственныхъ (реформа управленія) отношеніи достаточно выяснены выше въ соотвѣтственныхъ статьяхъ по эпохѣ Александра I.

Мы здѣсь остановимся на той только сторонѣ управленія, которая содѣйствовала развитію именно въ арміи революціоннаго духа, подготовившаго и дѣятелей для тайныхъ обществъ и окрылившаго ихъ надеждой на переворотъ при содѣйствіи рядовыхъ войскъ. Всѣмъ извѣстны ужасы военныхъ поселеній, въ которыхъ Александръ I видѣлъ панацею немощей русскаго

народа: „Надѣемся,—писалъ онъ въ 1814 г.,—что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привести въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства“. Предполагалось, что отъ введенія военныхъ поселеній сократятся рекрутскіе наборы и уменьшится расходъ на содержаніе войска [1]). Сопротивленіе населенія и кровавая расправа съ упорствующими взволновали общество. По словамъ кн. Трубецкого, „жестокія мѣры, употребленныя противъ жителей мирныхъ селеній, при которыхъ хотѣли сдѣлать военныхъ поселенцевъ, возбудили всеобщее негодованіе. Исполнители, гр. Аракчеевъ и Виттъ, сдѣлались предметомъ всеобщаго омерзѣнія, и имя самого императора не осталось безъ нареканія“. Самый режимъ военныхъ поселеній, которому было подчинено почти полумилліонное населеніе, былъ возмутителенъ.

С. П. Муравьевъ-Апостолъ.

Немудрено, что декабристы разсчитывали на военныя поселенія, какъ естественную базу отступленія, въ случаѣ неудачи въ центрѣ.

И въ регулярныхъ прославленныхъ на весь міръ войскахъ дѣла обстояли далеко не гладко.

Военная муштра выѣла „душу живу“ изъ арміи. Генералъ Сабанѣевъ писалъ извѣстному Киселеву: „Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другого разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало, вездѣ пѣсни, вездѣ веселье, теперь нигдѣ его не услышишь, вездѣ цыцъ-гаузы, и цѣлая армія состоитъ изъ учебныхъ командъ. Чему же учатъ?—Учебному шагу, стойкѣ и проч. Не совѣстно ли старика, котораго ноги исходили десятки тысячъ верстъ, котораго тѣло покрыто ранами, учить наравнѣ съ

---

[1]) В. И. Семевскій. „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, 170 стр.

рекрутомъ, который, конечно, въ короткое время сдѣлается его учителемъ?“ Возмутительными казалпсь для всѣхъ мыслящихъ людей тѣлесныя наказанія, примѣнявшіяся къ славнымъ въ Европѣ солдатамъ, безсмысленно и очень часто съ виртуозною жестокостью. Очень распространенною была пѣсенка, въ которой „служивый“ описывалъ „жизнь солдатскую“: „Я отечеству защита, а спина всегда избита. Я отечеству ограда, въ тычкахъ, въ пинкахъ вся награда. Кто солдата больше бьетъ, и чины тотъ достаетъ“. Даже знаменитые гвардейскіе полки Петра В., измѣнившіе свой рядовой составъ, но не утратившіе еще своихъ старыхъ боевыхъ традицій, не избавились отъ позорной палки. Назначенный командиромъ Семеновскаго полка, полковникъ Шварцъ возмутилъ своимъ обращеніемъ съ гвардейцами не только рядовыхъ, но и офицеровъ. „По показанію ротнаго командира Левенберга, Шварцъ ударилъ одного рядового такъ, что онъ „изъ передней шеренги очутился въ задней“ за то, что тотъ „невесело смотрѣлъ“; другого за то, что онъ „дурно держался“, ударилъ колѣномъ въ животъ; одинъ рядовой, по приказанію Шварца, былъ наказанъ въ дворцовомъ манежѣ фухтелями (тесаками плашмя) за то, что кашлялъ во фронтѣ... Солдаты жаловались, что „Шварцъ приказывалъ одному плевать другому въ лицо: одной шеренгѣ другую бить по щекамъ, самъ щупалъ за губы подъ носомъ тѣхъ“, у которыхъ усы, за неимѣніемъ натуральныхъ, не регулярно нарисованы были, раззувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ, поправляя ноги шомполомъ, дабы имѣть себѣ новомодную похвалу маршированья, увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки талій“ [1]).

Немудрено, что полкъ не выдержалъ и взбунтовался, вызвавши сочувствіе въ другихъ войскахъ. Бунтъ не перешелъ въ возстаніе только благодаря его стихійности и неорганизованности. Несмотря на чрезвычайное благородство поведенія семеновцевъ во время бунта, вызвавшее слезы у старыхъ воякъ, и на несомнѣнную виновность начальствующихъ лицъ, расправа съ полкомъ была суровою. Полкъ, послѣ экзекуціи наиболѣе виновныхъ, рѣшено было по резолюціи Александра I раскассировать по корпусамъ Оренбургскому, Сибирскому и Кавказскому. Уже современники понимали недальновидность этой мѣры. Вел. кн. Константинъ Павловичъ упрекалъ Александра въ томъ, что „не кто иной, какъ онъ самъ заразилъ армію, разославъ въ ея нѣдра семеновцевъ, и что это распространитъ заразу повсюду“. Опасенія основательныя. Въ числѣ видныхъ декабристовъ были офицеры Семеновскаго полка. Достаточно назвать Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. Кромѣ того, на рядовыхъ семеновцевъ члены тайнаго общества смотрѣли, какъ на подготовленныхъ агитаторовъ въ средѣ тѣхъ полковъ,

---

[1]) Семевскій, Op. cit. 136 стр.

между которыми ихъ распылили. Члены тайныхъ обществъ не имѣли вліянія на бунтъ Семеновскаго полка, зато послѣдствія бунта послужили однимъ изъ толчковъ въ развитіи тайныхъ обществъ.

Вотъ тѣ общія условія, которыя давали толчки и содержаніе развитію тайныхъ обществъ въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ.

II.

То общество, которое выступило 14 дек. 1825 г. съ оружіемъ въ рукахъ съ цѣлью политическаго и соціальнаго переворота, пережило сложную эволюцію, прошло чрезъ рядъ преобразованій, то распадаясь, то сливаясь съ параллельно возникшими обществами и на всемъ протяженіи своей девятилѣтней дѣятельности такъ мѣняло свою физіономію и составъ, что немыслимо въ краткомъ очеркѣ останавливаться на всѣхъ этапахъ его развитія.

Кн. С. П. Трубецкой.

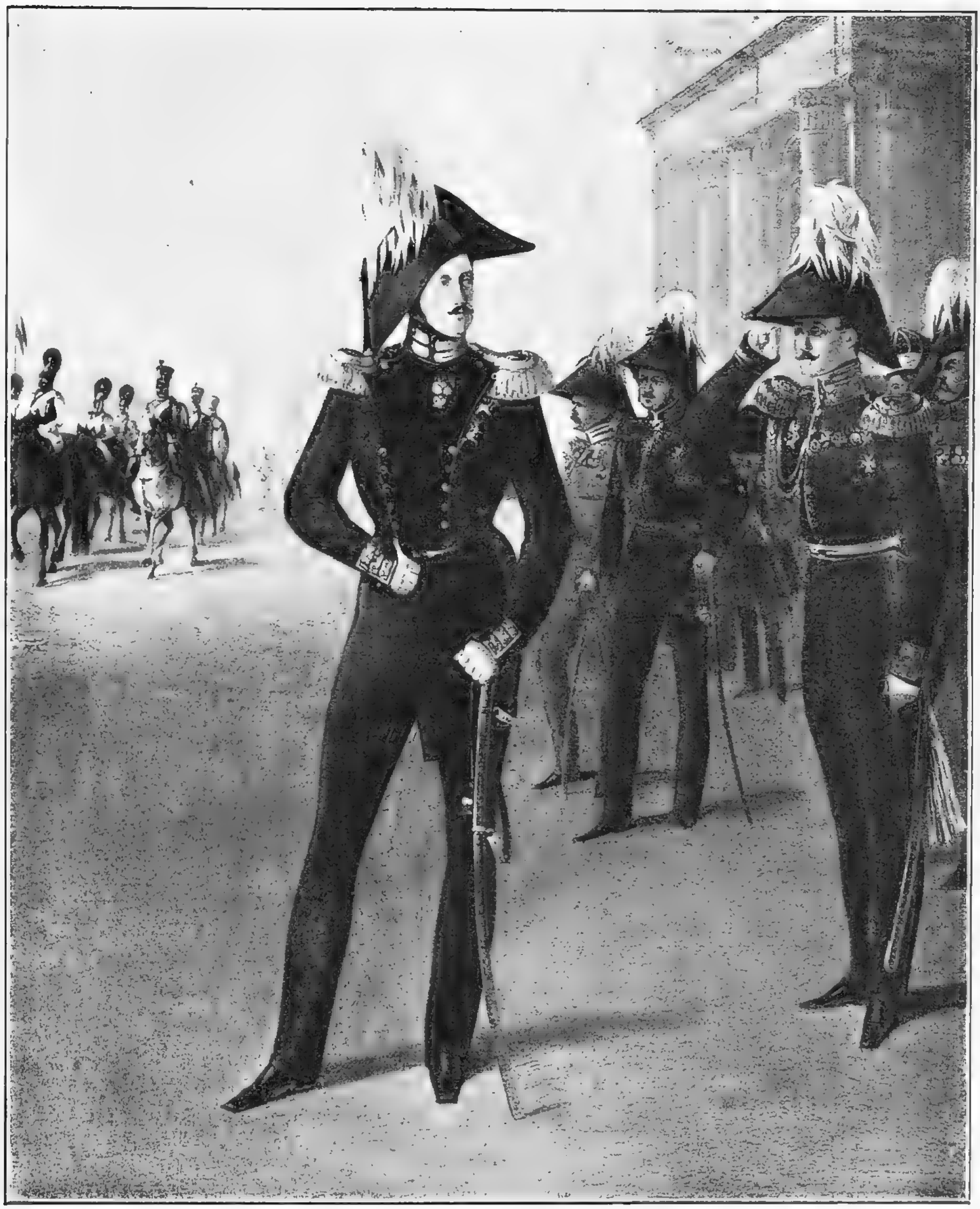
Возникновеніе этого общества возводятъ къ 1816 г., когда возвратившіяся изъ Зап. Европы войска посмотрѣли на русскую дѣйствительность сознательно открытымъ взоромъ. Офицеры Семеновскаго полка, сжившіеся въ походной жизни, и по возвращеніи въ отечественныя казармы устроили на товарищескихъ началахъ нѣчто въ родѣ паевой артели для общихъ обѣдовъ и времяпрепровожденія за шахматами, чтеніемъ газетъ и въ спорахъ на злободневные вопросы. „Тутъ разбирались,—скажемъ словами декабриста Якушкина,—главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ была каторга, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще“.

Въ этой обстановкѣ и средѣ и зародилась въ головѣ Александра Муравьева мысль объ организаціи тайнаго общества въ цѣляхъ „всѣми силами трудиться для блага Россіи“. Отстраненіе иноземцевъ, разоблаченіе злоупотребленій въ управленіи, освобожденіе крестьянъ и въ конечной стадіи—введеніе конституціоннаго строя въ Россіи—вотъ объемъ стремленій этого общества. Соотвѣтственно цѣли было и названіе общества: „Союзъ Спасенія“. Учредителями были, кромѣ инпціатора, Никита Муравьевъ, кн. Сергѣй Трубецкой, затѣмъ присоединились М. и С. Муравьевы-Апостолы и Якушкинъ. Вербовка членовъ пошла успѣшно, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ среди передового гвардейскаго и кавалергардскаго офицерства. Впрочемъ, перешедшій въ Москву Якушкинъ съ принятымъ имъ фонъ-Визинымъ составили какъ бы отвѣтвленіе въ Москвѣ, куда потомъ были переведены и другіе петербургскіе члены „союза“ (М. Муравьевъ и П. Колошинъ). Пестель, въ качествѣ адъютанта при штабѣ южной арміи, и Бурцевъ занесли сѣмена „союза“ въ Тульчинъ, сыгравшій видную роль въ исторіи декабристовъ. Впрочемъ, этому физическому росту и географическому распространенію не отвѣчала внутренняя дѣятельность „Союза“. Составленный Пестелемъ уставъ „Союза“ носилъ на себѣ печать масонскихъ ложъ съ многостепенными клятвами, обрядностью и даже пресловутымъ ядомъ и кинжаломъ для нарушителей клятвъ. Этотъ уставъ, какъ и духъ общества, вызывали расколъ въ средѣ членовъ его. Даже по признанію слѣдственной Комиссіи, „общество не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга: иные находили неопредѣленность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе не иначе соглашались (вступить въ союзъ), какъ съ тѣмъ, чтобы общество ограничилось медленными дѣйствіями на мнѣнія, чтобы уставъ онаго, основанный на клятвахъ, правилахъ слѣпого повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала, яда, былъ отмѣненъ и вмѣсто онаго принятъ другой“ [1]). На почвѣ этихъ и подобныхъ разногласій общество едва не распалось, когда въ 1818 г. члены его собрались въ Москву по случаю пребыванія тамъ гвардіи, при торжественной закладкѣ Храма Спасителя. Распадъ былъ предотвращенъ предложеніемъ принять новый уставъ, заимствованный съ нѣкоторыми измѣненіями изъ устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели, который, будучи утвержденъ прусскимъ королемъ, больше нашумѣлъ о себѣ, чѣмъ оказалъ дѣйствительное вліяніе на подъемъ національныхъ силъ Германіи въ ея борьбѣ съ Наполеономъ.

Преобразовавшееся на основахъ этого устава общество подъ новымъ названіемъ „Союзъ Благоденствія“ ставило своею цѣлью слѣдующія отрасли практической дѣятельности: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) право-

---

[1]) Декабристы (дѣло ихъ). Изд. Саблина. М. 1906 г. 11 стр.



Императоръ Николай I-й и кн. Лобановъ-Ростовскій.

Ладюрнеръ. Музей Александра III.

Photography

судіе, 4) общественное хозяйство. Желая оградить общество отъ преслѣдованій, составители ввели §, которымъ „вступленіе въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ союза воспрещаются, ибо оно, дѣйствуя къ благу Россіи и, слѣдовательно, къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣніямъ“. Но это была, такъ сказать, показная часть устава Союза Благоденствія для привлеченія членовъ и отвода глазъ правительства. Предполагалась вторая часть—для основателей и руководителей Союза (членовъ Коренного союза, какъ онъ назывался въ уставѣ). Слѣдственный Комитетъ утверждаетъ, что эта часть „не была сочинена или, по крайней мѣрѣ, не была одобрена Кореннымъ союзомъ“, но объ оной упоминали, и, быть-можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство когда-нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія основателей общества“. Семеновъ показывалъ, что эти намѣренія недолго хранились втайнѣ: „сначала знали только главные, а впослѣдствіи проникли и другіе члены, что цѣлью союза было измѣненіе Государственныхъ установленій; признавали равно нужнымъ усиливать общество (для обѣихъ цѣлей), распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніями публики“. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ докладъ Слѣд. Комитета, члены общества „не строго и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными“. Это зависѣло прежде всего отъ слишкомъ общихъ опредѣленій задачъ дѣятельности Союза. Что, напр., нужно было понимать подъ „человѣколюбіемъ?“ Вѣдь въ это опредѣленіе можно было вложить простую подачу милостыни рядомъ съ отмѣной крѣпостного права, съ реформою военнаго режима и т. д. Дѣятельность В. Ѳ. Раевскаго на югѣ показала, что и въ задачу „образованія“ можно было вложить довольно неожиданное содержаніе. Въ качествѣ преподавателя Ланкастерской школы въ Кишиневѣ онъ въ прописяхъ помѣщалъ слова: „свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо“, разъясняя эти слова юнкерамъ на урокахъ приблизительно въ такомъ духѣ: „Квирога, будучи полковникомъ, сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію, и когда въѣзжалъ въ городъ, то самыя значительныя дамы и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во Французской революціи и писалъ много противъ государя, и что конституціонное правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего, монархическаго... хотя и называется монархическимъ, но управляется деспотизмомъ“...

Если уставъ по самой широтѣ своихъ задачъ позволилъ вкладывать въ него самое неожиданное содержаніе, въ мѣру темперамента и настроеній, то, съ другой стороны, самая организація общества содѣйствовала индивидуализаціи дѣятельности его частей, внѣ согласованія ихъ съ общимъ направленіемъ Союза. Дѣло въ томъ, что по уставу члены Коренного союза могли заводить самостоятельныя отдѣленія (Управы), которыя, достигши

10 чл., получали, въ свою очередь, право заводить зависѣвшія отъ нихъ *побочныя Управы,* становившіяся независимыми при составѣ въ 10 членовъ. Это и было главною причиною болѣе или менѣе серьезныхъ расхожденій между такими, напр., управами, какъ Петербургскія, съ одной стороны, и Тульчинская съ Васильковскою — съ другой. Не спасали отъ подобнаго разномыслія въ средѣ общества и общія собранія руководителей Управы. По словамъ Пестеля, „вообще въ союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйствіи и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ: весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ; поэтому нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ бы, избралъ. Сіе болѣе всего зависѣло отъ обстоятельствъ“ [1]). Важнымъ моментомъ въ исторіи Союза Благоденствія были собранія членовъ союза въ 1820 г. Въ это время пріѣхалъ изъ Тульчина въ Петербургъ Пестель, самый энергичный и талантливый членъ тайнаго общества. Его содѣйствію обязанъ былъ Союзъ Спасенія своей программой и оживленной пропагандой; отъѣздъ Пестеля въ Тульчинъ былъ временемъ замиранія жизни Союза и преобразованія его въ Союзъ Благоденствія, съ замѣной Пестелевскаго устава сколкомъ съ устава Тугендъ-Бунда. Въ Тульчинѣ Пестель въ качествѣ члена Союза Благоденствія проводитъ свою революціонную программу, имѣющую мало общаго съ официальной частью устава — достигать общаго блага „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія путемъ распространенія просвѣщенія, благотворительности и нравственности“. Пестелю пришлось здѣсь столкнуться съ полковникомъ Бурцевымъ, который былъ ортодоксальнымъ членомъ Союза Благоденствія. Объ этомъ столкновеніи Бурцевъ разсказываетъ: „Пестель сначала поддѣлывался къ моему мнѣнію, но впослѣдствіи началъ противъ онаго возставать, къ чему склонялъ и своихъ пріятелей какъ насмѣшками, такъ и убѣжденіями. Онъ утверждалъ, что для образованія нравовъ нужны вѣка, но что подлежитъ исправить правленіе, отъ коего уже и нравы исправятся“. Съ такими мыслями Пестель явился въ Петербургъ и произвелъ въ настроеніи Петербургскихъ членовъ Союза и въ направленіи самого общества сдвигъ въ сторону революціоннаго мышленія. Этотъ знаменательный моментъ въ жизни общества въ „Докладѣ“ слѣдственнаго Комитета изображается такъ: „Въ началѣ 1820 г. было въ Санктъ-Петербургѣ собраніе Коренной Думы, которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную. Въ семъ собраніи Пестель по предложенію исправлявшаго должность блюстителя исчислялъ выгоды и невыгоды правленія монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ,—утверждаетъ Пестель,—

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій. „Пестель предъ Верх. Уг. Судомъ“, 33 стр.

объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе (между прочимъ, Н. Тургеневъ, слѣдующими словами: un president sans phrase), кромѣ одного полковника Глинки (хозяина квартиры), который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Это заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ онъ,—республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими. Но эти показанія Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказанное происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствующихъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ этого рода и къ объявленію какого-нибудь рѣшительнаго мнѣнія... Вскорѣ послѣ вышеописаннаго, — совѣщанія или разговора, читаемъ мы дальше въ „Докладѣ“,— нѣкоторые изъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель, и, продолжая прежнія разсужденія, одинъ подалъ мысль о *покушеніи на жизнь императора* Александра; Никита Муравьевъ утверждаетъ, что, кромѣ его и Пестеля, всѣ бывшіе съ ними члены отвергли это предложеніе, какъ преступное, доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства былп бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія; Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены *учрежденіемъ временнаго Правленія* изъ принадлежащихъ къ ихъ тайному обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ; но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ“. Даже если и не согласиться съ показаніями Пестеля объ обязательности рѣшеній Общества по названнымъ вопросамъ, что онъ могъ утверждать въ оправданіе своей даль-

П. Г. Каховскій.

нѣйшей дѣятельности, и то остается важное значеніе за собраніями Общества 1820 г. Мысль о республикѣ и цареубійствѣ, какъ средствѣ достиженія, а также идея временнаго правленія во избѣжаніе анархіи послѣ переговоровъ становится теперь достояніемъ не одного только Пестеля и его тульчинскихъ единомышленниковъ, а входитъ въ сферу сужденій всѣхъ членовъ Союза Благоденствія, по крайней мѣрѣ, участвовавшихъ на этихъ собраніяхъ. Впрочемъ, непосредственное значеніе эти собранія Общества имѣли только на дѣятельность Пестеля въ Тульчинѣ, гдѣ онъ, опираясь на рѣшеніе собранія въ Петербургѣ, сталъ энергичнѣе проводить свою революціонную республиканскую программу, организовалъ Тульчинскую Думу, согласно уставу, съ регулярными засѣданіями и расширилъ число членовъ Общества. Зато другія управы почти бездѣйствовали. „Союзъ Благоденствія, — пишетъ Якушкинъ, — казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 января 1821 г. пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина, чтобъ они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣло тайнаго Общества и пріискали средство для большей его дѣятельности“. Но вмѣсто пріисканія средствъ оживленія, съѣздъ постановилъ закрыть общество отчасти въ виду извѣстій, что общество открыто и полиція слѣдитъ за членами, отчасти вслѣдствіе неудовольствія нѣкоторыхъ членовъ радикальными теченіями среди Общества и, наконецъ, изъ желанія очистить Общество отъ ненадежныхъ членовъ. Пестель, не могшій присутствовать на этомъ ликвидаціонномъ собраніи, не призналъ Общество закрытымъ въ виду неуполномоченности депутатовъ, посланныхъ для преобразованія, а не для закрытія, и рѣшилъ продолжать свою дѣятельность самостоятельно; также поступили и нѣкоторые изъ членовъ Петербургской думы (Н. Муравьевъ, кн. Оболенскій и Н. Тургеневъ), и, такимъ образомъ, образовалось два тайныхъ Общества — Сѣверное въ Петербургѣ и Южное въ Тульчинѣ съ ихъ развѣтвленіями. Этотъ распадъ, подготовленный отчасти уже давнишнимъ расколомъ въ направленіяхъ разныхъ частей Союза, теперь содѣйствовалъ еще большему расхожденію ихъ въ смыслѣ программы, характера дѣятельности и настроенія, хотя взаимодѣйствіе между этими двумя Обществами, какъ увидимъ, почти не прекращалось.

III.

Южное общество, распадавшееся на три управы, Каменскую, Васильковскую и Тульчинскую, сорганизовалось по типу Союза Спасенія. Въ немъ различались три степени членовъ: бояре (основатели), мужья и братья, а сочувствующіе, но еще не принятые, именовались друзьями. Во главѣ всего Общества стояла директорія, сначала изъ двухъ лицъ (Пестеля и Юшин-

скаго), къ которымъ потомъ былъ присоединенъ пылкій и энергичный руководитель Васильковской Управы, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. По словамъ Матвѣя Муравьева-Апостола, „принятые члены должны были только стараться принимать другихъ; весь же трудъ умственный ввѣренъ былъ директоріату“, вѣрнѣе сказать — Пестелю, который, по словамъ декабристовъ, „получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ Обществѣ“, потому что былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. „Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія“ (Басаргинъ). Съ политическимъ міросозерцаніемъ этого человѣка лучше всего знакомитъ писанная имъ въ теченіе 10 лѣтъ, но еще далеко не законченная „Русская Правда“, на которую Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ при введеніи обновленнаго строя въ Россіи.

Въ первой главѣ этого труда [1]) „О земельномъ пространствѣ государства“, Пестель высказывается „за единую и нераздѣльную Россію“ съ сильною централизаціей и даже обрусительными тенденціями по отношенію къ инородцамъ. Федеративный строй онъ считаетъ гибельнымъ для Россіи. Только Польша, по его мнѣнію, должна получить полную независимость.

Лучшимъ цементомъ для созданія „крѣпкой и истинно-тѣсной политической связи“ народовъ Россіи Пестель считаетъ „одинаковые“ на всемъ пространствѣ государства „гражданскіе законы“, такъ какъ они „болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ оного одинаковаго оттѣнка нравственности“. Касаясь соціальнаго вопроса, Пестель высказывается за отмѣну всѣхъ сословныхъ правъ и привилегій: 1) за уничтоженіе „рабства и крѣпостного состоянія“, а равно и майоратовъ; 2) дворяне должны платить подати и нести воинскую повинность наравнѣ съ другими сословіями и подвергаться за преступленія общимъ для всѣхъ наказаніямъ. Всѣ сословія уничтожаются, и члены ихъ приписываются къ волостямъ. Важное вниманіе удѣляетъ Пестель и аграрному вопросу. Земли каждой волости распадаются на двѣ половины: 1) общественная половина должна служить „для доставленія необходимаго всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго; 2) частная половина, принадлежащая казнѣ и частнымъ лицамъ, должна составлять полную ихъ собственность“. Въ отношеніи религіи Пестель признаетъ православіе господствующимъ въ Россіи вѣроисповѣданіемъ: „всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ россійскимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка“. Главы, касавшіяся гражданскаго, экономическаго, военнаго и политиче-

---

[1]) П. И. Пестель. Русская Правда. Наказъ временному Верх. Правленію. Книгоизд. „Культура“.

скаго строя Россіи, Пестелемъ не были закончены. По признанію Пестеля, онъ имѣлъ намѣреніе написать главу о верховной власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, потому что „нельзя было никакъ удостовѣрптельно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ бы, избралъ“. Но самъ Пестель, какъ доподлинно извѣстно, стоялъ за республиканское устройство Россіи, достигнуть котораго онъ надѣялся путемъ истребленія государя и всей династіи и установленія временнаго правительства, обязаннаго постепенно вводить конституцію въ духѣ „Русской Правды“. Мы остановились на существенныхъ сторонахъ содержанія „Русской Правды“ и революціонныхъ мнѣній Пестеля потому, что идеи его, послѣ обсужденія ихъ въ собраніяхъ членовъ, стали программою Южнаго Общества. Сильную оппозицію встрѣтилъ Пестель со стороны Сергѣя Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина по вопросу объ истребленіи династіи. Муравьевъ соглашался на цареубійство, но уничтоженіе всей царской фамиліи считалъ излишнимъ. Но на собраніи 1823 г. въ Каменкѣ Пестелю удалось добиться признанія своего предложенія за рѣшеніе Общества. Не было согласія между Пестелемъ и Сергѣемъ Муравьевымъ и по вопросу о способахъ революціоннаго выступленія. Пестель не спѣшилъ. Онъ настаивалъ на медленной и всесторонней разработкѣ конституціи и деталей выступленія. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ кипѣли нетерпѣніемъ и стремились использовать первый удобный случай для захвата Александра I, чтобы заставить его дать конституцію. Два раза рѣшили они воспользоваться смотромъ государя (въ Бобруйскѣ и въ лагерѣ при Бѣлой Церкви), вопреки прямому неодобренію Пестеля, и только отмѣна смотра помѣшала имъ выполнить свой планъ на свой рискъ и страхъ. Въ третій разъ чуть не подняли они возстанія по случаю отнятія у члена Общества, полковника Повало-Швейковскаго, его полка.

Въ 1823—1825 гг. Южное Общество развиваетъ особенно напряженную дѣятельность. Не ограничиваясь уясненіемъ общей программы и плана дѣйствій, вербовкою новыхъ членовъ и пропагандою революціонныхъ идей среди войскъ, руководители Общества стремятся установить связи съ самостоятельно возникшими тайными обществами. Въ 1823 г. члены Южнаго Общества узнаютъ о существованіи Польскаго Тайнаго Общества, образовавшагося въ 1821 г. съ цѣлью возстановленія свободы и независимости Польши. Южное Общество вошло въ сношенія съ польской организаціей, и хотя формальный договоръ между ними и не былъ заключенъ, но принципіальныя условія союза были выработаны и состояли въ признаніи со стороны русскаго Общества независимости Польши, съ возвращеніемъ ей польскихъ губерній съ русскимъ населеніемъ, „что справедливо и возможно будетъ“. За это Польское Общество обязывалось начать возстаніе вмѣстѣ съ Русскимъ, задержать членовъ царской фамиліи, которые будутъ въ Польшѣ, и поступить съ ними

такъ, какъ русскіе поступятъ съ захваченными въ Россіи, препятствовать Литовскому корпусу, въ случаѣ его попытки выступить противъ возставшихъ. Впрочемъ, въ этихъ переговорахъ уполномоченные больше выпытывали другъ у друга о силахъ Обществъ, относясь съ замѣтнымъ недовѣріемъ другъ къ другу. Гораздо важнѣе были для Южнаго Общества встрѣча и сліяніе его съ Обществомъ Соединенныхъ Славянъ, возникшимъ въ 1823—1824 гг., главнымъ образомъ, среди армейскихъ офицеровъ (Пензенскаго полка и конныхъ ротъ гренадерской бригады). „Настоящая цѣль Общества, — по словамъ члена его, Кирѣева, — было уничтоженіе существующей власти и введеніе народнаго образа правленія“. Болѣе отдаленной цѣлью Общество это ставило себѣ образованіе федеративнаго союза изъ всѣхъ славянскихъ племенъ путемъ предварительной борьбы за ихъ освобожденіе и уничтоженія раздѣляющей ихъ вражды. „Не желай имѣть раба, когда самъ рабомъ быть не хочешь, — говорилось, между прочимъ, въ правилахъ Соединенныхъ Славянъ. — Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь четыре флота—Черный, Бѣлый, Далмацкій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ, и въ немъ богиню просвѣщенія... Оттуда будешь получать для себя правосудіе, и ему повиноваться обязанъ“... Бестужевъ-Рюминъ вмѣстѣ съ Пестелемъ привели это немногочисленное, но состоявшее изъ энтузіастовъ Общество въ соединеніе съ своимъ. „Славяне“ прониклись мыслью о цареубійствѣ и готовы были приступить къ ея осуществленію по первому призыву вождей Южнаго Общества. Между прочимъ, „Соединенные Славяне“ оказались дѣятельными пропагандистами революціонныхъ идей среди солдатъ. По совѣту члена Спиридова, заговорщики должны были „стараться войти въ довѣренность нижнихъ членовъ и возбуждать ихъ къ ненависти на начальство, осуждая его строгости и муку, которую терпѣливо сносятъ отъ нихъ нижніе чины“.

Южное Общество оказало важное вліяніе и на жизнь и дѣятельность Сѣвернаго Общества, которое вначалѣ почти бездѣйствовало.

Во главѣ этого Общества стоялъ первое время Никита Муравьевъ, человѣкъ умѣренныхъ политическихъ взглядовъ, больше академистъ-теоретикъ въ политикѣ, чѣмъ революціонный дѣятель. Составленный имъ проектъ конституціи не былъ принятъ Сѣвернымъ Обществомъ, хотя служилъ предметомъ частыхъ обсужденій его членовъ и возраженій Пестеля. По мнѣнію Н. Муравьева, наиболѣе отвѣчающимъ условіямъ жизни Россіи политическимъ строемъ была бы конституціонная монархія, федеральнаго характера. „Федеральное или союзное правленіе одно разрѣшило бы задачу — согласить величіе народа и свободу гражданъ“. „Источникомъ верховной власти есть народъ... Свободный и независимый, который не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства“. Власть императора, наслѣдственная въ мужской линіи, ограничивается въ законодательствѣ только правомъ veto

которое не имѣетъ силы послѣ вторичнаго принятія законопроекта $^2/_3$ голосовъ думы и палаты представителей, этихъ двухъ органовъ представительнаго правленія.

„Всѣ русскіе равны передъ закономъ“ — „крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются“. Но участіе въ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ органахъ самоуправленія ограничивается чрезвычайно высокимъ цензомъ. Въ управленіи проводятся строгое раздѣленіе властей и отвѣтственность министровъ предъ народными представителями. Федеральный характеръ и высокій цензъ вызывали главныя возраженія оппонентовъ Н. Муравьева. Его болѣе академическій, чѣмъ революціонный образъ дѣйствій вызывалъ неудовольствіе даже у членовъ Сѣвернаго Общества. „Муравьевъ ищетъ все толкователей Бентама, а намъ дѣйствовать не перьями“, роптали недовольные. Въ результатѣ на помощь Н. Муравьеву были избраны въ содиректоры Сѣв. Общества кн. Сергѣй Трубецкой и кн. Евг. Оболенскій.

Директоры избирались по уставу думою, состоявшею изъ членовъ учредителей и неопредѣленнаго числа кооптированныхъ „убѣжденныхъ“ членовъ. Остальные члены Общества составляли разрядъ „согласныхъ“, управляемыхъ думою и директорами, дѣломъ которыхъ было „рубиться“, въ случаѣ надобности. Цѣлью своей дѣятельности члены Общества считали— „распространять понятіе о правахъ людей и современемъ возстановить ихъ въ Россіи“. „Занятія самой думы,—по словамъ кн. Оболенскаго,—были вообще незначительны. Оныя состояли болѣе въ бесѣдахъ о состояніи государства, о разныхъ пунктахъ будущей конституціи, предполагаемой ввести въ отечествѣ нашемъ. Совѣщаніе оживлялось при появленіи члена съ юга съ предложеніями о соединеніи“. Вообще югъ являлся для членовъ Сѣвернаго Общества непрерывнымъ возбудителемъ къ дѣятельности. Бестужевъ, кн. Барятинскій, кн. Волконскій, и особенно Поджіо и Матвѣй Муравьевъ были неотступными пропагаторами идеи соединенія обществъ и революціонно-республиканской программы Южнаго Общества.

Умѣренные въ своихъ взглядахъ на революціонную дѣятельность тайнаго общества, руководители Сѣвернаго Об-ва съ опасеніемъ смотрѣли на ростъ революціоннаго движенія на югѣ, называли безуміемъ готовившіяся тамъ выступленія и даже не прочь были оказать противодѣйствіе вліянію юга въ столичныхъ кругахъ.

Не удалось достигнуть соединенія Обществъ и самому Пестелю, который въ 1824 г. отправился въ Петербургъ для переговоровъ съ руководителями Сѣвернаго Общества. Вначалѣ онъ имѣлъ успѣхъ и достигъ было не только принятія Сѣвернымъ Обществомъ программы Южнаго, но и соединенія ихъ подъ общей диктатурой. Но два директора, С. Трубецкой и Н. Муравьевъ, всячески воспротивились этому рѣшенію. Они боялись Пестеля, не довѣряли ему, подозрѣвали его въ личныхъ видахъ, въ непомѣрномъ честолюбіи, и

Императоръ Николай I.

Λαμπρόπουλος Γιάνναρης Ι.

тѣмъ болѣе противились его вліянію, чѣмъ сильнѣе чувствовали его превосходство надъ собою. Отзывы ихъ о Пестелѣ во время слѣдствія говорятъ о враждебныхъ чувствахъ и соперничествѣ этихъ лицъ съ руководителемъ Южнаго Общества. Результаты переговоровъ Пестель резюмировалъ въ такихъ словахъ: „Такъ, Сѣверное и Южное Общества отдѣльны. Всѣ свѣдѣнія, которыя вы будете желать имѣть отъ Южнаго Общества, оно вамъ ихъ доставитъ, надѣясь, что съ вашей стороны то же сдѣлаете“. — „Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и предполагаетъ въ другомъ личные какіе виды; послѣдствіе окажетъ, что такихъ видовъ нѣтъ“, упрекнулъ Пестель на прощанье С. Трубецкого. Но недовѣріе это было столь велико, что переведшійся вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевъ кн. Трубецкой одной изъ своихъ миссій считалъ слѣдить за Пестелемъ и ослаблять его силу на югѣ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Дѣла Сѣвернаго Общества приняли болѣе рѣшительный оборотъ, когда, за отъѣздомъ С. Трубецкого и Н. Муравьева, въ составъ директоріи вошли, на ряду съ оставшимся кн. Оболенскимъ, Рылѣевъ и А. Бестужевъ (Марлинскій). Кн. Оболенскій одинъ изъ прежняго состава директоріи сочувственно отнесся къ планамъ Пестеля, о которомъ отзывался въ самомъ восторженномъ тонѣ, поддерживая его во время переговоровъ въ Петербургѣ. Но особое вліяніе на дѣла Общества пріобрѣтаетъ въ это время Рылѣевъ. Онъ былъ для Сѣвернаго Общества тѣмъ же, чѣмъ Пестель для Южнаго, при всей противоположности ихъ характеровъ. Говорятъ, что императоръ Николай I, ознакомившись съ дѣлами декабристовъ, сказалъ: „Пестель — воплощеніе всѣхъ пороковъ революціи, Рылѣевъ — добродѣтелей“. Холодная безстрастность и несокрушимая логика, при глубокой вѣрѣ въ правоту своихъ мнѣній, укладывавшихся въ его головѣ съ математическою послѣдовательностью, составляли основную черту характера Пестеля и дѣлали его непоколе-

бимымъ борцомъ за то дѣло, въ которое онъ увѣровалъ. Рылѣевъ подкупалъ больше искренностью своего чувства, обаятельностью своей нравственной природы и беззавѣтнымъ порывомъ, романтическимъ отношеніемъ къ тому, что онъ считалъ нравственною идеею своей жизни. „Рылѣевъ—человѣкъ весь въ воображеніи, — характеризовалъ его А. Бестужевъ,—но, кромѣ либерализма, составлявшаго, такъ сказать, точку его помѣшательства чистѣйшей нравственности, онъ вѣровалъ, что если человѣкъ дѣйствуетъ не для себя, а на пользу ближнихъ, и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, то, значитъ, само Провидѣніе имъ руководитъ... Онъ воспламенялъ всѣхъ своимъ воображеніемъ, подкрѣплялъ своею настойчивостью“. Пестель подавлялъ всѣхъ своими талантами, діалектикой, умомъ, но, можетъ-быть, по этому самому не могъ подчинить и привязать къ себѣ людей, заставить беззавѣтно ввѣриться себѣ. Вліяніе Рылѣева, какъ разъ наоборотъ, состояло въ умѣньи не столько убѣдить, сколько вдохновить и заставить слиться съ нимъ въ беззавѣтномъ порывѣ къ долгу и прекрасному. Вотъ портретъ Рылѣева, набросанный М. Бестужевымъ по впечатлѣнію отъ него наканунѣ возстанія 14 дек.: „Какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему—на любовь къ родинѣ—физіономія его оживлялась: черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало, не устоишь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ... его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ. Рылѣевъ подошелъ къ намъ (со словами): — миръ вамъ, люди дѣла, а не слова. Вы не бѣснуетесь, какъ Щепкинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло“. Никто не вспоминаетъ о Пестелѣ съ такой теплотой. Якушкинъ восхищается цѣльностью и силою его разума, добавляя, что Пестель „никогда и ничѣмъ не увлекался“. — Да и не увлекалъ, — добавимъ мы, — а заставлялъ себѣ подчиняться. „Помню, — разсказываетъ Давыдовъ: — объ одномъ собраніи у кн. Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ. Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ“. При встрѣчѣ Рылѣева съ Пестелемъ они во многомъ не сошлись, Рылѣевъ почувствовалъ въ Пестелѣ честолюбца, которому улыбается роль Наполеона: „Въ наше время,—будто бы сказалъ Рылѣевъ по поводу восхваленія Пестелемъ Наполеона, — даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“. Но эта встрѣча не прошла безслѣдно для Рылѣева: неустойчивый въ своихъ взглядахъ, не успѣвшій еще выработать себѣ яснаго воззрѣнія на цѣли

Общества, Рылѣевъ послѣ бесѣды съ Пестелемъ постепенно переходитъ отъ монархическаго конституціонализма Никиты Муравьева къ республиканской программѣ Пестеля съ его мыслью объ истребленіи царской фамиліи, объ устройствѣ временнаго правленія, увлекая при этомъ руководимыхъ имъ членовъ Сѣвернаго Общества на тотъ же путь. Въ лицѣ Якубовича и Каховскаго Рылѣевъ находитъ добровольныхъ исполнителей цареубійства, настолько рѣшительныхъ, что ему приходится пускать въ ходъ всю силу своего авторитета и личнаго вліянія, чтобы удержать ихъ отъ поспѣшнаго замысла. При этомъ въ своемъ простодушномъ довѣріи къ людямъ, Рылѣевъ не распозналъ неврастеничнаго фразера Якубовича, крайне двусмысленно поступившаго 14 декабря, отъ убѣжденнаго фанатика идеи Каховскаго, не измѣнившаго себѣ ни на іоту въ дѣлѣ 14 дек., какъ на допросѣ, въ письмахъ къ Николаю I и на плахѣ. Рылѣеву же удалось завести отдѣленіе Общества среди молодыхъ флотскихъ офицеровъ, восторженно воспринявшихъ идею „федеративной республики“ и уничтоженія династіи. Главными помощниками Рылѣева въ пропагандѣ во флотѣ были Завалишинъ и Арбузовъ. Общество моряковъ, состоявшихъ, главнымъ образомъ, изъ мичмановъ и лейтенантовъ, на дѣлѣ доказало 14 декабря свою рѣшительную приверженность революціи.

Возвращеніе изъ Кіева кн. С. Трубецкого съ вѣстями о чрезвычайныхъ успѣхахъ революціонной пропаганды въ войскахъ (о чемъ была рѣчь выше) и о готовности Южнаго Об-ва приступить къ дѣйствію, поставило Рылѣева въ необходимость подвести подсчетъ своимъ силамъ и приступить къ организаціи выступленія. Для приданія единства дѣйствія Сѣверному Обществу Рылѣевъ пришелъ къ мысли о необходимости диктатуры, которая и была вручена кн. С. Трубецкому. Крайняя безхарактерность Трубецкого и неустойчивость его въ своихъ воззрѣніяхъ помогали Рылѣеву руководить всѣми дѣлами, выдавать свои распоряженія за волю Верховной Думы и диктатора; но это же свойство Трубецкого было одною изъ причинъ неудачи выступленія 14 дек. Несмотря на оживленную дѣятельность Сѣвернаго Общества подъ руководствомъ Рылѣева, вопросъ о рѣшительномъ выступленіи былъ далекъ отъ разрѣшенія. Ал. Бестужевъ такъ рисуетъ положеніе дѣлъ Общества къ концу 1825 г.: „Рылѣевъ проговаривалъ, что надобно начинать въ маѣ или лѣтомъ, но какъ это были слова безъ основанія, я говорилъ: конечно, надобно, и строилъ свои частные планы въ полной увѣренности, что въ Обществѣ ничего быть не можетъ... Я ничего не видѣлъ вблизи... Совершенное мое недовѣріе къ средствамъ Общества, когда я увидѣлъ Верховную Думу, было причиною беззаботности моей насчетъ ея подробностей и моего невѣдѣнія о многихъ вещахъ“...

Въ такомъ положеніи находились дѣла тайныхъ обществъ, когда обстоятельства потребовали отъ нихъ приступить къ дѣйствію.

IV.

Такимъ обстоятельствомъ послужили неожиданная смерть императора Александра I и связанный съ нею вопросъ о престолонаслѣдіи. Послѣ бездѣтнаго Александра престолъ долженъ былъ перейти къ слѣдующему за нимъ брату Константину Павловичу. Но послѣдній отказался по разнымъ мотивамъ, и прежде всего, повидимому, обстоятельства смерти отца побудили его на это рѣшеніе. „Послѣ того, что случилось,— открыто говорилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ,—братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но еслибы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму“. Позже Константинъ говорилъ брату Михаилу: „Я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ мнѣ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю государя, чтобъ вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ, на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ; и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и, что еще болѣе, на полькѣ; слѣдственно, нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными“. Мотивы эти, по его же словамъ, вполнѣ были оцѣнены Александромъ и матерью императрицей. Послѣ формальнаго отреченія Константина былъ составленъ въ 1823 г. манифестъ, которымъ престолъ передавался Николаю Павловичу. Но по совершенно непонятной причинѣ манифестъ этотъ, измѣняющій основной законъ императора Павла о престолонаслѣдіи, рѣшено было держать въ строжайшей тайнѣ. Самый манифестъ былъ переданъ митроп. Филарету съ надписью на конвертѣ: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть прежде всякаго другого дѣйствія“. Таинственность была столь велика, что не сочли нужнымъ посвятить въ дѣло, какъ слѣдуетъ, самого наслѣдника престола, Николая Павловича, если не считать заобѣденнаго разговора въ 1819 г., когда Александръ сказалъ, обращаясь къ Николаю и его супругѣ, что онъ очень доволенъ успѣхами брата по службѣ, такъ какъ со временемъ на Николаѣ будетъ лежать большое бремя, какъ его замѣстителя (remplaçant). Мы сидѣли, говоритъ вел. кн. Александра Ѳеодоровна, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести слова. Государь продолжалъ: „Кажется, вы удивлены; такъ, знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю“. Послѣ этого, кромѣ неопредѣленныхъ намековъ, которые дѣлались, по словамъ Николая Павловича, „про сей предметъ, объ ономъ болѣе не распространялись, а мы

всячески старались избѣгать онаго". Въ результатѣ такой таинственности и произошло то, что при вѣсти о смерти Александра Николай Павловичъ поспѣшилъ самъ присягнуть и привести учрежденія и войска къ присягѣ Константину, считая это своимъ гражданскимъ долгомъ. „Николай, что ты сдѣлалъ?—воскликнула императрица-мать, узнавъ о присягѣ. — Развѣ ты не знаешь, что существуетъ актъ, по которому ты назначенъ наслѣдникомъ престола?"—„Если такой актъ существуетъ,—то онъ мнѣ неизвѣстенъ, и никто о немъ не знаетъ; но мы всѣ знаемъ, что нашъ монархъ, нашъ законный государь, послѣ императора Александра, есть мой братъ Константинъ: мы исполнили только нашу обязанность: пусть будетъ, что будетъ".

Какъ бы ни оцѣнивать поступокъ Николая Павловича, но онъ былъ такъ рѣшителенъ, что не далъ возможности Сѣверному тайному Обществу, застигнутому врасплохъ, приступить къ какому-либо дѣйствію: съ точки зрѣнія основныхъ законовъ Николай поступилъ вполнѣ лойяльно, такъ какъ учрежденіямъ и обществу не былъ извѣстенъ манифестъ Александра о престолонаслѣдіи. Кн. Оболенскій разсказываетъ о настроеніи общества въ эти минуты: „Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйствія Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а, можетъ-быть, навсегда отдалилось осуществленіе мечты нашей жизни. На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ вел. кн. Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе, и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ",—надежда тѣмъ болѣе соблазнительная, что дальнѣйшее поведеніе Николая и Константина какъ бы нарочно вовлекало умы въ смущеніе. Вмѣсто того, чтобы признать фактъ совершившимся или личнымъ появленіемъ въ столицѣ заявить о своемъ отреченіи, Константинъ вступилъ въ безконечную переписку съ Николаемъ, въ которой они изливались въ своихъ чувствахъ, восторженно говорили о выполненіи своего долга, призывали другъ друга уступить въ великодушіи. Константинъ даже грозилъ удалиться за границу, если Николай не выполнитъ завѣщанія Александра I.

Гр. Д. Н. Блудовъ.

Волей-неволей пришлось приводить общество вторично къ присягѣ и заднимъ числомъ отъ лица вступившаго на престолъ Николая объявлять объ отреченіи Константина Павловича. На собраніяхъ тайнаго Общества, которыми всецѣло руководилъ теперь Рылѣевъ, было постановлено возмутить войска, при вторичной присягѣ во имя поддержанія правъ будто бы законнаго государя, Константина, узурпированныхъ его братомъ, и въ случаѣ удачи „провозгласить престолъ упраздненнымъ и предоставить членамъ временное правленіе“. Началась усиленная агитація среди войска. По словамъ Н. Бестужева, члены Общества „работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій Общества... Рылѣевъ, мой братъ Александръ и я рѣшились идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты, нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ“. Несмотря на энергичную агитацію, на собраніяхъ заговорщиковъ обнаружилась неувѣренность въ дѣлѣ. По словамъ барона Розена, „еще не знали хорошенько, сколькими батальонами или ротами, или какими полками будутъ располагать. Во всякомъ случаѣ рѣшили воспользоваться смущеніемъ, которое произведетъ между солдатами новая присяга. Предполагалось занять Зимній дворецъ... правленіе банка, почтамтъ. Въ случаѣ недостаточности войска и неудачи предпріятія, предполагалось отступить въ Новгородскія военныя поселенія, гдѣ можно было держаться. Но ни одна мѣра не была опредѣлена съ точностью... Но всѣ участвующіе готовы были дѣйствовать“. „Въ разговорахъ нашихъ,—говоритъ другой участникъ этихъ совѣщаній,—сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно... Рылѣевъ всегда говорилъ: „предвижу, не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: *дерзай!*“

Не менѣе опредѣленно было и положеніе правительства. Генералъ-губ. Петербурга, гр. Милорадовичъ, докладывалъ Николаю, что въ столицѣ все обстоитъ благополучно, а между тѣмъ изъ пакета, адресованнаго Александру, Николай узналъ о заговорѣ въ южной арміи, а отъ молодого офицера Я. И. Ростовцева, впослѣдствіи предсѣдателя „Редакціонныхъ Комиссій“, о заговорѣ въ столицѣ. Ростовцевъ, личный другъ декабриста Оболенскаго, удерживалъ послѣдняго отъ революціонныхъ замысловъ и предупреждалъ даже, что выдастъ заговоръ Николаю. Въ доносѣ своемъ Ростовцевъ не руководился личною цѣлью, а основывался на долгѣ, при чемъ не выдалъ именъ заговорщиковъ, а посовѣтовалъ Николаю вызвать Константина въ

Петербургъ, чтобы онъ „всенародно на площади провозгласилъ“ Николая. Послѣ этого Ростовцевъ сообщилъ Оболенскому о своемъ доносѣ и предложилъ, если онъ найдетъ нужнымъ, отомстить ему сейчасъ же. Бывшій при этомъ Рылѣевъ бросился Ростовцеву на шею, говоря: „Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Какое ты самъ имѣлъ право быть съ нимъ откровеннымъ? Ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка!“ (Шильдеръ). Несмотря на все это, и заговорщики, и Николай рѣшительно приступили каждый къ исполненію своего дѣла, въ полномъ сознаніи предстоявшей имъ опасности. Во время принятія присяги Николаю Павловичу возсталъ почти цѣликомъ Московскій полкъ, который и былъ приведенъ братьями Бестужевыми на Сенатскую площадь. М. Бестужевъ и Кюхельбекеръ привели къ нимъ батальонъ гвардейскаго экипажа; вскорѣ прибѣжали лейбъ-гренадеры, которые свободно могли бы занять Зимній дворецъ, куда они нечаянно зашли. Больше того, въ ихъ рукахъ могъ очутиться самъ Николай I, съ которымъ они встрѣтились по дорогѣ, при чемъ императоръ спросилъ ихъ: „Куда? Если за меня, то поворачивайте направо, а если противъ, то ступайте налѣво!“ Кто-то скомандовалъ: „Налѣво!“ и лейбъ-гренадеры побѣжали на Исакіевскую площадь. Возставшихъ было всего около 2 тыс. человѣкъ.

По словамъ Розена, „при сосредоточеніи команды и съ помощью массы собравшагося народа, готоваго къ содѣйствію, благопріятный исходъ кампаніи былъ возможенъ, тѣмъ болѣе, что противная партія колебалась, и многіе полки, собравшіеся около императора, готовились присоединиться къ мятежникамъ. Но возставшіе положительно не имѣли предводителя, и солдаты должны были стоять безъ дѣйствія... Избраннаго диктатора, кн. Трубецкого, нельзя было найти. Назначенный ему помощникъ также не былъ на мѣстѣ, хотя и былъ на площади. Полковникъ Булатовъ отказался, Бестужевъ I (тоже)... отказался потому, что былъ флотскимъ капитаномъ и не зналъ пѣхотной службы. Наконецъ, обратились къ кн. Оболенскому, который не былъ тактикомъ, но солдаты его знали и любили. Господствовала совершенная анархія: всѣ командовали и кричали въ безпорядкѣ“. Рылѣевъ въ одеждѣ простолюдина разыскивалъ „диктатора“ и старался привести на площадь подкрѣпленія. Между тѣмъ Николай I стянулъ большое количество войска противъ мятежниковъ. Уговаривать послѣднихъ подъѣхалъ было Милорадовичъ, но, сраженный пулей Каховскаго, палъ. Послали митрополитовъ въ полномъ облаченіи. Изъ рядовъ мятежниковъ послышались голоса: „Гдѣ Константинъ?“—„Въ Варшавѣ“, отвѣчалъ митр. Серафимъ. „Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ двумъ императорамъ присягнулъ? Ты измѣнникъ; ты — дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ — подите прочь“... Только съ наступленіемъ сумерекъ Николай рѣшилъ прибѣгнуть къ картечи,

которой возставшіе были разсѣяны. По словамъ очевидца, „когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ, выстрѣлы попадали и въ скопившуюся вокругъ нихъ толпу. Началась паника и... давка“. Разсказывали, что „Нева, набережная, улицы были покрыты трупами“, которые полиція ночью бросала въ прорубь „со многими ранеными“... Такъ кончилось возстаніе въ Петербургѣ.

Не большій успѣхъ имѣло выступленіе Южнаго Общества. По доносамъ, которые были сдѣланы еще при Александрѣ I, Пестель былъ арестованъ 13 декабря 1825 г.; лишенное вождя Южное Общество бездѣйствовало, и только вѣсти о возстаніи въ Петербургѣ и приказъ арестовать Сергѣя Муравьева-Апостола побудили южанъ выступить подъ Бѣлой Церковью, опираясь только на силу одного Черниговскаго полка. Картечь оставшихся вѣрными войскъ и здѣсь сдѣлала свое дѣло.

Императору Николаю I оставалось только ликвидировать подавленное возстаніе. Было привлечено по обвиненію въ возстаніи 121 человѣкъ. По дѣлу былъ назначенъ Слѣдственный комитетъ, который работалъ подъ наблюденіемъ и при ближайшемъ участіи самого императора. Біографъ Каховскаго, П. Е. Щеголевъ, отдаетъ справедливую дань дѣятельности императора въ этомъ направленіи. „Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ... Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ... Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и стоявшій передъ нимъ арестованный; для третьихъ — старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ... Онъ сумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечтанія и облагодѣтельствуетъ Россію... Вооруженное возстаніе оказалось ненужнымъ и гибельнымъ. Нужно — это было такъ очевидно — предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ... Только такая психологія объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній, оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ“.

У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста привести выдержки изъ писемъ декабристовъ къ Николаю I изъ крѣпости. Не знаешь, чему болѣе удивляться,

Бухарестскій конгрессъ 1831 г.

Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Photography

смѣлости ли мысли и пожеланій, выражаемыхъ въ этихъ письмахъ, или тому непонятному довѣрію, съ которымъ относятся эти благородные люди къ своимъ слѣдователямъ, и это тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ навѣрное знаютъ, что ихъ „участь рѣшена“, не разсчитываютъ на снисхожденіе.

Верховный уголовный судъ вынесъ суровый приговоръ декабристамъ. Пять человѣкъ (Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, М. Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій) были присуждены къ четвертованію, 31 къ смертной казни черезъ обезглавленіе, а остальныхъ въ каторжныя работы, ссылку на поселеніе и къ другимъ наказаніямъ, смотря по ихъ винѣ. Суровость этого приговора была смягчена императоромъ, замѣнившимъ четвертованіе пяти названныхъ лицъ смертною казнью черезъ повѣшеніе, а осужденныхъ къ обезглавленію—на каторгу; смягчены нѣкоторымъ и слѣдовавшія категоріи наказаній.

Дѣло декабристовъ не удалось по многимъ сложнымъ причинамъ. Сюда относятся и недозрѣлость заговора, отсутствіе единства и согласія въ дѣйствіяхъ Южнаго и Сѣвернаго Обществъ, застигнутыхъ врасплохъ неожиданными событіями, недостаточная подготовка солдатъ, которыхъ къ тому же пришлось вести во имя фиктивныхъ лозунговъ, наконецъ, неудачный выборъ вождя и цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ случайностей психологическаго свойства. Трогательно въ этой неудачѣ то, что вожди выступленія сами не надѣялись на успѣхъ. „Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Тѣмъ не менѣе, мы видѣли необходимость дѣйствовать: чувствовали надобность пробудить Россію“. Въ этихъ словахъ Н. Бестужева—вѣрная самооцѣнка дѣла декабристовъ: дѣло ихъ жизни стало историческимъ завѣтомъ для слѣдовавшихъ за ними поколѣній

В. Уланов.

Гр. Д. Н. Блудовъ.

Императоръ Николай I.

(Опытъ характеристики).

Личность императора Николая I, какъ государя и какъ человѣка, едва ли возможно очертить въ настоящее время съ исчерпывающей полнотой и ясностью, хотя прошло уже болѣе полувѣка со дня его кончины. Еще при жизни личность его вызывала среди современниковъ два совершенно противоположныхъ отношенія. Многіе изъ придворныхъ дѣятелей, имѣвшіе личное общеніе съ Николаемъ Павловичемъ, а въ особенности тѣ, которымъ удавалось наблюдать его въ интимномъ семейномъ кругу, восхищались имъ и боготворили его; пишущему эти строки самому приходилось слышать отъ лица, имѣвшаго доступъ въ семейный кругъ императора Николая, отзывъ о немъ, исполненный восторга и благоговѣнія. Наоборотъ, представители передовыхъ и независимыхъ круговъ русскаго общества, нерѣдко на себѣ испытывавшіе тяжесть реакціонной политики Николаевскаго времени, склонны были усматривать въ личности самого государя источникъ реакціи и гнета. Ненависть къ Николаю I, естественно вытекавшая изъ такого отношенія,

нашла себѣ самое, быть-можетъ, яркое отраженіе въ произведеніяхъ Герцена. Безпристрастіе и хладнокровное отношеніе, необходимыя для оцѣнки дѣятельности и личности Николая Павловича, не наступили и до сихъ поръ.

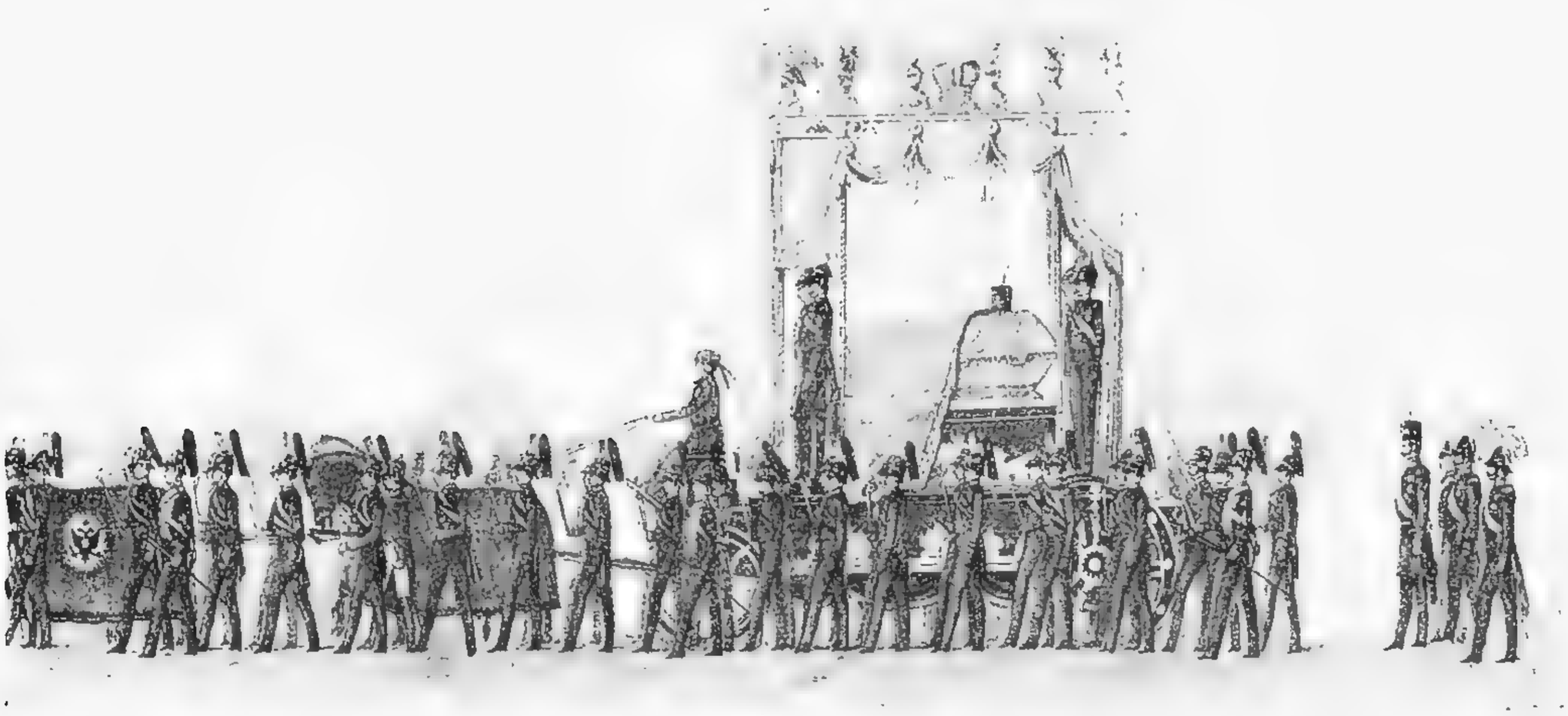
Но не одна эта причина мѣшаетъ дать всестороннюю характеристику личности Николая I: чтобы сдѣлать это, надо располагать такой полнотой источниковъ, о какой пока не приходится и мечтать. Каждый годъ приноситъ новые и новые матеріалы для изученія Николаевской эпохи. Но и теперь существуютъ и еще долго, надо думать, будутъ существовать такія хранилища документовъ, доступъ къ которымъ будетъ открытъ далеко не всѣмъ, а между тѣмъ именно въ нихъ можно было бы найти нити для полнаго освѣщенія и личности, и дѣятельности императора Николая. Сказанное сейчасъ лучше всего пояснить примѣромъ. Очень недавно, въ истекшемъ году, великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ была издана новая работа, посвященная личности императора Александра I. Работа эта, подкрѣпленная приложенными къ ней документами, преимущественно почерпнутыми изъ рукописнаго отдѣла собственной Его Величества библіотеки, существенно измѣнила наше представленіе о такихъ важныхъ вопросахъ въ жизни императора Александра, какъ его отношеніе къ участникамъ заговора противъ его отца, его связь съ мистиками и, наконецъ, его дѣйствительные взгляды на военныя поселенія и въ связи съ этимъ его настоящія отношенія къ исполнителю его воли, Аракчееву. Думается, что для жизни и царствованія Николая Павловича будущее сулитъ еще больше подобныхъ открытій. Изложеннаго по нашему мнѣнію достаточно, чтобы убѣдиться, что въ настоящее время характеристика императора Николая I можетъ быть только эскизной.

Императоръ Николай I. (Акад. Худ.)

Опытъ подобной характеристики читатель найдетъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Николай Павловичъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію сыновей императора Павла; онъ родился за четыре мѣсяца до смерти Екатерины II; ему не было пяти лѣтъ, когда умеръ его отецъ; такимъ образомъ, ему не пришлось извѣдать двойственнаго положенія между отцомъ и бабкой, которымъ такъ долго томились старшіе его братья, не пришлось испытать и мукъ Павловскаго царствованія, о которыхъ съ такой неподдѣльной искренностью писала Елизавета Алексѣевна своей матери. Воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей вѣдала ихъ мать; старшій братъ, императоръ Александръ, почти въ него не вмѣшивался. Воспитывали ихъ такъ, какъ почти всегда воспитывали младшихъ представителей владѣтельныхъ домовъ, т.-е. для военнаго дѣла, вслѣдствіе чего непосредственный надзоръ за молодыми великими князьями еще самимъ Павломъ Петровичемъ былъ ввѣренъ директору сухопутнаго кадетскаго корпуса генералу Ламздорфу. Сѣмя военнаго воспитанія упало на добрую почву, и уже въ первые годы столѣтія, „вопреки стараніямъ, которыя прилагались по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобы предохранить великаго князя Николая Павловича отъ увлеченія военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась въ немъ съ неодолимой силой“. Отъ военныхъ игръ и оловянныхъ солдатиковъ, которыми молодой великій князь игралъ въ каждую свободную минуту, онъ перешелъ къ игрѣ въ живыхъ солдатъ, столь развитой при тогдашнемъ господствѣ парадоманіи, которой въ одинаковой степени были подвержены и Павелъ, и во многомъ противоположный ему Александръ I. Участіе Николая Павловича въ заграничныхъ походахъ 1814 и 1815 годовъ, во время которыхъ онъ не видѣлъ ни одного военнаго дѣйствія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но зато принялъ участіе во множествѣ смотровъ въ Парижѣ и во всѣхъ государствахъ Германіи, внесло свою лепту въ общій складъ военнаго образованія и вкусовъ великаго князя. Фронтовое ученіе, муштра, военная выправка по всѣмъ требованіямъ мирнаго времени стали главнымъ предметомъ его занятій и заботъ въ качествѣ генералъ-инспектора инженерныхъ войскъ, командира гвардейской бригады и начальника гвардейской дивизіи. Военные вкусы Николая Павловича ярко сказались въ его позднѣйшей перепискѣ съ братомъ Константиномъ. Почти въ каждомъ письмѣ обоихъ корреспондентовъ отводится видное мѣсто разсужденіямъ о покроѣ мундировъ, пригонкѣ амуниціи, точномъ размѣрѣ предметовъ вооруженія и снаряженія, сообщается о произведенныхъ смотрахъ, о солдатской выправкѣ, и нѣтъ ни слова о настоящемъ военномъ искусствѣ. Природныя наклонности, примѣръ старшихъ братьевъ и система воспитанія сдѣлали изъ Николая не полководца, а командира-фронтовика, которыми такъ богата была русская армія въ первую половину XIX вѣка.

Нравственный обликъ Николая Павловича начинаетъ вырисовываться довольно рано, но черты, подмѣченныя современниками, не привлекаютъ большихъ симпатій къ молодому великому князю. Вотъ какія свѣдѣнія о его раннихъ годахъ сообщаетъ одинъ изъ самыхъ расположенныхъ къ нему историковъ: „Обыкновенно всегда серіозный, необщительный и задумчивый Николай Павловичъ точно перерождался во время игръ. Дремавшіе въ немъ дурные задатки проявлялись тогда съ неудержимою силою“. Въ журналахъ состоявшихъ при младшихъ великихъ князьяхъ кавалеровъ съ 1802 по 1809 годъ постоянно встрѣчаются жалобы на то, что во всѣ свои движенія онъ вноситъ слишкомъ много несдержанности, что въ своихъ играхъ онъ почти постоянно кончаетъ тѣмъ, что причиняетъ боль себѣ и другимъ. „Вспыльчивость и строптивость Николая Павловича проявлялись обыкно-



Погребеніе императора Николая I.

венно въ случаяхъ, когда что-нибудь или кто-нибудь его сердили; что бы съ нимъ ни случалось, падалъ ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными, а себя обиженнымъ, онъ тотчасъ же произносилъ бранныя слова, рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ своихъ, несмотря на то, что очень любилъ ихъ“. Не разъ отмѣчался и рѣзкій тонъ, которымъ ребенокъ высказывалъ свои сужденія не только о предметахъ своихъ дѣтскихъ интересовъ, но даже о политическихъ дѣлахъ. Въ журналѣ 1805 года отмѣчаются и другіе недостатки великаго князя—„постоянная наклонность сознаваться въ своихъ ошибкахъ лишь тогда, когда онъ бываетъ принужденъ къ этому силою“; отмѣчали также, что онъ „охотно принимаетъ тонъ самодовольства, когда все идетъ хорошо и когда онъ воображаетъ, что ни

въ комъ не нуждается болѣе“, несмотря на то что онъ „вовсе не отличался воинственнымъ духомъ и во многихъ случаяхъ обнаруживалъ робость и даже трусость“.

Отрицательныя черты характера Николая Павловича, отмѣченныя въ дѣтствѣ, далеко не изгладились и позднѣе, когда молодымъ человѣкомъ онъ послѣдовательно командовалъ частями гвардейскаго корпуса. Въ 1821 году его недолгое командованіе первой гвардейской дивизіей „ознаменовалось было непріятной исторіей съ офицерами лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, вызванною требовательностью и рѣзкостью выговоровъ со стороны великаго князя“. Еще ранѣе, командуя гвардейскимъ сапернымъ батальономъ, великій князь, по свидѣтельству служившихъ тамъ офицеровъ, „до крайности строго взыскивалъ не только за промахи въ работахъ, но и за фронтовымъ ученіемъ и за продѣлываніемъ ружейныхъ пріемовъ“. „Онъ былъ не сообщителенъ и холоденъ,—пишетъ Вигель,—весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ“. Неоцѣнимыя по своей яркости, живости и искренности письма императрицы Елизаветы Алексѣевны подтверждаютъ только что приведенныя черты характеристики Николая Павловича въ первые годы, когда онъ сталъ играть замѣтную роль среди членовъ императорской семьи. Не разъ говоритъ она о невоспитанности Николая Павловича, о томъ, что „грубость онъ считаетъ признакомъ и проявленіемъ независимости“; она идетъ даже дальше всѣхъ остальныхъ свидѣтелей юности Николая и прямо называетъ его „надменнымъ и неискреннимъ“ человѣкомъ.

Великій князь Николай не былъ по рожденію своему предназначенъ для того, чтобы занять русскій престолъ, но обстановка, въ которой онъ росъ, должна была рано заронить въ немъ мысль о близости его къ трону. „Меня будутъ звать Николаемъ первымъ“, сказалъ онъ, говорятъ, своему отцу въ послѣдній день жизни послѣдняго. Бездѣтность обоихъ старшихъ братьевъ еще задолго до отреченія Константина Павловича должна была обратить вниманіе царской семьи на третьяго сына императора Павла. Быть-можетъ, этимъ обстоятельствомъ объясняется, что Николаю Павловичу постарались дать хорошее образованіе; его во всякомъ случаѣ учили и дольше, и лучше его старшихъ братьевъ. Еще въ 1810 году императрица Марія Ѳеодоровна говорила, что „она видитъ, что престолъ все-таки со временемъ перейдетъ къ великому князю Николаю, и по этой причинѣ его воспитаніе особенно близко ея сердцу“. Въ то время, какъ образованіе императора Александра I оборвалось на шестнадцатомъ году жизни, Николаю первому былъ прочитанъ полный курсъ политическихъ наукъ лучшими учеными силами того времени; мало того, Николай Павловичъ былъ единственнымъ русскимъ государемъ

которому преподавались древніе языки; впрочемъ, великій князь рѣшительно предпочиталъ военныя науки гуманитарнымъ, классическую же филологію возненавидѣлъ такъ, что исключилъ ее изъ программы образованія своихъ дѣтей, а въ 1851 г. велѣлъ всѣ книги на древнихъ языкахъ, хранившіяся въ Эрмитажѣ, передать въ Публичную библіотеку, заявивъ по этому поводу директору послѣдней, что онъ „терпѣть не можетъ этой тоски“. Старанія знаменитой воспитательницы Маріи Ѳеодоровны дать своимъ младшимъ сыновьямъ основательное научное образованіе не увѣнчались успѣхомъ вслѣдствіе ею же рано замѣченной исключительной наклонности ихъ къ военному дѣлу.

Чѣмъ далѣе шли годы, тѣмъ яснѣе становилась возможность для Николая Павловича наслѣдовать престолъ. По свидѣтельству императрицы Александры Ѳеодоровны, Александръ I уже въ 1819 году говорилъ младшему брату, что онъ видитъ въ немъ своего замѣстителя. Это было завѣтнымъ желаніемъ вдовствующей императрицы, и мало-по-малу думы самого великаго князя должны были обращаться къ трону, блестѣвшему предъ нимъ вдали. По словамъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, бракъ цесаревича Константина съ княгиней Ловичъ и его отрѣшеніе отъ престола „устроили всѣхъ—Александра потому, что это способствовало счастью брата, котораго онъ всегда любилъ, императрицу-мать—потому, что это обезпечило престолъ за тѣми, кого она называла своими дѣтьми по преимуществу, Николая—потому, что престолъ былъ уже давно для него желанной и заманчивой перспективой“.

Императрица Александра Ѳеодоровна. Брюлловъ. (Музей Александра III.)

14 декабря 1825 года послѣ трехнедѣльнаго междуцарствія или двоецарствія, во время котораго Николай Павловичъ держалъ себя съ полной корректностью по отношенію къ брату, онъ вступилъ, наконецъ, на престолъ, къ которому въ теченіе долгихъ лѣтъ постепенно и неуклонно приближался. Русскимъ государемъ сдѣлался двадцатидевятилѣтній человѣкъ, цвѣтущій, отъ природы умный, но необычайно себялюбивый и самодовольный, надменный, рѣзкій, замкнутый и необщительный съ окружавшими его, не лю-

бимый подчиненными, требовательный, придирчивый и взыскательный военный начальникъ. Онъ вступилъ на престолъ предковъ съ вполнѣ опредѣленными взглядами на свой санъ и свое значеніе,—взглядами, сложившимися не только подъ вліяніемъ традицій власти русскихъ государей, но на выработку которыхъ оказали вліяніе его личный характеръ, его военные вкусы и понятіе о солдатѣ-пѣшкѣ и всемогущемъ командирѣ, а, можетъ-быть, и долгія одинокія думы о желанной, но до самаго конца не вѣрной и не обезпеченной за нимъ коронѣ. Все вмѣстѣ создало въ немъ исключительное по своей силѣ и яркости представленіе о царѣ и царской власти. Николай I—фанатическій жрецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный поэтъ неограниченной власти государя. Всѣми своими словами и дѣйствіями онъ проводилъ мысль, что государь, т.-е. онъ, несоизмѣримъ ни съ однимъ человѣкомъ въ его странѣ, что онъ или земной богъ, волѣ котораго никто не дерзаетъ перечить, или, по крайней мѣрѣ, полновластный командиръ воинской части, связанной безотвѣтной дисциплиной. Проникнувъ насколько возможно въ его внутренній міръ, далекій наблюдатель выноситъ убѣжденіе, что онъ искренно вѣрилъ въ тотъ кумиръ, который самъ себѣ создалъ. Самодовленіе и поклоненіе себѣ, какъ земному богу, было основною чертою императора Николая I, какъ правителя. Эта черта покрывала всѣ другія; она возвышала его до дѣйствительно величественныхъ моментовъ, какимъ было, напримѣръ, его появленіе на Сѣнной площади во время холернаго бунта 1831 года, и доставляла ему много поклонниковъ, въ особенности среди людей съ неособенно развитой волей, а къ такимъ надо причислить большинство тогдашняго русскаго общества; но та же черта доводила его и до границъ смѣшного, до особеннаго благоволенія къ тѣмъ, кто обнаруживалъ боязнь предъ нимъ, до самодовольнаго сознанія, что онъ можетъ играть въ запрещенную его подданнымъ карточную игру, потому что онъ „самъ козырь“.

Приведенная сейчасъ основная черта императора Николая сказывалась въ его политикѣ внѣшней и внутренней; она сказывалась и въ его отношеніи къ подданнымъ. По свойству своей натуры Николай не терпѣлъ разномыслія, противорѣчія, а тѣмъ болѣе противодѣйствія. Естественно поэтому, что всякій протестъ противъ его власти вызывалъ въ немъ гнѣвъ и стремленіе подавить и уничтожить его. Борьба съ революціонными силами подсказывалась также традиціями семьи и предыдущаго царствованія, и поэтому борьба съ революціей дома и въ Европѣ сдѣлалась главнымъ содержаніемъ его внутренней и внѣшней политики. Вѣрный Меттерниховскому правилу помогать тушить пожаръ у сосѣда, онъ дѣлается душою всякой международной реакціонной мѣры, собирается къ ужасу даже короля Прусскаго вернуть Францію подъ скипетръ изгнанныхъ Бурбоновъ, а Бельгію — голландскому королю, предпринимаетъ венгерскій походъ, чтобы укрѣпить пошатнувшійся тронъ Габсбурговъ, не замѣчая и не желая замѣ-

чать, какъ европейское общественное мнѣніе становится единодушно враждебнымъ Россіи. Ослѣпленный своимъ мнимымъ всемогуществомъ, покопившимся на смотрахъ и муштрѣ, Николай спокойно разговариваетъ о „больномъ человѣкѣ“ съ англійскимъ посломъ, не подозрѣвая даже, что самъ своими руками готовитъ бѣду для Россіи. „Внѣшніе враги намъ не опасны; всѣ мѣры приняты, и на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевленныя чувствомъ преданности къ престолу и отечеству, готовы съ восторгомъ встрѣтить мечомъ нарушителей спокойствія“. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ императоромъ Петербургскимъ дворянамъ въ 1848 году, сказалась вся слѣпая вѣра его въ себя, неудержимо влекшая его на встрѣчу Севастополю.

Императоръ былъ умный человѣкъ; онъ зналъ многія изъ золъ и бѣдствій, отъ которыхъ страдала Россія, но ослѣпленіе своимъ величіемъ и могуществомъ и здѣсь толкнуло его на ложный путь. Смотря на себя, какъ на всемогущаго властелина, какъ на командира всероссійскаго армейскаго корпуса, Николай I полагалъ, что живая воля можетъ исходить только отъ него одного; всѣ остальные люди и учрежденія призваны только повиноваться этой волѣ. Отсюда стремленіе подбирать себѣ безличныхъ и безотвѣтныхъ сотрудниковъ: вѣдь за немногими исключеніями, въ родѣ Киселева, Уварова, Канкрина, всѣ министры Николаевскаго царствованія были ничѣмъ инымъ, какъ лишенными всякой инициативы манекенами, придворными льстецами, подлаживавшимися подъ вкусы повелителя, или военными, въ которыхъ чувство дисциплины вытѣснило всѣ остальныя. Не довѣряя существовавшимъ въ имперіи учрежденіямъ, но желая дѣйствовать вездѣ самъ, императоръ создалъ сверхъ-учрежденіе въ видѣ безобразно разросшейся своей канцеляріи, одно отдѣленіе которой замѣнило Государственный совѣтъ, другое было полиціей надъ полиціей и надъ всей страной, а еще одно представляло императорскій штабъ по крестьянской части. Николай Павловичъ былъ, можетъ-быть, искренно убѣжденъ въ томъ, что избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ, но, тѣмъ не менѣе, свой штабъ по крестьянской части онъ самъ преобразовалъ въ сходное съ другими министерство, кодификаціонное отдѣленіе уничтожили его преемники, а о результатахъ дѣятельности пресловутаго Третьяго отдѣленія говорить, думается, нѣтъ нужды. „Ясно, что тамъ, гдѣ болѣе не повелѣваютъ, а позволяютъ разсуждать вмѣсто повиновенія — тамъ дисциплины болѣе не су-

Императрица Александра Ѳеодоровна.

ществуетъ". Эти слова Николая относятся къ революціонному Берлину 1848 года, но отождествленіе слѣпого повиновенія съ дисциплиной и требованіе такого повиновенія отъ всѣхъ подданныхъ безъ изъятія лежали въ основѣ отношенія государя и къ его народу. Протестъ усматривался во всемъ,—въ мелкомъ отступленіи отъ военной формы, въ ношеніи усовъ не военнымъ человѣкомъ, въ стихахъ, обходившихъ общество въ рукописяхъ. Взгляды императора, искусно эксплуатируемые разными Бенкендорфами, Дубельтами и иными искренно или неискренно раздѣлявшими его взгляды людьми, и создавали тотъ гнетъ, который сковывалъ и губилъ лучшія силы русскаго духа и мысли и оставилъ донынѣ не изгладившееся тяжелое воспоминаніе, связанное съ Николаевской эпохой. Я уже не говорю о дѣйствительныхъ попыткахъ активнаго протеста, въ родѣ мятежа 14 декабря: „mes amis du quatorze", какъ любилъ называть императоръ декабристовъ, испытали всю тяжесть наказанія за то величайшее нарушеніе дисциплины, которое они себѣ позволили.

Слѣпая увѣренность въ себѣ и отрицаніе какой бы то ни было критики своихъ дѣйствій остаются основной чертой личности императора Николая до послѣдняго дня его жизни, и горько, вѣроятно, было его душѣ, когда ему пришлось признать на смертномъ одрѣ, что онъ „сдаетъ команду не въ полномъ порядкѣ". Были, однако, и нѣкоторыя другія черты, отмѣченныя намп въ его юности, которыя давали себя чувствовать во все его тридцатилѣтнее царствованіе. Съ дѣтства онъ былъ угрюмъ, не особенно храбръ, жестокъ, неискрененъ и не забывалъ обидъ. Легенды о рыцарскомъ великодушіи Николая I, пущенныя въ ходъ его современниками и сотрудниками, ослѣпленными его самоувѣреннымъ величіемъ, безропотно ему повиновавшимися и искавшими его милостей, должны быть безвозвратно оставлены. Императоръ самъ любилъ говорить о своемъ великодушіи, когда цѣловалъ Полежаева, отдавая его въ солдаты, когда требовалъ чистосердечнаго раскаянія у декабристовъ или безусловной покорности у возставшихъ поляковъ; но вѣдь мы хорошо знаемъ, какъ выразилось это великодушіе Николая и къ Полежаеву, и къ декабристамъ, и къ полякамъ. Николай отъ всѣхъ требовалъ одного только подчиненія, жаловалъ только тѣхъ, кто былъ ему покоренъ, и безпощадно каралъ всѣхъ, кто ему не повиновался, кто нарушалъ общую для всѣхъ подданныхъ дисциплину. Онъ дѣйствительно положилъ ту феноменальную резолюцію на дѣлѣ о двухъ евреяхъ, перешедшихъ карантинную линію на рѣкѣ Прутѣ и за то по дѣйствовавшимъ законамъ подлежавшихъ смертной казни: „Виновныхъ прогнать сквозь тысячу человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало, и не мнѣ ее вводить"...

Въ раннемъ дѣтствѣ Николай I обнаружилъ засвидѣтельствованную его воспитателями робость; отъ этого чувства онъ не избавился, несмотря на

всю свою вѣру въ себя; онъ иногда неожиданно отступалъ въ международныхъ вопросахъ тамъ, гдѣ встрѣчалъ противъ себя дѣйствительно независимую силу; опасаясь дворянства въ его цѣломъ, онъ не сдѣлалъ почти ничего для владѣльческихъ крестьянъ, несмотря на свое дѣйствительное желаніе улучшить положеніе крестьянъ вообще,—желаніе, которое онъ доказалъ своей постоянной поддержкой дѣятельности Киселева. Прежніе историки, до Шильдера включительно, любили объяснять многія отрицательныя черты императора Николая I тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ декабрьскій мятежъ, разыгравшійся въ самый день его воцаренія; я думаю, что простое сравненіе его поступковъ послѣ 1825 года съ драгоцѣнными свидѣтельствами его воспитателей и императрицы Елисаветы должно разъ навсегда покончить и съ этой легендой.

Императоръ Александръ I.
(Воронцовская галлерея).

Была только одна тѣсная и замкнутая сфера, въ которой суровый и надменный властитель смягчался и снималъ со своей души мундиръ, въ который она была всегда затянута: это была его семья и среда дѣтей — кадетовъ. Многочисленныя свидѣтельства, въ истинности которыхъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, единогласно говорятъ объ обворожительной простотѣ и добротѣ, которую проявлялъ императоръ въ кругу семьи и очень немногихъ людей, запросто принимаемыхъ въ царскомъ семействѣ, или же въ средѣ кадетской дѣтворы, и тѣ немногіе, которые видѣли государя въ эти рѣдкія и счастливыя минуты, думали, что они одни знали настоящаго Николая Павловича, становились его беззавѣтными поклонниками, и они-то больше всѣхъ и постарались передать потомству восторженные отзывы о его личности.

Почти 30 лѣтъ командовалъ онъ Россіей, какъ командовалъ бы арміей или корпусомъ, взыскивая съ подданныхъ, какъ взыскивали съ солдатъ современные ему придирчивые и суровые командиры, а въ рѣдкія минуты превращаясь въ обворожительнаго и доступнаго человѣка. Его отнюдь

нельзя назвать сознательно злымъ человѣкомъ, не думавшимъ о своей странѣ; напротивъ, онъ любилъ Россію по-своему, тяжелой любовью, которую она долго не могла забыть; по-своему онъ желалъ ей блага, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда его личные взгляды не служили задержкой въ развитіи нашей страны, онъ могъ способствовать этому развитію. Его реформа быта государственныхъ крестьянъ, проведенная при помощи лучшаго изъ его сподвижниковъ Киселева, краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуетъ.

Мы не имѣемъ пока ключа къ разгадкѣ отмѣченной сейчасъ двойственности облика императора Николая I, но невольно думается, не была ли подобная двойственность общимъ органическимъ свойствомъ двухъ наиболѣе одаренныхъ сыновей императора Павла, послѣдовательно занимавшихъ русскій престолъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Ю. Готье.

Перечень иллюстрацій V тома.

А) На отдѣльныхъ листахъ.

а) Геліогравюры:

		Стр.
1.	Императрица Екатерина II, Левицкаго.	16
2.	Императоръ Павелъ I, Щукина.	32
3.	Великій князь Александръ Павловичъ, Левицкаго	80
4.	Императоръ Александръ I.	112
5.	Императрица Елизавета Алексѣевна, Пэншона.	128
6.	Великій князь Александръ Павловичъ.	144
7.	Императрица Елизавета Алексѣевна.	176
8.	Императоръ Николай I	272

б) Цвѣтныя и дуплексъ:

1.	Императрица Екатерина II, Рокотова.	8
2.	Императрица Марія Ѳеодоровна.	24
3.	Прерванное свиданіе, Неврева.	48
4.	Великій князь Александръ Павловичъ, Миропольскаго	56
5.	Гр. И. А. Каподистріа.	120
6.	Императрица Елизавета Алексѣевна.	136
7.	Благословеніе на ополченіе 1812 г., Лучининова.	152
8.	Видъ въ Кремлѣ въ началѣ XIX в.	160
9.	Коломенскій дворецъ въ XVIII в.	168
10.	Царицынскій дворецъ въ XVIII в.	192
11.	Башня Симонова монастыря.	208
12.	Императоръ Александръ I.	224
13.	Императоръ Константинъ Павловичъ	240
14.	Императоръ Александръ I.	256

в) Черныя:

1.	Суворовъ.	40
2.	Императоръ Павелъ I.	64
3.	„ „ „	72
4.	Прибытіе въ Вѣну В. К. Павла Петровича съ супругой (гр. Сѣверныхъ).	88
5.	Торжественное перенесеніе Тихвинской иконы.	104
6.	Гр. М. М. Сперанскій.	184
7.	Пожаръ Москвы	200
8.	Изъ войны 1814 г.	216
9.	Гулянье подъ Новинскимъ.	232
10.	Наводненіе 1824 г. въ Петербургѣ.	248
11.	Императоръ Николай I и кн. Лобановъ-Ростовскій.	264
12.	Бухарестскій конгрессъ 1831 г.	280

Б) Въ текстѣ.

	Стр.
1. Емельянъ Пугачевъ.	1
2. И. И. Михельсонъ.	2
3. Емельянъ Пугачевъ.	3
4. „ „	4
5. Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій. .	5
6. Старинное казацкое знамя. . .	7
7. А. В. Суворовъ.	8
8. Маска Суворова.	9
9. Кн. Г. А. Потемкинъ	11
10. Гр. Г. Г. Орловъ.	12
11. Гр. П. И. Панинъ.	13
12. Гр. П. А. Румянцевъ	15
13. „ „ „ „	17
14. Гр. П. В. Завадовскій.	18
15. И. А. Ковылинъ.	23
16. Андрей Денисовъ.	27
17. Даніилъ Викуловъ.	29
18. Рогожскій обелискъ.	35
19. Арсеній Маціевичъ.	36
20. Н. И. Новиковъ.	38
21. Д. И. Фонвизинъ.	39
22. А. Н. Радищевъ.	40
23. Я. Б. Княжнинъ.	41
24. Кн. А. А. Прозоровскій. . . .	42
25. С. И. Шешковскій.	43
26. М. М. Херасковъ.	—
27. В. В. Капнистъ.	44
28. Г. Р. Державинъ.	45
29. М. М. Херасковъ.	46
30. Императрица Екатерина II. . .	49
31. Кн. А. А. Безбородко.	51
32. Кн. В. М. Долгорукій-Крымскій.	53
33. Гр. И. Е. Ферзенъ	55
34. С. Г. Зоричъ.	56
35. Кн. П. А. Зубовъ.	57
36. С. А. Понятовскій.	59
37. А. Д. Ланской.	60
38. Герцогъ А. Э. Ришелье	61
39. Императоръ Іосифъ II.	63
40. П. Д. Еропкинъ.	65
41. Кн. П. А. Зубовъ.	—
42. И. И. Мелиссино.	67
43. Гр. Ѳ. Е. Ангальтъ.	68
44. Гр. В. В. Ферморъ	69
45. Императоръ Павелъ I.	71
46. Императоръ Павелъ I	73
47. Екатерина II, Павелъ I и Александръ Павловичъ.	78
48. Гр. Н. И. Панинъ.	79
49. Е. И. Нелидова.	81
50. Великій Князь Александръ Павловичъ.	83
51. Видъ Гатчины.	85
52. Великая княгиня Наталья Алексѣевна.	87
53. Памятникъ Павлу I.	89
54. Гр. П. А. Паленъ.	97
55. Павелъ I.	99
56. Торжество на Сенатской площади.	103
57. Императоръ Петръ III.	104
58. Великая княгиня Наталья Алексѣевна.	107
59. Е. И. Нелидова.	109
60. Видъ Павловска.	111
61. Паркъ въ Гатчинѣ	113
62. Гр. П. А. Румянцевъ	114
63. Великій князь Александръ Павловичъ.	117
64. „ „ „ „ .	119
65. „ „ „ „ .	121
66. Великій князь Константинъ Павловичъ	123
67. Императоръ Александръ I. . .	125
68. Княжна Іоанна Ловичъ.	127
69. Баронесса Ю. Крюднеръ. . . .	129
70. Архимандритъ Фотій	131
71. „ „	133
72. Д. П. Трощинскій.	135
73. Гр. А. А. Аракчеевъ.	137
74. Г. Р. Державинъ	139
75. Кн. П. М. Волконскій.	141
76. Великій князь Константинъ Павловичъ	143
77. Кн. Ж. А. Ловичъ.	145
78. Гр. Н. С. Мордвиновъ.	146
79. Кн. А. А. Чарторыскій.	147
80. Архимандритъ Фотій	150
81. Кн. В. П. Кочубей.	151
82. Кн. А. Н. Голицынъ.	152

		Стр.
83.	А. С. Шишковъ.	153
84.	Кн. А. Н. Голицынъ.	155
85.	Гр. А. Д. Гурьевъ.	157
86.	Кн. А. Н. Голицынъ.	159
87.	Кн. П. М. Волконскій.	161
88.	А. Ѳ. Лабзинъ	165
89.	А. Д. Балашовъ.	167
90.	Гр. А. А. Аракчеевъ.	169
91.	Гр. А. П. Тормасовъ.	170
92.	Великая княгиня Екатерина Павловна.	173
93.	Императоръ Александръ I.	175
94.	„ „ „	176
95.	Императрица Елизавета Алексѣевна.	177
96.	С. И. Гамалѣя	179
97.	Гр. К. А. Поццо-ди-Борго.	181
98.	Гр. И. А. Каподистріа.	183
99.	Д. Ипсиланти.	185
100.	Маврокордато.	187
101.	Колокотрони	189
102.	А. С. Шишковъ.	193
103.	Талейранъ	197
104.	Великій князь Константинъ Павловичъ	201
105.	А. П. Ермоловъ.	205
106.	Гр. И. А. Остерманъ-Толстой	209
107.	Памятникъ гр. Платову.	217
108.	А. П. Ермоловъ.	225
109.	Гр. М. А. Милорадовичъ.	231
110.	Пораженіе Даву при Красномъ, Шебуева.	233
111.	М. И. Платовъ.	235
112.	А. И. Герценъ	237
113.	„ „ „	241
114.	А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ.	244
115.	А. С. Грибоѣдовъ.	247
116.	И. П. Тургеневъ	249
117.	П. С. Руничъ.	253
118.	Великій князь Михаилъ Павловичъ	256
119.	П. И. Пестель.	259
120.	С. И. Муравьевъ-Апостолъ.	261
121.	Кн. С. П. Трубецкой	263
122.	П. Г. Каховскій.	267
123.	К. Ѳ. Рылѣевъ.	273
124.	Гр. Д. Н. Блудовъ.	277
125.	„ „ „ „	281
126.	Императоръ Николай I.	283
127.	Погребеніе императора Николая I.	285
128.	Императрица Александра Ѳеодоровна.	287
129.	Императрица Александра Ѳеодоровна.	289
130.	Императоръ Александръ I.	292

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

	Стр.
Пугачевщина. *В. Я. Уланова*	1
Расколъ и сектантство въ XVIII в. *Н. М. Никольскаго.*	19
Писатель и книга въ эпоху Екатерины Великой. *Н. Л. Бродскаго.*	37
Внѣшняя политика Екатерины II. *В. И. Пичета*	47
Императоръ Павелъ I. (Опытъ характеристики). *К. В. Сивкова*	70
Царствованіе Павла I. *М. К. Любавскаго.*	77
Россія въ царствованіе Павла I. *Д. И. Успенскаго.*	94
Внѣшняя политика Павла I. *В. И. Пичета.*	105
Императоръ Александръ I и русскій правительственный либерализмъ начала XIX вѣка. *В. Н. Сторожева.*	115
Императоръ Александръ I и великая княгиня Екатерина Павловна. *С. К. Богоявленскаго.*	171
Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе Александра I. *Л. И. Гальберштадта.*	180
Финансы въ царствованіе Александра I. *В. И. Пичета.*	228
Идеалистическіе кружки 20 и 30-ыхъ годовъ. *Акад. А. Н. Веселовскаго.*	237
Писатель и книга въ Александровскую эпоху. *Н. Л. Бродскаго.*	248
Тайныя общества и 14 декабря 1825 г. *В. Я. Уланова.*	257
Императоръ Николай I. (Опытъ характеристики). *Ю. В. Готье*	282

Опечатки и недосмотры
въ IV томѣ.

Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 99 и 101. Гр. И. А. Остерманъ	Бар. И. А. Остерманъ.
Стр. 237. А. Г. Разумовскій.	А. К. Разумовскій.

BEAR
BITE
HOST